Карл Густав

ЮНГ

Очерки по психологии бессознательного

COGITO
CENTRE

Карл Густав ЮНГ

СОЧИНЕНИЯ

Carl Gustav

JUNG

THE COLLECTED WORKS

TWO ESSAYS ON ANALITICAL PSYCHOLOGY

PRINCETON UNIVERSITY PRESS
1989

ОЧЕРКИ ПО ПСИХОЛОГИИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Перевод с английского

Москва
2010

УДК 159.964. 2 Юнг
ББК 88
Ю 50

Перевод с английского под общей редакцией
В. В. Зеленского

Юнг К. Г.
Ю 50 Психология бессознательного / Пер. с англ. — Издание 2-е., М.: «Когито-Центр», 2010. — 352 с.

УДК 159.964. 2 Юнг
ББК 88

Работы, вошедшие в данную книгу, знаменуют поворотный пункт в истории аналитической психологии, здесь изложены основные положения, на которых зиждется большая часть поздних работ Карла Густава Юнга. Перевод осуществлен по 7 и 18 томам собрания сочинений Юнга, изданного Принстонским университетом.

Книга адресована специалистам — психологам, философам, историкам культуры — и всем, кто интересуется вопросами аналитической психологии.

ISBN 0-691-09776-3 (англ.)
ISBN 978-5-89353-240-1 (рус.)

Содержание

Предисловие редактора русского издания

Настоящая публикация работ Юнга на русском языке — результат деятельности Информационного центра психоаналитической культуры. Данная книга соответствует 7-му тому собрания сочинений К. Г. Юнга и включает, помимо двух основных его работ «Психология бессознательного» и «Отношения между Эго и бессознательным», очерки «Структура бессознательного» и «Новые пути в психологии» — более ранние версии первых двух работ, вынесенные в приложение. Помимо этого, мы сочли уместным включить сюда и две небольшие работы из 18 тома собрания сочинений. Все эти работы, как пишут редакторы американского издания, «знаменуют поворотный пункт в истории аналитической психологии, поскольку представляют те основы, на которых зиждется большая часть более поздних работ Карла Густава Юнга».

Любому сколько-нибудь серьезному исследователю истории развития аналитического учения Юнга небезынтересна логика развития идей, связанных с данным направлением глубинной психологии. В этом отношении первоначальные версии более поздних работ имеют самостоятельное значение. В предлагаемых очерках мы встречаем первые пробные формулировки понятий архетипа, коллективного бессознательного, типа, а также объяснение сути конфликтов в психоаналитической школе на заре ее становления.

Перевод был осуществлен по изданиям: *Jung C. G.* Two Essays on analytical psychology. Vol. 7 // The collected works of C. G Jung. Second edition. Princeton University Press, 1966; *Jung C. G.* Symbolical Life. Vol. 18 // The collected works of C. G Jung. Second edition. Princeton Universiti Press, 1966.

В. Зеленский

I

ПСИХОЛОГИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Предисловие к первому изданию

Этот очерк* — результат моей попытки, предпринятой по просьбе издателя, внести изменения во второе издание работы «Новые пути в психологии»**, вышедшей в 1912 г. в ежегоднике издательства Рашера.

Настоящая работа представляет собой расширенный и несколько измененный вариант прежней статьи. Первоначально я ограничился изложением одного существенного аспекта психологических взглядов, впервые изложенных Фрейдом. Многообразные и значительные изменения, произошедшие в психологии бессознательного за последние годы, вынудили меня существенно раздвинуть рамки моей прежней статьи. С одной стороны, я сократил ряд рассуждений о Фрейде, а с другой — принял во внимание работы Адлера и, насколько это представлялось возможным для настоящего сочинения, дал общий обзор своих собственных взглядов.

Я должен предупредить читателя о том, что здесь речь идет об исследовании, которое ввиду сложности своего материала требует значительного терпения и внимания. Я далек от мысли, что оно в каком-либо смысле является окончательным или абсолютно убедительным. Этому требованию могли бы соответствовать лишь обширные научные трактаты по каждой отдельно затронутой в этой работе проблеме. Читателю, желающему глубже вникнуть в поднятые здесь вопросы, я советую обратиться к специальной литературе. Мое намерение состоит лишь в том, чтобы очертить общую картину современных взглядов на сущность психологии бессознательного. Я считаю проблему бессознательного настолько важной и животрепещущей и настолько близко затрагивающей каждого, что, как мне кажется, было бы большой потерей, если бы она исчезла из поля зрения широко образованного читателя-непрофессионала и была бы приговорена к жалкому существованию на страницах какого-нибудь специального научного журнала, к призрачному пребыванию на библиотечных полках.

* Die Psychologie der unbewußten Prozesse. Zürich, 1917.

** См. ниже.

Психологические аккомпанементы нынешней войны* — прежде всего невероятная жестокая деградация общепринятых суждений, взаимная клевета, небывалая страсть к разрушению, обильные потоки лжи и неспособность людей остановить кровавого демона,— как ничто другое, способны обратить взор мыслящего человека на проблему хаотического бессознательного, оцепеневшего под гнетом упорядоченного мира сознания. Эта война с неумолимостью предъявила культурному человеку обвинения в том, что он все еще варвар, и вместе с тем показала, какая кара уготована ему, если, скажем, ему еще раз взбредет в голову возложить ответственность за свои собственные дурные качества на своего ближнего. Психология индивида отражается в психологии наций. То, что делает нация, делает и каждый отдельный человек, и, пока он это делает, нация поступает точно так же. Только изменение установки индивида может инициировать изменение психологии нации. Великие проблемы человечества никогда еще не решались с помощью всеобщих законов, но решались лишь с помощью возрождения установок отдельных людей. Если и было время, когда проявление самоосознания было безусловно необходимым и единственно правильным, то это наша современная катастрофическая эпоха. Но всякий размышляющий о самом себе наталкивается на границы бессознательного, которое как раз содержит прежде всего все то, что ему необходимо знать.

Кюснахт — Цюрих, декабрь 1916 г. К. Г. Юнг

Из предисловия ко второму изданию

Я рад, что эта небольшая книга в столь короткий срок издается вторично, несмотря на те трудности, которые она, вероятно, доставила многим читателям ввиду сложности своего содержания.

Из многих сообщений и писем, которые я получил после ее выхода в свет, мне стало ясно, что интерес широкой публики к проблемам человеческой психики намного живее, чем я ожидал. Этот интерес можно было бы в немалой степени объяснить тем глубоким потрясением, которому наше

* Первая мировая война 1914—1918 гг. — *Примеч. ред.*

сознание подверглось во время мировой войны. Видение этой катастрофы отшатывает человека с чувством полной беспомощности назад к себе самому; это чувство обращает его взгляд вовнутрь, и поскольку все вокруг шатается, то он ищет нечто, что обещает ему опору. Большинство еще ищут вовне; одни верят в иллюзию победы и победоносную силу, другие — в договоры и законы, а остальные — в разрушение существующего порядка. Еще слишком мало тех, кто ищет внутри, в своей самости, и тех, кто задает себе вопрос, не полезнее ли было бы в конце концов для общества, если бы каждый сначала попытался устранить старый порядок вещей, попрактиковавшись прежде всего на своей собственной личности и в своем собственном внутреннем государстве в применении тех законов, о которых он проповедует на каждом углу,— вместо того, чтобы требовать этого от окружающих. Каждому отдельному человеку необходимы революция, внутреннее разделение, разложение устойчиво существующего и обновление, а не навязывание всего этого окружающим под лицемерным предлогом христианской любви к ближнему или чувства социальной ответственности — или любых других красивых эвфемизмов для обозначения бессознательной жажды личной власти. Индивидуальное самосознание, возвращение индивида к основам человеческой природы, к своему собственному глубинному бытию со своей индивидуальной судьбой и есть начало исцеления от слепоты, которая правит сегодняшним днем.

Интерес к проблеме человеческой психики есть симптом этого инстинктивного возвращения к самому себе. Удовлетворению этого интереса и служит написанная книга.

Кюснахт — Цюрих, октябрь 1918 г. C.G.J.

Из предисловия к третьему изданию*

Ввиду того что со времени выхода второго издания прошло семь лет, я счел необходимым внести в текст довольно значительные изменения и исправления: в особенности в главах о типах и о бессознательном. Главу

* Zürich, 1926. Название было изменено: Das Unbewußte im normalen und kranken Seelenleben.

«Развитие типов в аналитическом процессе» я полностью опустил, поскольку за это время данный вопрос был подробно разработан в моей книге «Психологические типы», к которой я и адресую заинтересованного читателя.

Апрель 1925 г. C. G. J.

Предисловие к пятому изданию*

Прошло шесть лет с момента выхода последнего, не содержащего изменений издания; и мне показалось уместным подвергнуть новое издание книги о бессознательном основательному пересмотру. Это дало возможность устранить многие недостатки и излишества. Такой трудный и сложный материал, как психология бессознательного, служит источником не только новых открытий, но и в равной степени ошибок. Перед нами еще необозримая область неизведанного, куда мы пытаемся проникнуть опытными путями и, лишь пройдя немало окольных тропинок, открываем нужное направление. Хотя я старался изложить в тексте, насколько это возможно, максимальное количество новых точек зрения, все же читателю не следует здесь ожидать сколько-нибудь полного обзора всех основных моментов современного психологического знания в этой области. В этом общедоступном сочинении я излагаю лишь некоторые из наиболее существенных аспектов медицинской психологии, а также и мое собственное исследовательское направление,— и все это в качестве введения. Основательное знание не может быть приобретено иначе, как с помощью изучения специальной литературы, с одной стороны, и посредством практического опыта — с другой. Я в особенности хотел бы рекомендовать тем читателям, которые хотят получить знания в этой области, не только изучить ведущие труды по медицинской психологии и психопатологии, но также основательно просмотреть учебники по психологии. Это наиболее верный способ получить необходимое знание о месте и общем значении медицинской психологии.

---

* Название изменено на: Über die Psychologie des Unbewußten.

Из этого сравнительного изучения станет понятно, насколько справедливы жалобы Фрейда на «непопулярность» его психоанализа и мое собственное ощущение, что я нахожусь в изоляции. Думаю, не будет преувеличением, если я скажу, что представления современной медицинской психологии имеют еще слишком мало доступа в академическую науку. Новые прогрессивные идеи, если они не достаточно привлекательны, утверждаются, как правило, на протяжении жизни одного поколения. Психологические новшества, возможно, требуют еще большего времени, так как в этой области, как ни в какой другой, практически каждый считает себя авторитетом.

Кюснахт — Цюрих, апрель 1942 г. C. G. J.

I
Психоанализ

1 Если врач, прежде всего «специалист по нервным заболеваниям», или невропатолог, хочет помочь своему пациенту, он нуждается в психологическом знании, так как нервные расстройства и все то, что называют «нервозностью», истерией и т. д., имеют психическое происхождение и соответственно требуют психотерапевтического лечения. Холодная вода, свет, воздух, электричество и т. д. в лучшем случае оказываются средствами, преходящими по своему исцеляющему воздействию, а порой и вовсе неэффективными. То, что заставляет больного страдать,— это его разум, и притом в сложнейших и высших функциях, которые теперь уже едва ли можно причислить к сфере медицины. Здесь врач должен быть психологом, а это означает, что он должен обладать знанием о человеческой психике.

2 В прошлом, пятьдесят лет назад, психологическая подготовка врача оставляла желать лучшего. Психиатрические учебники всецело ограничивались клиническими описаниями и систематизацией умственных расстройств, а преподаваемая в университетах психология была либо философией, либо так называемой «экспериментальной психологией», начало которой было положено Вильгельмом Вундтом[1]. Первые шаги в сторону развития психотерапии неврозов были предприняты школой Шарко в клинике Сальпетриер в Париже; Пьер Жане[2] начал свои эпохальные исследования психологии невротических состояний, а Бернгейм[3] в Нанси с большим успехом снова возродил

---

[1] *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. 1902. 5. Aufl.

[2] L'Automatisme psychologique. 1889. Рус. пер. — *Жане П.* Психический автоматизм. М., 1905; Névroses et idées fixes. 1898.

[3] *Bernheim Hippolyte.* De la Suggestion et de ses àpplikations à la thérapeutique. 1886. Переведено З. Фрейдом как: Die Suggestion und ihre Heilwirkung. 1888.

старую и основательно подзабытую идею Льебо[4] о лечении неврозов внушением. Книга Бернгейма, которую Зигмунд Фрейд перевел, вдохновила его на создание учения о психологии неврозов. В то время психологии неврозов и психозов еще не было, и именно Фрейду принадлежит великая заслуга ее основания. Он исходил из практического опыта лечения неврозов, т. е. из практики применения метода, который он назвал психоанализом.

3 Перед тем как перейти к более подробному изложению, следует кое-что сказать об отношении психоанализа к тогдашней науке. Здесь мы сталкиваемся с любопытной картиной, еще раз подтверждающей замечание Анатоля Франса: «Les savants ne sont pas cuneux» («Ученые нелюбопытны»). Первая серьезная работа[5] по этой теме вызвала едва заметный отклик, хотя и дала совершенно новое представление о неврозах. Немногочисленные авторы высказались о ней в одобрительном тоне, что не помешало им же на следующей странице продолжить рассмотрение случаев истерии по-старому. Они вели себя примерно так же, как люди, признавшие идею того, что Земля имеет шаровидную форму, спокойно и продолжающие при этом представлять Землю в виде плоскости. Следующие публикации Фрейда вообще остались незамеченными, хотя они, в частности, содержали наблюдения, имевшие для психиатрии неоценимое значение. Когда в 1900 г. Фрейд впервые выпустил труд по психологии сновидений[6] (до этого в данной области царил полный мрак), это вызвало смех, а когда в 1905 г. он опубликовал книгу по психологии сексуальности[7] смех перешел в оскорбительное негодование. И не в последнюю очередь именно этот взрыв возмущения научной общественности способствовал «нежелательной» известности теории Фрейда, вышедшей далеко за пределы научных интересов.

4 Соответственно и мы должны более внимательно взглянуть на эту новую психологию. Уже во времена Шарко было известно, что невротический симптом имеет «психогенный» характер, т. е. берет свое начало в пси-

---

[4] *Liébault A.A.* Du Sommeil et des états analogues considérés au point de vue de l'aktion du moral sur le physique. 1866.

[5] *Breuer Josef, Freud S.* Studien über Hysterie. 1895.

[6] *Freud S.* Die Traumdeutung. 1900.

[7] *Freud S.* Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. Рус. пер. — *Фрейд З.* Три очерка о психологии сексуальности. М.: Изд-во АН СССР. 1989.

хическом. Благодаря работам школы Нанси было известно также, что любой истерический симптом может быть вызван путем суггестии. А исследования Жане вскрыли психомеханические условия такого нарушения функций истерического характера, как анестезия, парез, паралич и амнезия. Однако не было известно, каким образом истерический симптом проистекает из психического; психические каузальные связи были совершенно неизвестны. В начале 80-х годов д-р Брейер, венский врач старой школы, сделал открытие, ставшее, собственно говоря, началом новой психологии. У него была одна пациентка — молодая, очень интеллигентная женщина, которая страдала истерией, проявлявшейся, помимо других, в следующих симптомах: спастическом (сковывающем) параличе правой руки, возникающем время от времени «помрачении», или сумеречном состоянии разума; она также утратила способность к речи настолько, что уже не могла изъясняться на своем родном языке, но была еще способна говорить по-английски (систематическая афазия). В то время существовали попытки выдвинуть анатомические теории подобных расстройств, хотя мозговой (кортикальный) центр, обеспечивающий функцию руки, не показывал каких-либо нарушений и соответствовал деятельности нормального человека — симптоматология истерии полна анатомических несоответствий. Одна дама, полностью потерявшая слух в результате истерического аффекта, имела обыкновение довольно часто петь. Однажды во время такого пения ее врач незаметно сел за фортепиано и стал ей тихо аккомпанировать. При переходе от одного куплета к другому он внезапно изменил тональность, в ответ пациентка, сама не замечая этого, стала петь дальше в измененной тональности. Выходило, что она слышит и... не слышит. Различные формы систематической слепоты имеют сходные проявления: мужчина, страдавший от полной истерической слепоты, снова обрел способность видеть в процессе лечения, но вначале лишь частичную и на довольно длительный период. Это выражалось в том, что он видел все, за исключением человеческих голов. Всех окружающих людей он видел без голов. Получалось, что он видел и... не видел. Благодаря большому числу подобного рода наблюдений было установлено, что лишь сознательный разум пациента не видит и не слышит, тогда как в остальном функция зрения находится в полном порядке. Эти факты прямо противоречат природе органического расстройства, которое всегда влечет за собой действительное нарушение функции.

5 После такого отступления вернемся к случаю, приведенному Брейером. Органические причины нарушения отсутствовали; случай поэтому следовало понимать как истерический, т. е. психогенный. Брейер заметил, что когда он заставлял пациентку во время ее сумеречных состояний (искусственно вызванных или спонтанных) рассказывать о своих навязчивых воспоминаниях и фантазиях, то ее последующее состояние в каждом случае на несколько часов облегчалось. Это наблюдение он систематически использовал при дальнейшем лечении. Пациентка придумала для этого удачное название «talking cure»[8] или в шутку также «chimney sweeping»[9].

6 Пациентка заболела, когда ухаживала за смертельно больным отцом. Естественно, что ее фантазии были целиком связаны с переживаниями этих драматических дней. В сумеречных состояниях реминисценции того времени снова проступали с фотографической точностью; они были чрезвычайно живыми, вплоть до мельчайших деталей, к такой детализации вряд ли способна бодрствующая память. (Это не так уж редко встречающееся обострение способности воспоминания в состояниях сужения сознания называют «гипермнезией».) И здесь обнаружились удивительные вещи. Одну из множества произошедших с ней историй можно изложить так.

Однажды ночью она находилась рядом с больным, которого сильно лихорадило, в тревоге и напряженном ожидании, так как из Вены должен был приехать хирург, чтобы сделать операцию. Мать на некоторое время ушла, и Анна (пациентка) находилась у постели больного, положив правую руку на спинку стула. Она стала грезить наяву и увидела, как от стены к больному приближается черная змея, чтобы укусить его. (Весьма вероятно, что на лугу позади дома действительно встречались змеи, которых девушка пугалась и которые теперь давали материал для галлюцинаций.) Она хотела отогнать это существо, но почувствовала, что парализована; правая рука, свисавшая со спинки стула, словно онемела, лишилась чувствительности и способности двигаться, и, когда она смотрела на нее, пальцы превращались в маленьких змей с мертвыми головами. Вероятно, она пыталась прогнать змею парализованной правой рукой, в связи с чем

---

[8] Лечение разговором (*англ.*).

[9] Чистка дымохода (*англ.*).

потеря чувствительности и двигательной способности руки оказались в ассоциативной связи с галлюцинацией со змеями. Когда змея исчезла, девушка так испугалась, что пыталась молиться, но язык не шевелился, она не могла произнести ни слова до тех пор, пока наконец не вспомнила один английский детский стишок, после чего смогла продолжать думать и молиться по-английски.

7 Такова была обстановка, из которой развились паралич и нарушение речи; по ходу рассказа об этой ситуации устранялось и само нарушение. И таким способом, судя по всему, этот случай закончился излечением.

8 Здесь я вынужден ограничиться одним лишь примером. В упомянутой мной книге Брейера и Фрейда подобных примеров приведено множество. Понятно, что ситуации такого рода производят весьма впечатляющее воздействие, и поэтому люди склонны допускать их каузальное значение в возникновении симптома. Господствовавшая тогда в учении об истерии английская теория «нервного шока», энергично поддерживаемая Шарко, была способна объяснить открытие Брейера. Отсюда возникла так называемая теория травмы, согласно которой истерический симптом в той степени, в какой симптомы в их совокупности составляют болезнь — истерию вообще, вытекает из психических повреждений или травм, следы которых бессознательно сохраняются годами. Фрейд, работавший в это время с Брейером, мог весьма основательно подтвердить полученное открытие. Оказалось, что ни один из сотен истерических симптомов не возникает случайно, а всегда имеет причину в психических событиях. В этом отношении новая концепция открывала простор для эмпирической работы. Но пытливый ум Фрейда не мог долго оставаться на этом поверхностном уровне, ибо уже возникали более глубокие и более трудные проблемы. Вполне понятно, что моменты сильного беспокойства, подобные тем, которые переживала пациентка Брейера, могут оставлять долго сохраняющееся впечатление. Однако как она вообще пришла к подобным переживаниям, которые сами по себе уже свидетельствуют о печати патологии? Может быть, это было вызвано напряженным уходом за больным? Но тогда подобное должно было бы случаться гораздо чаще, ибо, к сожалению, необходимость напряженного ухода за больными не редкость, а нервное здоровье сиделки и без того не всегда бывает на высоте. На эту проблему в медицине есть замечательный ответ: «X в вычислении — это предрасположенность». Некто «предрасположен» именно

к таким проявлениям. Но для Фрейда проблема заключалась в том, что составляет предрасположенность? Этот вопрос логически вел к исследованию предыстории психической травмы. Ведь мы часто наблюдаем, как вызывающие нервное возбуждение сцены весьма по-разному воздействуют на различных свидетелей или как вещи, которые одним безразличны или даже приятны, другим внушают величайшее отвращение, например лягушки, змеи, мыши, кошки и т. д. Случается, что женщины спокойно ассистируют при кровавых операциях, однако прикосновение кошки заставляет их содрогаться всем телом от ужаса и отвращения. Мне известен случай одной молодой женщины, которая страдала тяжелой истерией, последовавшей после неожиданного испуга. Она была однажды на званом вечере, и, когда около 12 часов ночи возвращалась домой в сопровождении нескольких знакомых, вдруг сзади на них быстрой рысью выскочил экипаж. Все, кроме нее, отступили в сторону; она же, гонимая страхом, осталась на середине улицы и побежала прочь прямо перед лошадьми. Кучер щелкал кнутом и выкрикивал ругательства, но тщетно: она пробежала вниз всю улицу, которая вела к мосту. Там силы ее оставили, и, чтобы не попасть под лошадей, она в полнейшем отчаянии хотела прыгнуть в реку, однако прохожим удалось ей помешать. Эта же самая дама в С.-Петербурге, в кровавый день 22 января 1905 г.[10], оказалась случайно на улице, которую солдаты как раз «очищали» залповым огнем. Справа и слева от нее падали убитые и раненые; она же, сохраняя полнейшее спокойствие и присутствие духа, заметила ведущие во двор ворота, через которые ей удалось выбраться на другую улицу и спастись. Эти страшные мгновения не вызвали у нее впоследствии никаких переживаний. Она чувствовала себя в дальнейшем вполне здоровой и пребывала даже в лучшем расположении духа, чем обычно.

9 Принципиально схожие реакции можно наблюдать достаточно часто. Отсюда с необходимостью следует, что интенсивность травмы сама по себе патогенетически весьма малозначима, но травма как таковая имеет для пациента особое значение. Нельзя сказать, что шок сам по себе при любых обстоятельствах имеет патогенный характер, напротив, чтобы оказать свое действие, он должен сочетаться с некоторой особой психической предрас-

[10] 9 января по новому стилю.

положенностью, которая при определенных обстоятельствах выражается в том, что пациент бессознательно придает шоку особое значение. Здесь мы обнаруживаем вероятный ключ к тайне «предрасположенности». Поэтому нам следует спросить себя: каковы особые обстоятельства той сцены с экипажем? Страх пациентки возник тогда, когда она услышала топот приближающихся лошадей; ей на мгновение показалось, что здесь кроется страшный злой рок — ее смерть или нечто ужасное; в следующий момент она уже совсем потеряла рассудок.

Действительное воздействие исходило, очевидно, от лошадей. Предрасположенность пациентки к тому, чтобы столь нелепым образом отреагировать на это незначительное событие, могла состоять в том, что лошади для нее означают нечто особенное. Можно было бы предположить, что она, например, однажды пережила какой-либо связанный с лошадьми опасный случай. Так на самом деле и оказалось. Однажды, когда ей было около семи лет, она каталась со своим кучером в карете; лошади испугались и понеслись по направлению к высокому и крутому берегу реки. Кучер спрыгнул и кричал ей, чтобы она сделала то же самое, на что она из-за смертельного страха никак не могла решиться. Но в последний момент она все же спрыгнула, после чего лошади рухнули вниз вместе с каретой, которая разбилась вдребезги. То, что подобное событие оставляет глубокое впечатление, едва ли нуждается в доказательстве. Однако это не объясняет, почему впоследствии вполне безобидный намек на сходную ситуацию вызвал столь неадекватную реакцию. Пока нам известно лишь то, что возникший впоследствии симптом имел свой пролог еще в детстве. В чем здесь состоит патология, пока неясно. Чтобы проникнуть в эту тайну, нам нужна дополнительная информация. С накоплением опыта стало ясно, что во всех до сих пор проанализированных случаях наряду с травматическими жизненными событиями имеют место особого рода расстройства, относящиеся к области любви. Любовь, как известно,— понятие растяжимое, простирающееся от небес до преисподней, объединяющее добро и зло, высокое и низкое. Взгляды Фрейда по этому вопросу существенно изменялись со временем. Если раньше, находясь в известной мере под влиянием теории Брейера о травмах, он искал причины неврозов в травматических переживаниях, то теперь центр тяжести проблемы сместился совершенно в другую сторону. Наш случай иллюстрирует это лучше всего: мы прекрасно понимаем, что лошади,

пожалуй, могли играть в жизни пациентки особую роль, но мы не понимаем более позднюю, столь преувеличенную и неуместную реакцию. Патологическая специфика этой истории заключается в том, что она испугалась вполне безобидных лошадей. Зная о том, что часто наряду с травматическими жизненными событиями имеет место и любовное расстройство, следовало бы выяснить и в данном случае, не имеем ли мы, может быть, дела с чем-либо особым в этом отношении.

11 Дама знакома с одним молодым человеком, с которым намерена заключить помолвку; она любит его и надеется быть с ним счастливой. Больше пока узнать ничего не удается. Однако отрицательный результат поверхностного опроса не должен нас смущать, и нам следует продолжить исследование. Когда прямой путь не достигает цели, имеются окольные пути. Вернемся поэтому снова к тому самому моменту, когда дама бежала перед лошадьми. Мы осведомляемся об участниках званого вечера и о том, что это было за торжество, в котором она участвовала; это был прощальный ужин в честь ее лучшей подруги, которая, чтобы поправить расстроенные нервы, на долгое время отправлялась на заграничный курорт. Подруга замужем и притом, как мы слышим, счастлива; есть у нее и ребенок. К сообщению о том, что подруга счастлива, мы вправе отнестись с недоверием; ведь если бы это действительно было так, то у нее, вероятно, не было бы причин быть «нервной» и отправляться на лечение. Задавая вопросы по поводу других обстоятельств, я узнал, что пациентка, когда ее догнали знакомые, была снова доставлена в дом хозяина, принимавшего гостей, так как в столь позднее ночное время это было самым правильным решением. Там ее, находящуюся в состоянии изнеможения, радушно встретил хозяин. Здесь пациентка прервала свой рассказ, запнулась и, смутившись, попыталась сменить тему. Очевидно, дело коснулось какого-то неожиданно всплывшего неприятного воспоминания. После того как упорное сопротивление больной удалось преодолеть, выяснилось, что той же ночью произошло еще нечто весьма примечательное. Гостеприимный хозяин страстно признался ей в любви, из-за чего возникла ситуация, которую ввиду отсутствия хозяйки дома можно было бы рассматривать как неловкую и тягостную. Это признание в любви, по утверждению пациентки, было для нее как гром среди ясного неба. Однако подобные вещи обычно имеют свою предысторию. Работа следующих недель состояла в том, чтобы шаг за шагом расследовать всю

длинную любовную историю, пока не получилась полная картина, которую я попытаюсь обрисовать приблизительно следующим образом.

В детстве пациентка имела совершенно мальчишеский характер, любила только бурные мальчишеские игры, презирала свой собственный пол и избегала каких бы то ни было свойственных своему полу форм поведения и занятий. С наступлением половой зрелости, когда эротические проблемы приблизились, она стала избегать общества, ненавидела и презирала все, что хотя бы отдаленно напоминало о биологическом предназначении человека, и жила в мире фантазий, не имевшем ничего общего с грубой реальностью. Так примерно до 24 лет она избегала каких бы то ни было приключений, надежд и ожиданий, которые обычно в этом возрасте глубоко волнуют девичье сердце. Но затем она познакомилась с двумя молодыми людьми, которым, видимо, было суждено прорвать окружавшую ее колючую изгородь. Господин А. был супругом ее тогдашней лучшей подруги; господин В. был его холостым приятелем. Оба ей нравились. Однако вскоре ей показалось, что господин В. ей нравится гораздо больше. Вследствие этого между ней и господином В. быстро установились близкие отношения, и даже шла речь о возможной помолвке. Благодаря своим отношениям с господином В. и со своей подругой она часто встречалась и с господином А., чье присутствие ее нередко необъяснимым образом возбуждало и нервировало. Примерно в то же время пациентка оказалась на большом званом вечере. Присутствовали там и ее знакомые. Пациентка была задумчива и мечтательно играла своим кольцом, которое вдруг соскочило с ее пальца и укатилось под стол. Оба молодых человека стали искать его, и господину В. посчастливилось его найти. Он с многозначительной улыбкой надел кольцо ей на палец и сказал: «Вы знаете, что это означает!» Тогда ее охватило странное, непреодолимое чувство; она сорвала кольцо с пальца и выбросила его в открытое окно. Наступил неловкий момент, что легко понять, и вскоре пациентка, глубоко расстроенная, покинула общество. После этого во время летнего отпуска на курорте случай свел ее с господином и госпожой А., где они также отдыхали. У госпожи А. в то время явно начали расстраиваться нервы, вследствие чего она из-за недомоганий часто оставалась дома. Пациентка поэтому имела возможность гулять вдвоем с господином А. Однажды они катались в маленькой лодке. Пациентка веселилась настолько бурно, что внезапно упала за борт. Плавать она не умела, так что господин А. лишь с трудом

смог ее спасти и поднял ее, находящуюся в полуобморочном состоянии, в лодку. После чего он ее поцеловал. Этот романтический эпизод закрепил ее привязанность. Однако пациентка не позволяла себе осознать глубину своей страсти, очевидно, потому, что она уже давно приучала себя к тому, чтобы проходить мимо таких вещей, а еще лучше — бежать от них. Чтобы оправдать себя в своих глазах, она с еще большей энергией стала стремиться к помолвке с господином В., страстно убеждая себя каждый день в том, что любит господина В. Естественно, эта забавная игра не могла ускользнуть от острого взора ревнивой супруги. Госпожа А., ее подруга, догадалась об этой тайне и страдала, увеличивая тем самым свою нервозность. В развитии сюжета возникла необходимость поездки госпожи А. за границу на лечение. На прощальной вечеринке злой дух подступил к нашей пациентке и прошептал ей на ухо: «Сегодня вечером он будет один. С тобой что-нибудь произойдет, так что ты окажешься в его доме». И вот так и случилось: с помощью своего странного поступка она оказалась в его доме и получила то, чего хотела.

12 После такого разъяснения, пожалуй, любой будет склонен предположить, что только дьявольская изощренность может выстроить подобную цепь обстоятельств. Сомнений относительно изощренности действительно нет; под сомнением, однако, остается ее моральная оценка, и потому я должен подчеркнуть, что мотивы этого драматического представления никоим образом не осознавались пациенткой. Все это случилось с ней как бы само собой, без каких-либо осознанных мотивов. Но предшествующая история делает совершенно очевидным то, что все бессознательно было направлено к этой цели, тогда как разум трудился над тем, чтобы добиться помолвки с господином В. Бессознательное влечение, действовавшее в другом направлении, оказалось сильнее.

13 Здесь мы снова возвращаемся к нашему первоначальному вопросу, а именно к тому, чем, собственно, определяется патологический характер (странность, преувеличенность) реакции на травму. На основании вывода, сделанного из аналогичного опыта, мы предположили, что и в данном случае, помимо травмы, имеет место нарушение эротической сферы. Это предположение полностью подтвердилось, и это научило нас тому, что травма, служащая предлогом причины болезни, есть не более чем толчок к тому, чтобы проявилось нечто ранее не осознававшееся, а именно существенный эротический конфликт. Соответственно травма теряет свое

исключительное значение, и место теории травмы занимает более глубокое и исчерпывающее представление, где в качестве патогенного фактора выступает эротический конфликт.

14 Часто можно услышать вопрос: почему именно эротический конфликт должен быть причиной неврозов, а не какой-либо другой? На это можно только ответить: никто не утверждает, что так и только так должно быть; однако оказывается, что часто бывает именно так. Несмотря на многочисленные возмущенные заверения в обратном, остается фактом, что любовь[11] с ее проблемами и конфликтами имеет фундаментальное значение для человеческой жизни и, как показывает внимательное исследование, имеет гораздо большее значение, чем это предполагает сам индивид.

15 Теорией травмы больше не пользуются, поскольку она устарела; ибо с пониманием того, что не травма, а скрытый эротический конфликт есть источник невроза, травма теряет свое каузальное значение[12].

---

[11] Мы используем это слово в широком смысле, который включает не только сексуальность. Тем самым вовсе не утверждается, что любовь и ее расстройства являются единственным источником невроза. Такие расстройства могут носить вторичный характер и быть обусловлены более глубокими причинами. Существуют и другие возможности стать невротиком.

[12] Исключение составляют неврозы непосредственно травматического происхождения, такие, как шок после взрыва (Granatschock), «railway spine» [букв. — «железнодорожный костыль» (*англ.*); здесь, видимо, имеется в виду шок типа «столбняка»].

II
Теория эроса

16 В свете этого открытия вопрос о травме был разрешен самым неожиданным образом; но вместо этого возникла проблема эротического конфликта, который, как показывает наш пример, содержит множество отклонений от нормы и поэтому на первый взгляд не допускает сравнения с обычным эротическим конфликтом. Самым необычным и почти невероятным здесь оказывается то, что осознается лишь внешний предлог, в то время как сама реальная страсть пациентки остается скрытой от нее самой. В данном случае, однако, бесспорно то, что действительное отношение осталось скрытым в тени, а фальшивое, кажущееся отношение, напротив, всецело доминировало в поле сознания. Если сформулировать эти факты теоретически, то получится примерно следующий результат: при неврозе наличествуют две тенденции, совершенно противоположные друг другу, одна из которых бессознательна. Это положение намеренно сформулировано в общих терминах, ибо я хотел этим подчеркнуть, что патогенный конфликт носит личный характер, но он одновременно и общечеловеческий, проявившийся через индивида, ибо отсутствие единства с самим собой есть признак цивилизованного человека. Невротик — лишь особый случай находящегося в разладе с самим собой человека, который должен был бы гармонизировать природу и культуру внутри себя.

17 Рост культуры состоит, как мы знаем, в прогрессирующем обуздании животного начала в человеке. Это процесс одомашнивания, который не может осуществляться без протеста со стороны животной природы, жаждущей свободы. Время от времени втягивающиеся во власть культуры шеренги человечества охватывают волны безумства и неистовства. Античность пережила это в дионисийских оргиях, докатившихся с Востока,

которые стали существенной и характерной составной частью классической культуры. Дух этих оргий немало способствовал тому, что в многочисленных сектах и философских школах последнего дохристианского столетия стоический идеал развился в аскетизм и из политеистического хаоса того времени вышли аскетические религии Митры и Христа. Вторая волна дионисийской распущенности и беспутства прошла через западное человечество в эпоху Ренессанса. Трудно оценивать дух своего времени, но в последовательности революционных вопросов, возникших в последние полвека, был и «сексуальный вопрос», породивший новые виды литературы. В этом «движении» коренились и начала психоанализа, на теории которого это движение оказало весьма одностороннее влияние. В конце концов, никто не может быть полностью независим от течений своего времени. Так и «сексуальный вопрос» был по большей части оттеснен далеко на задний план политическими и мировоззренческими проблемами. Это, однако, ничего не меняет относительно того основополагающего факта, что инстинктивная природа человека снова и снова приходит в столкновение с ограничениями, возводимыми цивилизацией. Названия меняются, а суть дела остается той же самой. Кроме того, сегодня нам известно, что отнюдь не всегда только животная инстинктивная природа находится в разладе с культурным принуждением, но часто именно новые идеи, стремясь выйти из бессознательного на дневной свет, оказываются так же, как и инстинкты, в разладе с господствующей культурой. Например, сейчас нетрудно выдвинуть политическую теорию невроза, поскольку современный человек снедаем главным образом политическими страстями,— теорию, в отношении к которой «сексуальный вопрос» выглядит лишь незначительным прологом. Может получиться так, что политика окажется не более чем предвестником некоторого еще более глубокого религиозного потрясения. Не осознавая этого, невротик участвует в господствующих течениях своей эпохи и отображает их в своем собственном конфликте.

18 Невроз теснейшим образом связан с проблемой нашего времени и в действительности представляет безуспешную попытку со стороны индивида разрешить всеобщую проблему в своей собственной личности. Невроз есть разлад с самим собой. У большинства людей причиной этого разлада становится то, что сознательный разум хотел бы придерживаться своего морального идеала, в то время как бессознательное стремится

к своему в современном смысле безнравственному, аморальному идеалу, который сознательный разум пытается отвергнуть. Люди подобного типа желали бы быть более респектабельными, чем они в действительности являются. Но и сам конфликт легко может стать обратным: есть люди, которые по всем признакам весьма непорядочны, и это их вполне устраивает, они палец о палец не ударят, чтобы в чем-то себя ограничить. Но, по сути, это лишь наигранная поза грешника, так как на заднем плане у них моральная сторона, оттесненная в бессознательное, точно так же, как у нравственного человека оттесненной оказывется его безнравственная природа. (Крайностей поэтому по возможности следует избегать, ибо они всегда возбуждают подозрение в противоположном.)

19 Общее рассуждение было необходимо для того, чтобы прояснить идею «эротического конфликта». И теперь можно рассмотреть, с одной стороны, психоаналитическую технику, а с другой — проблему психотерапии.

20 Очевидно, что самый главный вопрос, касающийся этой техники, звучит так: как мне кратчайшим и вместе с тем наиболее эффективным путем прийти к знанию о том, что происходит в бессознательном пациента? Первоначальный метод был гипнотическим: либо опрос в состоянии гипнотической концентрации, либо спонтанное продуцирование фантазий пациентом, находящимся в этом состоянии. Этот метод иногда еще применяется, однако по сравнению с современной техникой он примитивен и часто неудовлетворителен. Второй метод был разработан в психиатрической клинике в Цюрихе — так называемый метод ассоциаций[1]. Он очень точно демонстрирует присутствие конфликтов в форме «комплексов» чувственно-окрашенных идей, которые обнаруживают себя в характерных нарушениях в процессе эксперимента[2]. Но самый важный метод, позволяющий добиться знания о патогенных конфликтах, это, как показал Фрейд, анализ сновидений.

21 Что касается сновидения, то тут подтверждается поговорка «Тот камень, который строители отбросили, стал краеугольным». Лишь в современную эпоху сновидение, этот мимолетный и неясный продукт

[1] *Jung C.G.* Diagnostische Assoziationssfudie». 1906 und 1910. 2 Bd. Ges. Werte. Bd.

[2] *Jung C.G.* Allgemeines zur Komplextheorie // Über psychische Energetik und das Wesen der Traume, 1948. Ges. Werke, Bd. 8. Рус. пер. — *Юнг К. Г.* Общий обзор теории комплексов // *Юнг К. Г.* Синхронистичность. К., 1998.

психического, стало объектом столь основательного пренебрежения. Прежде его ценили, видя в нем предсказателя судьбы, посланца богов, предостерегающего и утешающего. Теперь же мы рассматриваем его как провозвестника бессознательного; оно должно поведать нам тайны, скрытые от сознательного разума, и делает это с удивительной полнотой. «Манифестное сновидение», т. е. сновидение в том виде, в каком мы его запоминаем, есть, согласно концепции Фрейда, лишь фасад, который не позволяет нам получить представление о внутреннем содержании дома, но, напротив, тщательно скрывает его с помощью «цензора сновидения». Если же мы, однако, соблюдая определенные технические правила, побуждаем сновидца говорить о деталях своего сновидения, то вскоре оказывается, что его фантазии обладают определенной направленностью и концентрируются на определенном тематическом содержании, имеющем личностное значение и высказывающем смысл, который мы вначале не предполагали обнаружить, но который, как можно показать с помощью тщательного сравнительного анализа, находится в очень тонкой и охватывающей мельчайшие детали связи с фасадом сновидения. Этот особый комплекс идей, в котором соединяются все нити сновидения, есть искомый конфликт, представленный в определенной, обусловленной обстоятельствами версии. Согласно Фрейду, мучительные и непримиримые противоречия конфликта при этом настолько скрываются или же разрешаются, что можно говорить о своего рода «осуществлении желаний». Однако лишь в редких случаях это осуществление явных желаний, как, например, в снах, вызванных телесными возбуждениями, в случае ощущаемого во сне чувства голода, когда желание насытиться удовлетворяется во сне роскошной трапезой. Как и настойчивая мысль о том, что нужно вставать, конфликтующая с желанием продолжать спать, ведет к сновидческой идее о том, что ты уже встал, и т. д. Однако далеко не все сновидения имеют столь простую природу. По мнению Фрейда, существуют бессознательные желания, природа которых несовместима с представлениями бодрствующего сознания, тягостные желания, которые человек предпочитает не допускать к себе, и именно такие желания Фрейд рассматривает в качестве подлинных архитекторов сновидения. Например, дочь нежно любит свою мать; но во сне ее мать, к величайшему горю, появляется умершей. Фрейд считает, что у дочери наличествует неосознанное, в высшей степени болезненное желание, чтобы ее мать как можно

скорее исчезла из этого мира, поскольку она тайно оказывает ей сопротивление. Даже самая безупречная дочь не застрахована от подобных настроений, которые она, пожалуй, стала бы отрицать самым отчаянным образом, если бы ее захотели на этом поймать. Манифестное сновидение по всем признакам не содержит в себе следов осуществления желаний, а, напротив, скорее опасение и озабоченность, т. е. как раз то, что противоположно предполагаемому бессознательному побуждению. Но мы хорошо знаем, что преувеличенная тревога очень часто и по праву вызывает подозрение в противоположном. (Критически настроенный читатель вправе задать вопрос: в каких случаях представленное в сновидении опасение является преувеличенным?) Таких сновидений, где по видимости нет и следа осуществления желаний,— бесчисленное множество. Обрабатываемый в сновидении конфликт не осознается, бессознательна и вытекающая из него попытка его разрешения. Сновидица в нашем случае фактически стремится избавиться от своей матери; выражаясь языком бессознательного, она хочет, чтобы мать умерла. Но сновидица, однако, не обязательно одержима подобным стремлением, так как, строго говоря, не она сфабриковала сновидение, а бессознательное. Бессознательное несет в себе эту тенденцию, неожиданную с точки зрения сновидицы,— избавиться от матери. Именно тот факт, что это ей снится, доказывает, что она не думает об этом сознательно. Она вообще не понимает, почему нужно избавляться от матери. Мы знаем теперь, что определенный слой бессознательного содержит в себе все то, что утрачено из реминисценций памяти, включая и все те инфантильные инстинктивные побуждения, которые не могут найти реализации во взрослой жизни. Можно сказать, что многое проистекающее из бессознательного носит инфантильный характер, как, например, данное желание, которое выглядит очень просто: «Это правда, папа, если мама умрет, то ты женишься на мне?» Это инфантильное выражение желания представляет собой замену сегодняшнего желания сновидицы выйти замуж — желания, которое по причинам, подлежащим в данном случае выяснению, для нее мучительно. Мысль о браке или, скорее, серьезность соответствующего намерения, как говорят, «вытеснена в бессознательное» и с необходимостью должна получить там инфантильное выражение, ибо материал, находящийся в распоряжении бессознательного, состоит главным образом из инфантильных реминисценций.

22 Рассматриваемый сон, по всей видимости, имеет отношение к некоторому инфантильному чувству ревности. Сновидица в известной степени влюблена в отца, и по этой причине она хотела бы избавиться от матери. Но ее реальный конфликт состоит в том, что она, с одной стороны, хочет выйти замуж, а с другой — не может решиться на это: ведь никогда точно не знаешь, что будет потом, насколько устроит ее муж и т. д. А кроме того, дома так хорошо, а как все сложится, если придется расстаться с любимой мамочкой и стать взрослой и самостоятельной? Она не замечает, что проблема замужества теперь всерьез встала на ее пути и настолько захватила ее, что она уже не может больше пятиться назад к отцу и матери, не озадачивая семью этим судьбоносным вопросом. Она уже не прежний ребенок, теперь она женщина, которая хочет выйти замуж. И такой она предстает перед нами, полная желания иметь мужа. Но в семье таким мужем является отец, и дочь направляет свое желание иметь мужа на отца, не имея осознанного представления об этом. А это уже — инцест. Таким образом возникает вторичная инцестная интрига. Фрейд допускает, что эта тенденция к инцесту первична и является реальным основанием того, почему сновидица не может решиться выйти замуж. В сравнении с этим прочие приведенные резоны мало что значат для него. В этом отношении я уже давно отстаиваю ту точку зрения, согласно которой случаи инцеста отнюдь не доказывают наличия универсальной наклонности к инцесту, так же как факты убийства еще не доказывают наличия общераспространенной жажды убивать, мотивирующей конфликт. Я, конечно, не захожу так далеко, чтобы отрицать присутствие в любом из нас зародышей разного рода преступных действий. Но все же существует огромная разница между наличием подобных зародышей и актуальным конфликтом, приводящим к раздвоению личности, что и происходит в случае невроза.

23 Если внимательно обозреть историческую картину невроза, то с регулярностью обнаружим некоторый критический момент, когда всплывает именно та проблема, от которой стремятся уклониться. Так вот это уклонение есть реакция столь же естественная и общераспространенная, как и лень, инертность, малодушие, робость, незнание и неосознанность, которые скрываются за ним. Везде, где ситуация становится неприятной, трудной и опасной, мы чаще всего колеблемся и по возможности стараемся ее избежать. Я считаю подобные резоны вполне достаточными. Симптоматология инцеста, несомненно существующая и вполне правильно

определенная Фрейдом, кажется мне вторичным феноменом, уже патологическим.

24 Сновидение часто запечатлевает детали, по видимости нелепые, из-за чего оно производит впечатление абсурдности, или же с внешней стороны кажется настолько непонятным, что чаще всего оставляет нас в замешательстве. Нам всегда приходится преодолевать известное сопротивление, прежде чем мы всерьез примемся вместе с пациентом за кропотливый труд по распутыванию сложных хитросплетений его сна. Когда же наконец мы проникаем в действительный смысл сновидения, то мы уже оказываемся в центре тайного мира сновидца и с удивлением обнаруживаем, что сон, по видимости бессодержательный, имеет очень глубокий смысл и говорит, собственно, лишь о важных и серьезных вещах. Это открытие вызывает у нас несколько большее уважение к так называемому суеверию, придающему значение снам, в котором рационалистическое умонастроение нашего времени ему до сих пор отказывало.

25 Как говорит Фрейд, анализ сновидений есть via regia[3] к бессознательному. Анализ сновидений ведет к раскрытию глубочайших тайн личности, благодаря чему он является бесценным инструментом в руках врача и воспитателя души.

26 Аналитический метод вообще (не только фрейдовский психоанализ) состоит по большей части из многочисленных анализов сновидений. В процессе лечения сновидения последовательно поднимают из глубины содержания бессознательного, чтобы эти содержания выставить под влияние дезинфицирующей силы дневного света, благодаря чему снова обнаруживается много ценного и, казалось бы, утраченного. При таком положении дел не приходится удивляться тому, что для многих людей, имеющих ложные представления о самих себе, лечение становится настоящей пыткой. Именно от них — в соответствии со старой мистической поговоркой: «Отдай то, что имеешь, и тогда ты получишь!» — требуется оставить все свои лелеемые иллюзии, с тем чтобы нечто более глубокое, более прекрасное и объемлющее смогло в них возродиться. Эта старая мудрая истина, которая всякий раз подтверждается при лечении. Особенно любопытно здесь то, что такой метод должен подтверждать свою необходимость в период расцвета

[3] Королевская дорога (*лат.*).

сегодняшней культуры. В ряде отношений его можно сравнить с методом Сократа, хотя анализ и проникает гораздо глубже.

27 Сторонники фрейдовского способа исследований стремятся доказать, что эротический, или сексуальный, фактор имеет абсолютно преобладающее значение при возникновении патогенного конфликта. Согласно этой теории, существует коллизия между тенденцией сознания и аморальным, несовместимым с ней бессознательным желанием. Бессознательное желание инфантильно, то есть оно исходит из детства и никак не может приспособиться к сегодняшнему дню, почему оно и вытесняется, причем из моральных соображений. Невротик обладает психикой ребенка, он плохо переносит преднамеренные ограничения, не понимая их смысла; он, правда, стремится усвоить мораль, однако тотчас же оказывается в разладе с самим собой, хочет, с одной стороны, подавить себя, а с другой — освободиться, и эта борьба происходит под именем невроза. Будь этот конфликт осознанным во всех своих деталях, вероятно, из него никогда не возникали бы невротические симптомы; они проявляются лишь в том случае, если человек не в состоянии увидеть другую сторону своего существа и настоятельность относящихся к ней проблем. Лишь при этих условиях возникает симптом, который помогает непризнанной стороне психического найти свое выражение. Поэтому симптом, по Фрейду,— это осуществление непризнанных желаний, которые, будучи осознанными, оказались бы в резком противоречии с моральными убеждениями. Как уже было выяснено, эта теневая сторона психического ускользает от сознательного рассмотрения; больной поэтому не имеет возможности взаимодействовать с ней. Он не может исправлять ее, приходить с ней к соглашению или отказываться от нее, так как реально он вообще не «обладает» бессознательными побуждениями. Будучи вытесненными из иерархии побуждений сознательной психики, они стали автономными комплексами, которые надлежит посредством анализа снова вернуть в подчинение, преодолевая большое противодействие. Есть пациенты, которые прямо-таки хвастаются тем, что теневой стороны для них не существует; они уверяют что не имеют никакого конфликта; однако они не видят, что на их пути стоят другие явления неизвестного происхождения: истерические капризы, придирки, которыми они донимают самих себя и своих ближних, нервный катар желудка, боли в различных местах тела, беспочвенная раздражительность и множество прочих нервных симптомов.

28 Фрейдовский психоанализ упрекали в высвобождении вытесненных человеком животных инстинктов и причинении ему тем самым непоправимого вреда. Отсюда с очевидностью явствует, насколько мало мы доверяем эффективности современных моральных принципов. Люди делают вид, будто лишь проповедуемая мораль удерживает человека от разнузданности; куда более эффективным регулятором является, однако, нужда, которая устанавливает гораздо более реальные и убедительные границы, чем любые моральные предписания. Верно, что животные инстинкты психоанализ стремится сделать осознанными, однако он делает это не для того, чтобы, как думают многие, предоставить им необузданную свободу, а для того, чтобы подчинить их порядку осмысленной целостности. При любых обстоятельствах владеть своей личностью — это преимущество; в противном случае вытесненные элементы будут снова, хотя и на других этапах, вставать у человека на пути и мешать ему, причем именно тогда, когда мы наиболее уязвимы. Если же люди будут воспитаны так, что смогут отчетливо видеть теневую сторону своей природы, то можно надеяться, что они на этом пути научатся также лучше понимать и любить своих ближних. Немного меньше лицемерия и больше самопознания могут способствовать тому, чтобы люди научились считаться со своими ближними, ибо они слишком легко склоняются к перенесению несправедливости и насилия на других.

29 Фрейдовская теория вытеснения может, правда, навести кого-то на мысли о том, что только высокоморальные люди способны подавлять свою инстинктивную природу. Аморальный же человек, страстно любящий свою инстинктивную природу, в соответствии с этим должен был бы быть полностью свободным от неврозов. Как показывает опыт, это, разумеется, не так. Такой человек может страдать неврозом, как и другие. Если его проанализировать, то обнаружится, что у него просто-напросто в вытесненном состоянии оказалась мораль. Если аморальный человек страдает невротическим расстройством, то он являет собой, как метко сформулировал Ницше, образ «бледного преступника», который находится в противоречии с самим собой.

30 Конечно, можно принять ту точку зрения, согласно которой вытесненные остатки порядочности в подобном случае являются лишь обычным пережитком младенчества, который налагает на инстинктивную природу ненужные оковы и поэтому должен быть искоренен. Но если следовать

принципу «Ésrasez l'infâme!»[4], можно прийти к теории абсолютного либертинизма и распущенности. Естественно, что это было бы весьма фантастично и бессмысленно. Никогда нельзя забывать и следует напомнить представителям фрейдовской школы, что мораль не была людям ниспослана свыше в форме синайских скрижалей и навязана им, а, напротив, мораль — это функция человеческой души и так же стара, как и само человечество. Мораль не навязывается извне — мы несем ее в себе с самого начала: не сам закон, а моральную природу, без которой совместная жизнь в человеческом обществе была бы невозможна. Вот почему мораль имеет место на всех уровнях и ступенях общества. Она выступает инстинктивным регулятором деятельности, который присущ совместной жизни животного стада. Моральные законы, однако, имеют силу лишь внутри группы живущих совместно людей. За ее пределами их действие прекращается. Там утвердилась старая истина: «Homo homini lupus»[5]. С развитием цивилизации удалось подчинить большое число людей одной морали, хотя до сих пор не удалось добиться господства морального закона за пределами границ сообществ, т. е. в свободном пространстве сообществ, независимых друг от друга. Там с древних времен правят беззаконие, распущенность и вопиющая безнравственность, и только враг осмеливается говорить об этом в полный голос.

31 Сторонники фрейдовского метода были настолько проникнуты убеждением в основополагающей, даже исключительной роли сексуальности в неврозе, что они, исходя из собственной логики, бесстрашно атаковали современную сексуальную мораль. Это было, без сомнения, полезно и необходимо, ибо в этой области господствовали и продолжают господствовать недифференцированные идеи и воззрения ввиду крайне сложного и запутанного положения дел. Как в раннем средневековье денежная система пребывала в упадке, поскольку еще не сложилась казуистически дифференцированная мораль денежных отношений, а была одна лишь мораль массы, так и сегодня налицо одна лишь общая сексуальная мораль. Девушку, имеющую незаконнорожденного ребенка, осуждают, и никто не спрашивает о том, порядочный она человек или нет. Не санкционированная правом

[4] Раздавите гадину! (*франц.*).

[5] Человек человеку волк (*лат.*).

форма любви аморальна, и неважно, кто вступает в такие отношения — достойные люди или подонки. Мы еще настолько загипнотизированы происходящим, что забываем о том, как и с кем это происходит, подобно тому как для средневековья деньги были не чем иным, как сверкающим неистово вожделенным золотом и поэтому дьявольским началом.

32 Однако все не так просто. Эрос — фигура сомнительная и всегда останется таковой, как бы на это ни реагировали будущие законодатели. С одной стороны, он символизирует исконно животную природу человека, которая будет существовать до тех пор, пока человек обладает животным телом. С другой стороны, он связан с высшими формами духа. Но он преуспевает лишь тогда, когда дух и инстинкт пребывают в гармонии. Если в нем недостает того или иного аспекта, то это наносит ущерб или по меньшей мере приводит к несбалансированной односторонности, которая легко может перейти в патологию. Избыток животного начала искажает образ культурного человека, избыток цивилизации делает больным животное начало. Эта дилемма обнаруживает неопределенность в положении человека, за которую ответствен Эрос. Так, в своем основании Эрос — сверхмогущественная сила, которая, как и сама природа, позволяет овладевать собой и использовать себя, как если бы она была бессильной. Однако триумф над природой дорого оплачивается. Природа не нуждается ни в каких принципиальных объяснениях, а удовлетворяется лишь терпением и мудрой мерой.

33 «Эрос — могучий демон»,— сказала Сократу мудрая Диотима. Мы никогда не сможем сделать его лучше, кроме как только во вред самим себе. Эрос не есть вся наша внутренняя природа в целом, но, по крайней мере, это один из ее существенных аспектов. Таким образом, сексуальная теория невроза, выдвинутая Фрейдом, базируется на истинном и фактическом принципе. Однако ошибка этой теории состоит в ее односторонности и ограниченности исключительно этим принципом, а кроме того, она совершает опрометчивые шаги, стремясь схватить неуловимый Эрос с помощью своей грубой сексуальной терминологии. Фрейд и в этом отношении является одним из типичных представителей именно материалистической эпохи[6], которые надеялись когда-нибудь решить загадку мироздания в пробирке.

---

6 *Юнг К. Г.* Зигмунд Фрейд как культурно-историческое явление // *Юнг К. Г.* Собр. соч. Т. 15. Феномен духа в искусстве и науке. М., 1991. § 44–73.

Фрейд и сам в пожилом возрасте признал этот недостаток уравновешенности в своей теории и противопоставил Эросу, который он назвал либидо, инстинкт разрушения или смерти[7].

> В одной из работ Фрейда, опубликованных после его смерти, говорится: «После долгих сомнений и колебаний мы решились принять лишь два фундаментальных инстинкта: Эрос и инстинкт разрушения... Цель первого — устанавливать все большие единства, а тем самым — сохранять, т. е. связывать; цель второго — напротив, разлагать связи и тем самым разрушать вещи... Поэтому мы его называем также инстинктом смерти»[8].

34 Я вынужден ограничиться этим упоминанием, не вдаваясь в более подробное обсуждение этого понятия. И без того достаточно ясно, что жизнь, как и всякий процесс, имеет начало и конец и что всякое начало есть также начало конца. То, что Фрейд, вероятно, имеет в виду, есть, пожалуй, сам факт того, что всякий процесс — это проявление энергии и что любая энергия вообще может возникать только из напряжения противоположностей.

---

7 Эту идею первоначально высказала моя ученица д-р С. Шпильрейн. Ср.: Die Destruktion als Ursache des Werdens in Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1912. Эта работа упоминается Фрейдом. Фрейд вводит понятие инстинкта разрушения, или смерти, в своей работе «Jenseits des Lustprinyps». Kap. 5.

8 [*Freud S.* An Outline of Psycho-Analysis (orig. 1940) // Standard Edn., XXIII. P. 148.]

III
Другая точка зрения: Воля к власти

35 До сих пор мы рассматривали проблему новой психологии, исходя главным образом из теории Фрейда. Несомненно, мы смогли увидеть нечто истинное, нечто реальное, чему, возможно, наша гордость, наше цивилизованное сознание может сказать «нет»; хотя при этом что-то другое говорит «да». Многие люди полагают подобный факт крайне раздражающим; он вызывает у них враждебность или даже страх, соответственно эти люди не готовы признать сам конфликт. И в самом деле, есть что-то пугающее в том, что человек имеет также некоторую теневую сторону, которая состоит не просто из маленьких слабостей и изъянов, а из прямо-таки демонической динамики. Отдельный человек редко знает об этом; ибо ему, как индивиду, кажется невероятным, чтобы он где-либо и при каких-то обстоятельствах оказывался за пределами самого себя. Но стоит только этим безобидным существам образовать подобие толпы, массы, как сразу же появляется яростное чудовище, и каждый отдельный человек есть лишь крошечная клеточка в теле этого чудовища, где ему волей-неволей приходится идти на поводу у этого кровожадного зверя и даже по возможности обслуживать его. Смутно подозревая об этих неприятных качествах, человек поворачивается невидящим глазом к теневой стороне человека. В воинственном воодушевлении он обрушивается на целительную догму о первородном грехе, хотя она поразительно правдива. Мало того, не решается признаться даже самому себе в том конфликте, который столь мучительно ощущает. Можно легко понять, что такое направление в психологии, которое делает акцент на темной стороне, оказывается нежелательным и даже вызывающим страх, ибо оно вынуждает нас пристально вглядываться в бездонную пропасть этой

проблемы. Смутная догадка поступает к нам о том, что без этой негативной стороны мы не можем претендовать на целостность, что мы имеем тело, которое, как и все тела, отбрасывает тень, и что если мы отрицаем это тело, то лишаемся трехмерности, оказываемся плоскими и лишенными материальности. Однако тело есть животное со звериной душой, организм, беспрекословно повинующийся инстинкту-влечению. Соединиться с этой тенью — значит сказать «да» инстинкту и тем самым также сказать «да» той чудовищной динамике, которая маячит на заднем плане жизненной сцены. От этого нас хочет освободить аскетическая мораль христианства, рискуя при этом дезорганизовать животную природу человека на самом глубочайшем уровне.

36 Выяснял ли кто-либо для себя, что это значит — сказать «да» инстинкту? Это то, чего желал Ницше и чему учил со всей серьезностью. С необычайной страстью он принес в жертву себя, всю свою жизнь идее Сверхчеловека, — идее человека, который, повинуясь своему инстинкту, выходит за пределы самого себя. И как же проходила его жизнь? Так, как Ницше напророчил сам себе в «Заратустре»: в том исполненном предчувствия фатальном падении канатного плясуна, «человека», который не хотел, чтобы его превзошли и «перепрыгнули». Заратустра говорит умирающему канатному плясуну: «Твоя душа умрет еще быстрее, чем твое тело!» И позднее карлик говорит Заратустре: «О Заратустра, камень мудрости! Высоко ты бросил себя; но каждый брошенный камень должен упасть! Ты приговорен к самому себе, и тебе самому суждено побить себя камнями: о Заратустра, как далеко бросил ты камень — но он упадет на тебя». Когда он прокричал о себе «Ecce homo», было слишком поздно, как и тогда, когда это выражение возникло, и распятие души началось еще до того, как умерло тело.

37 Следует смотреть весьма критически на жизнь того, кто учил говорить «да», чтобы иметь возможность изучить последствия подобного учения на собственной жизни учителя. Но если мы посмотрим на его жизнь в этом ракурсе, то нам придется допустить, что Ницше жил по ту сторону инстинкта, в высокогорном воздухе героизма, и эта высота поддерживалась тщательной диетой, специально выбранным климатом и в особенности большими дозами снотворного — до тех пор пока напряжение не разорвало его мозг. Он учил говорить жизни «да», но сама его жизнь давала ответ «нет». Его отвращение к человекозверю, который живет инстинктом, было

слишком велико. Несмотря ни на что, он так и не смог проглотить ту жабу, которую он часто видел во сне, страшась самой необходимости сделать это. Рычание льва Заратустры загнало обратно в пещеру бессознательного всех тех «высших» людей, которые требовали идти с ними в ногу. Поэтому его жизнь не убеждает нас в его учении. Ибо «высший» человек тоже хочет иметь возможность спать без хлорала и жить в Наумбурге и в Базеле, несмотря на «туманы и тени». Он хочет иметь жену и потомство, хочет обладать авторитетом и уважением толпы, он хочет бесчисленное множество самых обыкновенных вещей, уж не меньше, чем у филистимлян. Ницше не жил этим инстинктом, т. е. животным побуждением. При всем своем величии и важности Ницше был патологической личностью.

38 Но чем же он жил, если не инстинктом? Вправе ли мы действительно обвинить Ницше в том, что он практически говорил «нет» своему инстинкту? Едва ли он согласился бы с этим. Он мог бы показать без всякого труда, что он жил инстинктивной жизнью в самом высоком смысле. Но как же тогда оказалось возможным, спросим мы удивленно, что инстинктивная природа человека увела его как раз вдаль от человечества, в абсолютное уединение, в равнодушие и уединенность от стада, поддерживаемые отвращением? Ведь обычно полагают, что инстинкт как раз объединяет, что он спаривает, порождает, что он направлен на удовольствие и благополучие, на удовлетворение всех чувственных желаний. Но не стоит забывать, что это лишь одно из возможных направлений инстинкта. Существует не только инстинкт сохранения вида, но также и инстинкт самосохранения.

39 Об этом последнем инстинкте Ницше и говорит вполне ясно — о воле к власти. Все прочие инстинкты у него лишь следуют в поезде воли к власти. С точки зрения фрейдовской сексуальной психологии это огромная ошибка, ложное понимание биологии, заблуждение декадентствующего невротика. Ибо любой приверженец сексуальной психологии легко сможет доказать, что крайняя напряженность и героический характер ницшевского мировоззрения и его понимания жизни есть все же не что иное, как последствие вытеснения и игнорирования другого «инстинкта», того инстинкта, который эта психология рассматривает в качестве фундаментального.

40 Случай Ницше показывает, с одной стороны, последствия невротической односторонности, а с другой — те опасности, с которыми связан скачок за пределы христианства. Ницше, без сомнения, глубоко чувствовал христианское отрицание животной натуры и поэтому искал более высокой

человеческой целостности по ту сторону добра и зла. Но каждый, кто всерьез критикует базовые установки христианства, также лишается защиты, которую оно ему предоставляет. Он неизбежно отдает себя во власть животного психического. Это момент дионисийского опьянения, всепоглощающего откровения «белокурой бестии»[1], которое вызывает в душе неведомый трепет. Одержимость превращает его в героя или богоподобное существо, в сверхчеловеческую сущность. Он и в самом деле ощущает себя находящимся далеко по ту сторону добра и зла.

41 Наблюдателю-психологу известно это состояние под названием «идентификация с тенью», это явление возникает с большой регулярностью в моменты столкновения с бессознательным. Единственное, что может здесь помочь,— вдумчивая самокритика. Во-первых, слишком маловероятно, чтобы эта потрясшая мир истина была открыта только что, так как такие явления случаются во всемирной истории крайне редко. Во-вторых, надо тщательно исследовать, не происходило ли уже нечто подобное в другом месте и в другое время. Например, Ницше как филолог мог бы найти этим явлениям некоторые четкие классические параллели, что определенно могло бы успокоить его разум. В-третьих, надо принять во внимание, что дионисийское переживание может быть не чем иным, как возвратом к языческой форме религии, а это, в сущности, не открывает ничего нового и ведет к повторению истории. В-четвертых, нельзя не предвидеть того, что за радостным подъемом духа к героическим и богоподобным высотам абсолютно неизбежно последует не менее глубокое падение в пропасть. Такие рассуждения могли бы поставить в выгодное положение того, кто свел бы всю эту экстравагантность к пропорциям стимулирующей и напряженной прогулки в горы, за которой следуют обычные жизненные будни. Подобно тому как каждый ручей ищет долину и широкую реку, направленную к пологим берегам и равнинам, жизнь так же стремится стать будничной и рутинной. Необычное, если оно не заканчивается катастрофой, может вкрадываться в будни, но не так уж часто. Если героизм становится хроническим, то он оканчивается спазмом, и этот спазм ведет к катастрофе или неврозу или к тому и другому. Ницше застрял в состоянии высокого напряжения. Но в этом экстазе он мог бы с тем же успехом сопротивляться и христианству. Здесь

[1] Ср: *Jung C.* Über das Unbewußte. 1918 // Ges. Werke. Bd. 10.

нет и ни малейшего ответа на вопрос о животном психическом, ибо экстатическое животное — это чудовищное уродство. Животное исполняет свой жизненный закон, не больше и не меньше. Его можно назвать послушным и «хорошим». Но экстатическое обходит закон своей собственной жизни и ведет себя несоответствующим образом в природных проявлениях. Это несоответствие есть исключительная прерогатива человека, чье сознание и свободная воля могут при случае contra naturam[2] отрываться от своих корней в животной природе. Это непременная основа всякой культуры, но также и духовной болезни, если нарушена мера. Человек может вынести без вреда лишь определенное количество культуры. Бесконечная дилемма «культура — природа» всегда есть вопрос «слишком много или слишком мало», а не «либо-либо».

42 Случай с Ницше ставит нас перед вопросом: что открыло ему столкновение с тенью, а именно с волей к власти? Следует ли рассматривать это как нечто фальшивое, как симптом вытеснения? Есть ли воля к власти нечто подлинное, или же она вторична? Если бы конфликт с тенью вызвал поток сексуальных фантазий, то случай был бы ясен; однако произошло совсем другое. Дело было не в Эросе, а во власти Эго. Отсюда вывод: то, что было вытеснено,— не Эрос, а воля к власти. Однако, я считаю, нет оснований предполагать, что Эрос является подлинным, а воля к власти — фантом. Несомненно, воля к власти является столь же могущественным демоном, что и Эрос, и дана человеку изначально.

43 И все же цель жизни Ницше, пришедшей к своему фатальному концу, жизни, прожитой с редкостной приверженностью идее инстинкта власти, нельзя назвать придуманной. В противном случае мы вынесли бы ему тот же самый несправедливый приговор, который Ницше вынес своему антиподу Вагнеру: «Все, что с ним связано, фальшиво; а то, что подлинно, скрыто или приукрашено. Он — актер и в хорошем и в плохом смысле этого слова». Откуда такое предубеждение? Вагнер воплотил другой основополагающий побудительный мотив, на который Ницше не обратил внимания и на котором строится психология Фрейда. Если мы посмотрим, был ли этот первый инстинкт, влечение к власти, известен Фрейду, то обнаружим, что Фрейд зафиксировал его под названием «влечения Я»,

2 Вопреки природе (*лат.*).

или Эго-инстинкта. Но эти Эго-инстинкты занимают в его психологии довольно скромное место по сравнению с широко, слишком широко развернутым сексуальным фактором. В действительности же человеческая природа тащит на себе ношу жестокого и бесконечного конфликта между принципом Я, или Эго, и принципом инстинкта: Эго на все накладывает ограничения, инстинкт — безграничен, и оба принципа одинаково могущественны. В известном смысле человек может считать себя счастливым, потому что он осознает «один-единственный побудительный мотив», и уже одно это служит основанием избегать других. Но если он научится узнавать и другой принцип, то он пропал: тогда человек вступает в фаустовский конфликт. В первой части «Фауста» Гете показал нам, что означает принять инстинкт, а во второй части — что означает принять Эго с его зловещим бессознательным миром. Все незначительное, мелочное и трусливое в нас отступает перед этим и сжимается; и для этого есть хороший предлог, мы открываем, что этот «другой» в нас и в самом деле есть еще один реальный человек, который мыслит, делает, чувствует и желает всего того, что недостойно и вызывает презрение. Тем самым враг найден, и мы с удовлетворением начинаем с ним борьбу. Отсюда появляются и те хронические идиосинкразии, отдельные примеры которых для нас сохранила история нравов. Наиболее показательный пример уже приводился — «Ницше против Вагнера, против Павла» и т. д. Но повседневная человеческая жизнь кишит подобными случаями. Так человек спасается от фаустовской катастрофы, перед которой его смелость и сила могут и спасовать. Целостный человек, однако, знает, что и его злейший враг (или даже сонмище врагов) не может тягаться с тем самым опасным соперником, с той «другой самостью», которая живет в его груди. Ницше носил Вагнера в самом себе, поэтому он завидовал его «Парсифалю»; хуже того, он, Савл, носил в себе Павла. Поэтому Ницше оказался стигматизированным духом; подобно Савлу, он был вынужден пережить христианизацию, когда тот, «другой», прошептал ему на ухо: «Ecce homo». Кто «пал перед крестом» — Вагнер или Ницше?

44 Судьбе было угодно, чтобы один из первых учеников Фрейда, Альфред Адлер[3], сформулировал точку зрения на невроз, базирующуюся

[3] *Adler A.* Über den nervösen Charakter. 1912.

исключительно на принципе власти. Небезынтересно и даже по-своему увлекательно наблюдать, насколько по-разному выглядят одни и те же явления в противоположном освещении. Отметим прежде всего основной контраст: у Фрейда все представлено в качестве строго каузальной последовательности, вытекающей из предшествующих фактов, у Адлера же, напротив, все представляет собой телеологическую (обусловленную целью) «упорядоченность». Возьмем простой пример. Одну молодую даму начинают мучить приступы беспокойства. Ночью она просыпается с душераздирающим криком от какого-то кошмарного сна, никак не может успокоиться, прижимается к своему мужу, умоляет его не оставлять ее, требует заверений, что он, конечно же, ее любит и т. п. Постепенно развивается нервная астма, приступы которой случаются и днем.

45 Фрейдовский метод требует в таком случае немедленно погрузиться в изучение внутренней каузальности болезни и ее симптомов. Каково было содержание первых кошмарных снов? На пациентку нападали разъяренные быки, львы, тигры, люди-злодеи. Что в связи с этим приходит пациентке на ум, каковы ее ассоциации? Вот одна из историй, которая произошла с ней, когда она еще не была замужем. Она отдыхала на курорте в горах, много играла в теннис, заводила обычные знакомства. Там оказался один молодой итальянец, который играл в теннис особенно хорошо, а вечерами демонстрировал свое умение играть на гитаре. Завязался легкий флирт, как-то раз они совершали прогулку при луне. И тут «неожиданно», к огромному испугу ничего не подозревавшей девушки, прорвался темперамент итальянца. «Он одарил ее таким взглядом», который она не могла забыть. Этот взгляд преследует ее до сих пор даже во сне; так смотрят дикие звери, преследующие ее в снах. Но действительно ли это взгляд итальянца? Когда пациентке было около 14 лет, ее отец погиб в результате несчастного случая. Он был человеком, принадлежавшим миру, много путешествовал. Однажды незадолго до своей смерти он взял ее с собой в Париж, где они, между прочим, посетили и «Folies Bergères». Там произошло нечто, что произвело на нее неизгладимое впечатление. При выходе из театра к ее отцу вдруг совершенно беспардонно прижалась какая-то размалеванная особа. Девушка испуганно взглянула на отца в ожидании, что же он сделает, и увидела тот же самый взгляд, тот же звериный огонь в его глазах. Это неизъяснимое «нечто» преследовало ее день и ночь. С этого момента ее отношение к отцу изменилось. Иногда она раздра-

жалась, становилась язвительной и капризной, иногда проникалась к нему нежнейшей любовью. В дальнейшем у нее внезапно развились беспричинные приступы истерического плача, а всякий раз, когда отец был дома, с ней частенько происходили неприятные случаи: поперхнувшись за столом, она давилась едой, и это сопровождалось приступами удушья, из-за которых нередко на один-два дня она теряла голос. Известие о внезапной смерти отца причинило ей чрезвычайную боль, что привело тогда к истерическому приступу судорожного смеха. Но вскоре она успокоилась, ее состояние быстро улучшилось, и невротические симптомы почти совсем исчезли. Прошлое покрылось вуалью забвения. Лишь история с итальянцем всколыхнула в ее душе нечто, перед чем она испытывала страх. Она резко прервала отношения с молодым человеком. Спустя несколько лет она вышла замуж. После рождения второго ребенка у нее начался невроз, именно с того момента, когда она сделала открытие, что ее супруг испытывает нежные чувства к другой женщине.

46 Эта история ставит много вопросов: например, а где живет ее мать? О ее матери известно, что у нее были больные нервы и она испробовала все возможные санатории и системы лечения. У нее были установлены симптомы страха и нервная астма. Брак, насколько помнила пациентка, был весьма холодным и отстраненным. Мать плохо понимала отца. У пациентки всегда было такое чувство, что она понимает его гораздо лучше. Она была явной любимицей отца и соответственно испытывала внутреннюю холодность по отношению к матери.

47 Этих указаний, пожалуй, достаточно, чтобы дать общее представление о болезни. За имеющимися симптомами скрываются фантазии, которые непосредственно связаны с переживанием по поводу итальянца, но затем обращаются к отцу, чей неудачный брак еще раньше дал любимой дочери благоприятную возможность обеспечить себе то место, которое, собственно, должно было бы принадлежать матери. За этим завоеванием, конечно, скрывается фантазия о том, что она, дочь, и есть самая подходящая жена для отца. Первый приступ невроза случился в тот самый момент, когда эта фантазия пациентки испытала тяжелое потрясение, вероятно, такое же, какое пришлось испытать и ее матери, хотя об этом ребенку и не было известно. Сами симптомы легко объяснимы как выражение разочарованной и отвергнутой любви. Пищеварительные спазмы во время еды были вызваны тем самым чувством, когда перехватывает горло, а это

известное явление, сопровождающее сильные переживания, которые человек не может полностью «проглотить». (Метафоры обыденной речи часто связаны, как нам известно, с такого рода физиологическими явлениями.) Когда отец умер, случилось так, что хотя ее сознание было тяжело ранено, однако ее тень смеялась на манер Тиля Уленшпигеля. Он делался скорбным, когда делам предстояло идти хуже, и приобретал веселое расположение духа на утомительном пути вверх, как бы предвидя будущее. Когда отец оставался дома, ей становилось грустно и она заболевала; когда его не было, она чувствовала себя гораздо лучше, подобно тем многочисленным мужьям и женам, которые еще скрывают друг от друга ту сладкую тайну, что они отнюдь не всегда и не абсолютно необходимы друг другу.

48 То, что бессознательное в подобных обстоятельствах имело основания смеяться, было подтверждено в последующий здоровый период. Ей удалось заставить прошлое погрузиться в забвение. Лишь эпизод с итальянцем угрожал снова поднять на поверхность подземный мир. Однако она быстро захлопнула дверь и оставалась здорова до тех пор, пока дракон невроза все же не приполз к ней именно тогда, когда она воображала себя в безопасности, пребывая, так сказать, в идеальном качестве супруги и матери.

49 Сексуальная психология говорит: причина невроза заключается в базовой неспособности пациентки освободиться от своего отца. Вот почему связанные с отцом воспоминания всплывали снова, когда она обнаружила в итальянце таинственное «нечто», которое уже в отце произвело на нее сильное впечатление. Эти воспоминания были, естественно, оживлены аналогичным переживанием, связанным с ее мужем, что послужило непосредственной причиной невроза. Можно было бы поэтому сказать, что содержанием и причиной невроза был конфликт между инфантильно-эротическим отношением к отцу и любовью к мужу.

50 Если же мы теперь посмотрим на ту же самую клиническую картину с точки зрения «другого» инстинкта, воли к власти, то дело будет выглядеть совсем иначе. Неудачный брак родителей пациентки давал превосходную возможность для удовлетворения ее детского стремления к власти. Инстинкт власти требует, чтобы Эго при любых обстоятельствах оставалось «на высоте», какой бы путь — прямой или окольный — ни вел к этой цели. «Целостность личности» должна быть сохранена любой

ценой. Всякая попытка окружающих — пусть даже кажущаяся — хоть в малейшей степени подчинить субъекта встречает, по выражению Адлера, «мужественный протест». Разочарование матери и ее невроз создали поэтому в высшей степени желаемые и благоприятные условия для реализации власти и для того, чтобы оказаться на высоте. Любовь и прекрасное поведение являются, с точки зрения инстинкта власти, замечательными средствами для достижения цели. Добродетель нередко помогает вынудить признание у окружающих. Уже ребенком она знала, как с помощью угодливого поведения добиться преимуществ в глазах отца и прежде всего подняться над матерью — и не из любви к отцу, а потому что любовь оказывалась подходящим способом для того, чтобы оказаться на высоте. Красноречивым доказательством тому является судорожный смех, охвативший ее при известии о смерти отца. Мы склонны считать подобного рода объяснение ужасным обесцениванием любви, не говоря уже о злонамеренной инсинуации, пока мы не отвлечемся на момент и не увидим мир таким, каков он есть. Разве вы никогда не видели бесчисленное количество таких людей, которые любят и верят в свою любовь лишь до момента достижения своей цели; после чего такие люди отворачиваются от предмета своего увлечения, как будто они никогда и не любили? Но разве, наконец, сама природа не поступает точно так же? Разве «незаинтересованная» любовь вообще возможна? Если да, то она принадлежит к тем высшим добродетелям, которые, как всем давно известно, очень редки. Возможно, существует общая тенденция думать как можно меньше о цели своей любви; в противном случае мы могли бы сделать открытия, представляющие достоинства нашей собственной любви в менее благоприятном свете.

51 Итак, пациентку при известии о смерти ее отца охватил истерический смех — она наконец достигла вершины. Это был истерический смех, психогенный симптом, нечто проистекавшее из бессознательных мотивов, а не из мотивов сознательного Эго. Это такой нюанс, который нельзя недооценивать и который дает возможность понять, откуда и как возникают известные человеческие добродетели. Нечто противоположное этим добродетелям ведет в ад или, выражаясь современным языком, в бессознательное, где издавна накапливаются антиподы наших сознательных добродетелей. Следовательно, по причине самой добродетели люди не хотят ничего знать о бессознательном; вершиной добродетельной мудрости

является утверждение, что бессознательного вообще не существует. Но увы! К сожалению, со всеми нами происходит то же, что и с братом Медардом в «Эликсире сатаны» Э.-Т.-А. Гофмана: где-то существует чудовищный, страшный брат, наш собственный, плотью и кровью связанный с нами антипод, который удерживает и злокозненно накапливает все то, что мы слишком уж охотно «прячем под столом».

52 Первый приступ невроза у нашей пациентки случился в тот момент, когда она осознала, что в ее отце есть нечто ей неподвластное. И тогда взошел великий свет, теперь она узнала, для чего ее матери был нужен невроз: когда сталкиваешься с той или иной трудностью или препятствием, которые не можешь побороть никакими иными разумными и изящными средствами, тогда остается еще один до сих пор не изведанный способ, тот, который уже задолго до этого открыла ее мать,— невроз. И отныне она начинает имитировать невротические симптомы матери. Но что же хорошего в неврозе, спросите вы удивленно? Что он может дать? Любой, кто имеет в своем окружении случай невроза, хорошо знает, что он может «принести». Лучшего средства тиранить всех домашних, чем невроз, нет. Огромное воздействие на них оказывают сердечные приступы, приступы удушья, всевозможные спазмы и судороги, их эффективность едва ли может быть превзойдена. Здесь высвобождаются океаны сочувствия, перед нами встает картина извергающихся потоков сострадания и ужаса любящих и озабоченных родителей, беготни взад и вперед перепуганной прислуги, шквала телефонных звонков, спешащих на помощь врачей, тяжелых диагнозов, тщательных обследований, длительного лечения, крупных расходов — и в центре всего этого, посреди этой суматохи лежит сам невинный страдалец, к которому окружающие еще и преисполнены благодарности за то, что он нашел в себе силы преодолеть свои «спазмы».

53 Эту непревзойденную «упорядоченность» (Arrangement, по выражению Адлера) и открыло для себя «дитя малое», с успехом применяя его каждый раз, когда отец бывал дома. Надобность в нем отпала со смертью отца; ибо теперь наконец она была на вершине. Итальянца она отвергла сразу же после того, как он слишком подчеркнуто указал на ее женственность, напомнив тем самым о своей принадлежности к мужскому полу. Когда же представилась подходящая возможность выйти замуж, она полюбила и безропотно покорилась судьбе жены и матери. Покуда сохранялось ее вызывающее восхищение превосходство, все шло замечательно.

Но когда однажды у ее мужа появилось маленькое увлечение на стороне, тогда ей пришлось, как и раньше, обратиться к той же самой чрезвычайно эффективной «упорядоченности», опосредованной «игре мускулами», поскольку она вновь столкнулась с препятствием, на этот раз в муже, которое до этого в случае с отцом вышло из-под ее контроля.

54 Так выглядит суть дела с точки зрения психологии власти. Я боюсь, как бы читатель не оказался в положении того кадия, перед которым сначала выступил защитник одной стороны. Когда он закончил свою речь, кадий сказал: «Ты говорил очень хорошо; я вижу — ты прав». Но затем взял слово защитник другой стороны, и, когда он закончил, кадий почесал у себя за ухом и сказал: «Ты говорил очень хорошо; я вижу — ты тоже прав». Вне всякого сомнения, инстинкт власти играет чрезвычайно важную роль. Верно то, что невротические симптомы и комплексы также участвуют в «упорядочиваниях», которые с невероятным упорством и несравненной хитростью неумолимо преследуют свои цели. Невроз телеологически ориентирован (он имеет целевую ориентацию). В подтверждении этого — серьезная заслуга Адлера.

55 Какая из двух точек зрения правильная? Это непосильный вопрос. Нельзя просто наложить друг на друга оба объяснения, так как они абсолютно противоречат друг другу. В одном случае высшим и решающим фактом оказывается Эрос и его судьба, в другом — власть Эго. В первом случае Эго является лишь своего рода придатком Эроса и зависит от него; во втором случае любовь каждый раз оказывается лишь средством для достижения превосходства. Те, кто обладают властью Эго, по большей части в глубине души восстанут против первой версии; но те, кому важна любовь, никогда не смогут примириться со второй точкой зрения.

IV
Проблема типа установки

1

56 Несовместимость двух теорий, рассмотренных в предшествующих главах, требует поиска более высокой позиции по отношению к обеим, позиции, в которой эти теории могли бы прийти к единству. Мы не можем отбросить одну теорию, сделав выбор в пользу другой, каким бы удобным ни казался этот выход. Ведь, если непредвзято подвергнуть проверке обе эти теории, то окажется, что в обеих содержатся важные истины, и, как бы они ни были противоположны, они не должны исключать друг друга. Теория Фрейда настолько проста, что многие реагируют почти болезненно, когда кто-нибудь пытается ее оспорить или опровергнуть. Но то же самое справедливо и в отношении теории Адлера. Она тоже обладает очевидной простотой и не меньшей объясняющей силой, чем теория Фрейда. Поэтому не приходится удивляться тому, что последователи обеих школ упрямо цепляются за свои односторонние взгляды. По причинам, вполне по-человечески понятным, они не хотят отказаться от элегантной, «отделанной» теории в обмен на некий парадокс или, хуже того, заблудиться в путанице противоречивых точек зрения.

57 Итак, поскольку обе теории в значительной мере правильны, т. е. объясняют, по-видимому, свой материал, то из этого следует, что невроз должен иметь два противоположных аспекта, один из которых объяснен Фрейдом, а другой — Адлером. Но как это получается, что каждый исследователь видит только одну сторону и почему каждый настаивает на том, что именно он владеет правильным пониманием? Должно быть, это происходит потому, что в силу своих психологических особенностей каждый исследователь видит в неврозе прежде всего то, что этим особенностям соответствует. Нельзя допустить, что Адлер имел дело со случаями неврозов, совершенно отличными от тех, которые были рассмотрены Фрейдом. Оба явно исходят

из одного и того же эмпирического материала; но так как они в силу своего психологического своеобразия видят вещи по-разному, то и развивают в корне различные взгляды и теории. Адлер наблюдает, как субъект, чувствующий себя подчиненным и неполноценным, пытается с помощью «протестов», «обустроенности» и прочих служащих достижению его цели ухищрений обеспечить себе иллюзорное превосходство, направленное в равной степени против родителей, воспитателей, начальства, авторитетов, ситуаций, институций и пр. Даже сексуальность может фигурировать среди его «инструментов». Этот взгляд строится на акцентировании субъекта, по отношению к которому идиосинкразия и значение объектов полностью исчезают. Объекты в лучшем случае рассматриваются как средства тенденций подавления. Думаю, не ошибусь, если скажу, что отношения любви и желания, направленные на объекты, тоже фигурируют у Адлера как существенные факторы; однако в его теории неврозов они не играют принципиальной роли, приписываемой им Фрейдом.

58 Фрейд наблюдает своего пациента в постоянной зависимости от значимых объектов и в отношении к ним. Отец и мать играют здесь большую роль; какие бы другие значимые влияния и обусловливающие факторы ни входили в жизнь пациента, они оказываются в прямой каузальной зависимости от этих первичных факторов. Оплот сопротивления («Pièce de résistance») его теории — это понятие переноса, т. е. отношение пациента к врачу. Объект, всегда оцениваемый специфическим образом либо желанный, встречает сопротивление, и это следует образцу, усвоенному в раннем детстве пациента через его отношения к отцу и матери. То, что исходит от субъекта, есть, в сущности, слепое влечение к удовольствию; но это влечение всегда приобретает свои качества от специфических объектов. У Фрейда объекты имеют величайшее значение и обладают почти исключительно детерминирующей силой, тогда как субъект остается в высшей степени незначительным, являясь, по сути, не чем иным, как источником стремления к удовольствию и источником беспокойства. Как уже указывалось, Фрейд признает влечения Я, но уже сам этот термин указывает на то, что его представление о субъекте toto coelo[1] отличается от адлеровского, в котором субъект фигурирует как определяющий фактор.

[1] Совершенно, полностью (*лат.*).

59 Разумеется, оба исследователя рассматривают субъекта в его отношении к объекту; но насколько разным видится это отношение! Адлер делает акцент на субъекте, который вне зависимости от объекта пытается достичь собственной безопасности и стремится к верховенству; Фрейд же, напротив, делает упор лишь на объекты, которые в соответствии с их специфическим характером либо способствуют, либо препятствуют стремлению субъекта к удовольствию.

60 Это различие есть, вероятно, не что иное, как следствие разницы темпераментов, противоположности двух типов человеческой ментальности, один из которых предстает преимущественно субъектом, а второй — объектом. Промежуточная позиция, скажем, позиция «здравого смысла», полагала бы, что человеческое поведение обсуловлено как субъектом, так и объектом. Оба исследователя, каждый со своей стороны, возможно, утверждали бы, что их теория не ставит своей задачей дать психологическое объяснение нормального человека, а является теорией неврозов. Но тогда, вероятно, Фрейду пришлось бы анализировать и лечить некоторых пациентов на манер Адлера, а Адлер должен был бы пойти на то, чтобы в определенных случаях всерьез принимать во внимание точку зрения своего бывшего учителя, чего не происходило ни в одном случае.

61 Эта дилемма поставила меня перед вопросом: а не существуют ли по меньшей мере два разных человеческих типа, из которых один больше заинтересован объектом, а другой — самим собой? И не объясняет ли это, что один видит лишь одно, а другой — только другое, и таким образом они приходят к совершенно различным выводам? Ведь нельзя же, как уже было сказано, полагать, что судьба столь изощренно сортирует пациентов, что определенная их группа неизменно попадает к определенному врачу. Я уже давно заметил как у себя самого, так и у своих коллег, что есть случаи, которые вызывают явную заинтересованность, тогда как другие отказываются укладываться в голове. Решающим для лечения всегда является установление добрых отношений между врачом и пациентом. Если в течение короткого времени не возникает естественной доверительности, то пациенту следует поискать другого доктора. Я никогда не останавливался перед тем, чтобы порекомендовать своему коллеге пациента, чье своеобразие противоречило моему видению, или пациента, который казался мне несимпатичным, и уж точно я делал это в его же интересах. Я полагаю, что в таких случаях я не смогу добиться хороших результатов.

Личность каждого по-своему ограничена, и поэтому психотерапевт всегда должен учитывать эту ограниченность. Слишком большие личностные расхождения или даже несовместимость вызывают несоразмерное и излишнее сопротивление, хотя оно вовсе не беспочвенно. Контроверза «Фрейд — Адлер» есть, попросту говоря, парадигма и всего лишь единичный случай среди многих возможных типологических установок.

62 Я много занимался этим вопросом и в конечном счете на основе множества наблюдений и опытов пришел к выводу о существовании двух основных установок, а именно интроверсии и экстраверсии. Первая установка обычно характеризует человека нерешительного, рефлексивного, замкнутого, который с трудом отвлекается от самого себя, избегает объектов, всегда находится немного в обороне и предпочитает недоверчивое критическое разглядывание. Вторая установка обычно характеризует человека любезного, судя по всему, открытого и предупредительного, который легко приспосабливается к любой данной ситуации, быстро вступает в контакты и часто беззаботно и доверчиво, пренебрегая осторожностью, ввязывается в рискованные ситуации. В первом случае определяющую роль явно играет субъект, а во втором — объект.

63 Разумеется, я обрисовал эти типы лишь в самых общих чертах[2]. В эмпирической действительности эти установки, к которым я скоро еще вернусь, редко наблюдаются в чистом виде. Они бесконечно варьируются и компенсируются, так что часто четко установить тип бывает совсем нелегко. В основу вариации — наряду с индивидуальными отклонениями — заложено преобладание одной из сознательных функций, например мышления или чувства, что всякий раз накладывает на основную установку особый отпечаток. Наиболее частые компенсации основного типа вообще обязаны жизненному опыту, который учит человека — возможно, и в весьма болезненной форме — не слишком уж давать волю своей натуре. В других случаях, например у невротиков, часто и не знаешь, с какой установкой — сознательной или бессознательной — имеешь дело, поскольку из-за диссоциации личности проявляется то одна, то другая, что не дает возможности сделать определенный вывод. По этой же причине столь затруднительна совместная жизнь с невротическими личностями.

[2] Разработка проблемы типов дана в моей книге «Психологические типы».

64 Фактическое существование значительных типических различий, из которых я в только что упомянутой книге выделил и описал восемь групп[3], дало мне возможность рассматривать обе эти противоречащие друг другу теории неврозов как проявление типологического антагонизма.

65 Эти выводы привели к необходимости возвыситься над противоположностями и создать теорию, которая отдавала бы должное не какой-то одной концепции, а в равной мере — обеим. Существенным моментом для этого была критика обеих приведенных теорий. Обе теории способны весьма болезненным образом свести высокие идеалы, героические установки, благородство чувств, глубокие убеждения к банальной реальности, если их, разумеется, применять к таким явлениям. Подобного ни в коем случае делать не следовало бы, ибо обе теории являются терапевтическими инструментами из арсенала врача, который острым и безжалостным скальпелем удаляет больные и приносящие вред участки. Это было также целью ницшевской разрушительной критики идеалов, которые он считал болезненными наростами на душе человечества (таковыми они иногда и бывают). В руках хорошего доктора, действительного знатока человеческой души, который, по словам Ницше, имеет тонкий нюх, и в применении к тому, что действительно является больным в душе, обе теории представляют собой целительные выжигающие средства, эффективные, если их применять в дозировке, соответствующей каждому индивидуальному случаю, но вредные и опасные в руках того, кто не умеет измерять и взвешивать. Это — критические методы, обладающие, как и любая критика, способностью благотворного воздействия там, где можно и должно разрушить, разложить и ограничить, но они причиняют только вред везде, где следует созидать.

66 Обе теории можно было бы принять без болезненных опасений лишь постольку, поскольку они, подобно медицинским ядам, находятся в надежной руке врача. Дело в том, что для успешного применения этих выжигающих средств требуется чрезвычайно глубокое знание психиче-

[3] Естественно, это не включает все существующие типы. Кроме того, к критериям различий относятся возраст, пол, активность, эмоциональность и уровень развития. Основу моей типологизации составляют четыре ориентирующие функции сознания: ощущение, мышление, чувство, интуиция. См.: *Юнг К. Г.* Психологические типы. СПб.: Ювента, 1995. § 642 и далее.

ского. Тот, кто их применяет, должен уметь отличить больное и бесполезное от весьма ценного и подлежащего сохранению, а это — весьма трудное дело. Тот, кто хочет наглядно убедиться в том, как безответственно психологизирующий доктор может впасть в ошибку, будучи связан обывательскими, псевдонаучными предрассудками, тому достаточно взять в руки работу Мебиуса о Ницше или еще лучше — многочисленные «психиатрические» труды о «случае» Христа. Тогда он без колебаний взывает к «тройственной ламентации» при мысли о пациенте, которому выпадет на долю такое «понимание».

67 Обе теории неврозов не являются общими, это средства, так сказать, местного значения. Они редуктивны и деструктивны. По любому поводу в них есть ответ: «Это не что иное, как...» Больному разъясняют, что его симптомы имеют такое-то и такое-то происхождение и являются не чем иным, как тем или этим. Было бы очень несправедливо всегда утверждать, что такая редукция в данном конкретном случае ошибочна; однако, будучи возведенной в ранг общего понимания сущности как больной, так и здоровой психики, редуктивная теория сама по себе невозможна. Ибо человеческая психика, будь она больной или здоровой, не может быть объяснена единственно путем редукции. Разумеется, Эрос присутствует всегда и везде, инстинкт власти определенно пронизывает все высоты и глубины психического; однако психическое есть не просто одно или другое или, если угодно, и то и другое вместе. Оно есть также то, что оно сделало или будет делать из них. Человек понят лишь наполовину, когда мы знаем, чем определяется его бытие. Если бы все объяснялось только этим, то человек мог бы с таким же успехом быть мертвым. Но как живущее создание он не понят, так как жизнь имеет не только Вчера, равно как и не объясняется сведением Сегодня к Вчера. Жизнь имеет также Завтра, и Сегодня становится понятным лишь тогда, когда мы оказываемся способными прибавить к нашему знанию то, что было вчера, и то, что будет Завтра. Это относится ко всем психологическим проявлениям жизни и даже к симптомам болезни. Дело в том, что симптомы невроза — это не только следствия имевших место однажды в прошлом причин, будь то «инфантильная сексуальность» или же «инфантильное побуждение к власти», но они суть также попытки некоторого нового синтеза жизни, следует добавить: безуспешные попытки, хотя при этом они остаются попытками, не лишенными

внутренней ценности и смысла. Это — семена, не проросшие в силу неблагоприятных условий внутренней и внешней природы.

68 Читатель, несомненно, спросит: в чем же заключается ценность и смысл невроза, этого бесполезнейшего и ужаснейшего проклятия, посланного человечеству? Быть невротиком — что может быть хорошего в этом? Столько же, сколько в мухах и прочих паразитах, которых добрый Господь сотворил с тем, чтобы человек мог упражняться в полезной добродетели терпения. Насколько нелепа эта мысль с точки зрения естественной науки, настолько же она оправданна с точки зрения психологии, если мы вместо «нервные симптомы» скажем «паразиты». Даже Ницше, как никто другой, презиравший глупые и банальные мысли, не раз признавал, сколь многим он был обязан своей болезни. Я сам знал многих людей, которые свою полезность и оправданность своего существования связывали с неврозом, не дававшим им совершать те глупости, которые имели бы решающее значение в их жизни, и принуждавшим их к такому способу существования, когда развивались бы весьма ценные задатки. Последние оказались бы задушенными, если бы невроз железной рукой не ставил этих людей на соответствующее им место. Есть люди, которые лишь в бессознательном обладают пониманием смысла своей жизни и своего подлинного значения, а сознание их заполнено всем тем, что представляет для них ошибки и соблазн, уводящий их с правильного пути. С другими же все обстоит как раз наоборот, и здесь невроз имеет другое значение. В таких случаях показана полная редукция, недопустимая в вышеупомянутых случаях.

69 Здесь читатель может склониться к тому, чтобы в определенных случаях допустить возможность невроза в таком значении, однако все же будет готов отрицать наличие далеко идущей и полной смысла целесообразности этого заболевания в обычных, повседневных случаях. Что, например, ценного может иметь невроз в вышеупомянутом случае с астмой и истерическими приступами страха? Я допускаю, что ценность здесь не вполне очевидна, особенно если этот случай рассматривать с позиции редуктивной теории, т. е. с теневой стороны индивидуального развития.

70 Обе теории, обсуждавшиеся здесь, имеют, как мы видели, много общего: они безжалостно вскрывают все то, что принадлежит к теневой стороне человека. Это теории или, лучше сказать, гипотезы, которые объясняют нам, в чем состоит патогенный фактор. В соответствии с этим

их интересуют не положительные ценности человека, а его отрицательные качества, которые проявляют себя в качестве расстройств.

71 «Ценность» есть некоторая возможность для выхода энергии. Но поскольку отрицательная ценность точно так же есть некоторая возможность для демонстрации энергии (что мы, например, четко можем наблюдать в случаях значительных проявлений невротической энергии), то она, по сути дела, тоже есть некоторая «ценность», но такая, которая делает возможными бесполезные и вредные демонстрации энергии. Дело в том, что энергия сама по себе не есть ни добро, ни зло, она ни полезна ни вредна, но индифферентна, так как все зависит от формы, в которую облачается энергия. Форма придает энергии ее качество. С другой стороны, однако, одна лишь форма без энергии точно так же нейтральна. Для получения действительной ценности необходимы и энергия, и ценностная форма. В неврозе психическая энергия[4] представлена, без сомнения, в неполноценной и непригодной форме. Обе редуктивные теории действуют, как растворители этой неполноценной формы. Здесь они оправдывают себя в качестве упомянутых выжигающих средств, с помощью которых мы получаем свободную, но нейтральную энергию. До сих пор господствовало допущение, что эта вновь приобретенная энергия оказывается в сознательном распоряжении пациента, так что он может применять ее по своему разумению. Поскольку при этом мыслилось, что эта энергия есть не что иное, как сила полового влечения, то речь шла о ее «сублимированном» применении с допущением того, что пациент с помощью анализа получает возможность «сублимировать» сексуальную энергию в некоторую другую форму, т. е. находить для нее некоторый несексуальный способ применения, например, занятие искусством или какой-либо еще благой или полезной деятельностью. Согласно этому взгляду, пациент имеет возможность произвольно или в соответствии со своей склонностью осуществить сублимацию своих инстинктивных сил.

72 Можно признать, что подобный взгляд имеет право на существование в той мере, в какой человек вообще в состоянии наметить линию своей жизни, которой ему следует придерживаться. Но мы знаем, что не существует

[4] Отсылаю читателя к моей работе: Über psychische Energetik und das Wesen der Träume, 1948 // Ges. Werke. Bd. 8.

такой человеческой дальновидности и жизненной мудрости, которая позволяла бы нам придать нашей жизни заранее намеченное направление, за исключением незначительных отрезков жизненного пути. Это справедливо, конечно, только в отношении «обычного» житейского типа, но не в случае «героического». Последний тип тоже существует, но, без сомнения, гораздо реже, чем первый. Здесь уже нельзя, конечно, сказать, что заданного направления в человеческой жизни нельзя предначертать, разве что на короткий отрезок. Героическое поведение безусловно, т. е. оно определяется судьбоносными решениями, и само решение двигаться в определенном направлении поддерживается и в случае вероятности печального конца. Ясно, что доктору приходится по большей части иметь дело с обычными людьми и гораздо реже с героями-добровольцами, но тогда, к сожалению, это в большинстве своем тот тип, чей показной героизм есть инфантильное утешение перед лицом более сильной судьбы или же напыщенность, котороя призвана скрыть раздражающее чувство неполноценности. В этом всеподавляющем рутинном существовании, увы, мало таких необычных проявлений, которые считались бы здоровыми, и здесь для бесспорного героизма места весьма мало. Не то чтобы требование героизма вообще не стоит перед нами: напротив, самое раздражающее и тягостное состоит как раз в том, что банальная повседневность обращает к нашему терпению, нашей преданности, выдержке, самоотречению свои требования, которые надо выполнять лишь со смирением и без каких бы то ни было показных, героических жестов, для чего, однако, нужен героизм, хотя и неприметный внешне. Он лишен блеска, не вызывает похвал и постоянно стремится укрыться в повседневном одеянии. Таковы те требования, неисполнение которых приводит к неврозу. Чтобы уклониться от них, многие уже принимали смелые решения о своей жизни и реализовывали их, даже если в глазах большинства людей это выглядело большой ошибкой. Перед такой судьбой можно только склонить голову. Но, как я говорю, такие случаи редки; остальные же составляют подавляющее большинство. Для них направление их жизни не прямая, ясная линия; судьба предстает перед ними в запутанном виде и преисполненной различных возможностей, и все же лишь одна из этих многих возможностей есть их собственный и правильный путь. Кто мог бы, даже обладая всем доступным человеку знанием своего собственного характера, заранее предсказать ту самую единственную возможность? Многое,

разумеется, может быть достигнуто напряжением воли, но, беря за образец судьбу некоторых личностей, обладающих особенно сильной волей, было бы в корне ошибочно любой ценой подвергнуть нашу собственную судьбу изменению волевым усилием. Наша воля есть функция, направляемая рефлексией, следовательно, она так или иначе зависит от качества нашей рефлексии. Такие размышления — если это вообще есть некоторые размышления — должны быть рациональными, т. е. соответствовать разуму. Однако разве кто-нибудь когда-нибудь доказал и разве может это быть кем-нибудь доказано, что жизнь и судьба согласуются с человеческим разумом, т. е. что они также рациональны? Напротив, мы не без оснований предполагаем, что они тоже иррациональны, иначе говоря, что они в конечном счете имеют свое основание также и по ту сторону человеческого разума. Иррациональность события демонстрирует себя в том, что мы называем случаем, который мы, разумеется, вынуждены отрицать, потому что мы ведь не можем в принципе представить себе какой-либо процесс, который не был бы каузально обусловлен, следовательно, такой процесс и не может быть для нас случайным[5]. На практике, однако, везде правит случай, и его очевидность настолько бьет в глаза, что мы могли бы с не меньшим успехом засунуть свою каузальную философию к себе в карман. Полнота жизни управляется законом и вместе с тем не закономерна, она рациональна и вместе с тем иррациональна. Поэтому разум и воля, укорененная в разуме, имеют силу лишь до определенной степени. Чем дальше мы движемся в направлении, избранном разумом, тем больше мы можем быть уверены, что тем самым исключаем иррациональную жизненную возможность, имеющую такое же право быть прожитой. Разумеется, способность определять направление своей жизни была весьма целесообразной для человека. Можно с полным правом утверждать, что достижение разумности есть величайшее завоевание человечества; тем не менее не сказано, что так должно или так будет продолжаться всегда. Страшная катастрофа Первой мировой войны перечеркнула

[5] Современная физика покончила с этой строгой каузальностью. Теперь осталась только «статистическая вероятность». Еще в 1916 г. я указывал на ограничения каузального взгляда в психологии, за что и подвергся жесткой критике. См. мое предисловие ко второму изданию: Collected Papers on Analytical Psychology // Freud and Psychoanalysis. P. 293–294.

расчеты даже наиболее оптимистически настроенных рационалистов в культуре. В 1913 г. Оствальд писал:

> «Все человечество сходится в том, что современное состояние вооруженного мира — это состояние неустойчивое и постепенно становящееся невозможным. Оно требует от некоторых наций чудовищных жертв, которые значительно превосходят затраты на культурные цели, хотя тем самым отнюдь не обретаются какие-либо позитивные ценности. Если, таким образом, человечество сможет найти пути и средства к тому, чтобы прекратить подготовку к войнам, которые никогда не наступят, и отказаться от подготовки значительной части нации самого цветущего и работоспособного возраста к войне и ко всем прочим бесчисленным вредительствам, вызываемым современным состоянием, то тем самым будет сэкономлено столь огромное количество энергии, что с этого момента следовало бы рассчитывать на небывалый расцвет культурного развития. Ибо война — точно так же, как и личная борьба,— есть хотя и самое древнее из всех возможных средств разрешения противоречий между волями, однако именно поэтому — самое нецелесообразное, сопряженное со злейшим расточительством энергии. Полное устранение как потенциальной, так и актуальной войны всецело отвечает поэтому смыслу энергетического императива и является одной из важнейших культурных задач современности»[6].

73 Иррациональность судьбы, однако, не совпала с рациональностью добродетельных мыслителей; в дело были пущены не только горы накопленного оружия и множество солдат, но случилось гораздо большее, а именно чудовищное, безумное опустошение, массовое убийство небывалых масштабов,— из этого человечество, вероятно, могло бы сделать вывод о том, что только одной стороной судьбы можно овладеть с помощью рациональных намерений.

74 То, что истинно относительно человечества вообще, так же истинно и в отношении каждого отдельного человека, поскольку все человечество состоит исключительно из индивидов. И соответственно психология человечества является также и психологией отдельных людей. Мировая война страшно расплатилась с рациональными намерениями цивилизации. То, что у отдельного человека называется «волей», у наций именуется

[6] *Ostwald Wilhelm.* Die Philosophie der Werte. 1913. S. 312 f.

«империализмом», так как воля есть демонстрация власти над судьбой, т. е. исключение случая. Цивилизация есть рациональная, «целенаправленная сублимация свободных энергий, вызванная волей и намерением». То же самое происходит с индивидом; подобно тому как идея мировой цивилизации претерпела в этой войне пугающую корректировку, точно так же и отдельному человеку нередко приходится на опыте узнавать, что так называемые «имеющиеся в распоряжении» энергии не позволяют распоряжаться собой.

75 В Америке у меня однажды консультировался один коммерсант, которому было около 45 лет; его случай хорошо иллюстрирует только что сказанное. Это был типичный американец, самостоятельно выбившийся в люди из самых низов. Он был очень успешным и основал солидное предприятие. Ему удалось постепенно поставить дело так, что он мог уже подумывать о том, чтобы отойти от руководства и уйти в отставку. За два года до того, как я с ним встретился, он так и поступил. До этого он жил исключительно своим делом и концентрировал на нем всю свою энергию с той невероятной интенсивностью и однобокостью, которая характерна для преуспевающего американского бизнесмена. Он купил себе роскошную виллу, где и намеревался «жить», думая при этом о лошадях, автомобилях, гольфе, теннисе, приемах и т. д. Однако он ошибся в своих расчетах. Все эти манящие перспективы оказались для него совершенно непривлекательными; его энергия сосредоточилась совсем на ином, а именно: после нескольких недель долгожданной счастливой жизни он начал прислушиваться к некоторым необычным ощущениям в теле, и еще нескольких недель оказалось достаточно, чтобы повергнуть его в небывалую ипохондрию. Нервы его окончательно расстроились. Он, здоровый, физически необычайно крепкий, на редкость энергичный человек, превратился в раздражительного ребенка. Это был закат всей его доблести. Одни страхи сменялись другими, и он чуть ли не до смерти изводил себя ипохондрическими придирками и подозрениями. Тогда он проконсультировался у одного известного специалиста, который сразу совершенно правильно определил, что пациент нуждается лишь в одном, а именно — в работе. Пациент с этим согласился и вернулся на прежнюю позицию. Но, к его великому разочарованию, у него пропал интерес к своему делу. Ни терпение, ни решимость не помогали. Уже никакими средствами не удавалось направить энергию на дело. Его состояние еще более ухудшилось. Все, чем

он жил прежде, вся его живая творческая энергия обернулась теперь против него со страшной разрушающей силой. Его творческий гений восстал, так сказать, против него, и точно так же, как прежде он вершил великие организационные дела, так теперь его демон творил не менее рафинированные хитросплетения ипохондрических иллюзорных умозаключений, которые просто убивали его. Когда я его увидел, он уже был безнадежной моральной развалиной. Я все же попытался разъяснить ему, что хотя такая гигантская энергия и может быть отвлечена от дела, однако вопрос заключается в том, на что ее направить. Порой даже самые прекрасные лошади, самые быстрые автомобили и самые увлекательные вечеринки служат слабой приманкой для энергии, хотя, разумеется, было бы вполне разумным полагать, что человек, посвятивший всю свою жизнь серьезной работе, в определенном смысле имеет естественное право и повеселиться. Да, если бы судьба распоряжалась в соответствии с человеческим разумом, тогда, пожалуй, последовательность должна была быть такой: сначала работа, а уже потом заслуженный отдых. Однако все происходит как раз иррационально, и, безусловно, энергия требует того течения, которое приходится ей по вкусу, а иначе она просто накапливается и, не имея выхода, становится деструктивной. Она возвращается к прежним ситуациям, в случае с этим человеком — к воспоминанию о заражении сифилисом, случившемся с ним 25 лет назад. Однако и это было лишь этапом на пути возрождения инфантильных реминисценций, которые уже было почти исчезли у него. Именно изначальное отношение к матери определило направленность его симптоматологии: это была та «упорядоченность», целью которой было добиться внимания и интереса своей давно умершей матери. Но и это было еще не все; ибо цель состояла в том, чтобы вернуться к своему собственному телу, после того как начиная с юности вся его жизнь была сосредоточена лишь в голове. Он дифференцировал одну сторону своего существа; другая же сторона осталась пребывать в инертном телесном состоянии. Но именно эта другая сторона нужна была бы ему для того, чтобы он мог «жить». Ипохондрическая «депрессия» снова толкала его к телу, которое он всегда игнорировал. Если бы он смог последовать в направлении, указываемом ему депрессией и ипохондрической иллюзией, и осознать те фантазии, которые возникали в таком состоянии, то это было бы путем к спасению. Однако мои аргументы, как и следовало ожидать, не встретили сочувствия. Столь запущенный

случай можно лишь пытаться облегчить, пока человек жив, но едва ли можно его вылечить.

76 Этот пример ясно показывает, что мы не можем произвольно переводить «свободную» энергию на тот или иной рационально выбранный объект. То же самое справедливо и в отношении тех якобы свободных энергий, которые мы получаем с помощью редуктивного, разъедающего анализа, разрушая их неподобающие формы. Как уже было сказано, такая энергия может быть применена произвольно в лучшем случае лишь на короткое время. Но в большинстве случаев она противится тому, чтобы сколько-нибудь длительный период придерживаться рационально навязываемых ей возможностей. Психическая энергия очень прихотлива, ей свойственно реализовывать свои собственные состояния. Энергии может быть сколько угодно, однако мы не сможем использовать ее до тех пор, пока нам не удастся создать для нее подходящее течение.

77 Проблема градиента или «уклона» носит в высшей степени практический характер и возникает в большинстве случаев анализа. Например, когда в благоприятном случае свободная энергия, так называемое либидо[7] направляется на разумно выбранный объект, то можно полагать, что это преобразование удалось осуществить сознательным усилием воли. Но это заблуждение, потому что даже и величайшего усилия воли оказалось бы

[7] Из вышесказанного читателю должно быть ясно, что понятие либидо, введенное Фрейдом, и весьма подходящее для практического употребления, я использую в гораздо более широком смысле. Под либидо я подразумеваю психическую энергию, которая эквивалентна интенсивности психических содержаний. Фрейд в соответствии со своими теоретическими воззрениями отождествляет либидо с Эросом и стремится отделить его от общей психической энергии. Так, он говорит в «Трех очерках по введению в теорию сексуальности» (Gesammelte Schriften. Bd. 5. S. 92): «Мы устанавливаем понятие либидо как некоторой количественно изменяющейся силы, которой можно было бы измерять процессы и преобразования в сфере сексуального возбуждения. Это либидо мы отличаем от той энергии, которую следует считать лежащей в основе психических процессов вообще...» В другом месте Фрейд замечает, что в случае инстинкта разрушения у него нет «аналогичного либидо термина». Но так как инстинкт разрушения есть энергетический феномен, то, кажется, было бы гораздо проще определить либидо в качестве понятия, включающего психические интенсивности, и соответственно как понятие общей психической энергии. См. мою работу: Symbols of Transformation. Pars. 190 и далее, а также: On Psychic Energy // CW 8, pars 4ff.

недостаточно, если бы вместе с тем не существовало тенденции или градиента, имеющего то же самое направление. Насколько важен этот градиент (уклон), можно наблюдать в тех случаях, когда, с одной стороны, несмотря на самые отчаянные усилия, а с другой — невзирая на то, что избранный объект или желаемая форма очевидны для каждого в силу своей рациональности, осуществить преобразование не удается, а все происходящее оказывается новым подавлением.

78 Мне стало совершенно ясно, что жизнь может продолжаться лишь в направлении своего градиента или уклона. Однако энергии не возникнет, пока не появится напряжение противоположностей; поэтому должна быть найдена противоположная установка сознательного разума. Интересно видеть, как эта компенсирующая противоположность сыграла свою роль и в истории теорий неврозов: теория Фрейда выставляет Эрос, а концепция Адлера — волю к власти. Логически противоположностью любви является ненависть, и, стало быть, Эросу противостоит Фобос (страх); но психологически мы имеем здесь волю к власти. Там, где царствует любовь, воля к власти отсутствует, и, где правит власть, там любви недостает. Одно есть Тень другого: человек, вставший на точку зрения Эроса, обнаружит свою компенсирующую противоположность в воле к власти, а для того, кто делает упор на власть, компенсацией будет Эрос. С точки зрения односторонней установки сознания Тень — вполне полноценный компонент личности, соответственно вытесненный путем сильного сопротивления. Но само вытесненное содержание должно быть осознано, чтобы возникло напряжение противоположностей, без которого невозможно дальнейшее движение. Сознательный разум располагается наверху, а Тень — внизу, и точно так же, как высокое стремится вниз, а горячее — к холодному, так и всякое сознание, возможно, ненамеренно ищет свою бессознательную противоположность, без которой оно осуждено на застой, деградацию и закоснение. Жизнь рождается только из вспышек противоположностей.

79 То, что побудило Фрейда выставить в качестве противоположности Эросу инстинкт разрушения и смерти, было уступкой, с одной стороны, интеллектуальной логике, а с другой — психологическому предрассудку. Прежде всего, Эрос не равнозначен жизни; но для всякого, кто об этом думает, противоположностью Эроса, естественно, будет являться смерть. Далее, мы все чувствуем, что противоположностью нашему самому высокому принципу должно быть что-то чисто деструктивное, смерто-

носное и злое. Мы отказываемся признать за ним позитивную жизненную силу; следовательно, избегаем и боимся его.

80 Как уже было упомянуто, существует много высших принципов как в жизни, так и в философии и в соответствии с этим — столь же много различных форм компенсирующей противоположности. Выше я выделил, как мне кажется, два главных типа противоположностей, которые обозначил как интровертный и экстравертный типы. Уже Вильям Джемс[8] поразился наличию этих двух типов среди мыслителей. Он различал их как «мягкий» и «жесткий». Сходным образом Оствальд[9] обнаружил аналогичное разделение на «классический» и «романтический» типы среди ученых. Таким образом, я совсем не одинок, предлагая идею типов, даже если упомянуть среди множества других только эти два хорошо известных имени. Исторические исследования показали мне, что немало великих духовных споров имеют в своем основании противоположность этих двух типов. Наиболее знаменательный случай такого рода — это спор между номинализмом и реализмом, начало которому было положено разногласиями между платоновской и мегарской школами и который был унаследован схоластической философией, в которой Абеляр снискал себе величайшую заслугу тем, что по крайней мере осмелился на попытку объединения противоположных точек зрения в своем «концептуализме»[10]. Этот спор продолжается и по сей день, проявляясь как противоположность идеализма и материализма. Не только человеческий разум вообще, но и каждый отдельный носитель причастен к данной противоположности типов. При более внимательном исследовании выяснилось, что в брак вступают преимущественно люди, относящиеся к разным типам, причем бессознательно для взаимного дополнения. Рефлексивная природа интроверта побуждает его постоянно думать и размышлять перед тем, как действовать. Это, естественно, заставляет его действовать более медленно. Его стеснительность и недоверие к вещам приводят его к нерешительности, и, таким образом, он всегда имеет трудности с приспособлением к внешнему миру. Экстраверт, наоборот, имеет положительное отношение к вещам.

---

8 *James W.* Pragmatism. 1907. Рус. пер. — *Джеймс В.* Прагматизм. М., 1911.

9 Große Männer. Leipzig, 1910.

10 См.: *Юнг К. Г.* Психологические типы. СПб., 1995. § 68.

Они его, так сказать, привлекают. Новые незнакомые ситуации очаровывают его. Чтобы познакомиться поближе с неизвестным, он буквально прыгает в него обеими ногами. Как правило, он сначала действует и лишь потом начинает думать. Поэтому его действия носят быстрый характер и не подвержены сомнениям и колебаниям. Эти два типа поэтому как бы созданы для симбиоза. Один берет на себя обдумывание, а другой — инициативу и практические действия. Поэтому супружество между представителями этих двух различных типов может быть идеальным. Пока они заняты приспособлением к разнообразным внешним жизненным потребностям, они великолепно подходят друг другу. Но если, например, мужчина заработал уже достаточно денег или если судьба послала им большое наследство и тем самым трудности жизни отпадают, то тогда у них появляется время, чтобы заняться друг другом. До этого они стояли спиной друг к другу и защищались от нужды. Теперь же они поворачиваются лицом к лицу, хотят друг друга понять и делают открытие, что такого понимания у них никогда не было. Каждый говорит на своем языке. Так начинается конфликт двух типов. Эта борьба связана с проявлением злобы, с жестокостью и взаимным обесцениванием, даже если она и ведется спокойно и в интимной обстановке. Ибо ценность одного есть отрицание ценности другого. Было бы разумно полагать, что каждый, сознавая свою собственную ценность, мог бы вполне мирно признать ценность другого и что таким путем любой конфликт был бы излишним. Я наблюдал много случаев, когда аргументация подобного рода признавалась убедительной, но при этом удовлетворительной цели не достигалось. Если речь идет о нормальных людях, такой критический переходный период преодолевается более или менее гладко. Под «нормальным» я имею в виду того или иного человека, который может существовать при всех обстоятельствах, обеспечивающих ему необходимый минимум жизненных возможностей. Но многие этого делать не могут; поэтому-то и не слишком много нормальных людей. То, что мы обычно подразумеваем под «нормальным человеком»,— это в действительности некая идеальная личность, чьи счастливые сочетания черт, определяющих ее характер,— явление редкое. Подавляющее большинство более или менее дифференцированных людей требует жизненных условий, гораздо больших, нежели обеспеченное питание и сон. Для них конец симбиотических отношений приводит к тяжелому потрясению.

81 Не так-то легко понять, почему дело обстоит именно так. Однако, если принять во внимание, что ни один человек не является только интровертом или только экстравертом, а сочетает обе возможные установки, но так, что лишь одна из них получает у него развитие в качестве функции приспособления, то легко можно прийти к предположению, что у интроверта где-то на заднем плане в неразвитом состоянии дремлет экстраверсия, тогда как у экстраверта подобное теневое существование ведет интроверсия. Так оно и происходит. Интроверт обладает экстравертной установкой, но она бессознательна, потому что его сознание всегда направлено на субъект. Конечно, он видит объект, но имеет о нем ложное или искаженное представление, так что он по возможности держит дистанцию, как если бы объект представлял собой нечто угрожающее и опасное. Поясню, что я имею в виду с помощью простой иллюстрации.

Предположим, двое молодых людей путешествуют вместе по стране. Они приходят к одному прекрасному замку. Оба хотят заглянуть в него. Интроверт говорит: «Я бы хотел знать, как он выглядит изнутри». Экстраверт отвечает: «Давай войдем» — и собирается пройти через ворота. Интроверт удерживает его: «А может быть, вход запрещен»,— имея в виду смутные представления о полиции, наказании, злых собаках и т. д.; на это экстраверт отвечает: «Но ведь мы же можем спросить. Уж наверное нас пропустят»,— представляя при этом добродушных старых хранителей, радушных хозяев замка и возможные романтические приключения. И далее с помощью экстравертного оптимизма они в конце концов оказываются в замке. И тут возникает развязка. Замок внутри перестроен, и в нем находятся лишь два зала с какой-то коллекцией старых рукописей. Как и следует ожидать, они приводят в восторг юношу-интроверта. Едва увидев их, он словно преображается. Он погружается в созерцание сокровищ, восторженные слова срываются с его губ. Он вовлекает в разговор смотрителя, желая получить от него как можно больше сведений, и так как результат оказывается скромным, то юноша осведомляется о хранителе, с тем чтобы немедленно посетить его и задать ему свои вопросы. Его застенчивость исчезла, объекты обрели соблазнительный блеск, и мир предстал в новом обличье. Между тем бодрость экстраверта все больше и больше убывает, лицо его постепенно вытягивается, и он начинает зевать. Нет здесь ни добродушных хранителей, ни рыцарского гостеприимства, не видать и намека на возможность романтических

приключений — это всего лишь переделанный в музей замок. Рукописи можно рассматривать и дома. В то время как энтузиазм одного нарастает, настроение другого падает: замок нагоняет на него тоску, рукописи напоминают о библиотеке, библиотека ассоциируется с университетом, университет — с зубрежкой и грозящим экзаменом. И постепенно мрачная пелена окутывает замок, казавшийся ему недавно столь интересным и заманчивым. Объект становится негативным. «Разве не здорово,— восклицает интроверт,— что мы совершенно случайно обнаружили такую чудесную коллекцию!» — «Мне кажется, что здесь ужасно скучно»,— отвечает второй, не скрывая своего дурного расположения духа. Это вызывает досаду первого, и он про себя решает никогда больше не путешествовать с экстравертом. Последний же приходит в раздражение от раздраженности первого и говорит себе, что он всегда считал его бесцеремонным эгоистом, готовым из-за своих личных интересов пренебречь такой прекрасной весенней погодой, которой гораздо уместнее было бы наслаждаться там, снаружи.

82 Что же случилось? Оба странствовали в счастливом единении друг с другом, пока не пришли к роковому замку. Там предусмотрительный (или прометеевский) интроверт сказал, что замок может быть осмотрен изнутри, а действующий и лишь затем думающий (эпиметеевский) экстраверт открыл двери[11]. В этом месте происходит обращение типов: интроверт, который сначала противился тому, чтобы войти, теперь уже не хочет уходить, тогда как экстраверт проклинает тот момент, когда они проникли в замок. Первый околдован объектом, второй — своими негативными мыслями. Как только первый увидел рукописи, его словно подменили. Робость его исчезла, объект завладел им, и он охотно отдался ему. Второй, напротив, ощущал в себе нарастающее сопротивление объекту и, наконец, оказался в плену у своего находящегося в дурном настроении субъекта. Первый стал экстравертом, а второй — интровертом. Однако экстраверсия интроверта отличается от экстраверсии экстраверта, и интроверсия экстраверта отличается от интроверсии интроверта. Когда раньше оба совместно путешест-

[11] См. мои замечания относительно книги Шпиттелера: Prometheus und Epimetheus // Psychological Types. Pars. 275 ff. Рус. пер. — *Юнг К. Г.* Психологические типы. СПб., 1995. § 275 и далее.

вовали и пребывали в радостной гармонии, они не мешали друг другу, потому что каждый сохранял свое естественное своеобразие. Оба были доброжелательны друг к другу, потому что их установки взаимодополнялись. Однако они были взаимодополнительными потому, что установка одного всегда включала в себя и установку другого. Мы видим это, например, в коротком разговоре перед воротами: оба хотят войти в замок. Сомнение интроверта по поводу того, возможен ли вход, имеет свою силу и для другого. Инициатива экстраверта также значима и для его товарища. Таким образом, установка одного включает в себя и установку другого, и так в той или иной мере дело обстоит всегда, когда индивид пребывает в естественной для него установке, ибо эта установка более или менее коллективно адаптирована. Это относится и к установке интроверта, хотя она всегда исходит от субъекта. Она просто направлена от субъекта к объекту, тогда как установка экстраверта направлена от объекта к субъекту.

83 Но в тот момент, когда в случае интроверта объект перевешивает субъекта и притягивает его, установка теряет социальный характер. Он забывает о присутствии своего спутника, не включает его больше в свою установку; он погружается в объект и не видит, как сильно скучает его товарищ. Соответствующим образом и экстраверт перестает принимать во внимание другого в тот момент, когда разочаровывается в своих ожиданиях и уходит в себя, погружаясь в свои субъективные размышления и капризы.

84 Мы поэтому можем сформулировать смысл события следующим образом. У интроверта через влияние объекта проявилась подчиненная экстраверсия, тогда как у экстраверта место его социальной установки заняла подчиненная интроверсия. Тем самым мы возвращаемся к тому положению, с которого начали: «Ценность одного есть отрицание ценности другого».

85 Как позитивные, так и негативные события могут констеллировать подчиненную противофункцию. В этих случаях возникает чувствительная реакция: обида, ранимость. Уязвимость есть характерный знак присутствия неполноценности. Тем самым создается психологическая основа для разногласий и недоразумений, и не только между двумя людьми, но и в нас самих. Сущность подчиненной функции[12] характеризуется автономией; она независима, она нападает, очаровывает и опутывает нас так, что мы

[12] См.: Psychological Types. Def. 30.

уже перестаем быть хозяевами самих себя и не можем далее выстроить правильное различие между собой и другими.

86 И все же для развития характера необходимо, чтобы мы дали возможность найти свое выражение и другой стороне, т. е. именно подчиненной функции; ибо мы, пожалуй, не можем надолго предоставить другому симбиотически заботиться о нашей личности, так как момент, когда у нас возникнет нужда в другой функции, может наступить в любое время и застать нас неподготовленными, как это и показывает вышеприведенный пример. И последствия могут быть тяжелыми: экстраверт теряет тем самым свое необходимое ему отношение к объектам, а интроверт свое — к субъекту. В свою очередь, необходимо, чтобы интроверт добился такого поведения, которое не тормозится постоянно раздумьями и колебаниями, и чтобы экстраверт вспомнил о себе, не причиняя тем самым ущерба своим отношениям.

87 Вполне понятно, что когда мы говорим об экстраверсии и интроверсии, то речь идет о двух противоположных друг другу естественных установках, или направленных движениях, которые Гете когда-то назвал диастолой и систолой. Они должны были бы своим гармоническим чередованием создавать ритм жизни; однако, как представляется, необходимо высочайшее искусство жизни для того, чтобы достичь этого ритма. Либо необходимо действовать совершенно бессознательно, так, чтобы естественный закон не нарушался никаким сознательным поступком, либо быть сознательным в еще более высокой степени, чтобы быть готовым к осуществлению и противоположных движений. Поскольку мы не можем развиваться в обратном направлении, к животному бессознательному, то остается лишь более тяжелый путь вперед к более высокому сознанию. Разумеется, такое сознание сделало бы возможным сосуществование великих Да и Нет нашей свободной воли и цели в жизни, что, согласитесь,— прямо-таки сверхчеловеческий идеал. Наш современный духовный склад, пожалуй, позволяет лишь сознательно проявлять желание Да и смиряться с Нет. Если это так, то уже многое достигнуто.

88 Проблема противоположности как внутренне присущего человеческой природе принципа составляет дальнейший этап в нашем процессе реализации. Как правило, это одна из проблем зрелости. Практическая работа с пациентом едва ли начинается с этой проблемы, особенно если речь идет

о молодых людях. Неврозы у молодежи обычно возникают в результате конфликта между силами реальности и неадекватной, инфантильной установкой, которая с каузальной точки зрения характеризуется аномальной зависимостью от реальных или воображаемых родителей, а с телеологической точки зрения — недостижимыми фикциями, планами и устремлениями. Здесь вполне уместны редуктивные методы Фрейда и Адлера. Но существуют неврозы, которые возникают только в зрелом возрасте или усиливаются до такой степени, что пациенты, к примеру, оказываются неспособными к работе. Естественно, в таких случаях можно указать на то, что уже в юности отмечалась слишком сильная зависимость от родителей и наличествовали всевозможные инфантильные иллюзии, однако все это не помешало людям выбрать себе профессию и успешно работать, жениться или выходить замуж и как-то вести семейную жизнь до того момента в более зрелом возрасте, когда прежняя установка вдруг оказывалась несостоятельной. В таких случаях, естественно, мало пользы от того, чтобы осознать детские фантазии, зависимость от родителей и т. д., хотя это и является необходимой составной частью процедуры и потому часто оказывается полезным делом. Но реальная терапия начинается в таких случаях лишь тогда, когда пациент понимает, что уже не отец и мать стоят у него на пути, а он сам, т. е. бессознательная часть его личности, которая берет на себя роль отца и матери. Однако это понимание, сколь бы полезным оно ни было, носит пока еще негативный характер, т. е. оно выражается так: «Я знаю, что это не отец и мать противостоят мне, но я сам». Но кто же в нем противостоит ему? Что это за таинственная часть его личности, скрывавшаяся за образами отца и матери и так долго заставлявшая его верить, что причина его недуга некогда внедрилась в него извне? Эта часть есть противоположность его сознательной установки, до тех пор не дающая ему покоя и мешающая ему, пока он ее не примет. Разумеется, для молодых людей освобождение от прошлого может оказаться достаточным, ибо перед ними простирается манящее будущее, богатое возможностями. Достаточно лишь разорвать некоторые путы, и жажда жизни сама сделает все остальное. Однако совсем иная задача стоит тогда, когда мы имеем дело с людьми, у которых большая часть жизни уже позади, которым уже не улыбаются какие-либо особенные возможности в будущем и у которых впереди все те же давно уже привычные обязанности и сомнительные удовольствия приближающейся старости.

89 Если нам удается освободить молодых людей от их прошлого, то мы видим, что они переносят имаго-образы[13] своих родителей на более подходящие замещающие фигуры. Например, чувство, которое было связано с матерью, теперь направляется на жену, и авторитет отца уступает место авторитету уважаемых учителей и начальников или же социальных институций. Это, правда, не фундаментальное решение проблемы, но практический путь, по которому бессознательно и поэтому без особых достойных упоминания препятствий и противодействий идет и нормальный человек.

90 Проблема взрослого выглядит совершенно иначе. Он уже — с большими или меньшими трудностями — прошел эту часть пути. Он освободился от — давно уже, может быть, умерших — родителей, он искал и нашел свою мать в жене, а в случае женщины — отца в муже. Он почитал своего отца и социальные институты, сам стал отцом, и теперь, имея все это уже позади, пришел к пониманию, что то, что сперва означало для него поддержку и удовлетворение, оказалось тягостным заблуждением, частью юношеских заблуждений, на которые теперь он оглядывается отчасти с сожалением, отчасти с завистью, так как впереди у него нет уже ничего, кроме старости и конца всех иллюзий. Здесь нет уже ни отца, ни матери; все его заблуждения, которые он проецировал в мир и в вещи, вернулись постепенно к нему назад изношенными и изжившими себя. Энергия, возвращающаяся из всех этих многочисленных отношений, приходится на долю бессознательного и оживляет в нем все то, развитием чего он до сих пор пренебрегал.

91 Когда скованные неврозом инстинктивные силы освобождаются, они сообщают молодому человеку душевный подъем, надежду и благоприятный прогноз на будущее. Для человека, находящегося во второй половине своего жизненного пути, развитие дремлющей в бессознательном противоположной сознанию функции означает некоторое обновление жизни; но это развитие уже не проходит через освобождение от инфан-

[13] Понятие, введенное Юнгом в 1911 г. и принятое в психоанализе. Оно используется для установления отличия объективной реальности того или иного субъекта или предмета от субъективного восприятия его значения. Имаго-образы являются следствием комбинации личностного переживания и архетипических образов в коллективном бессознательном.— *Примеч. пер.*

тильных привязанностей, через разрушение инфантильных иллюзий и перенос старых имаго на новые фигуры: оно проходит через проблему противоположностей.

92 Принцип противоположности является фундаментальным и в юности, и в психологической теории следовало бы это учитывать. Воззрения Фрейда и Адлера противоречат друг другу лишь тогда, когда их выдвигают в качестве общезначимой теории. В том же случае, когда они остаются техническими вспомогательными представлениями, они не противоречат друг другу и не исключают друг друга. Психологическая теория, которая должна быть чем-то большим, чем только техническим инструментом, должна базироваться на принципе противоположности, ибо без этого принципа она может реконструировать лишь ту или иную невротически не сбалансированную психику. Без противоположности не существует ни равновесия, ни саморегулирующейся системы. Психическое и есть такая саморегулирующаяся система.

2

93 Если здесь мы продолжим ту линию нашего рассуждения, от которой мы отклонились, то можно сказать, что теперь становится ясно, каким образом именно в неврозе могут быть заключены те ценности, которых не хватает индивиду. Мы можем теперь снова вернуться к рассмотренному случаю молодой женщины и применить к нему полученное знание. Если мы предположим, что эта больная «проанализирована», т. е. благодаря лечению ей стало ясно, какие бессознательные мысли скрывались за ее симптомами, в результате чего она снова вступила во владение той бессознательной энергией, которая составляла силу симптома,— то тогда возникает практический вопрос: что же должно произойти со свободной энергией? В соответствии с психологическим типом больной было бы разумно снова перенести эту энергию на объект: например, это могла бы быть филантропическая деятельность или еще что-нибудь полезное. В исключительных случаях — для особенно энергичных натур, которые не боятся при случае довести себя до самоистязания, или для людей, склонных именно к такого рода деятельности,— этот путь возможен,

но в большинстве случаев он непригоден. Ибо не будем забывать, что либидо (так технически именуется эта психическая энергия) уже бессознательно имеет свой объект, и это — молодой итальянец или какой-либо подходящий реальный человеческий заместитель. В этих обстоятельствах, разумеется, подобная сублимация столь же желательна, сколь и невозможна, потому что по большей части реальный объект представляет значительно лучший градиент (уклон) для энергии, чем самая восхитительная этическая деятельность. К сожалению, слишком многие из нас всегда говорят лишь о том, каким человеку желательно было бы быть, но никогда о том, каков он на самом деле. Доктор, однако, всегда имеет дело с реальным человеком, который с упорством остается самим собой, пока не распознает все стороны своей реальности. Подлинное воспитание может поэтому исходить из голой действительности, а не из обманчивого идеала.

94 Если человек не может направлять так называемую свободную энергию по своей воле, то мы имеем дело с неблагоприятным случаем. Энергия следует в соответствии со своим градиентом. Она уже нашла этот градиент еще до того, как мы целиком освободили ее от привязанности к неподходящей форме. А именно: мы делаем открытие, что фантазии пациентки, которые прежде были направлены на молодого итальянца, теперь перенесены на доктора[14]. Доктор сам стал объектом бессознательного либидо. Если же пациентка ни при каких обстоятельствах не желает признавать факт переноса[15] или если доктор не может понять его или

[14] Фрейд ввел понятие переноса для того, чтобы обозначить проекцию бессознательных содержаний.

[15] В отличие от других теоретиков, я вовсе не убежден в том, что «перенос на доктора» является закономерным явлением, необходимым для успешного лечения. Перенос — это проекция, а проекция либо есть, либо ее нет. И она никак не может быть необходимой. Ни в коем случае она не может быть «сделана», так как по определению она возникает из бессознательных мотиваций. Доктор может быть подходящим объектом для проекции, а может и не быть. Вовсе не утверждается, что он при всех обстоятельствах соответствует естественной наклонности либидо пациента; ибо вполне возможно, что либидо последнего приглянулся гораздо более значительный объект для его проекций. Отсутствие проекций, направленных на доктора, может при известных обстоятельствах даже значительно облегчить лечение, потому что тогда на передний план могут более открыто выходить действительные личностные ценности.

понимает это явление неправильно, то возникает яростное сопротивление, направленное на то, чтобы сделать отношения с доктором совершенно невозможными. Тогда больной уходит и ищет другого доктора или такого человека, который его поймет, и если даже он отказывается от подобных поисков, то «зацикливается» на своей проблеме.

95 Когда же перенос на врача имеет место и принимается, то обнаруживается некоторая новая естественная форма, которая не только заменяет прежнюю, но и делает возможным относительно бесконфликтное протекание энергетического процесса. Поэтому если предоставить либидо естественную свободу движения, то оно самостоятельно находит путь к предназначенному ему объекту. Там, где этого не случается, речь всегда идет о волевом сопротивлении законам природы или о приводящем к расстройству влиянии.

96 При переносе проецируются все возможные инфантильные фантазии. Они должны быть вытравлены, т. е. разрешаются с помощью редуктивного анализа, и это принято называть «ужесточением переноса». Тем самым энергия оказывается снова высвобожденной из той или иной непригодной формы, и мы снова стоим перед проблемой свободной энергии. Мы снова должны довериться природе, надеясь на то, что еще до того, как мы начали свои поиски, уже был избран тот объект, который обеспечит наиболее благоприятный градиент.

V
Личное и коллективное (или транличное) бессознательное

97 И вот мы приступаем к новому этапу в процессе реализации. Мы продолжали анализ инфантильных фантазий переноса до тех пор, пока пациенту не стало достаточно ясно, что он сделал из своего врача отца и мать, дядю, опекуна и учителя или другую фигуру родительского авторитета. Однако, как вновь и вновь показывает опыт, возникают еще и другие фантазии, представляющие доктора в качестве Спасителя или богоподобного существа, разумеется, в полном противоречии со здравым рассудочным сознанием. Кроме того, оказывается, что их божественные атрибуты выходят далеко за рамки христианского мировоззрения, в атмосфере которого мы выросли; они принимают языческие черты и очень часто появляются в животной форме.

98 Перенос сам по себе есть не более чем та или иная проекция бессознательных содержаний. Сначала проецируются так называемые поверхностные содержания бессознательного, что видно из симптомов, сновидений и фантазий. В этом состоянии доктор вызывает интерес в качестве возможного возлюбленного (вроде того молодого итальянца в описанном нами случае). Затем он выступает в большей степени в качестве отца: либо хорошего, добродушного, либо «грозного» в соответствии с теми качествами, которыми обладал в глазах пациента его действительный отец. Иногда доктор обретает для пациента и материнские черты, что выглядит уже несколько странно, но все же находится в пределах возможного. Все эти проекции фантазий основаны на личных воспоминаниях.

99 Наконец, могут появиться фантазии, носящие экстравагантный характер. Тогда доктор наделяется сверхъестественными свойствами, выступая,

скажем, в качестве колдуна или злого, опасного демона или же олицетворяя благо в качестве Спасителя. Вполне возможно и смешение того и другого. Разумеется, сознание пациента вовсе не обязательно воспринимает его в таком виде, а просто на поверхность выступают фантазии, наделяющие врача некими чертами. Таким пациентам часто очень трудно бывает понять, что фактически их фантазии исходят от них самих и, по сути дела, не имеют ничего или имеют очень мало общего с характером доктора. Это заблуждение происходит оттого, что для этого вида проекций личных оснований в памяти нет. При случае можно продемонстрировать, что похожие фантазии имелись в детстве и были связаны с отцом или матерью, хотя ни отец, ни мать на самом деле не давали к ним никакого повода.

100 В одной небольшой работе Фрейд[1] показал, какое влияние на Леонардо да Винчи оказавал тот факт, что у него было две матери. Факт наличия двух матерей, или двойного происхождения, был в случае Леонардо вполне реальным, но он играл также некую роль и в жизни других художников. Так, у Бенвенуто Челлини была фантазия о своем двойном происхождении. В общем это мифологический мотив. Многие легендарные герои в сказаниях и сагах имели двух матерей. Подобная фантазия проистекает не столько из действительного факта, сколько из общераспространенного, «изначального» образа, принадлежащего не к области личных воспоминаний, а к тайнам ментальной истории человечества.

101 У каждого отдельного человека, помимо личных воспоминаний, существуют великие «изначальные» образы, как их однажды весьма метко назвал Якоб Буркхардт, т. е. унаследованные возможности человеческих представлений, существующих испокон веков. Факт такого унаследования объясняет странные по сути явления: что известные мотивы из мифов и сказаний повторяются повсеместно на планете в одинаковых формах. Он объясняет далее, отчего, к примеру, наши душевнобольные могут в точности репродуцировать образы и взаимосвязи, которые нам известны из старинных текстов. Некоторые примеры подобного рода я привел в своей книге «Символы трансформации»[2].

---

[1] Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci. 1910.

[2] См.: *Юнг К. Г.* Символы трансформации. М., 2000. Ср. также: *Юнг К. Г.* Понятие коллективного бессознательного // *Юнг К. Г.* Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996. С. 10–17.

При этом я вовсе не утверждаю, что наследуются идеи или представления, по наследству передается лишь сама возможность идей или представлений, что совсем не одно и то же.

102 И вот на этой дальнейшей стадии лечения, когда воспроизводятся фантазии, уже не основывающиеся на личных воспоминаниях, речь идет о проявлениях более глубокого слоя бессознательного, где дремлют общечеловеческие, изначальные образы. Эти образы или мотивы я назвал «архетипами», а также «доминантами» бессознательного. С целью более детального разъяснения этой идеи я должен отослать читателя к соответствующей литературе[3].

103 Это открытие означает дальнейший шаг вперед в нашем понимании: признание наличия в бессознательном двух слоев. Мы должны различать личное и безличное (или трансличное) бессознательное. Последнее мы называем также коллективным бессознательным[4] именно потому, что оно отделено от личного и является абсолютно универсальным, и потому, что его содержания могут быть обнаружены повсюду, чего как раз нельзя сказать о личных содержаниях. Личное бессознательное содержит утраченные воспоминания, болезненные вытесненные (т. е. намеренно забытые) мысли, подпороговые (сублиминальные) восприятия, т. е. чувственные перцепции, которые оказались недостаточно сильными для

---

[3] *Jung C.* Symbole der Wandlung. 1952 // Ges. Werke, Bd. 5; Psychologische Typen. 1950. S. 567 ff. Ges. Werke, Bd. 6, Par. 759 ff. Ср. в: Von den Wurzeln des Bewußtseins, 1954, статьи: Über die Archetypen des kollektiven Unbewußten. S. 3 ff. Ueber den Archetypus mit besonderer Berucksi chtigung des Animabegriffes. S. 57 ff. Die Psychologischen Aspekte des MutterArchetypus. S. 87 ff. Ges. Werke, Bd. 9, I. In Kerenyi und Jung, Einfuhrung in das Wesen der Mythologie, Zur Psychologie des Kind-Archetypus. S. 103 ff. Zum psychologischen Aspekt der Kore-Figur. S. 215 ff. Ges. Werke, Bd. 9, I. Комментарий к: Wilhelm. Das Geheimnes derr goldenen Blute, 1929. Ges. Werke, Bd. 13. Рус. пер. — *Юнг К. Г.* Символы трансформации. М., 2000. Психологические типы. СПб., 1995. Часть 2. Определение. Гл. 5. Архетипы коллективного бессознательного // *Юнг К. Г.* Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996. С. 139—155; Об архетипе и в особенности о понятии анима // Там же. С. 17—30; Психологические аспекты архетипа матери // Там же. С. 30—51; Психология архетипа ребенка // Там же. С. 51—72; Психологический аспект фигуры Коры // Там же. С. 72—87.

[4] Коллективное бессознательное представляет собой объективное психическое, а личное бессознательное — субъективное психическое.

того, чтобы достичь сознания, и, наконец, содержания, которые еще не созрели для сознания. Оно соответствует фигуре тени, столь часто встречающейся в сновидениях[5].

104 Изначальные образы — это наиболее древние и наиболее всеобщие «мысле-формы» человечества. Они в равной мере представляют собой как чувства, так и мысли; они даже ведут свою собственную, самостоятельную жизнь на манер парциальных душ[6], что легко можно обнаружить в тех философских или гностических системах, которые опираются на осознание бессознательного как на источник знания. Представление об ангелах, архангелах, «тронах и господствах» у Павла, архонтах у гностиков, небесной иерархии у Дионисия Ареопагита — все это происходит из восприятия относительной автономии архетипов.

105 Итак, мы обнаружили тот объект, который избирает либидо, после того как оно оказывается высвобожденным из личностной инфантильной формы переноса. Оно следует своему собственному градиенту или уклону, погружается в глубины бессознательного и пробуждает там то, что до сих пор дремало. Оно обнаруживает спрятанное сокровище, из которого всегда черпало человечество, из которого оно извлекло своих богов и демонов и все те убедительные и могущественные мысли, без которых человек перестает быть человеком.

106 Возьмем, к примеру, одну из величайших мыслей, порожденных XIX в., — идею сохранения энергии. Роберт Майер — подлинный создатель этой идеи — был врачом, а вовсе не физиком или натурфилософом, хотя выдвинутые им идеи скорее более свойственны последним. Однако весьма важно понять, что идея Майера, строго говоря, не была «создана». Не могла она появиться и в результате слияния существовавших тогда представлений или научных гипотез; она взросла в сознании своего творца, подобно растению. По этому поводу Майер в 1844 г. писал Гризингеру следующее:

---

5 Под тенью я имею в виду «негативную» сторону личности, всю сумму скрытых, невыгодных свойств, недостаточно развитых функций и содержаний личного бессознательного. Обобщающий обзор см.: *Wolff T.* Einfuhrung in die Grundlagen der komplexen Psychologie // Studien zur C. G. Jungs Psychologie, 1959. S. 151 ff.

6 См.: Allgemeines zur Komplextheorie // Uder tuttgart. 1893. S. 213. Brief an psychische Energetik und das Wesen der Traume, 1948. Ges. Werke. Bd. 8. Рус. пер. — *Юнг К. Г.* Обзор теории комплексов // *Юнг К. Г.* Синхронистичность. К., 1998.

«Эту теорию я вовсе не высидел за письменным столом... [Далее он сообщает о некоторых физиологических наблюдениях, которые он сделал в 1840/1841 гг. в качестве судового врача.] Для прояснения физиологических аспектов необходимо знать кое-что о физических процессах, если вы не предпочитаете рассматривать суть дела с метафизической точки зрения: последняя лично мне внушает бесконечное отвращение. Поэтому я придерживался физики и с такой страстью отдавался своему предмету, что — хотя многие из-за этого могут посмеяться надо мной — мало интересовался тем далеким местом на Земле, на котором мы пребывали, а предпочитал оставаться на борту, где мог работать без перерыва и где в некоторые часы чувствовал себя как бы вдохновленным настолько, что не могу припомнить ничего подобного ни до, ни после. Некоторые мысли, как молнии пронзившие мое сознание (это было на рейде в Сурабайе), я подвергал немедленному тщательному исследованию, что в свою очередь приводило меня к новым предметам. Прошло немало времени, однако спокойное размышление над тем, что тогда проявилось во мне, привело меня к выводу, что это — истина, которую не только можно чувствовать субъективно, но которую можно также объективно доказать; но может ли это сделать столь мало сведущий в физике человек — этот вопрос я, естественно, должен оставить открытым»[7]

107 В своей книге по энергетике Хельм выражает мнение, что «новая мысль Роберта Майера выделилась из традиционного понятия силы не постепенно, в результате глубокого продумывания, а принадлежит тем интуитивно постигаемым идеям, которые, вытекая из других сфер духовного труда, как бы застигают мышление врасплох и принуждают его в соответствии с ними преобразовывать традиционные понятия»[8].

108 Здесь возникает вопрос: каково происхождение той новой идеи, которая навязала себя сознанию, подобно стихии, которая смогла настолько его захватить, что полностью отвлекла его от всех многообразных впечатлений первого путешествия по тропикам? На эти вопросы ответить вовсе не легко. Но если мы применим к этому случаю нашу теорию, то объяснение может быть следующим: идея энергии и ее сохра-

---

[7] *Mayer R.* Kleinere Schriften und Briefe. Stuttgart, 1893. S. 213. Brief an Wilhelm Griesinger. 16. Juni, 1844.

[8] *Helm G. F.* Die Energetik nach ihrer geschichtlichen Entwicklung. Leipzig, 1898. S. 20.

нения должна быть изначальным образом, дремлющим в коллективном бессознательном. Этот вывод требует, естественно, доказательства, что такого рода изначальный образ действительно существовал в ментальной истории человечества и был действенным на протяжении тысячелетий. Подобное доказательство совсем не трудно привести: древние религии в самых различных уголках Земли базируются на этом образе. Это — так называемые динамистические религии, единственная и определяющая мысль которых заключается в том, что повсюду существует разлитая магическая сила[9], вокруг которой вращается все. Тэйлор, известный английский исследователь, а также Фрэзер неверно воспринимали эту идею как анимизм. В действительности же первобытные люди со своим понятием силы вовсе не имели в виду души или духов, а подразумевали нечто, что американский исследователь Лавджой[10] весьма метко обозначил как «первобытная энергетика». Это понятие соответствует идее души, духа, Бога, здоровья, телесной силы, плодородия, магии, влияния, власти, авторитета, медицины, а также идее известных чувственных состояний, характеризующихся аффектами. Для некоторых полинезийцев *мулунгу* именно это первобытное понятие силы-энергии означает: дух, душа, демонизм, магия, авторитет; и когда происходит что-либо необычное, то люди кричат: «Мулунгу!» Это понятие силы является также самой ранней формой образа Бога у первобытных людей. На протяжении истории этот образ получал развитие во все новых и новых вариациях. В Ветхом Завете магическая сила высвечивается в пылающем терновом кусте и в лице Моисея; в Евангелиях — в образе Святого Духа в виде исходящих с неба огненных языков. У Гераклита она выступает как мировая энергия, как «вечно живущий огонь»; у персов это огненный блеск «хаомы», божественной благодати; у стоиков — изначальное тепло, сила судьбы. В средневековой легенде она выступает как аура или halo, ореол святости, и в виде пламени вырывается из-под крыши шатра, где в экстазе лежит святой. Святые, галлюцинируя, воспринимают эту силу как Солнце, полноту света. В соответствии

[9] Обычно называемая мана. Ср.: *Soederblom N.* Das Werder des Gottesglaubens, 1916.

[10] *Lovejoy Arthur O.* The Fundamental Concept of the Primitive Philosophy // The Monist. Vol. XVI. 1906. P. 361.

с древним воззрением сама душа есть эта сила; в идее бессмертия души заключено представление о ее сохранении, а в буддийском и первобытном представлении о метемпсихозе заключено видение ее неограниченной способности к превращениям при неизменном сохранении.

109 Эта идея, таким образом, запечатлелась в человеческом мозгу уже миллионы лет назад. Поэтому она в готовом виде заложена в бессознательном каждого. Требуются лишь определенные условия для того, чтобы снова заставить ее проявиться. Эти условия в случае Роберта Майера, очевидно, оказались выполненными. Величайшие и наилучшие мысли человечества формируются на базе этих изначальных образов, выступающих в качестве первичного клише или рисунка. Меня часто спрашивают о том, каково же происхождение этих архетипов, или первообразов. Мне кажется, что их происхождение может быть объяснено лишь при допущении того, что они представляют собой отражение постоянно повторяющегося опыта человечества. Одно из самых обычных и вместе с тем самых впечатляющих переживаний, данных человеческому опыту,— это ежедневное являющееся глазу движение солнца. Мы во всяком случае не можем обнаружить в бессознательном ничего имеющего к этому отношения до тех пор, пока речь идет об известном нам физическом процессе. Однако мы обнаруживаем миф о солнечном герое во всех его бесчисленных вариациях. И именно миф, а не физический процесс есть реальность, образующая архетип Солнца. То же самое можно сказать о фазах Луны. Архетип есть своего рода готовность снова и снова репродуцировать те же самые или сходные мифические идеи. Следовательно, дело обстоит так, что запечатлеваемое в бессознательном является исключительно субъективным представлением фантазии, вызванным физическим процессом. Можно было бы поэтому предположить, что архетипы суть многократно повторяющиеся отпечатки субъективных реакций[11]. Естественно, это допущение только уводит от решения проблемы. Ничто не мешает нам предположить, что некоторые архетипы существуют уже у животных и что они, следовательно, основываются на особенностях живого организма вообще и, таким образом, представляют непосредственное выражение жизни, природа которой уже не поддается дальнейшему

[11] Ср: *Jung C.* Die Struktur der Seele // Seelenprobleme der Gegenwart. 1950. S. 127. Ges. Werke. Bd. 8.

объяснению. Как представляется, архетипы — это не только отпечатки постоянно повторяющихся сходных переживаний, но вместе с тем они эмпирически ведут себя как силы или тенденции к повторению тех же самых переживаний. Дело в том, что всегда, когда некоторый архетип появляется в сновидении, в фантазии или в жизни, он приносит с собой некоторое особое «влияние» или силу, благодаря которой его воздействие имеет нуминозный, т. е. зачаровывающий либо побуждающий к действиям эффект.

110 Показав на этом примере, как новые идеи появляются из сокровищницы изначальных образов, продолжим изложение процесса переноса. Мы видели, что именно в таких, по видимости, нелепых и странных фантазиях либидо обрело свой новый объект — содержание коллективного бессознательного. Как я уже говорил, проекция изначальных образов на доктора является опасной для дальнейшего лечения, и ее нельзя недооценивать на этой стадии лечения. Эти образы содержат в себе не только все самое прекрасное и великое, что когда-либо мыслило и чувствовало человечество, но также и все те наихудшие подлости и всевозможную дьявольщину, на которые только способны люди. Благодаря своей специфической энергии — поскольку эти образы соотносятся как заряженные силой автономные центры — они оказывают зачаровывающее, захватывающее воздействие на разум и вследствие этого могут производить в субъекте сильные изменения. Это можно наблюдать в религиозных обращениях (конверсиях), в случаях суггестивного воздействия и в особенности при возникновении определенных форм шизофрении[12]. Так что если пациент не может отличить личность врача от этих проекций, то в конечном счете теряется всякая возможность взаимопонимания и человеческие отношения оказываются невозможными. Но, если пациент избегает этой Харибды, он терпит крушение у Сциллы, интроецируя эти образы; другими словами, он приписывает их свойства не доктору, а себе самому. Это также разрушительно. В случае проекции он колеблется между экстравагантным и болезненным обожествлением своего доктора и презрением, ненавистью к нему. В случае интроекции он впадает в смешное

[12] Подробно проанализированный случай см.: *Jung C.* Symbols of Transformation. Рус. пер. — *Юнг К. Г.* Символы трансформации. М., 2000. См. также: *Nelken J.* Analytische Beobachtungen uber Phantasien eines Schisophrenen // Jarhbuch fur psychoanalytische und psychopatologische Forscheungen. 1912. Bd. 4. S. 504.

самообожествление или моральное самоуничижение. Эта ошибка, которую он совершает в обоих случаях, исходит из приписывания той или иной личности содержаний коллективного бессознательного. Таким образом, он превращает другого или себя самого в бога или дьявола. Здесь проявляется характерное действие архетипа: он захватывает психическое своеобразной первобытной силой и вынуждает ее выйти за пределы человеческого. Он вызывает утрату чувства меры, инфляционную установку (напыщенность, раздутость, потерю свободного волеизъявления, манию, иллюзию и энтузиазм как в положительном, так и в отрицательном смысле). Это та самая причина, по которой люди всегда нуждались в демонах и не могли жить без богов, за исключением некоторых особенно умных видов типа homo occidentalis[13] вчерашнего и позавчерашнего дня, сверхчеловеков, у которых «бог умер», поскольку они сами сделались богами, хотя и крошечными божками, с крепкими черепами и холодными сердцами. Ведь идея бога — совершенно необходимая психологическая функция иррациональной природы, которая вообще не имеет отношения к вопросу о существовании бога. Человеческий интеллект никогда не сможет ответить на этот вопрос; еще менее он способен дать какое-либо доказательство бытия бога. Кроме того, само такое доказательство излишне, так как идея всемогущего, божественного бытия наличествует повсюду, если не осознанно, то по крайней мере бессознательно, ибо она есть некоторый архетип. В нашем психическом есть нечто от высшей власти — и если это не осознанный бог, тогда, по крайней мере, это — «чрево», как говорит апостол Павел. Поэтому я считаю более мудрым осознанно признать идею бога; ибо в противном случае богом просто становится нечто другое, как правило, нечто весьма неудовлетворительное и глупое, что бы там ни выдавливал из себя «просвещенный» интеллект. Наш разум уже давным-давно знает, что мы не можем правильно мыслить бога, не говоря уже о том, чтобы представить его в той или иной существующей форме. Раз и навсегда нужно признать, что существование бога — это такой вопрос, на который нельзя ответить. Но в consensus gentium[14] извечно возникала мысль о богах и будет возникать о них и впредь. Сколь бы

13 Западный человек (*лат.*).

14 Согласие родов (*лат.*).

прекрасным и совершенным по праву ни считал человек свой разум, он всегда вправе быть также уверенным, что разум — это всего лишь одна из возможных ментальных функций, соответствующая лишь одной стороне феноменального мира. Со всех сторон нас окружает иррациональное, не согласующееся с разумом. И это иррациональное также есть психологическая функция, другими словами, коллективное бессознательное, тогда как рациональное, по существу, связано с сознательным разумом. Сознание должно обладать разумом, чтобы перво-наперво открывать некоторый порядок в хаосе неупорядоченных индивидуальных событий в мире, а затем — по крайней мере в человеческих делах — соблюдать этот порядок. Мы несем в себе похвальное и полезное стремление к тому, чтобы по возможности искоренить в нас и вне нас хаос иррационального. По-видимому, этот процесс идет довольно успешно. Один душевнобольной мне однажды сказал: «Господин доктор, сегодня ночью я продезинфицировал сулемой все небо и при этом не обнаружил никакого бога». Нечто подобное происходило и с нами.

111 Старик Гераклит, будучи действительно великим мудрецом, открыл самый поразительный из всех психологических законов: регулятивную (упорядоченную) функцию противоположностей. Он назвал ее энантиодромией (Enantiodromia=бегущий навстречу), имея в виду, что все переходит в свою противоположность. (Я напомню здесь рассмотренный выше случай американского бизнесмена, прекрасно демонстрирующий, что такое энантиодромия.) Так, рациональная культурная установка необходимо переходит в свою противоположность, а именно в иррациональное культурное опустошение[15]. Мы никогда не должны идентифицировать себя с разумом, ибо человек не является и не будет являться порождением одного только разума. На это следует обратить внимание всем школьным наставникам. Иррациональное не может и не должно быть искоренено. Боги не могут и не должны умереть. Я только что сказал, что в человеческой

[15] Эта фраза написана во время Первой мировой войны. Я сохранил ее в первоначальной форме, потому что она содержит истину, которая не однажды подтвердилась в ходе истории. (Написано в 1925 г.) Как показывают современные события, подтверждение не заставило себя долго ждать. Кто же хочет этого слепого разрушения?.. Но все мы с величайшим рвением помогаем этому демону. О sancta simplicitas! [О святая простота!] (Написано в 1942 г.)

психике, по-видимому, всегда присутствует нечто подобное некоторой высшей власти, и если это не идея бога, то тогда это «чрево». Я хочу отметить, что тот или другой базовый инстинкт или комплекс идей неизменно концентрирует на себе максимальную сумму психической энергии, тем самым принуждая Эго служить ему. Обычно Эго настолько втягивается этим энергетическим фокусом, что идентифицирует себя с ним, и ему кажется, будто оно вообще ничего другого не желает и ни в чем другом не нуждается. Так возникает мания, мономания, или одержимость, сильнейшая односторонность, грозящая серьезнейшим образом нарушить психическое равновесие. Без сомнения, в способности к такой односторонности кроется тайна определенных успехов, почему цивилизация и стремится усердно культивировать подобные односторонности. Страсть, т. е. концентрация энергии, заключающаяся в таких мономаниях, есть то, что древние называли тем или иным «богом», и в обыденной речи мы поступаем точно так же. Разве мы не говорим: «Он делает бога из того или из этого»? Человек думает, что он еще совершает волевые акты и выбирает и не замечает, что он уже одержим, что его интерес уже стал его господином, надменно присвоившим себе всю власть. Такие интересы становятся своего рода богами, которые, если они признаны многими, постепенно образуют «церковь» и собирают вокруг себя общину верующих. Тогда это называется «организацией». За организацией следует дезорганизующая реакция, стремящаяся «вышибить дьявола Вельзевулом», то есть вышибить клин клином. Собственно, энантиодромия, угрожающая всегда, когда движение достигло несомненной власти, не дает решения проблемы, она столь же слепа в своей дезорганизации, как и в своей организации.

112 Единственный, кто ускользает от жестокого закона энантиодромии,— это тот, кто умеет отличать себя от бессознательного не с помощью вытеснения, ибо тогда бессознательное просто овладевает таким человеком исподволь, а ставя его непосредственно перед собой и делая видимым как нечто отличающееся от него.

113 Тем самым уже готовится разрешение той проблемы Сциллы и Харибды, которую я описал выше. Пациент должен научиться различать, что есть Эго и что есть не-Эго, т. е. коллективное психическое. Тем самым он получает материал, с которым ему с этого момента еще долго предстоит разбираться. Его энергия, которая раньше была заключена в негодных,

патологических формах, нашла теперь свою подобающую сферу. При дифференциации Эго от не-Эго существенным является укоренность человека в своей Эго-функции, т. е. в исполнении своего долга по отношению к жизни, в том, что он во всех аспектах есть жизнеспособный член человеческого общины. Все то, чем он в этом отношении пренебрегает, приходится на долю бессознательного и усиливает позицию последнего, так что он подвергается опасности быть поглощенным бессознательным. Но за это полагаются тяжелые наказания. Как намекает Синесий, именно «вдохновенная душа» (πνευματική ψυχή) становится богом и демоном и в качестве таковой претерпевает в этом состоянии божественные наказания, подобно Загрею. Нечто подобное испытал и Ницше в начале своей душевной болезни. Энантиодромия есть разорванность на пары противоположностей, которые являются атрибутами бога и, следовательно, обожествленного человека, который благодаря богоподобности преодолевает своих богов. Коль скоро мы говорим о коллективном бессознательном, мы находимся в такой сфере и на такой ступени проблемы, которая вначале не принимается во внимание при практическом анализе в применении к молодым людям или тем, кто слишком долго пребывает на инфантильной стадии. Там, где имаго отца и матери еще предстоит преодолеть, где еще предстоит овладеть некоторой частью внешней жизни, которой естественным образом обладает обычный средний человек, там мы предпочитаем не говорить о коллективном бессознательном и о проблеме противоположности. Но в тех случаях, когда переносы образов родителей и юношеские иллюзии преодолены или по крайней мере созрели для преодоления, мы должны говорить о проблеме противоположности и о коллективном бессознательном. Здесь мы находимся за пределами значимости редукций Фрейда и Адлера; ибо здесь нас уже не занимает вопрос, как можем мы устранить все то, что мешает человеку осуществлять свою профессиональную деятельность, или вступать в брак, или делать нечто такое, что означает развитие жизни, но перед нами стоит задача найти тот смысл, который делает возможным продолжение жизни вообще, поскольку жизнь должна быть чем-то большим, чем только лишь покорность, смирение и печальный взгляд в прошлое.

114 Наша жизнь напоминает движение Солнца. Утром оно непрерывно набирает силу до тех пор, пока, наконец, лучистое и горячее, не достигает зенита. Тогда наступает энантиодромия. Его непрерывное движение вперед

уже означает не прибавление силы, а убавление. Таким образом, когда речь идет о молодом человеке, задача стоит иная, нежели в случае человека стареющего. В первом случае достаточно устранить все препятствия, мешающие развитию и подъему; во втором мы должны стимулировать все то, что оказывает поддержку при спуске. По-юношески неопытный человек, возможно, думает, что пожилых можно оставить в покое, что с ними уже все равно ничего больше не случается, что жизнь у них позади и они годятся еще лишь на то, чтобы служить окаменелыми опорами прошлого. Но было бы большим заблуждением полагать, что, например, жизнь женщины исчерпана с наступлением менопаузы. Вторая, послеполуденная половина человеческой жизни столь же богата смыслом, как и первая; только ее смысл и замысел совсем иные[16]. Человек имеет две цели; первая — природная, порождение потомства и все дела, связанные с заботой о нем, к которым относятся также материальное и социальное положение. Если эта цель исчерпана, то начинается другая фаза — культурная цель. В достижении первой цели помогает природа и, кроме того, воспитание и образование; в достижении последней цели нам помогает очень немногое или даже совсем ничто. Часто господствует даже ложное тщеславие, требующее, чтобы старец был подобен юноше или чтобы он, по крайней мере, действовал подобным образом, хотя внутренне он уже и не способен на это. Поэтому для столь многих людей переход от природной к культурной фазе оказывается бесконечно тяжелым и горьким; они цепляются за юношеские иллюзии или же за своих детей, чтобы таким образом спасти еще хоть кусочек юности. Мы наблюдаем это у матерей, которые видят смысл своей жизни исключительно в детях и думают, что жизнь их превратится в беспочвенное ничто, если им придется расстаться с детьми. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие тяжелые неврозы возникают в начале послеполуденного периода жизни. Это — своего рода второй пубертатный период или второй период бури и натиска, нередко сопровождающийся всеми взрывами страстей, — «опасный возраст». Однако проблемы, встающие в этом возрасте, уже нельзя решить с помощью старых рецептов, стрелку этих часов нельзя перевести назад. То,

---

[16] *Jung C.* Die Lebenswende // Seelenprobleme der Gegenwart. 1950. S. 220 ff. Ges. Werke. Bd. 8; Jung C. The Stages of Life // CW. 8.

что молодежь находила и должна была находить снаружи, человек послеполуденного периода должен найти внутри. Здесь перед нами встают новые проблемы, которые нередко заставляют доктора основательно поломать голову.

115 Переход от утра к послеполуденному периоду означает переоценку прежних ценностей. У человека возникает настоятельная необходимость признать ценность того, что составляло противоположность его прежних идеалов, убедиться в ошибочности прежних убеждений, признать неистинность прежней истины и почувствовать, сколько сопротивления и даже враждебности заключало в себе то, что прежде называлось любовью. Многие из тех, кто оказался втянутым в конфликты проблемы противоположности, отбрасывают все то, что они раньше считали благим и достойным стремления, и пытаются продолжать жизнь в полной противоположности к своему прежнему Эго. Смена профессии, разводы, религиозные обращения, разные виды отступничества являются симптомами этого резкого перемещения в противоположность. Отрицательным моментом в столь радикальном переходе в противоположность является то, что прежняя жизнь вытесняется и тем самым порождается столь же несбалансированное состояние, какое было, и то прежнее состояние, когда противоположности сознательных добродетелей и ценностей были еще подавленными и бессознательными. Подобно тому как раньше невротические нарушения происходили, возможно, вследствие бессознательности противоположных фантазий, так и теперь опять-таки возникают нарушения благодаря вытеснению прежних идолов. Конечно, было бы большим заблуждением полагать, что если мы распознаем в некоторых ценностях отсутствие подлинной ценности или видим в некоторой истине не-истину, то в таком случае ценность или истина перестают существовать. Они делаются относительными. Все человеческое относительно, потому что все основывается на внутренней противоположности, ибо все есть явление энергии. Энергия же по необходимости основывается на некоторой прежней противоположности, без которой никакая энергия невозможна. Всегда должны быть высокое и низкое, горячее и холодное и т. д., чтобы мог иметь место процесс выравнивания, который и представляет собой энергия. Поэтому стремление к отрицанию всех ценностей в пользу их противоположности — это такое же преувеличение, как и прежняя односторонность. И так как речь идет об общепринятых и несомненных ценностях, которые отныне отвергаются,

то результатом оказывается фатальная потеря. Кто действует подобным образом, тот вместе со своими ценностями выбрасывает за борт и самого себя, как уже сказал об этом Ницше.

116 Вопрос заключается не в переходе в противоположность, а в сохранении прежних ценностей наряду с признанием их противоположности. Естественно, это означает конфликт и разлад с самим собой. Понятно, что люди избегают этого как на философском уровне, так и по моральным соображениям; поэтому чаще они пытаются искать выход в судорожном отстаивании предшествующей установки, чем переходить в противоположность. Следует признать, что в случае старения людей в этом действительно весьма несимпатичном явлении все же заключено и нечто положительное; они, по крайней мере, не становятся ренегатами, продолжают стоять прямо и не впадают в растерянность; они не становятся банкротами, а остаются лишь отмирающими деревьями или, говоря более деликатно, «опорами прошлого». Вместе с тем сопутствующие симптомы — косность, суженность сознания, ограниченность, нежелание этих «ревнителей старины» идти в ногу со временем — безрадостны, если не сказать вредоносны; ибо тот способ, каким они отстаивают некоторую истину или какую-либо ценность, является настолько косным и насильственным, что подобный дурной образ действия отталкивает сильнее, чем притягивает защищаемая истина, — благодаря чему достигается как раз нечто противоположное доброму намерению. То, что заставляет их впасть в косность, — это, в сущности, страх перед проблемой противоположности: они чувствуют близость «зловещего брата Медарда». Поэтому право на существование имеют только одна истина и только один руководящий принцип действия, который должен быть абсолютным; в противном случае он не обеспечивает защиты от грозящего падения, причины которого люди предчувствуют повсюду, кроме самих себя. В действительности же самый опасный революционер сидит в нас самих, и именно это должен знать тот, кто хочет безопасно перейти во вторую половину жизни. Это определенно означает переход от кажущейся уверенности, которой мы наслаждались до сих пор, к состоянию неуверенности, разлада, противоречивых убеждений. Худшим во всем этом является то, что, по видимости, отсюда нет выхода. «Tertium non datur», говорит логика, т. е. третьего не дано.

117 Практические потребности лечения больного побуждают нас поэтому к поиску средств и путей, которые могли бы вывести его из этого невыно-

симого состояния. Когда человек оказывается перед кажущимся непреодолимым препятствием, то он отступает назад: он осуществляет то, что технически называется регрессией. Он обращается к тем временам, когда находился в подобных ситуациях, с тем чтобы снова попытаться применить те средства, которые помогли ему тогда. Но то, что помогало в юности, в зрелом и пожилом возрасте оказывается бесполезным. Что хорошего принесло американскому бизнесмену, о котором говорилось выше, его возвращение к прежней работе? У него уже больше ничего не получалось. Поэтому регрессия продолжается и доходит до детства (многие пожилые невротики впадают в детство) и, наконец, до периода, предшествующего детству. Это звучит странно; но фактически речь идет не только о логике, но и обо всем возможном.

118 Ранее мы упомянули о том, что бессознательное содержит, так сказать, два слоя — личный и коллективный. Личный слой заканчивается самыми ранними детскими воспоминаниями; коллективное бессознательное, напротив, охватывает период, предшествующий детству, т. е. то, что сохранилось от жизни предков. В то время как образы памяти личного бессознательного как бы заполнены, ибо они являются образами индивидуально пережитыми, архетипы коллективного бессознательного представляют собой формы незаполненные, ибо они индивидуально не пережиты. С другой стороны, когда психическая энергия регрессирует, выходя за пределы даже периода раннего младенчества и вламываясь в наследие жизни предков, тогда пробуждаются мифологические образы; они-то и есть архетипы[17]. Перед нами открывается некоторый духовный мир, о котором мы прежде ничего не подозревали, и выявляются содержания, находящиеся, возможно, в самом резком контрасте с нашими прежними

[17] Внимательный читатель отметит, что здесь в понятие архетипа привносится новый элемент, не упоминавшийся ранее. Это привнесение означает, однако, не какую-то нечаянную неясность, а намеренное расширение понятия архетипа посредством введения в него столь важного для индийской философии кармического фактора. Аспект кармы существенно необходим для более глубокого понимания природы архетипа. Не вдаваясь в подробное описание этого фактора, я хотел по крайней мере упомянуть о его существовании. Моя идея архетипа подвергалась суровой критике. Я вполне допускаю, что эта идея достаточно противоречива и способна немало озадачить. Однако мне всегда было весьма любопытно, с помощью какого же понятия собирались мои критики выразить тот опытный материал, о котором идет речь.

представлениями. Эти образы обладают такой интенсивностью, что кажется вполне понятным, почему миллионы образованных людей впадают в теософию и антропософию. Так происходит просто потому, что эти современные гностические системы идут навстречу потребности в выражении этих внутренних, безмолвных событий в большей мере, нежели какая-либо из существующих форм христианской религии, не исключая католицизма. Последний, правда, способен в гораздо большей мере, чем протестантизм, выражать посредством догматических и культовых символов те факты, о которых у нас идет речь. Однако и католицизм не достигал в прошлом и не достигает ныне полноты прежнего языческого символизма, поэтому языческий символизм долго сохранялся и в столетия христианства, а затем постепенно перешел в известные подводные течения, которые никогда полностью не утрачивали своей силы от раннего средневековья до Нового времени. Языческая символика хотя и исчезала с поверхности и ушла далеко вглубь, однако, меняя свою форму, возвращалась и возвращается снова, чтобы компенсировать односторонность современной ориентации сознания[18]. Наше сознание настолько пропитано христианством, настолько почти всецело сформировано им, что бессознательная противоположная позиция не может быть принята в нем, и притом просто потому, что она слишком противоречит основным господствующим воззрениям. Чем более односторонне, косно и безусловно удерживается одна позиция, тем более агрессивной, враждебной и непримиримой будет другая, так что вначале их примирение имеет мало шансов на успех. Но если сознательный разум допускает по крайней мере относительную значимость всякого человеческого мнения, то и противоположность отчасти утрачивает свою непримиримость. Между тем эта противоположность ищет для себя подходящее выражение, например, в восточных религиях: буддизме, индуизме и даосизме. Синкретизм теософии в значительной мере идет навстречу этой потребности, и этим объясняется ее широкий успех.

119 Работа, связанная с аналитическим лечением, позволяет выявить переживания архетипической природы, требующие своего выражения

[18] См. мою статью: Paracelsus als geistige Erscheinung // Ges. Werke. Bd. 13. Рус. пер. — *Юнг К. Г.* Психология и алхимия. Киев, 1998.

и оформления. Разумеется, это не единственная возможность для осуществления такого рода опыта; архетипические переживания нередко возникают спонтанно, и притом отнюдь не только в случае «психологически мыслящих» людей. Нередко о самых удивительных снах и видениях мне доводилось слышать от людей, в душевном здоровье которых не мог сомневаться даже специалист. Переживание архетипа люди часто оберегают как самую глубокую личную тайну, так как чувствуют, что оно задевает сокровеннейшие глубины их существа. Это — своего рода праопыт «не-Эго» некоторого внутреннего оппонента, вызывающего на спор. Понятно, что в таких случаях прибегают к помощи параллелей, причем случается так, что первоначальное событие перетолковывается в духе заимствованных представлений. Типичный случай такого рода — видение Троицы у брата Николая из Флюе[19] или видение многоглазой змеи у св. Игнатия, которое он истолковал сначала как божественное, а затем — как дьявольское явление. С помощью таких иносказательных толкований подлинное переживание замещается почерпнутыми из чужого источника образами и словами, а также воззрениями, идеями и формами, которые, как это бывает, выросли не на нашей почве и связаны главным образом не с нашим сердцем, а лишь с нашей головой, которая даже не может их отчетливо помыслить, так как никогда не смогла бы их изобрести. Это подобно случаю с краденым добром, которое не идет впрок. Суррогат превращает людей в тени и делает их нереальными; они ставят пустые слова на место живой действительности и выскальзывают из болезненного напряжения противоположностей в некий бледный, двухмерный призрачный мир, где все живое и творческое увядает и умирает.

120 Случаи безмолвия, вызванные регрессией и актуализирующие доинфантильный период, требуют не замещения, а индивидуального оформления в жизни и деятельности отдельного человека. Эти образы из жизни, страданий и радостей предков снова стремятся вернуться в жизнь и как переживание, и как деяние. Однако в силу своей противоположности сознательному разуму они не могут непосредственно переводиться в наш мир; следовательно, должен быть найден опосредованный путь, соединяющий сознательную и бессознательную реальность.

---

[19] См. мою статью: Bruder Klaus. Ges. Werke. Bd. 11.

VI
Синтетический, или конструктивный, метод

121 Процесс анализа бессознательного есть мучительный труд, работа, включающая в себя не только действие, но и страдание. Эта работа получила название «трансцендентная функция»[1], поскольку она представляет собой функцию, опирающуюся на реальные и воображаемые (или рациональные и иррациональные) данные и тем самым служащую мостом через зияющую пропасть между сознанием и бессознательным. Трансцендентная функция обозначает естественный процесс, проявление энергии, являющейся результатом напряженного взаимодействия противоположностей и состоящей в чередовании процессов фантазирования, спонтанно возникающих в снах и видениях. Этот же процесс можно наблюдать и на начальных стадиях некоторых форм шизофрении. Классическое описание такого процесса содержится, например, в автобиографическом изложении Жерара де Нерваля в романе «Аврелия». Наиболее значительным литературным примером служит II часть «Фауста»[2]. Естественный процесс объединения противоположностей послужил мне моделью и основой метода, который, по существу, состоит в том, что мы намеренно вызываем наружу и интегрируем в сознание и его перспективу то, что в природе происходит бессознательно и спонтанно. Неприятности многих

---

[1] Мне удалось обнаружить, что понятие трансцендентной функции встречается также в высшей математике как название функции реальных и мнимых чисел. См. статью: Die transzendente Funktion // Geist und Werk. Rhein -Fertag, Zürich, 1958. Ges. Werke, Bd. 8.

[2] См. анализ одной серий сновидений: *Юнг К. Г.* Психология и алхимия. Киев, 1998.

больных состоят именно в том, что у них отсутствуют средства и пути к духовному овладению происходящими с ними событиями. Здесь требуется медицинская помощь в виде особого метода лечения.

122 Как видим, теории, рассмотренные в начале этой книги, основываются на исключительно каузальной и редуктивной технике, которая разлагает сновидение (или фантазию) на компоненты памяти и лежащие в его основе инстинктивные процессы. Выше я уже упомянул о том, в чем состоит как достоинство, так и ограниченность такого подхода. Он достигает своего предела тогда, когда символы сновидений уже не могут быть сведены к личным воспоминаниям и стремлениям, т. е. когда всплывают образы коллективного бессознательного. Было бы бессмысленно пытаться свести эти коллективные идеи к личному, даже не только бессмысленно, но и вредно, чему научил меня болезненный опыт. Только с большим трудом и после долгих колебаний я, наученный в конце концов неудачами, смог решиться на то, чтобы отказаться от чисто персоналистической установки медицинской психологии в указанном смысле. Прежде всего, мне пришлось прийти к основополагающему представлению о том, что за анализом, поскольку он есть только разложение, необходимо должен следовать некоторый синтез и что существует психический материал, который почти ничего не значит, если он только подвергается разложению, но развертывает полноту смысла, если его не разлагать, а давать ему подтверждение и расширять далее всеми сознательными средствами, имеющимися в нашем распоряжении. Это так называемый метод амплификации[3]. Образы или символы коллективного бессознательного лишь тогда проявляют свои ценности, когда к ним применяется синтетический метод воздействия. Точно так же как анализ разлагает символический материал фантазий на свои компоненты, синтетическая процедура интегрирует его во всеобщее и постигаемое выражение. Подобная процедура не очень-то проста; поэтому я приведу один пример, на котором можно будет разъяснить и весь процесс в целом.

123 Одна пациентка, находившаяся как раз в критической точке перелома на границе между анализом личного бессознательного и появлением содержаний коллективного бессознательного, видела следующий сон.

[3] Дефиницию см.: *Jung C.* Psychologie und Alchemie. 1952. 2. Aufl. S. 397 f. Ges. Werke, Bd. 12. Рус. пер. — *Юнг К.* Психология и алхимия. К., 1998. См. также: *Jacobi J.* Die Psychologie von C. G. Jung. 1945. 2. Aufl. S. 132 ff.

Она собирается пересечь широкую реку. Моста нигде нет, но она находит место, где можно перейти вброд. Она уже собирается это сделать, и тут ее хватает за ногу большой краб, прежде скрытый в воде, и уже не отпускает ее. Она в ужасе просыпается.

Ассоциации

124 *Река:* Образует границу, которую трудно перейти; — я должна преодолеть препятствие; — это относится, возможно, к тому, что я медленно продвигаюсь вперед; — возможно, мне надо было перейти на другую сторону.

125 *Брод:* Возможность надежно перебраться на другую сторону; — возможный путь; — иначе река была бы слишком широка. Лечение предоставляет возможность преодолеть препятствие.

126 *Краб:* Краб целиком скрывался под водой, вначале я его не видела; — краб (нем. Krebs) ассоциируется с раком, а это название очень страшной, неизлечимой болезни (воспоминания о госпоже X, умершей от карциномы); я боюсь этой болезни; — краб — это членистоногое животное, которое пятится назад — и, очевидно, хочет затащить меня вниз, в ручей; — он страшно вцепился в меня, и я ужасно испугалась; — что же не пускает меня на ту сторону? Ах да, у меня снова была ссора с моей подругой.

127 В отношениях с этой подругой наличествует нечто специфическое. Речь идет о многолетней, мечтательной, граничащей с гомосексуальностью дружбе. Подруга во многих отношениях напоминает пациентку и также весьма нервозна. У обеих явно выраженные общие артистические интересы. Но пациентка — личность более сильная. Так как их взаимоотношения достаточно тесные и в значительной степени исключают другие возможности жизни, то обе нервозны, и, несмотря на идеальную дружбу, между ними происходят бурные сцены, основывающиеся на взаимном раздражении. Бессознательное этим самым хочет создать дистанцию между ними, но они не хотят этого замечать. Ссора обычно начинается с того, что одна из них находит, будто они еще недостаточно хорошо понимают друг друга и что нужно еще больше высказаться друг перед другом, после чего обе с энтузиазмом пытаются это сделать. Естественно, вскоре возникает недопонимание, приводящее, в свою очередь, к еще большей ссоре. Faute de mieux[4] ссора подобного типа долгое время была

для них заменой удовольствия, которую они никогда не отвергали. Моя пациентка в особенности долгое время не могла отказаться от сладкой боли быть непонятой своей лучшей подругой, несмотря на то что каждая сцена ее «смертельно» утомляла и она уже давно поняла, что эта дружба изжила себя и что она лишь из ложного честолюбия полагала, будто все еще может считать ее идеальной. Прежде пациентка относилась иллюзорно, экзальтированно к своей матери, а затем, после ее смерти, она перенесла свои чувства на подругу.

Аналитическое (каузально-редуктивное) толкование[5]

128 Подобное толкование можно сформулировать одним предложением: «Я хорошо понимаю, что мне надо перебраться через ручей на другую сторону (а именно отказаться от отношений с подругой); однако мне гораздо больше хотелось бы, чтобы подруга не выпускала меня из своих клешней (т. е. объятий), и это соответствует инфантильному желанию, чтобы мать снова заключила меня в свои горячие объятия». Несовместимость желаний объясняется сильной подспудной гомосексуальной тенденцией, вполне подтверждаемой фактами. Краб хватает пациентку за ногу. У пациентки большие, «мужские» ноги; по отношению к подруге она играет мужскую роль, имея также соответствующие сексуальные фантазии. Нога, как известно, имеет фаллическое значение[6]. Полная интерпретация выглядит следующим образом: причина, по которой она не хочет расстаться с подругой, состоит в том, что она имеет вытесненные гомосексуальные желания, направленные на нее. Поскольку эти желания морально и эстетически несовместимы с тенденцией сознательной личности, то они вытеснены и потому более или менее бессознательны. Ее беспокойство соответствует вытесненному желанию.

129 Такое истолкование, разумеется, жестоко обесценивает экзальтированный идеал дружбы у пациентки. Разумеется, на данном этапе анализа пациентка уже не была бы в претензии ко мне за такое истолкование.

---

4 За неимением лучшего (*франц.*).

5 Сходный взгляд на два вида толкования содержится в рекомендуемой книге: *Silberer H.* Probleme der Mystik und Ihrer Symbolik. 1914. 2. AuO. 1961.

6 Доктор Эгримонт (псевдоним, который взял Зигмар, Барон фон Шульц-Галлера). См.: *Aigremont Dr.* Fußund Schuhsymbolik und-Erotik. Leipzig, 1909.

Некоторые факты еще раньше достаточно убедили ее в наличии гомосексуальной тенденции, так что она имела возможность свободно признать эту склонность, хотя это и шло вразрез с ее сознательной установкой. Поэтому если бы я на данной стадии лечения сообщил ей об этой интерпретации, то уже не встретил бы с ее стороны никакого сопротивления. Она уже преодолела болезненность этой нежелательной тенденции с помощью ее понимания. Но она могла бы сказать мне: «Почему мы все еще анализируем этот сон? Он ведь всего лишь говорит о том, что я уже давно знаю». Это истолкование фактически ничего нового пациентке не сообщает; оно поэтому неинтересно для нее и нерезультативно. Но в начале лечения истолкование подобного рода было бы невозможным уже просто потому, что излишняя щепетильность пациентки не допустила бы ничего подобного ни при каких обстоятельствах. «Яд» понимания следовало вводить крайне осторожно и в очень малых дозах до тех пор, пока она постепенно не сделалась бы более разумной. Если же аналитическая или каузально-редуктивная интерпретация не приносит ничего нового, а дает лишь то же самое в разных вариациях, то значит, пришел момент, когда необходимо поискать возможные архетипические мотивы. Если такой мотив появляется на переднем плане, то имеет смысл сменить тактику истолкования. Каузально-редуктивная техника в этом случае обнаруживает известные недостатки. Прежде всего, она не совсем точно учитывает ассоциации пациентки, например, ассоциации «краба» с «раком». Во-вторых, остается неясным сам выбор такого символа. Почему, скажем, подруга-мать появляется в виде краба? Гораздо более привлекательным и более пластичным представлением был бы образ русалки. («Она влекла его отчасти, отчасти к ней тянулся он» и т. д.) Ту же самую роль могли бы исполнить осьминог или дракон, змея или рыба. В-третьих, каузально-редуктивная техника не учитывает того, что сновидение — явление субъективное и что, следовательно, исчерпывающее объяснение никак не может относить краба только к подруге или к матери, но обязано соотнести его также с самим субъектом, т. е. со сновидицей. Сновидица и есть все сновидение в целом; она и река, и брод, и краб, и все эти детали выражают условия и тенденции бессознательного субъекта.

130 Поэтому я ввел следующую терминологию: каждую интерпретацию, в которой образы сновидения можно идентифицировать с реально существующими объектами, я называю интерпретацией на объективном уровне.

В противовес этому существует истолкование, которое каждую часть сновидения и всех действующих в нем персонажей соотносит с самим сновидцем (сновидицей). Это я называю интерпретацией на субъективном уровне. Интерпретация на объективном уровне аналитична, потому что она разлагает содержание сновидения на комплексы памяти, соотносимые с внешними ситуациями. Интерпретация на субъективном уровне синтетична, ибо она отделяет лежащие в основе комплексы памяти от внешних причин, воспринимая их как тенденции или компоненты субъекта, и вновь объединяет их с этим субъектом. (В любом переживании я переживаю не просто сам объект, но прежде всего самого себя, разумеется, лишь в том случае, когда я отдаю себе в этом отчет.) В этом случае получается, что все содержания сновидения рассматриваются как символы субъективных содержаний.

131 Таким образом, синтетический или конструктивный процесс интерпретации[7] является интерпретацией на субъективном уровне.

Синтетическое (конструктивное) толкование

132 Пациентка не осознает того факта, что препятствие, которое ей надо преодолеть, находится в ней самой: это некоторая пограничная линия, которую трудно переступить и которая препятствует дальнейшему продвижению вперед. Тем не менее возможность преодолеть этот барьер есть. Правда, именно в этот момент и возникает особенная и неожиданная опасность — нечто «животное» (не- или недочеловеческое), уходящее назад и в глубину и грозящее увлечь за собой всю личность. Эта опасность подобна смертельной болезни, которая возникает где-то в потаенном месте и оказывается неизлечимой (превосходящей по силе). Пациентка воображает, будто это ее подруга мешает ей и тянет ее вниз. Пока она так думает, ей, разумеется, приходится на нее воздействовать, «тянуть» ее «наверх», поучать, воспитывать; ей приходится делать бесполезные и бессмысленные идеалистические усилия, чтобы удержать себя от того, чтобы оказаться утянутой «вниз». Естественно, ее подруга предпринимает те же самые усилия, так как она в данном случае следует тем же путем, что и пациентка.

[7] Ср.: *Юнг К. Г.* Психоз и его содержание. Часть 2 // *Юнг К. Г.* Работы по психиатрии. СПб., 2000. В другом месте я назвал эту процедуру «герменевтическим» методом; см. ниже § 493 и далее.

Поэтому они наскакивают друг на друга, словно дерущиеся петухи, и каждая стремится одержать верх. И чем выше поднимается одна, тем сильнее муки другой и тем выше ей приходится подниматься. Почему? Потому что обе видят вину в другом, в объекте. Интерпретация на субъективном уровне освобождает от этой бессмыслицы: сновидение показывает пациентке, что в ней самой заключено нечто такое, что мешает ей переступить границу, т. е. перейти от одной позиции или установки к другой. Толкование перемены места как перемены установки подтверждается формами речи в некоторых первобытных языках, где, например, фраза «Я думаю о том, чтобы уйти» звучит так: «Я нахожусь на месте (в точке) ухода». Для понимания языка сновидений нам необходимы многочисленные параллели из психологии первобытного и исторического символизма, поскольку сновидения, по существу, вытекают из бессознательного, которое содержит остатки функциональных возможностей всех предшествующих эпох человеческой эволюции. Классический пример тому — «переход через великую воду» в китайской гадальной книге «И Цзин»[8].

133 Очевидно, все теперь зависит от того, как мы понимаем значение образа краба. Прежде всего мы знаем, что это нечто такое, что проявляется в подруге (потому что она соотносит образ краба с подругой), и нечто связанное с матерью. Обладают ли мать и подруга этими качествами в действительности — это в отношении пациентки не играет роли. Ситуация меняется лишь благодаря тому, что меняется сама пациентка. В матери уже ничего нельзя изменить, ибо она умерла. Подругу также нельзя заставить измениться. Если она хочет измениться, то это ее личное дело. Тот факт, что обсуждаемое качество связывается с матерью, указывает на нечто инфантильное. Но тогда в чем же состоит тайна отношения пациентки к матери и подруге? Общее здесь — это бурное, сентиментальное требование любви, и она чувствует себя во власти этой страсти. Это требование обладает, таким образом, признаком непреодолимого инфантильного желания, которое, как известно, слепо. Речь здесь, следовательно, идет о некоторой не затронутой воспитанием, недифференцированной и еще не очеловеченной части либидо, которая носит навязчивый характер

[8] *Richard Wilhelm Ging*. Das Buch der Wandlungen, 1924. См. также: *Щуцкий Ю.* Китайская классическая книга Перемен (И-цзин). М., 1994.

инстинкта и, следовательно, не укрощена приручением. Для этой части образ животного является абсолютно точным символом. Но все же почему это животное именно краб? Пациентка ассоциирует это с раковым заболеванием, от которого умерла госпожа Х, и притом примерно в том же возрасте, в котором находится сама наша пациентка. Речь, таким образом, могла бы идти об имеющей характер намека идентификации с госпожой Х. Мы должны поэтому исследовать этот момент. Пациентка рассказывает о ней следующее. Госпожа Х рано овдовела, она была очень веселой и жизнерадостной. У нее был ряд приключений с мужчинами, в частности, с одним своеобразным человеком, одаренным художником, с которым пациентка была лично знакома и который произвел на нее завораживающее и странное впечатление.

134 Идентификация может осуществляться лишь на основе некоторого нереализованного, т. е. бессознательного, сходства. Но в чем состоит сходство нашей пациентки с госпожой Х? Здесь мне удалось напомнить пациентке о ряде прежних фантазий и сновидений, которые ясно показали, что и она имела в себе некоторую весьма легкомысленную жилку, которую, однако, всегда с тревогой подавляла, так как боялась, что тенденция, которую она смутно чувствовала в себе, может склонить ее к какому-то аморальному образу жизни. Тем самым мы узнали еще кое-что важное о «животном» элементе. А именно речь идет о той самой неукрощенной, инстинктивной тяге, которая в данном случае направлялась на мужчин. Тем самым мы теперь понимаем еще одну причину, по которой она не может отпустить от себя свою подругу: дело в том, что она вынуждена цепляться за подругу, чтобы не стать жертвой этой самой другой тенденции, которая кажется ей гораздо более опасной. Соответственно она удерживает себя на инфантильном, гомосексуальном уровне, который, однако, служит ей защитой. (Это, как показывает опыт, один из самых действенных мотивов к тому, чтобы цепляться за неподходящие, инфантильные отношения.) Но в этом животном элементе, однако, заключено также и ее здоровье, зародыш будущей здоровой и разумной личности, которая справится с опасностями жизни.

135 Однако пациентка сделала совершенно другой вывод из судьбы госпожи Х. Она восприняла внезапную смертельную болезнь и раннюю смерть этой женщины как наказание судьбы за ее легкомысленную жизнь, которой пациентка, не признаваясь в этом, всегда завидовала. Когда

госпожа X умерла, пациентка долгое время сохраняла высоконравственную огорчительную позу, за которой скрывалось «человеческое, слишком человеческое» злорадное удовлетворение. Чтобы как-то наказать себя за это, она постоянно пугала себя, вспоминая госпожу X, отшатываясь от жизни и дальнейшего развития, и взвалила на себя мучительное бремя неудовлетворительной дружбы. Естественно, вся последовательность событий не была ей ясна, в противном случае ничего бы не произошло. Правильность подобной версии легко нашла свое подтверждение в материале.

136 История данной идентификации на этом отнюдь не заканчивается. Пациентка настойчиво подчеркивала то обстоятельство, что госпожа X обладала незаурядными художественными способностями, которые развились у нее лишь после смерти ее мужа и затем привели также к дружбе с упомянутым художником. Этот факт, по-видимому, следует отнести к одной из существенных причин идентификации, если вспомнить рассказ пациентки о том, какое сильное и завораживающее впечатление произвел на нее художник. Очарование подобного рода никогда не распространяется исключительно от одного лица к другому, но всегда есть феномен отношения, в котором участвуют оба, участвуют постольку, поскольку завораживаемое лицо должно привнести сюда свою соответствующую предрасположенность. Однако эта предрасположенность должна быть для нее бессознательной; иначе очарования не возникнет. Само очаровывание — это навязчивое явление в том смысле, что здесь отсутствует сознательная мотивировка, т. е. это не волевой процесс, а феномен, который всплывает из бессознательного и в принудительном порядке навязывает себя разуму.

137 Поэтому необходимо допустить, что пациентка имеет бессознательную предрасположенность, схожую с предрасположенностью художника. Соответственно она также идентифицируется с мужчиной[9]. Вспомним анализ сновидения, где мы столкнулись с намеком на «мужскую» ногу. Фактически пациентка играет мужскую роль по отношению к своей подруге; она является активной стороной, постоянно задает тон, командует и при случае насильно принуждает ее делать нечто такое, чего хочет лишь

[9] Я не упускаю из виду тот факт, что более глубокое основание для идентификации с художником заключено в определенной творческой способности пациентки.

она сама. Ее подруга демонстрирует ярко выраженную женственность, что проявляется и в ее внешнем облике, тогда как пациентка явно принадлежит к мужскому типу. Голос у нее также более сильный и низкий, чем у ее подруги. Госпожа X описывается как весьма женственное создание, по мягкости и привлекательности ее можно сравнить, по словам пациентки, с подругой. Это наводит нас на новую мысль: очевидно, пациентка играет ту же роль в отношении подруги, которую играл художник по отношению к госпоже X. Таким образом, она бессознательно завершает свою идентификацию с госпожой X и ее любовником. Тем самым она все-таки живет своей легкомысленной фривольной жизнью, которую с таким страхом подавляла. Но она не живет ею сознательно, она скорее играет этой бессознательной тенденцией, т. е. одержима ею и становится бессознательным исполнителем своего комплекса.

138 Теперь мы уже гораздо больше знаем о крабе. Он представляет внутреннюю психологию этой неукрощенной составляющей либидо. Бессознательные идентификации затягивают ее все дальше и дальше. Они обладают этой силой потому, что, будучи бессознательными, недоступны пониманию (инсайту) или коррекции. Краб поэтому выступает как символ бессознательных содержаний. Эти содержания всегда стремятся вернуть пациентку к ее отношениям с подругой. (Краб пятится назад.) Но связь с подругой, однако, равнозначна болезни, из-за которой она стала невротичной.

139 Строго говоря, все это действительно относится к анализу на объективном уровне. Но мы не должны забывать, что пришли к этому знанию лишь благодаря применению анализа на субъективном уровне, который тем самым демонстрирует себя в качестве важного эвристического[10] принципа. Можно было бы практически удовлетвориться достигнутым результатом, но мы должны здесь еще удовлетворить теоретические требования, так как не использованы и не оценены еще все ассоциации и еще недостаточно выяснено значение выбора символа.

140 Обратимся теперь к замечанию пациентки о том, что краб лежал, спрятавшись под водой, и что сначала она его не видела. Раньше она не замечала этих только что разъясненных бессознательных отношений, они были скрыты под водой. Река есть то самое препятствие, которое

[10] Эвристический — имеющий ценность для процесса открытия.

не позволяет ей перебраться на другую сторону. Ей мешали именно эти бессознательные отношения, которые привязывали ее к подруге. Бессознательное было этим препятствием. Вода, таким образом, означает бессознательное или, лучше сказать, состояние бессознательности, сокрытости, краб также есть бессознательное, однако он представляет собой скрытое в глубинах бессознательного динамическое содержание.

VII
Архетипы коллективного бессознательного

141 Теперь перед нами встала задача рассмотрения на субъективном уровне тех отношений, которые сначала были осмыслены на уровне объекта. Для этой цели нам необходимо отделить их от объекта и понять в качестве символических изображений субъективных комплексов пациентки. Если мы пытаемся фигуру госпожи X истолковать на субъективном уровне, то мы должны рассматривать ее в качестве персонификации некоторой парциальной души или, скорее, определенного аспекта самой сновидицы. Госпожа X становится образом того, кем пациентка хотела бы и все же боится быть. Она воплощает, так сказать, фрагмент картины будущего характера пациентки. Обворожительный художник не может быть легко возведен на субъективный уровень, поскольку бессознательная художественная способность, дремлющая в пациентке, уже достаточно представлена госпожой X. Было бы, однако, правильным сказать, что образ художника представляет то мужское начало в пациентке, которое не реализовано сознательно и поэтому пребывает в бессознательном[1]. Это справедливо в том смысле, что пациентка фактически заблуждается на свой счет в данном отношении. В своих собственных глазах она кажется исключительно нежной, чувствительной и женственной и уж никак не мужеподобной. Поэтому, когда я впервые обратил ее внимание на ее мужские черты, она была неприятно удивлена. Элемент странности, захватывающей

---

[1] Я назвал это мужское начало в женщине анимус, а соответствующее женское начало в мужчине обозначил как анима. См. ниже § 296—340. См. также: *Yung Emma.* Ein Beitrag in Problem das Animus // Wirklichkeit der Seele. 1947. S. 296 ff.

очарованности никак не вписывается в ее мужские черты. В них он, по-видимому, полностью отсутствует. И все же он должен где-то скрываться, так как она продуцировала это чувство из самой себя.

142 В тех случаях, когда такой элемент не обнаруживается у самого сновидца, тогда он, как говорит опыт, всегда оказывается спроецированным. Но на кого? Направлен ли он все еще на художника? Он давно уже исчез из поля зрения пациентки и, надо полагать, не мог забрать с собой эту проекцию, так как она закреплена в бессознательном пациентки, а кроме того, несмотря на то что он произвел на нее завораживающее впечатление, у нее не было с этим мужчиной никаких личных отношений. Для нее он был еще одним образом фантазии. Нет, проекция такого рода всегда актуальна, т. е. где-нибудь должен находиться некто, на кого спроецировано это содержание, в противном случае она ощутимо осознавала бы его в себе.

143 Здесь мы снова возвращаемся к объективному уровню, так как иначе нельзя обнаружить эту проекцию. Помимо меня, пациентка не знакома ни с кем из мужчин, кто так или иначе значил бы для нее нечто особенное, я же как доктор значу многое. Можно, таким образом, предположить, что она спроецировала это содержание на меня, но я тем не менее ничего подобного не замечал. Однако эти тонкие, едва различимые содержания никогда не выступают на поверхности, они дают о себе знать вне стен консультационного кабинета. Поэтому я осторожно спросил ее: «Скажите, каким вы представляете меня тогда, когда находитесь за пределами моего кабинета? Остаюсь ли я в таких случаях прежним?» Она ответила: «Когда я у вас, вы вполне доброжелательны и приятны в общении; но когда я одна или когда долго вас не вижу, то часто ваш образ удивительно меняется. Иногда вы кажетесь мне весьма идеализированным, а потом опять-таки другим». Здесь она запнулась; я помог ей: «А в каком смысле другим?» Тогда она сказала: «Иногда очень опасным, зловещим, как злой колдун или демон. Я не знаю, как подобное приходит мне в голову. Вы же нисколечко не такой».

144 Таким образом, это содержание было зафиксировано на мне как часть переноса и поэтому отсутствовало в ее психическом инвентаре. Здесь мы узнаем еще один существенный факт: я был контаминирован (идентифицирован) с художником; так что в своей бессознательной фантазии она, естественно, играет роль госпожи X. Мне было совсем нетрудно, привлекая ранее выявленный материал (сексуальные фантазии), доказать

ей это. Но тогда я и сам оказывался препятствием, «крабом», мешающим ей перебраться на другую сторону. Если бы мы в данном конкретном случае ограничились объективным уровнем, то положение могло стать весьма затруднительным. Какой прок был бы от моего заявления: «Но ведь я же отнюдь не тот самый художник, во мне нет ничего жуткого, я не злой колдун и т. д.»? Это никак не впечатлило бы пациентку, поскольку она знает это не хуже меня. Проекция по-прежнему остается, и я действительно являюсь препятствием для ее дальнейшего прогресса.

145 Именно на этом месте в ряде случаев лечение затормаживалось. Нет никакой возможности выбраться из тисков бессознательного, за исключением того варианта, когда сам доктор переводит себя на субъективный уровень, т. е. осознает себя в качестве того или иного образа. Но образа чего? И здесь заключается самая большая трудность. «Ну, хорошо,— скажет доктор,— образом чего-то в бессознательном пациентки». На это она может ответить: «Как! Оказывается, что я мужчина, да еще к тому же зловещий, очаровывающий, злой колдун или демон? Да ни за что на свете я с этим не соглашусь, это полная чушь! Я скорее поверю, что это вы такой». И она права: нелепо стремиться перенести что-либо подобное на нее. Она ведь не может позволить превратить себя в демона, так же как не может допустить этого и доктор. Ее взгляд искрится, на лице появляется злое выражение — вспышка неизвестного сопротивления, никогда ранее не проявлявшегося. Я внезапно сталкиваюсь с опасностью мучительного недопонимания. Что это такое? Разочарованная любовь? Чувствует ли она себя обиженной, униженной? В ее взгляде таится нечто хищное, нечто действительно демоническое. Значит, она все же демон? Или я сам хищник, демон, а передо мной сидит исполненная ужаса жертва, с животным отчаянием пытающаяся защититься от моих злых чар? Но это же все полная бессмыслица, фантастический обман. К чему же я прикоснулся? Какая новая струна зазвучала? И все же это лишь некоторый преходящий момент. Выражение лица пациентки снова становится спокойным, и как бы с облегчением она говорит: «Удивительно, сейчас у меня было такое чувство, что вы затронули нечто, что я в отношениях с моей подругой никогда не могла преодолеть. Это ужасное чувство, что-то нечеловеческое, злое, жестокое. Я просто не могу описать, какое это жуткое чувство. Оно заставляет меня в такие моменты ненавидеть и презирать мою подругу, хотя я изо всех сил противлюсь этому».

146 Последнее замечание бросает на случившееся проясняющий свет: я занял место подруги. Подруга преодолена. Лед вытеснения сломлен, и пациентка, сама не зная того, вступила в новую фазу своей жизни. Я знаю теперь, что все то болезненное и злое, что заключалось в ее отношении к подруге, теперь будет перенесено на меня, а также, разумеется, и доброе, хотя и в яростном столкновении с тем таинственным неизвестным X, которым пациентка никогда не могла овладеть. Началась новая фаза переноса, которая, однако, пожалуй, еще не позволяет ясно разглядеть, в чем же состоит это неизвестное X, которое спроецировано на меня.

147 Ясно одно: если пациентка «зацикливается» на этой форме переноса, то самое трудное недопонимание еще впереди, ибо теперь ей придется обращаться со мной так, как она обращалась со своей подругой, т. е. неизвестное X будет постоянно витать где-то в воздухе и порождать недопонимание. И это неизбежно приведет к тому, что она увидит демона во мне, так как она не может допустить, что демон — она сама. В этом варианте возникают все неразрешимые конфликты. А неразрешимый конфликт означает остановку жизни.

148 Или другая возможность: пациентка может использовать свой старый защитный механизм против этой новой трудности и просто игнорировать это неясное место, т. е. она снова вытесняет, вместо того чтобы сознательно удерживать то, что, собственно, и есть необходимое и самоочевидное требование всего метода. Здесь мы ничего не выиграли; напротив, теперь неизвестное X угрожает со стороны бессознательного, а это еще более неприятно.

149 Всегда, когда всплывает такое неприемлемое содержание, мы должны отдавать себе точный отчет в том, является ли оно вообще личностным качеством или не является. «Колдун» и «демон» могут хорошо представлять качества, сами имена которых обозначены так, что сразу можно заметить: это не личностные, не человеческие качества, а мифологические. «Колдун» и «демон» — это мифологические фигуры, выражающие то неизвестное, «нечеловеческое» чувство, которое довлело над пациенткой. Это атрибуты, ни в каком смысле не применимые к человеческой личности, хотя они, как правило, в виде интуитивных и не подвергнутых более основательной проверке суждений постоянно проецируются на окружающих, нанося значительный ущерб человеческим отношениям.

150 Эти атрибуты всегда показывают, что проецируются содержания транcличного, или коллективного, бессознательного. Ибо «демоны»,

как и «злые колдуны», не являются личными воспоминаниями, хотя, естественно, каждый когда-то слышал или читал о подобных вещах. Мы все слышали о гремучих змеях, но все же не следует называть гремучей змеей ящерицу или ужа, заслышав их шуршание. Точно так же мы не будем называть нашего ближнего демоном, разве что только в случае, когда на самом деле с ним связано некое действие, носящее демонический характер. Но если бы это действительно было элементом его личного характера, то оно должно было бы проявляться во всем, а тогда этот человек и в самом деле являлся бы демоном, чем-то вроде оборотня. Но это — мифология, т. е. коллективное психическое, а не индивидуальное. Поскольку через свое бессознательное мы причастны к исторической коллективной психике, то, конечно, бессознательно мы живем в некоем мире оборотней, демонов, колдунов и т. д., ибо эти фигуры в прежние времена оказывали мощнейшее воздействие на людей. Таким же образом мы заимствуем у древних народов мир богов и чертей, святых и грешников. Но было бы неверно стремиться приписывать себе лично эти заключенные в бессознательном возможности. Поэтому, безусловно, необходимо проводить как можно более четкое разделение между личными и безличными свойствами психического. Тем самым, разумеется, ни в коем случае не следует отрицать порой весьма действенное существование содержаний коллективного бессознательного. Но они, как содержания коллективного психического, противопоставлены индивидуальной психике и отличаются от нее. Простодушные люди, естественно, никогда не отделяли эти вещи от индивидуального сознания, потому что ведь эти боги, демоны и т. д. рассматривались не как психические проекции и тем самым как содержания бессознательного, но как сами собой разумеющиеся реальности. Лишь в эпоху Просвещения обнаружили, что боги все же не существуют в действительности, а являются проекциями. Тем самым с богами было покончено. Однако с соответствующей им психической функцией покончено не было, напротив, она ушла в сферу бессознательного, из-за чего люди сами оказались отравленными избытком либидо, который прежде находил себе применение в культе божественных образов (идолов). Обесценивание и вытеснение такой сильной функции, как религиозная, естественно, имело значительные последствия для психологии индивида. Дело в том, что обратный приток либидо чрезвычайно усиливает бессознательное и через свои архаические коллективные содержания он начинает оказывать на сознательный разум мощное влияние. Период

Просвещения, как известно, завершился ужасами французской революции. И сейчас мы опять переживаем это возмущение бессознательных деструктивных сил коллективного психического. Результатом этого явилось невиданное прежде массовое убийство[2]. Это — именно то, к чему стремилось бессознательное. Его позиция перед этим была безмерно усилена рационализмом современной жизни, который обесценивал все иррациональное и тем самым погружал функцию иррационального в бессознательное. Но если уж эта функция находится в бессознательном, то ее исходящее из бессознательного действие становится опустошающим и неудержимым, подобным неизлечимой болезни, очаг которой не может быть уничтожен, так как он невидим. В этом случае и индивид, и народ по необходимости вынуждены жить иррационально и применять свой высший идеализм и самое изощренное остроумие лишь для того, чтобы как можно более совершенно оформить безумие иррационального. В миниатюре мы видим это на примере нашей пациентки, которая избегала кажущейся ей иррациональной жизненной возможности — пример госпожи X,— чтобы в патологической форме с величайшими жертвами реализовать ее по отношению к своей подруге.

151 Не остается ничего другого, как признать иррациональное в качестве необходимой — потому что она присутствует всегда — психической функции, а ее содержания принять не за конкретные реальности — это было бы шагом назад! — а за психические реальности, реальные, поскольку они работают. Коллективное бессознательное как сохраняемый человеческим опытом репозиторий и в то же время само предварительное условие этого опыта есть образ мира, который сформировался еще в незапамятные времена. В этом образе с течением времени выкристаллизовывались определенные черты, так называемые архетипы, или доминанты. Это господствующие силы, боги, образы доминирующих законов, регулярно повторяющихся событий и принципы общих закономерностей, которым подчиняется последовательность образов, все вновь и вновь переживаемых душой[3]. В той степени, в какой эти образы являются относительно верными отражениями психических событий, их архетипы, т. е. их основные черты,

2 Написано в 1916 г. Излишне говорить, что это остается верным и сегодня.

3 Уже было отмечено, что архетипы можно рассматривать как результат и депозит уже имевших место переживаний; но точно так же они являются теми факторами, которые служат причинами подобного рода переживаний.

выделенные в процессе *накопления однородного опыта, соответствуют определенным всеобщим характеристикам физического мира. Архетипические образы можно поэтому воспринимать метафорически как интуитивные понятия физических явлений. Например, представления об* эфире, *изначальном дыхании или душевной субстанции, которые, так сказать, распространены повсеместно в воззрениях всех народов мира, и представления об* энергии, *или магической силе, — интуитивном представлении, которое также имеет всеобщее распространение.*

152 В силу своей близости к физическим явлениям[4] архетипы обычно выступают в спроецированном виде, и, поскольку проекции не осознаются, они распространяются на лица из ближнего окружения, по большей части в форме ненормальной пере- или недооценки, провоцирующей недоразумения, недопонимание, споры, ссоры, фанатизм и безумства всякого рода. В таких случаях часто говорят: «Он обожествляет то-то и то-то» — или: «Имярек производит на Ч впечатление зверя (предмет ненависти Х)». Из этого возникают также современные мифологические образования, т. е. фантастические слухи, подозрения и предрассудки. Архетипы являются поэтому в высшей степени важными феноменами, оказывающими значительное воздействие, и к ним надо относиться со всей внимательностью. Их не следовало бы просто подавлять, напротив, они достойны того, чтобы самым тщательным образом принимать их в расчет, ибо они несут в себе опасность психического заражения. Так как они чаще всего выступают в качестве проекций и так как последние закрепляются лишь там, где есть для этого повод, то они отнюдь не легко поддаются оценке и обсуждению. Поэтому если некто проецирует на своего соседа образ дьявола, то это получается потому, что тот человек имеет в себе нечто такое, что делает возможным закрепление этого образа. Тем самым мы совсем не хотим сказать, что данный человек является дьяволом; напротив, он может быть замечательным человеком, который, однако, находится в отношении несовместимости с проецирующим, и поэтому между ними имеет место некоторый «дьявольский» (т. е. разделяющий) эффект. Также и проецирующий вовсе не обязан быть «дьяволом», хотя ему следует признать, что он

---

[4] См.: *Jung C.* Die Struktur der Seele // Seelenprobleme der Gegenwart. 1950. S. 149 ff. Ges. Werke, Bd. 8, Par. 331 ff.

точно так же имеет в себе нечто «дьявольское» и натыкается на него еще больше через проекцию. Но это вовсе не делает его дьяволом, он может быть вполне достойным человеком, как и всякий другой. Появление в данном случае образа дьявола просто означает, что эти два человека несовместимы друг с другом в настоящем, почему бессознательное и отталкивает их друг от друга и держит их в отдалении друг от друга. Дьявол есть вариант архетипа «тени», т. е. опасного аспекта непризнанной, темной половины личности.

153 Один из архетипов, с которым мы почти регулярно сталкиваемся в проекциях бессознательных коллективных содержаний, представлен «магическим демоном», наделенным таинственной силой. Показательным примером этого является Голем Густава Майринка, а также тибетский колдун в «Летучей мыши» того же автора, развязывающий мировую войну с помощью магии. Естественно, что Майринк узнал это не от меня; он извлек свои образы из собственного бессознательного, нарядив их в слова и образную чувственную ткань, в чем-то схожую с тем, что моя пациентка проделала со мной в своей проекции. Тип мага или колдуна фигурирует также в «Заратустре»; в «Фаусте» он представлен действующим персонажем.

154 Образ этого демона образует одну из самых низких и самых древних ступеней в развитии понятия Бога. Это тип первобытного племенного колдуна или знахаря, особо одаренной личности, наделенной магической силой[5]. Эта фигура часто предстает как темнокожая и относящаяся к монголоидному типу, и тогда она представляет негативный и, возможно, опасный аспект. Иногда ее можно различить лишь с большим трудом и почти невозможно отличить от тени; но чем больше преобладает магическая нота, тем легче ее выделить, что немаловажно, поскольку она может иметь также и весьма позитивный аспект «мудрого старца»[6].

---

[5] Представление о знахаре, общающемся с духами и обладающем магической силой, настолько глубоко укоренено в сознании многих первобытных народов, что они даже верят, будто у зверей тоже есть свои "доктора"». Так, в племени ахумави Северной Калифорнии говорят об обычных койотах и о «койотах-докторах».

[6] Ср.: *Jung C.* Über die Archetypen des kollektiven Unbewußten. 1934. Ges. Werke, Bd. 9. См. также: *Jung C. G.* Bewußtes und Unbewußtes (Fischer Bücherei, 1957). Рус. пер.— *Юнг К. Г.* Архетипы коллективного бессознательного // *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М., 1991.

155 Распознание архетипов является значительным шагом вперед. Магическое или демоническое воздействие, исходящее от ближнего, исчезает благодаря тому, что таинственное чувство сводится к некоторой определенной величине коллективного бессознательного. Но теперь перед нами встает совершенно новая задача: вопрос о том, каким образом Эго должно разобраться с этим психологическим не-Эго. Можно ли довольствоваться констатацией действительного существования архетипов и предоставить возможность вещам самим позаботиться о себе?

156 Это могло бы быть сотворением перманентного состояния диссоциации, расщепления между индивидуальным и коллективным психическим. С одной стороны, мы должны иметь дифференцированное современное Эго, а с другой — нечто вроде негроидной культуры, весьма первобытного состояния. Фактически то, что мы действительно сегодня имеем перед собой,— видимость культуры или кору цивилизации поверх темнокожей бестиальности — предстало бы перед нашим взором. Но такая диссоциация требует немедленного синтеза и развития того, что неразвито. Должно произойти объединение обеих этих частей, ибо в противном случае не приходится сомневаться, каким должно было бы быть решение: первобытный человек снова неизбежным образом был бы подавлен. Но такой союз возможен лишь там, где существует еще значимая и потому живая религия, которая с помощью хорошо развитого символизма дает достаточное выражение первобытному человеку; другими словами, эта религия в своих догматах и ритуалах должна владеть представлением и действием, восходящим к самому первобытному уровню. Так обстоит дело в католицизме, что составляет его особое преимущество, равно как и его величайшую опасность.

157 Прежде чем перейти к этому новому вопросу о возможном объединении, вернемся сначала к тому сновидению, с которого мы начали. Обсуждение в целом позволило нам получить более широкое понимание сновидения, и в особенности одной его существенной части — чувства страха. Этот страх является первобытным благоговейным ужасом содержаний коллективного бессознательного. Мы видим, что пациентка идентифицирует себя с госпожой X и тем самым показывает, что она пребывает также в определенном отношении с таинственным художником. Подтвердилось то, что доктор отождествлялся с художником, и мы видели, что на субъективном уровне субъекта я оказался образом, идентичным в коллективном бессознательном фигуре колдуна.

158 В сновидении все это скрыто под символом краба — того, кто ходит вспять. Краб — живое содержание бессознательного, и это содержание ни в коем случае не может быть исчерпано или лишено эффективности с помощью анализа на объективном уровне. Мы могли бы, однако, отделить мифологические или коллективные психические содержания от объектов сознания и консолидировать их как психологические реальности вне индивидуального психического. Через познавательные акты мы «утверждаем» реальность архетипов или, говоря точнее, постулируем психическое существование таких содержаний на когнитивной основе. Следует со всей определенностью подчекнуть, что речь при этом идет не просто о когнитивных содержаниях, но о транссубъективных, преимущественно автономных психических системах, которые в этом отношении лишь весьма условно подчинены контролю сознания и, вероятно, даже по большей части совершенно ускользают от этого контроля.

159 До тех пор пока коллективное бессознательное и индивидуальное психическое образуют неразличимую соединенную пару, дальнейшее продвижение вперед невозможно, или, выражаясь языком сновидения, невозможно пересечь границу. Если же, несмотря на это, сновидица выражает готовность все же пересечь пограничную линию, тогда бессознательное активизируется, оживает, хватает ее и прочно удерживает. Сновидение и его материал характеризуют коллективное бессознательное отчасти как скрыто живущее в глубине воды «низменное» животное и отчасти как опасную болезнь, которую можно вылечить только своевременной операцией. Насколько эта характеристика правильна, мы уже видели. Символ животного специально указывает, как мы уже говорили, на внечеловеческое, транcличностное, так как содержания коллективного бессознательного представляют собой не только остатки архаических, специфически человеческих способов функционирования, но и остатки функций ряда животных предков человека, продолжительность существования которых была бесконечно более длительной по сравнению с относительно непродолжительной эпохой специфически человеческого существования[7]. Эти остатки,

[7] Ханс Ганц в своей философской диссертации о теории бессознательного у Лейбница (Das Unbewußte bel Leibniz, in Beziehung z.u modernen Theorien, Zürich, 1917) для его объяснения привлек теорию энграммы Р. Земона. Предлагаемое мною понятие коллективного бессознательного лишь в определенном отношении совпадает с зе-

или, как их называет Земон, энграммы, если они активны, более всего способны не только затормозить процесс развития, но и обратить его в регресс, что может продолжаться до тех пор, пока не будет израсходована масса энергии, активизировавшая коллективное бессознательное. Но энергия снова становится полезной тогда, когда она путем сознательного противопоставления коллективному бессознательному также может включаться в расчет. Религии через ритуальное объединение с богами самым конкретным образом установили этот энергетический круговорот. Такой способ, однако, находится для нас в достаточно сильном разногласии с нашей интеллектуальной моралью, и к тому же исторически он слишком основательно преодолен христианством, чтобы мы могли считать для себя образцовым или хотя бы даже возможным подобное решение проблемы. Если же мы, с другой стороны, принимаем фигуры бессознательного как коллективные психические феномены или функции, то это допущение никоим образом не противоречит нашей интеллектуальной совести. Такое решение приемлемо с рациональной точки зрения и в то же самое время оказывается возможным способом для разбора с активизированными остатками нашей родовой истории. Это разбирательство позволяет осуществить переход прежней границы, и я поэтому называю его трансцендентной функцией, что равнозначно прогрессивному развитию в направлении к новой установке.

160 Параллель с мифом о герое весьма впечатляющая. Часто характерная борьба героя с чудовищем (бессознательным содержанием) происходит неподалеку от воды, на каком-нибудь берегу или, скажем, у брода. Подобное особенно характерно для мифов индейцев, которые нам известны из «Песни о Гайавате» Лонгфелло. В решительной схватке герой (скажем, Иона) неизменно оказывается проглоченным чудовищем, как это на обширном материале показал Фробениус[8]. Однако внутри чудовища герой начинает действовать по-своему, пока эта тварь плывет на восток, навстречу восходящему Солнцу. Он отсекает у нее какую-нибудь жизненно важную часть внутренностей, например сердце (это есть именно та ценная энергия, которая активизировала бессознательное). В результате

моновским понятием филогенетической мнемы [mneme=памяти] (см.: *Semon.* Die Mneme als erhaltendes Prinzip im Wechsel des organischen Geschehens. Leipzig, 1904).

[8] *Frobenius L.* Das Zeitalter des Sonnengottes. 1904.

он убивает чудовище, которое затем прибивается к берегу, где герой, заново рожденный через трансцендентную функцию (после так называемого «ночного плавания по морю», согласно Фробениусу), выходит наружу, нередко вместе со всеми, кого чудовище проглотило еще раньше. Тем самым восстанавливается прежнее нормальное состояние, так как бессознательное, лишенное теперь своей энергии, уже не занимает преобладающей позиции. Так миф весьма наглядным образом описывает проблему, которая занимает и нашу пациентку[9].

161 Теперь я должен подчеркнуть тот немаловажный факт, на который, вероятно, обратил внимание читатель: в этом сновидении коллективное бессознательное является в негативном аспекте как нечто опасное и вредное. Это происходит оттого, что мир фантазий, которым живет пациентка, у нее не только богато развит, но и прямо-таки бурно разросся, что, возможно, связано с ее литературными способностями. Силы ее фантазии являются симптомом болезни, поскольку она слишком уж страстно отдается фантазиям, тогда как реальная жизнь проходит мимо нее стороной. Включение сюда мифологии было бы для нее просто опасным, поскольку ей предстоит еще большая часть внешней, еще не прожитой жизни. Она слишком мало включена в реальную жизнь, чтобы быть в состоянии пойти на риск и полностью изменить свою позицию. Коллективное бессознательное овладело ею и угрожало увести ее от реальности, еще недостаточно реализованной. В соответствии со смыслом сновидения коллективное бессознательное должно было поэтому представляться ей как нечто опасное, ибо иначе она слишком охотно превратила бы его в убежище, где можно было бы укрыться от требований жизни.

162 При оценке сновидения необходимо самым тщательным образом смотреть на то, как вводятся его фигуры. Так, например, краб, олицетворяющий бессознательное, является фигурой негативной, поскольку он пя-

9 Тем из моих читателей, которые глубоко интересуются проблемой противоположности и ее решением, я предлагаю обратиться к моей книге: Wandlungen und Symbole der Libido; Symbole der Wandlung, Ges. Werke, Bd. 5; Psychologische Typen, Ges. Werke, Bd. 6; Über die Archetypen des kollektiven Unbewußten (см. выше, сноска 6). Рус. пер. — *Юнг К. Г.* Символы трансформации. М., 2000; *Юнг К. Г.* Психологические типы. СПб., 1995; Юнг К. Г. Архетипы коллективного бессознательного // *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М., 1991.

тится назад и, кроме того, в решающий момент хватает и удерживает сновидицу. Многие люди, введенные в заблуждение механизмами сновидения, выработанными Фрейдом, такими, как смещение, инверсия и т. п., полагают, что они могут обеспечить себе независимость от так называемого «фасада» сновидения, поскольку, мол, подлинные мысли сновидения скрываются на заднем плане. В противовес этому я уже давно отстаиваю ту точку зрения, что у нас нет никакого права обвинять сновидение в каких-либо намеренных обманных маневрах. Природа часто бывает неясной или непрозрачной, однако она в отличие от человека никогда не бывает обманчивой. Поэтому мы должны принять, что сновидение есть именно то, чем оно является, не больше и не меньше[10]. Если сновидение выставляет нечто в негативном свете, то нет никаких оснований предполагать, что имеется в виду нечто позитивное. Архетипическая «опасность у брода» настолько очевидна, что сновидение можно было бы воспринимать почти как предостережение. Но я не одобряю антропоморфные выводы подобного рода. Само сновидение ничего не хочет; оно есть лишь некоторое самоочевидное содержание, явный природный факт наподобие содержания сахара в крови диабетика или лихорадки у больного тифом. Только мы, если мы достаточно умны, извлекаем из этого то или иное предостережение.

163 Однако предупреждение о чем? Об очевидной опасности, которая состоит в том, что в момент перехода бессознательное может восторжествовать над сновидицей. Что же означает это торжество бессознательного? Вторжение бессознательного легко осуществляется в моменты критических перемен и решений. Берег, по которому она приближается к реке,— это ее прежняя ситуация, какой мы ее узнали. Эта ситуация привела ее к невротическому застою, как если бы она натолкнулась на некоторое непреодолимое препятствие. В сновидении препятствие представлено в виде реки, через которую можно перейти. Поэтому ситуация не выглядит очень серьезной. Но внезапно обнаруживается, что в реке скрывается краб,— это подлинная опасность, из-за которой река делается (или представляется) непреодолимой преградой. Если бы сновидице было заранее известно, что в этом месте притаился опасный краб, то, возможно, она рискнула бы перейти реку в каком-нибудь другом

---

[10] Ср.: *Jung C.* General Aspects of Dream Psychology // Collected Works. Vol. 8.

месте или приняла бы иные меры предосторожности. В данной сновидческой ситуации было бы в высшей степени желательно, чтобы переход состоялся. Переход означает прежде всего перенос прежней ситуации на доктора. Это уже нечто новое. Если бы не это непредсказуемое бессознательное, то все прочее было бы не таким уж рискованным делом. Но мы видели, что перенос грозит развязать активность архетипических фигур,— это факт, который мы раньше не предвидели. В каком-то смысле мы просчитались, «забыв о богах».

164 Наша сновидица,— человек не религиозный, она «современна». Религию, которую ей когда-то преподавали, она забыла и ничего не знает о том, что бывают моменты, когда вмешиваются боги, или, скорее, ситуации, которые испокон веков устроены так, что они проникают в самую сокровенную глубину. К таким ситуациям относится, например, любовь с ее страстью и опасностью. Любовь может актуализировать непредвиденные силы в душе, к чему следовало бы быть более подготовленным. «Religio» в смысле «внимательного рассмотрения» неизвестных опасностей и сил становится здесь актуальной проблемой. Любовь со всей ее роковой силой может возникнуть из одной лишь проекции, как нечто такое, что способно силой ослепляющей иллюзии вырвать нашу пациентку из ее естественной жизни. Что же овладеет сновидицей — доброе или дурное, бог или дьявол? Не зная этого, она уже чувствует себя брошенной на произвол судьбы. И кто может сказать, будет ли она способна справиться с этой сложностью? До сих пор она как-то избегала подобной ситуации, и вот теперь случившееся грозит захватить ее. Это риск, от которого следовало бы уйти, но уж если приходится на него идти, то следует в значительной степени «довериться Богу», т. е. «поверить» в благополучный исход. Так, нежданно-негаданно сюда примешивается вопрос о религиозной установке по отношению к судьбе.

165 Как следует из самого сновидения, у сновидицы нет альтернативы тому, чтобы осторожно вытащить ногу из воды, ибо идти дальше было бы крайне опасно. Она еще не может выйти за пределы невротической ситуации, так как сновидение пока не дает ей никакого позитивного намека на помощь со стороны бессознательного. Бессознательные силы пока еще не благосклонны и явно ожидают дальнейшей работы и более глубокой проницательности со стороны сновидицы, прежде чем она действительно сможет рискнуть совершить переход.

166 Этим отрицательным примером я, разумеется, совсем не хочу создать впечатление, что бессознательное во всех случаях играет негативную роль. Поэтому я приведу еще два дополнительных сновидения, на этот раз молодого человека, которые освещают другую, более приемлемую сторону бессознательного. Я делаю это еще более охотно, поскольку решение проблемы противоположности возможно лишь иррациональным путем извлечения материала из бессознательного, то есть из сновидений.

167 Сначала я должен немного познакомить читателя с личностью сновидца, так как без такого знакомства едва ли возможно вникнуть в специфическую атмосферу этих снов. Есть сновидения, которые представляют собой самые настоящие поэтические произведения и которые могут быть поняты только исходя из настроения в целом. Сновидец в данном случае — молодой человек чуть старше двадцати лет, еще совсем мальчишеского вида. В его облике и всех манерах есть даже оттенок чего-то девического. В нем чувствуется образованность и воспитание. Он интеллигентен и имеет выраженные интеллектуальные и эстетические интересы. Эстетизм при этом в нем явно преобладает: мгновенно ощущается его хороший вкус и тонкое понимание всех форм искусства. Его чувства нежны и мягки, слегка мечтательны, носят черты переходного возраста с примесью женственного. Нет и следа свойственной переходному периоду грубости. Несомненно, он слишком юн для своего возраста; налицо, таким образом, случай замедленного развития. С этим согласуется и то, что он пришел ко мне в связи с проблемой гомосексуальности. В ночь, предшествовавшую визиту ко мне, он видел такой сон: «Я нахожусь в просторном, наполненном таинственным полумраком соборе. Мне говорят, что это Лурдский собор. В середине расположен глубокий, темный колодец, в который я должен спуститься».

168 Сновидение, как видно, представляет собой связное выражение определенного настроения. Комментарии сновидца следующие: «Лурд — это мистический целительный источник. Естественно, вчера я вспомнил о том, что обратился к вам за помощью и буду у вас лечиться. В Лурде есть такой источник. Очевидно, неприятно погружаться в эту воду. Колодец, расположенный в церкви, был, однако, очень глубоким».

169 О чем же говорит это сновидение? На поверхности оно кажется вполне ясным, и можно было бы удовлетвориться, поняв его как своего рода поэтическое выражение предшествовавшего настроения. Но никогда не следует останавливаться на этом, ибо, как показывает опыт, сновидения

гораздо глубже и значительнее. Почти напрашивается мысль о том, что сновидец пришел к доктору, находясь в высоком поэтическом настроении, с тем чтобы подвергнуться лечению, подобно священному религиозному действию в мистической полутьме некоего таинственного вдохновенного святилища. Однако это абсолютно не соответствует фактической стороне дела. Пациент просто пришел к доктору затем, чтобы лечиться от одной неприятной вещи, а именно — от гомосексуальности, в которой нет ничего поэтичного. В любом случае из сложившегося настроения предшествовавшего дня нельзя усмотреть, почему ему должен был присниться столь поэтический сон, если мы и впрямь примем каузальную обусловленность возникновения сновидения. Однако вполне возможно допущение того, что именно сон был спровоцирован этим в высшей степени непоэтическим обстоятельством, побудившим пациента прийти ко мне на лечение. Мы могли бы даже предположить, что как раз в силу непоэтичности своего вчерашнего настроения он видел чрезмерно поэтизированный сон по аналогии с тем, как человек, не евший в течение всего дня, ночью видит во сне роскошные яства. Нельзя отрицать, что сама мысль о лечении, об исцелении и о неприятной процедуре воспроизводится в сновидении, но при этом воспроизводится в преображенном виде, в форме, которая наиболее адекватно соответствует непосредственной эстетической и эмоциональной потребности нашего сновидца. Вероятно, его неудержимо притягивала к себе эта заманчивая картина, несмотря на то что колодец был темным, глубоким и холодным. Воздействие настроения, сопровождавшего это сновидение, могло сохраняться и после, до утра того дня, когда ему пришлось взять на себя неприятную и непоэтическую обязанность совершить визит ко мне. Серая действительность окрасилась ярким золотистым сиянием, отразив чувства, владевшие им в сновидении.

170 Возможно, это и есть цель данного сновидения? Это было бы возможно, так как мой опыт показывает, что большинство сновидений компенсаторны по своей природе[11]. Сны в каждом случае подчеркивают противоположную сторону для того, чтобы сохранить психическое равновесие. Но компенсация настроения — не единственная цель сновидческой картины. Сон обеспечивает также и определенную *ментальную коррек-*

[11] Идея компенсации широко использовалась Альфредом Адлером.

тировку. Разумеется, сам пациент и понятия не имел о том лечении, которому он собирался подвергнуться. Но сновидение дает ему определенную картину, которая с помощью поэтических метафор описывает природу предстоящего лечения. Это сразу же становится ясным, если далее проследить за его ассоциациями и замечаниями по поводу образа собора. «Собор,— говорит он,— вызывает у меня мысли о Кёльнском соборе. Еще ребенком я был им очарован. Я помню, как моя мать впервые рассказала мне о нем и помню также, что при виде какой-нибудь деревенской церкви я обычно спрашивал, не это ли Кельнский собор. Я хотел стать священником в таком соборе».

171 В этих ассоциациях пациент описывает очень важный опыт своего детства. Как бывает почти во всех случаях такого рода, он был очень тесно привязан к своей матери. Под этим не следует понимать какое-то особенно доброе или интенсивное сознательное отношение к матери, а скорее что-то по своей природе вроде тайной, подземной связи, которая выражает себя сознательно только в замедленном развитии характера, т. е. в некотором относительном инфантилизме. Развитие личности, естественно, стремится уйти от такой бессознательной, инфантильной привязанности, поскольку ничто так не препятствует развитию, как упорство и живучесть бессознательного, или психически эмбрионального, состояния. По этой причине инстинкт использует первую же возможность заменить мать каким-то другим объектом. Этот объект должен в известном смысле быть реальной заменой матери, он должен быть в некотором смысле ее аналогией. И это действительно в полной мере имеет место в случае нашего пациента. Та интенсивность, с которой его детская фантазия цепляется за символ Кёльнского собора, соответствует силе его бессознательной потребности найти замену матери. Эта бессознательная потребность усиливается в том случае, когда инфантильная привязанность угрожает нанести ущерб и вызвать вредные последствия. Отсюда — тот энтузиазм, с которым его детское воображение ухватилось за идею церкви; ибо церковь в наиболее полном смысле слова является Матерью. Мы говорим не только о Матери-церкви, но также о ее лоне. В католической церемонии, известной как benedictio fontis[12] (и соответствующей православному обряду водоосвящения),

[12] Источник благословения (*лат.*).

купель называют immaculatus divini fontis uterus — непорочное лоно божественного источника. Естественно, мы думаем, что человек должен прежде всего знать это значение на сознательном уровне, прежде чем оно заработает в его фантазии, и что несведущий ребенок, вероятно, не сможет быть захвачен этими значениями. Подобные аналогии действуют не через разум, а совсем иным путем.

172 Церковь представляет собой более высокую духовную замену для чисто природной или телесной связи с родителями. Соответственно она освобождает индивида от бессознательного, естественного отношения, которое, строго говоря, не есть отношение как таковое, а представляет собой состояние первоначального, бессознательного тождества. Оно в силу своей бессознательности обладает необычайной инертностью и оказывает величайшее сопротивление любому виду духовного развития. Едва ли можно было бы сказать, что существует какая-либо разница между этим состоянием и душой животного. Однако стремление к высвобождению индивида из первоначального, животноподобного состояния и обеспечение такого освобождения отнюдь не составляют прерогативу христианской церкви. Церковь просто оказывается результатом действия самой поздней и специфически западной формы проявления инстинктивного побуждения, которое, возможно, является столь же древним, как и человечество вообще. Это побуждение или устремление в самых различных формах можно обнаружить у всех первобытных народов, которые так или иначе развиваются и еще не дегенерировали: я имею в виду церемонию или ритуал инициации (посвящения) в мужчины. По достижении половой зрелости юношу отводят в «мужской дом» или в какое-нибудь другое место посвящения, где его систематическим образом отчуждают от его семьи. Одновременно его посвящают в религиозные таинства и таким образом не только включают в совершенно новую систему отношений, но и в качестве обновленной и измененной личности вводят в некий новый мир — нечто вроде quasi modo genitus[13]. Инициация нередко связана со всяческими мучительными испытаниями, включающими иногда обрезание и т. п. Подобные практики, несомненно, очень древние. Они сделались почти инстинктивным механизмом с тем результатом, что постоянно воспроиз-

[13] Как бы заново рожденного (*лат.*).

водят себя и без внешнего принуждения, подобно тому как происходят «посвящение в студенты» или даже более экстравагантные посвящения, практикуемые в американских студенческих обществах (братствах). Они запечатлены в бессознательном в качестве изначального образа.

173 Когда мать рассказывала маленькому мальчику о Кельнском соборе этот изначальный образ зашевелился и пробудился к жизни. Но при этом не нашлось духовного наставника, который развил бы это начало, поэтому ребенок оставался в руках матери. Однако тоска и томление по мужчине-наставнику продолжали расти у мальчика, принимая вид некоторой гомосексуальной наклонности, чего, возможно, не произошло бы, если бы в свое время его детскую фантазию направлял мужчина. Отклонение в сторону гомосексуальности имеет во всяком случае многочисленные исторические образцы. В Древней Греции, равно как и в некоторых других древних сообществах, гомосексуальность и воспитание, так сказать, совпадали. В этом отношении юношеская гомосексуальность — это некоторая хотя и превратно понятая, но тем не менее целесообразная потребность в мужчине. Можно также сказать, что страх инцеста, коренящийся в материнском комплексе, распространяется на женщин вообще; но, по моему мнению, незрелый мужчина имеет полное право испытывать страх перед женщинами, ибо его отношения с ними, как правило, приводят к несчастьям.

174 В соответствии со смыслом сновидения начало лечения означает для пациента реализацию смысла его гомосексуальности, а именно — введение в мир взрослого мужчины. То, что мы вынуждены здесь разбирать с помощью трудоемких и пространных рассуждений, сводится к тому, что сновидение сжало в несколько выразительных метафор и тем самым создало образ, оказывающий несравненно большее воздействие на фантазию, чувства и разум, чем какое-либо ученое исследование. Тем самым пациент оказался гораздо лучше подготовленным к лечению, чем это можно было бы сделать с помощью самого большого собрания медицинских и педагогических компендиумов. (По этой причине я рассматриваю сновидения не только как ценный источник информации, но и как чрезвычайно действенный инструмент воспитания.)

175 Теперь мы подходим ко второму сновидению. Я должен заранее пояснить, что во время первой консультации сновидение, которое мы только что разбирали, не обсуждалось. О нем даже не упоминалось. Ни слова

не было сказано и о том, что имело хоть какую-то связь с вышеуказанным. Второе сновидение следующее: «Я нахожусь в большом готическом соборе. У алтаря стоит священник. Я стою перед ним вместе со своим другом и держу в руке маленькую японскую фигурку из слоновой кости. Стою с таким чувством, как будто бы над ней следует совершить обряд крещения. Вдруг появляется некая пожилая женщина, снимает у моего друга с руки кольцо, символизирующее принадлежность к братству и надевает его на себя. Мой друг опасается, что это каким-то образом может связать его. Но в этот момент раздается чудесная органная музыка».

176 Здесь я только вкратце выделю те элементы, которые продолжают и дополняют прежнее сновидение. Второе сновидение явно примыкает к первому и связано с ним. Опять наш сновидец оказывается в церкви и, таким образом, в состоянии посвящения в мужчины. Прибавилась, однако, новая фигура — священник, на чье отсутствие в прежней ситуации мы уже указывали. Сновидение, таким образом, подтверждает, что бессознательный смысл его гомосексуальности реализован и тем самым открыта возможность для дальнейшего развития. Теперь может начаться подлинное действие посвящения, а именно — крещение. В символике сновидения подтверждается то, что я сказал раньше: осуществление таких переходов и психических трансформаций не является прерогативой христианской церкви, но за этим стоит изначальный живой образ, который при определенных обстоятельствах также способен вызывать такие превращения.

177 То, над чем в сновидении должен был быть совершен обряд крещения,— это маленькая японская фигурка из слоновой кости. Пациент высказывает следующее замечание: «Это был крошечный, карикатурного вида человечек, напомнивший мне мужской половой орган. Во всяком случае удивительно, что мужской член следовало окрестить. Однако ведь у иудеев обрезание представляет собой также своего рода обряд крещения. Это, возможно, относится к моей гомосексуальности; ибо друг, стоявший со мной перед алтарем,— это тот, с которым у меня были сексуальные отношения. Мы принадлежим к одному и тому же братству. Кольцо, символизирующее принадлежность к братству, очевидно, символизирует наши отношения».

178 Известно, что обычно кольцо является знаком связи или отношения, как, например, обручальное кольцо. Мы можем поэтому в данном случае

быть уверены, что данное кольцо — символ гомосексуального отношения, и тот факт, что сновидец появляется вместе со своим другом, указывает на то же самое.

179 Болезнь, которую следует исцелить,— гомосексуальность. Сновидец из этого относительно детского состояния посредством церемонии своего рода обрезания под руководящим наблюдением священника должен быть переведен во взрослое состояние. Эти идеи точно соответствуют моим рассуждениям в связи с предшествующим сновидением. Итак, таким способом развитие логично и осмысленно нашло бы свое продолжение с помощью архетипических образов. Но тут появляется некоторая помеха. Пожилая женщина неожиданно присваивает себе кольцо, символизирующее принадлежность к братству; иными словами, то, что прежде было гомосексуальным отношением, она теперь перетягивает на себя, почему сновидец опасается, что он вступил в некоторое новое отношение с определенными обязательствами. Кольцо находится теперь на руке женщины, тем самым был как бы заключен своего рода брак, т. е. гомосексуальное отношение, похоже, переходит в отношение гетеросексуальное, однако не совсем обычное, ибо речь идет о женщине немолодой. «Это, подруга моей матери,— говорит пациент.— Я ее очень люблю; она, собственно, для меня как мать».

180 Из этого замечания можно понять, что произошло в сновидении. Благодаря посвящению расторгается гомосексуальная связь, и вместо нее устанавливается гетеросексуальное отношение, вначале это платоническая дружба с женщиной, похожей на мать. Несмотря на сходство с матерью, эта женщина, однако, матерью не является, поэтому отношение к ней означает, таким образом, шаг, выводящий за пределы сферы влияния матери в сторону маскулинности, и, следовательно, частичное преодоление юношеской гомосексуальности.

181 Страх перед новой связью легко понять прежде всего как страх, внушаемый сходством этой женщины с матерью, это могло бы означать, что посредством разрушения гомосексуального отношения видевший сон теперь снова полностью возвращается к матери, и далее — как страх перед тем новым и неизвестным, что заключает в себе взрослое гетеросексуальное состояние с его возможными обязанностями, такими, например, как брак, и т. д. То, что фактически это не шаг назад, а продвижение вперед, подтверждается, по всей видимости, зазвучавшей в этот момент

сновидения музыкой. Дело в том, что пациент очень музыкален и его чувства особенно легко поддаются воздействию торжественной органной музыки. Поэтому музыка вызывает у него весьма благостное чувство, в данном случае это примирительный исход сновидения, что опять-таки, в свою очередь, способно на следующее утро перейти в некое прекрасное, божественное чувство.

182 Если теперь обратить внимание на тот факт, что пациент до этого момента виделся со мной лишь на одной консультации, причем дело ограничилось лишь общим врачебным анамнезом, то нельзя не согласиться с моим мнением, что оба сновидения представляют собой удивительные предвосхищения (антиципации). С одной стороны, они проливают на ситуацию пациента весьма своеобразный и чужеродный по отношению к сознанию свет; с другой стороны, этот свет придает банальной медицинской ситуации такой аспект, который как нельзя лучше соответствует духовным особенностям пациента и поэтому может активизировать его эстетические, интеллектуальные и религиозные интересы. Трудно вообразить себе более благоприятные условия для терапии. Анализируя эти сновидения, можно прийти к заключению, что пациент направился на лечение с величайшей готовностью и радостной надеждой, будучи совершенно настроенным на то, чтобы сбросить с себя свою детскость и стать мужчиной. В действительности же это было совсем не так. Сознательно его одолевали сомнения и сопротивление; в дальнейшем ходе лечения он также постоянно оказывал сопротивление, демонстрируя тяжелый характер и постоянную готовность к тому, чтобы снова впасть в свою прежнюю инфантильность. В соответствии с этим сновидения находились в полной противоположности к его сознательному поведению. Они двигались по прогрессивной линии и принимали сторону воспитателя. Они явно демонстрировали свою особую функцию. Я назвал эту функцию компенсацией. Бессознательная прогрессивность и сознательная регрессивность образуют пару противоположностей, которая, так сказать, удерживает равновесие. Влияние воспитателя поддерживает это равновесие с установкой на прогрессию.

183 В случае этого молодого человека образы коллективного бессознательного играют всецело положительную роль, исходящую из того факта, что у него отсутствует опасная тенденция снова возвратиться к порожденному фантазией образу, подменяющему действительность, и отгородиться

им от жизни. Действие бессознательных образов содержит в себе нечто судьбоносное. Возможно — кто знает? — эти вечные образы и есть то, что люди называют судьбой.

184 Архетипы, разумеется, всегда и везде находятся в действии. Однако практическое лечение (особенно у молодых людей) не всегда требует того, чтобы совместно с пациентом подробно в это углубляться. С другой стороны, в критический период необходимо уделять образам коллективного бессознательного особое внимание, поскольку они являются источником, из которого можно черпать указания к решению проблемы противоположностей. Из сознательной обработки этого материала возникает трансцендентная функция как форма постижения и понимания, опосредованного архетипами и объединяющего противоположности. Под таким «постижением» я имею в виду не просто интеллектуальное понимание, а понимание через переживание. Архетип, как уже было сказано, есть динамический образ, фрагмент объективной психики, которую понимают правильно лишь тогда, когда переживают ее как живую противоположность.

185 Общее описание такого процесса, способного занимать весьма длительное время, лишено смысла, даже если бы такое описание было возможным, поскольку у отдельных индивидов он может принимать самые различные формы. Единственное, что является общим,— это появление определенных архетипов. Упомяну, в частности: тень, животное, мудрый старец, анима, анимус, мать, ребенок, а также огромное множество архетипов, репрезентирующих ситуации. Особое место должно быть отведено тем архетипам, которые выражают цель процесса развития. Необходимую информацию об этом читатель найдет в моих работах «Психология и алхимия», «Психология и религия»[14], а также в сочинении, изданном мною совместно с Рихардом Вильхельмом «Тайна Золотого Цветка»[15].

186 Трансцендентная функция действует не бесцельно, а ведет к откровению сущностного человека. Прежде всего это чисто природный процесс, который при определенных обстоятельствах протекает без ведома и участия индивида и может даже насильственно реализовывать себя вопреки

[14] *Jung C.* Psychologie und Alchemic. 1952 // Ges. Werke. Bd. 12.

[15] *Jung C.* Ges. Werke, Bd. 11 und 13.

его противодействию. Смысл и цель данного процесса — осуществление личности во всех ее аспектах, личности, спрятанной изначально в эмбрионе или зародышевой плазме. Это — производство и развертывание изначальной, потенциальной целостности. Символы, которые для этого применяет бессознательное,— не что иное, как образы, которые издавна употребляло человечество для выражения целостности, полноты и совершенства; как правило, это символы четверичности (кватерности) и круга. Этот процесс я называю процессом индивидуации.

187 Естественный процесс индивидуации служит мне как моделью, так и руководящим принципом в моем методе лечения. Бессознательная компенсация невротической установки сознания содержит все те элементы, которые могли бы действенным и исцеляющим образом корректировать односторонность сознания, если бы они были осознаны, т. е. поняты, и в качестве реальностей интегрированы в сознание. Лишь в очень редких случаях сновидение достигает такой интенсивности, что благодаря шоку сознание оказывается как бы выброшенным из седла. Как правило, сновидения слишком слабы и слишком непонятны, чтобы оказывать на сознание существенное воздействие. Вследствие этого компенсация в бессознательном не имеет непосредственного эффекта. Тем не менее она оказывает свое действие, но действие это носит косвенный характер, причем при постоянном игнорировании бессознательная оппозиция выстраивает симптомы и ситуации, которые в конечном счете неумолимо перечеркивают наши сознательные намерения. Цель лечения поэтому сводится к тому, чтобы как можно вернее понять и оценить сновидения и прочие проявления бессознательного,— прежде всего, чтобы воспрепятствовать формированию становящейся со временем опасной бессознательной оппозиции, а также чтобы по возможности использовать лечебный фактор компенсации.

188 Подобные мероприятия основываются, естественно, на предпосылке, что человек в состоянии прийти к своей целостности, иными словами, что он вообще способен выздороветь. Я упоминаю об этой предпосылке потому, что, без сомнения, существуют индивиды, которые, в сущности, не в полной мере жизнеспособны и быстро погибают, когда им по какой-либо причине приходится обнаруживать свою целостность. Даже если подобного столкновения не происходит, то они могут влачить свое существование вплоть до конца своих дней, однако лишь в качестве неких фрагментов, или частичных личностей, поддерживаемые средствами

социального или психического паразитизма. Такие люди — во многом несчастье для других и часто, по существу, закоренелые притворщики и пустозвоны, которые некоей прекрасной видимостью прикрывают свою мертвящую пустоту. Было бы безнадежным делом пытаться лечить их с помощью обсуждаемого здесь метода. Здесь «помогает» лишь поддерживание видимости, так как обнаружение истины была бы невыносимо или же бесполезно.

189 Когда лечение происходит указанным образом, то ведущая роль принадлежит бессознательному, на долю же сознания приходятся критика, выбор и решение. Если решение оказывается правильным, то это подтверждается с помощью сновидений, которые указывают направление дальнейшего движения вперед; в другом случае следует корректировка со стороны бессознательного. Ход лечения представляет собой, таким образом, нечто вроде продолжающегося разговора с бессознательным. То, что правильному толкованию сновидений отводится главная роль, должно быть достаточно ясно из сказанного. Но в каком случае, вправе спросить читатель, можно быть уверенным в правильности толкования? Существует ли хоть сколько-нибудь надежный критерий правильности интерпретации? На этот вопрос, к счастью, можно ответить утвердительно. Если наше толкование оказалось ошибочным или неполным, то мы при случае можем определить это уже по следующему сновидению. Так, например, либо прежний мотив снова повторяется в более отчетливом варианте, либо наше толкование обесценивается какой-нибудь иронизирующей парафразой, либо проявляется прямая, ожесточенная оппозиция по отношению к нему. Если теперь предположить, что и наши новые толкования оказались неудачными, то общая безрезультатность и тщетность нашей процедуры скоро дадут себя почувствовать в бессодержательности, бесплодности и бессмысленности всего начинания, так что и врач, и пациент скоро ощутят удушливую атмосферу скуки или сомнения. Подобно тому как правильное толкование вознаграждается оживлением, ошибочная интерпретация наказывается застоем, сопротивлением, сомнением и прежде всего взаимным опустошением. Разумеется, перебои могут возникать также из-за сопротивления пациента, например, если он упорно продолжает придерживаться изживших себя иллюзий или инфантильных запросов. Бывает, что и доктору не хватает должной проницательности, как это однажды было у меня с одной весьма интеллигентной пациенткой,

чей случай мне по ряду причин казался подозрительным. Хотя начало было вполне удовлетворительным, но в дальнейшем у меня нарастало чувство, что мое толкование ее сновидений почему-то оказывается не совсем правильным. Мне, однако, не удалось обнаружить источник заблуждения, и поэтому я попытался отогнать от себя сомнение. На консультациях я тем не менее стал замечать нарастающую бессодержательность разговора и постепенно становящуюся все более ощутимой безрезультатность. Наконец я решился при первом же удобном случае сообщить об этом пациентке, которая, как мне казалось, и сама обратила внимание на это обстоятельство. Однако накануне ночью я увидел такой сон: «Я брел по проселочной дороге через освещенную лучами вечернего солнца долину. Справа на крутом холме стоял замок, а на самой высокой его башне на чем-то вроде балюстрады сидела женщина. Чтобы лучше разглядеть ее, мне пришлось так запрокинуть голову назад, что я проснулся с чувством судорожного напряжения в затылке. Еще во сне я узнал в той женщине свою пациентку».

190 Из этого я сделал вывод, что если в том сновидении мне пришлось поднимать взгляд так высоко, значит, в действительности я, очевидно, смотрел на пациентку как бы сверху вниз. Когда я рассказал ей о своем сновидении и о своем толковании, ситуация немедленно коренным образом изменилась и начался прогресс в лечении, который превзошел все ожидания. Переживания подобного рода хотя и обходятся достаточно дорого, ведут в конечном счете к прочному убеждению в достоверности компенсаций сновидения.

191 Самым разнообразным проблемам этого метода лечения и были посвящены мои работы и исследования последних десятилетий. Но так как в настоящем изложении принципов аналитической психологии я стремился дать лишь общую ориентацию, то здесь я избегал детального освещения широко разветвляющихся научных, философских и религиозных аспектов. По этому вопросу я предлагаю своему читателю обратиться к упомянутой выше литературе.

VIII
Общие замечания о терапевтическом подходе к бессознательному

192 Глубоко ошибается тот, кто полагает, будто бессознательное есть нечто безобидное и может быть предметом игры и развлечения. Разумеется, бессознательное опасно далеко не всегда и не при всех обстоятельствах; но, как только возникает невроз, это служит знаком специфического накопления энергии в бессознательном, подобно заряду, который может взорваться. Здесь необходима осторожность. Никогда не знаешь, что может произойти, когда начинаешь анализировать сновидения. В движение может прийти нечто внутреннее и незримое; весьма вероятно, что это нечто такое, что позднее так или иначе вышло бы на свет, а может быть, напротив, оно так никогда бы и не проявилось. Это как если бы мы копали артезианский колодец, рискуя наткнуться на вулкан. Когда налицо невротические симптомы, нужно действовать с большой осторожностью. Есть случаи, по всей видимости, вполне нормальные, в которых никаких особенных невротических симптомов не наблюдается,— возможно, это врачи и воспитатели, которые даже гордятся своей нормальностью, являются образцами хорошего воспитания и к тому же обладают в высшей степени нормальными взглядами и жизненными привычками, нормальность которых, однако, есть не что иное, как искусственная компенсация того или иного латентного (скрытого) психоза. Сами они отнюдь не догадываются о своем состоянии. Их догадка, пожалуй, выражается лишь косвенно в том, что они питают особый интерес к психологии и психиатрии,

подобные вещи привлекают их, как свет бабочек. Но так как аналитическая техника активизирует бессознательное и заставляет его проявляться, то она в таких случаях разрушает благотворную компенсацию, и бессознательное прорывается наружу в форме уже не поддающихся сдерживанию фантазий и следующих за ними состояний возбуждения, которые при определенных обстоятельствах прямо ведут к душевному заболеванию или могут при случае побудить даже к самоубийству. Эти латентные психозы, к сожалению, не так уж редки.

193 Опасность столкнуться с подобными случаями угрожает всякому, кто занимается анализом бессознательного, даже если он с избытком обладает опытом и умением. Дело можно испортить и в тех случаях, когда результат вовсе не должен был закончиться плачевно, ибо речь идет о неловкости, ошибочных взглядах, произвольных интерпретациях и т. п. Подобный исход, конечно, не является спецификой анализа бессознательного, а характерен для любого врачебного вмешательства, когда оно оказывается неудачным. Утверждение, будто анализ сводит людей с ума, разумеется, столь же нелепо, как и распространенная идея, что врач-психиатр ввиду своих занятий с душевнобольными непременно должен и сам спятить.

194 Но помимо опасностей лечения, бессознательное может быть опасным само по себе. Одной из самых распространенных форм опасности являются причины, провоцирующие несчастные случаи. Гораздо большее число разного рода несчастных случаев, чем это можно было бы подозревать, вызвано причинами психического порядка, начиная с таких маленьких несчастий, как тривиальное падение на ровном месте, столкновение, обжигание пальцев и т. д., и вплоть до автомобильных катастроф и несчастных случаев в горах. Все это может иметь причину психического порядка и подчас готовится за недели или за месяцы до происшествия. Я изучал многие случаи такого рода и часто отмечал сновидения, которые уже заранее указывали на появление тенденции к нанесению себе вреда. Все те несчастные случаи, которые произошли из-за так называемой невнимательности, следовало бы проверить на предмет такого рода обусловленности. Известно ведь, что, когда человек по какой-либо причине бывает не очень собран, он не только совершает более или менее значительные глупости, но с ним могут происходить и довольно опасные вещи, которые в один психологически подходящий момент могут даже привести к смерти. Народная мудрость гласит: «Старый имярек умер

вовремя»,— исходя из уверенного ощущения тайной психологической причины случившегося. Точно так же могут вызываться или же затягиваться телесные заболевания. Неправильное функционирование психического может нанести телу значительный вред, как и наоборот: телесный недуг может нанести ущерб психическому, так как психика и тело не есть нечто раздельное, а скорее одна и та же жизнь. Поэтому редко встречается телесная болезнь, которая не сопровождалась бы психическими осложнениями, даже если она и не имеет психической причины.

195 Было бы, однако, несправедливо, если бы мы выделили только неблагоприятную сторону бессознательного. Во всех обычных случаях бессознательное оказывается неблагоприятным и опасным лишь потому, что мы находимся в разладе с ним и потому противопоставляем себя ему. Отрицательная установка по отношению к бессознательному или отщепление от него оказывается вредной лишь постольку, поскольку его динамика тождественна энергии инстинктов[1]. Отсутствие связи с бессознательным равнозначно утрате инстинкта и укорененности.

196 Если удается успешно развивать функцию, которую я назвал трансцендентной, то дисгармония и разъединенность ослабевают, и тогда можно воспользоваться благоприятной стороной бессознательного. Тогда бессознательное оказывает нам всестороннюю поддержку и помощь, которую милосердная природа может излить на человека. Бессознательное обладает возможностями, которые закрыты для сознательного разума, так как в его распоряжении находятся все подпороговые (сублиминальные) психические содержания, все забытое и упущенное из виду и к тому же мудрость тысячелетий, которая запечатлена в его архетипических структурах.

197 Бессознательное пребывает в постоянной активности и комбинирует свой материал в целях служения будущему. Оно продуцирует сублиминальные, прогнозирующие комбинации столь же успешно, как и наше сознание; только они значительно превосходят сознательные варианты по своей тонкости и значимости. Бессознательное может поэтому служить человеку в качестве уникального советчика, проводника и ориентира, если только человек не позволяет сбить себя с правильного пути.

---

[1] См.: *Jung C.* Instinkt und Unbewußtes; *Jung C.* Über psychische Energetik und das Wesen der Traume, 1948, p. 261 ff. // Ges. Werke, Bd. 8. Par. 263 ff.

198 На практике лечение соизмеряется с полученными терапевтическими результатами. Результат может проявиться практически на любом этапе лечения, совершенно независимо от тяжести или длительности течения заболевания. И наоборот, лечение какого-либо тяжелого случая может продолжаться очень долго, без достижения или без необходимости достижения более высоких ступеней развития личности. Довольно много и тех, кто даже после того, как терапевтический результат достигнут, в целях своего собственного развития проходят дальнейшие этапы изменений. Не нужно быть тяжелобольным, для того чтобы пройти весь путь развития. Но при любых обстоятельствах лишь те люди достигают более высокой степени сознательности, которые с самого начала призваны к этому, т. е. обладают способностью и имеют влечение к более высокой дифференциации. В этом отношении люди, как известно, сильно отличаются друг от друга, подобно тому как и среди животных есть консервативные и эволюционирующие виды. Природа аристократична, однако не в том смысле, что сохраняет возможность дифференциации лишь за видами, стоящими на высокой ступени развития. Так же дело обстоит и с возможностью психического развития: она предоставлена отнюдь не только особо одаренным индивидам. Иными словами, для того чтобы пройти значительный путь развития, не требуется ни особого интеллекта, ни каких-либо других талантов; ибо в этом развитии моральные качества могут играть компенсирующую роль в тех случаях, когда интеллект оказывается недостаточным. Ни в коем случае не следует думать, будто лечение состоит в том, чтобы вбивать людям в голову общие формулы и сложные научные доктрины. Об этом не может быть и речи. Каждый может по-своему и на доступном ему языке овладеть тем, в чем он нуждается. То, что я изложил здесь,— это интеллектуальная формулировка и не совсем то, что обсуждается в обычной практической работе. Вплетенные мною в изложение небольшие фрагменты, где приводится описание некоторых клинических случаев, дают приблизительное представление о том, что происходит на практике.

199 Если после всего того, что было описано в предшествующих главах, читатель не почувствует себя в состоянии составить ясное представление о теории и практике современной медицинской психологии, то это меня не очень удивит. Я скорее отнес бы это на счет несовершенства своего дара изложения, так как мне с трудом удается собрать в единый наглядный образ ту огромную совокупность мыслей и переживаний, которая является

предметом медицинской психологии. Толкование сновидения, возможно, на бумаге выглядит произвольным, неясным и искусственным; но на самом деле это может быть маленькой драмой непревзойденного реализма. Пережить сновидение и его толкование — это нечто совсем иное, нежели получить его жалкое отображение на бумаге. Все, что касается этой психологии есть, в сущности, глубочайшее ощущение, переживание; даже теория — и в тех случаях, когда она выражается в самой абстрактной форме,— непосредственно исходит из пережитого. Если я обвиняю фрейдовскую сексуальную теорию в односторонности, то это не означает, что она базируется на беспочвенной спекуляции; напротив, она тоже представляет собой верное отображение действительных фактов, которые практический опыт не может игнорировать. И если выводы из них перерастают в одностороннюю теорию, то это лишь показывает, какой силой убеждения — как объективно, так и субъективно — обладают эти факты. Едва ли можно требовать от отдельного исследователя, чтобы он возвысился над своими собственными глубочайшими впечатлениями и их абстрактной формулировкой, ибо приобретение впечатлений, равно как и мыслительное овладение ими,— это само по себе уже дело всей жизни. У меня перед Фрейдом и Адлером было большое преимущество: мое развитие осуществлялось не в узких рамках психологии неврозов; я пришел из психиатрии, хорошо подготовленный с помощью Ницше к восприятию современной психологии, и, помимо фрейдовской концепции, имел возможность наблюдать становление взглядов Адлера. Тем самым я был, так сказать, с самого начала вовлечен в конфликт и был вынужден не только чужие, но и свои собственные мнения рассматривать как относительные или скорее как проявления определенного психологического типа. Подобно тому как упомянутый случай Брейера оказался решающим для Фрейда, так в основе моих собственных взглядов лежит одно имевшее определяющее значение переживание. Во время моей студенческой клинической подготовки я довольно длительное время наблюдал случай сомнамбулизма у одной молодой девушки. Этот случай стал темой моей докторской диссертации[2]. Тому, кто знаком с моей научной продукцией, будет

[2] *Jung C.* Zur Psychologie und Pathologie sogenannter occulter Phänomene. 1902 // Ges. Werke, Bd. I.

небезынтересно сравнить изложенные более 40 лет назад взгляды с моими более поздними идеями.

200 Работа в этой области — это труд первопроходца. Я часто ошибался и не раз должен был забывать то, чему научился. Однако я знаю и вполне примирился с этим знанием, что так же как из тьмы возникает свет, так и истина выходит из заблуждения. Я рассматриваю в качестве предостережения слова Гийома Ферреро[3] о «misérable vanité du savant»[4] и поэтому никогда не боялся своих ошибок и всерьез в них не раскаивался. Для меня научно-исследовательская деятельность никогда не была дойной коровой или средством приобретения престижа, а была вынужденным, нередко горьким разбирательством, необходимость которого диктовалась повседневным психологическим опытом работы с больными. Поэтому не все, что я высказываю, идет от головы, но кое-что идет и от сердца, и я надеюсь, что благосклонный читатель не упустит этого из виду, если, следуя за интеллектуальной линией рассудка, отметит некоторые лакуны, порой недостаточно заполненные. Гармоничного текущего изложения можно ожидать лишь тогда, когда автор пишет о вещах, уже хорошо ему известных. Но когда, побуждаемый необходимостью оказать помощь и вылечить, он действует как первопроходец, ему приходится говорить и о еще неизведанной реальности.

---

3 *Ferrero G.* Les lois psychologiques du symbolisme. Paris, 1895. Р. VIII: «C'est donc un devoir moral de l'homme de science de s'exposer à kommcttre des erreurs et à subir des critiques, pour que la science avance toujours... Ceux qui sont doués d'un esprit assez sérieux pour ne pas croire que tout ce qu'ils écrivent est l'expression de la vérité absolue et éternelle, approuveront cette théorie qui place les raisons de te science bien au-dessus de la misérable vanité et du mesquin amour propre du savant» [«Не бояться рисковать совершить ошибки и подвергнуться критике, чтобы наука постоянно развивалась,— это же долг человека науки... Те, кто обладает достаточно серьезным умом, чтобы не полагать, будто все то, что они пишут, есть выражение абсолютной и вечной истины, одобряет эту теорию, которая ставит интересы науки гораздо выше жалкого тщеславия и мелкого самолюбия ученого» (*франц.*)].

4 Жалком тщеславии ученого (*франц.*).

Заключение

201 В заключение я должен попросить у читателя извинения за то, что осмелился на этих страницах высказать так много нового и трудного для понимания. Я открыт для полемики, поскольку считаю долгом каждого, кто проторяет собственный путь, ставить общество в известность о том, что он нашел в своем жизненном поиске, будь то прохладная вода для жаждущих или же песчаная бесплодная территория заблуждений. Одно помогает, другое предостерегает. Но не критика отдельного современника, а будущие поколения будут судить об истине или заблуждении в том или ином открытии. Есть вещи, которые сегодня пока еще не истинны, и, возможно, мы еще не смеем полагать их истинными, но, может быть, завтра они станут таковыми. Поэтому каждый человек, судьбой предназначенный двигаться собственным путем, должен делать это с надеждой и с открытыми глазами, даже осознавая свое одиночество и его опасности. Своеобразие описанного здесь пути в немалой мере обусловлено тем, что в психологии, вытекающей из реальной жизни и воздействующей на нее, уже нельзя ссылаться на узкоинтеллектуальную научную точку зрения, но следует принимать во внимание и позицию чувства и, следовательно, все действительное содержание психического. В практической психологии мы имеем дело не с какой-то всеобщей психикой человека, речь идет об отдельных людях и многочисленных проблемах, которые тревожат их самым непосредственным образом. Психология, удовлетворяющая только один интеллект, никогда не сможет быть практической, так как целостность психики никогда не может быть охвачена одним лишь интеллектом. Хотим мы этого или нет, но невозможно игнорировать и философский аспект, поскольку психическое ищет выражения, которое охватывало бы его всеобщую природу.

II

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЭГО И БЕССОЗНАТЕЛЬНЫМ

Предисловие ко второму изданию

Эта небольшая книга была написана на основе лекции, которая изначально была опубликована в 1916 г. под названием «Структура бессознательного» (La Structure de l'Inconscient)[1]. Позже та же самая лекция появилась в английском переводе под названием «The Concept of the Unconscious в моих Collected Papers on Analytical Psychology» (1920).

Я упоминаю об этом из желания дать понять, что настоящая работа появилась не сразу, а стала результатом растянувшегося на многие годы стремления уловить и — по меньшей мере в существенных чертах — отобразить своеобразный характер и ход «drame intérieur»[2] процесса трансформации бессознательной психики. Эта идея независимости бессознательного, которая столь радикально отличает мои взгляды от подхода Фрейда, возникла у меня еще в 1902 г., когда я занимался изучением психической истории одной молодой девушки-сомнамбулы[3]. В лекции, прочитанной в Цюрихе, на тему «Психоз и его содержание»[4] я подошел к этой идее с другой стороны. В 1912 г. я проиллюстрировал некоторые основные положения этого процесса на примере индивидуального случая и одновременно выявил исторические и этнические параллели этого универсального психического явления[5]. В упомянутом выше эссе «La Structure

---

[1] См. ниже § 437 и далее.

[2] Душевной драмы (*франц.*).

[3] См.: Zur Psychologie und Pathologie sogenannter occulter Phänomene. Leipzig, 1902. Ges. Werke, Bd. l.

[4] Опубликован в 1908 г. На русском языке вышел отдельной книгой под тем же названием в 1913 г.— *Примеч. пер.*

[5] См.: *Jung C.* Wandlungen und Symbole der Libido. 1912; Symbole der Wandlung. 1952. Ges. Wcikc, Bd. 5.

de l'Inconscient» я впервые попытался представить этот процесс во всей целостности. Это была всего лишь попытка, несовершенство которой я слишком хорошо осознавал. Однако трудности представления материала оказались столь велики, что я не мог и надеяться изложить проблему в одном сочинении. Поэтому мне пришлось ограничиться «предварительным сообщением» с твердым намерением вновь обратиться к этой теме при первой возможности. После двенадцати лет работы в этом направлении я в 1928 г. существенно переработал формулировки 1916 г., а результатом этих усилий и стала небольшая книга «Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewussten». На этот раз я попытался главным образом раскрыть отношение эго-сознания (Ichbewußtsem) к бессознательному процессу. В соответствии с этим замыслом я специально занялся теми явлениями, которые следует считать симптоматическими реакциями сознательной личности на воздействия бессознательного. В этом контексте я попытался хотя бы косвенно приблизиться к самому бессознательному процессу. Эти исследования, разумеется, еще далеки от удовлетворительного завершения, так как до сих пор еще не получен ответ на главный вопрос о природе и сущности бессознательного. К решению этой чрезвычайно трудной задачи я не отважился приступить, не имея достаточного материала. Ее решение откладывается до будущих времен.

Думаю, что читатель этой книги согласится со мной, если я попрошу его рассматривать эту книгу как честную попытку с моей стороны представить в понятийной форме новую и еще не исследованную сферу опыта. Речь идет не о высоколобой мыслительной системе, а об определении сложных психических переживаний, которые прежде никогда не были предметом научного исследования. Поскольку, согласно прежним представлениям, психическое является иррациональной данностью и не может быть хоть как-то приравнено к божественному Разуму, то не стоит и удивляться, что в своем психологическом опыте мы необычайно часто сталкиваемся с событиями и переживаниями, которые не соответствуют нашим разумным ожиданиям и вследствие этого отвергаются рационалистической установкой нашего сознательного разума. Такая установка, естественно, непригодна для психологического наблюдения, поскольку она в высшей степени ненаучна. Если мы хотим наблюдать действия природы в их подлинном своеобразии, то не следует пытаться указывать последней, что нужно делать.

Здесь я попытался обобщить накопленный за 28 лет психологический и психиатрический опыт, и потому моя небольшая книга в известной мере смеет претендовать на серьезное к себе отношение. Естественно, я не мог высказать всего в одном этом сочинении. Продолжение рассуждений последней главы читатель найдет в книге «Тайна Золотого Цветка», которую я издал совместно с моим, ныне покойным, другом Рихардом Вильгельмом. Я посчитал необходимым сослаться на эту публикацию, поскольку восточная философия вот уже многие столетия занимается внутренними психическими процессами и потому — ввиду настоятельной необходимости в сравнительном материале — представляет для психологического исследования неоценимую пользу.

Октябрь 1934
К. Г. Юнг

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Воздействие бессознательного на сознание

I
Личное и коллективное бессознательное

202 Как известно многим, фрейдовские представления о содержаниях бессознательного ограничены инфантильными тенденциями, которые вытеснены в силу их противоречивости. Вытеснение является процессом, который начинается в раннем детстве под нравственным воздействием окружающей среды и продолжается всю жизнь. С помощью анализа вытеснение устраняется, а вытесненные желания осознаются.

203 Согласно этой теории, бессознательное содержит только те составляющие личности, которые вполне могли бы быть осознанными, и подавляются они, собственно, лишь в результате воспитания. Хотя с известных позиций эти инфантильные тенденции бессознательного наиболее очевидны, тем не менее было бы неправильно определять или оценивать бессознательное исключительно в этих терминах. У бессознательного есть еще

и другая сторона: оно включает не только вытесненные содержания, но также весь психический материал, лежащий ниже порога сознания. Невозможно объяснить подпороговую природу всего этого материала на основе только принципа вытеснения; в противном случае, убрав вытеснение, человек приобрел бы феноменальную память, из которой ничто не могло бы исчезнуть.

204 Поэтому следует отметить, что, кроме вытесненного материала, бессознательное содержит и все те психические компоненты, которые оказались за порогом, включая сублиминальные ощущения-восприятия. Кроме того, мы знаем — не только благодаря богатому опыту, но и по теоретическим основаниям, — что бессознательное содержит в себе и такие компоненты, которые *еще не* достигли порога осознания. Сюда относятся зародыши будущих сознательных содержаний. Равным образом у нас есть основания предполагать, что бессознательное никогда не пребывает в покое в смысле отсутствия активности, но непрерывно занято группировкой и перегруппировкой своих содержаний. Лишь в патологических случаях эта активность может рассматриваться как совершенно автономная; в норме она координирует с сознательным разумом в плане компенсаторного отношения.

205 Следует допустить, что все эти содержания носят личный характер, поскольку приобретены в процессе индивидуальной жизни. Поскольку эта жизнь ограничена, то и число приобретенных содержаний в бессознательном тоже должно быть ограниченным. Таким образом, надо считать возможным исчерпание бессознательного либо с помощью анализа, либо путем составления полного перечня бессознательных содержаний на основе того, что бессознательное не в состоянии производить ничего сверх того, что уже известно и принято в сознающем разуме. Мы должны также (и это уже было отмечено) сделать вывод о том, что если можно остановить погружение сознательных содержаний в бессознательное с помощью снятия вытеснения, то бессознательная продуктивность может оказаться парализованной. Но это возможно лишь в очень ограниченной степени, о чем мы знаем из опыта. Мы заставляем наших пациентов удерживать вытесненные и вновь ассоциированные в сознание содержания и ассимилировать их в свой жизненный сценарий. Однако эта процедура настолько безразлична для бессознательного — в этом мы имеем возможность убеждаться ежедневно,— что оно спокойно продолжает продуцировать сновидения и фантазии, которые, согласно первоначальной фрейдовской теории, должны

возникать из личного вытеснения. Если в таких случаях продолжать систематическое и непредвзятое наблюдение, то обнаружится материал, который хотя формально и сходен с предшествующими личностными содержаниями, но, очевидно, заключает в себе признаки, которые выходят далеко за пределы личностной сферы.

206 Размышляя по поводу примера, иллюстрирующего только что сказанное, я особенно живо вспоминаю пациентку, страдавшую незначительным истерическим неврозом, каковой, как выражались в те дни[1], коренился главным образом в «отцовском комплексе». Здесь важно отметить тот факт, что своеобразное отношение пациентки к отцу стало помехой на ее пути. Она очень хорошо относилась к своему отцу, впоследствии умершему. Это было главным образом эмоциональное отношение. В подобных случаях обычно развивается интеллектуальная функция, которая позже становится мостом, связывающим человека с внешним миром. В нашем случае пациентка решила заняться изучением философии. Ее энергичное стремление к знанию стало тем мотивом, который побудил ее выйти из состояния эмоциональной привязанности к отцу. Эта операция может оказаться успешной лишь в том случае, если на новой ступени, созданной с помощью интеллекта, заработает и чувство, например таким образом, что реализуется эквивалентное прежнему эмоциональное отношение к какому-нибудь подходящему мужчине. В этом отдельном случае такого перехода, однако, не было из-за того, что чувство застыло в подвешенном и неустойчивом состоянии между отцом и одним не очень-то подходящим мужчиной. Последнее, естественно, стало помехой на пути вперед, вследствие чего возник столь характерный для невроза внутренний разлад. Так называемый нормальный человек может, конечно, с помощью мощного волевого усилия порвать стесняющие эмоциональные оковы с той или другой стороны или (а это, пожалуй, еще более обыденная вещь) бессознательно скользит по накатанной колее инстинкта, не давая себе отчета в том, какого рода конфликт скрывается за отдельными головными болями или иными физическими недомоганиями. Но любой слабости инстинкта (у которой может быть множество причин) оказывается

[1] Профессор Юнг ссылается здесь на свою раннюю работу, относящуюся к 1907 г.— *Примеч. ред. англ. изд.*

достаточно для того, чтобы затруднить гладкий, бессознательный переход. Тогда всякое продвижение вперед тормозится конфликтом, а вызванный этим жизненный застой равнозначен неврозу. Именно из-за этого застоя психическая энергия растекается в самых разных направлениях, причем совершенно бесполезно. Например, возникают чересчур сильные возбуждения симпатической системы, ведущие к нервным расстройствам кишечника и желудка, или возбуждается блуждающий нерв (соответственно и сердце), или фантазии и память, сами по себе достаточно неинтересные, оцениваются слишком высоко и начинают угнетать сознание. (Из мухи возникает слон.) В этом состоянии нужен еще какой-нибудь мотив, чтобы положить конец «болезненной подвешенности». Природа сама бессознательно и не напрямую ведет к этому с помощью явления переноса (Фрейд). В процессе лечения пациентка переносит отцовский образ (father-imago) на доктора и тем самым в некотором смысле делает его отцом, а поскольку он отцом все же не является,— эквивалентом мужчины, который оказался для нее недостижим. Доктор в некотором смысле становится отцом и своего рода возлюбленным — иными словами, объектом конфликта. Противоположности в нем объединяются, отчего он являет собой квазиидеальное разрешение конфликта. Сам того не желая, доктор становится объектом той почти непостижимой для постороннего завышенной оценки пациента, которая делает из него спасителя и бога. Подобное сравнение совсем не так смешно, как может показаться. Конечно, это уже слишком — быть одновременно отцом и возлюбленным. Возможно, никто не в силах долго выдержать такое именно потому, что это уже чрезмерно. Надо быть по меньшей мере полубогом, чтобы все время безупречно играть эту роль; отдавать надо уметь. Пациенту, находящемуся в состоянии переноса, это временное разрешение поначалу кажется идеальным, но только поначалу: через какое-то время это состояние переходит в застой, что так же плохо, как и невротический конфликт. В действительности на пути к разрешению ситуации вообще ничего не произошло. Конфликт просто-напросто перенесен. Тем не менее успешный перенос — по крайней мере на время — может заставить исчезнуть весь невроз, и потому он очень правильно был признан Фрейдом исцеляющим фактором первейшей важности, но одновременно и просто промежуточным состоянием, которое хотя и сулит возможность исцеления, но само исцелением ни в коей мере не является.

207 Это отчасти затянувшееся обсуждение кажется мне существенным для понимания моего примера: моя пациентка оказалась именно в состоянии переноса и уже достигла верхней границы, где застой начинает проявляться неприятной стороной. И вот возник вопрос: что дальше? Я, естественно, сделался полным спасителем, и мысль пациентки о том, что она должна от меня отказаться, была для нее, разумеется, не только крайне неприятна, но и просто ужасна. В такой ситуации так называемый «здравый человеческий рассудок» обыкновенно использует всю обойму увещеваний, советов и наставлений, начиная от «Тебе просто надо», «Ты же не можешь» и т. д. Поскольку здравый человеческий рассудок — к счастью, явление не слишком редкое и не слишком бесполезное (пессимисты в отношении этого вопроса, я знаю, тоже есть), то именно в состоянии переноса, усиленном хорошим самочувствием, какой-нибудь разумный мотив может вызвать столько энтузиазма, что мощным волевым усилием человек решается даже на болезненную жертву. Если это выходит удачно (подобные вещи иногда происходят), жертва дает блаженные плоды, так что бывший пациент одним прыжком оказывается в состоянии практического выздоровления. Доктор обыкновенно настолько этому рад, что оставляет без внимания теоретические трудности, связанные с этим маленьким чудом.

208 Если же успешного прыжка не получается (а у моей пациентки он не получился), то приходится вплотную столкнуться с проблемой серьезности переноса. Здесь «психоаналитическая» теория попадает в кромешный мрак. Кажется, что в таком случае ставка делается на темную веру в судьбу: дело должно как-то уладиться, «Все рассосется само собой». «Перенос пройдет сам собой, когда у пациентки кончатся деньги», как, например, однажды заявил мне один немного циничный коллега. Это могут быть и неумолимые требования жизни, которые каким-то образом делают невозможной застойную фиксацию переноса, требования, которые заставляют пойти на ту жертву, что принесена не по доброй воле, иногда с более или менее полным рецидивом в результате. (Бесполезно искать описания таких случаев в книгах, восхваляющих психоанализ!)

209 Конечно, существуют и безнадежные случаи, когда помощь просто бесполезна; но есть и такие случаи, когда дело не «пробуксовывает» и не «зацикливается», когда не надо во что бы то ни стало с горьким

сердцем и больной головой оставлять ситуацию переноса. Я сказал себе как раз в связи с моей пациенткой, что из подобного опыта тоже должен быть приемлемый и ясный путь. Хотя у моей пациентки уж давно кончились деньги (если они у нее и вообще были), но мне любопытно было узнать, какие же пути выберет природа, чтобы добиться удовлетворительного выхода из тупика переноса. Так как я никогда не воображал о себе, будто наделен тем самым «здравым человеческим рассудком», который в любой запутанной ситуации точно подскажет, что надо делать, и поскольку моя пациентка знала об этом не больше меня, то я предложил ей, что мы по крайней мере могли бы отслеживать движения, поступающие из психической сферы, «не оскверненной» нашей всезнающей мудростью и сознательным планированием. Это означало прежде всего обращение к ее сновидениям.

210 Сновидения содержат образы и мысленные ассоциации, в производстве которых сознательное намерение не участвует. Они возникают спонтанно, без нашей помощи и являются представителями непроизвольной психической деятельности. Поэтому сновидение есть, собственно, в высокой степени объективный, естественный продукт психического, от которого можно ожидать по меньшей мере ссылок и намеков на некоторые основные тенденции в психическом процессе. Кроме того, поскольку психический процесс, как и всякий жизненный процесс, есть не просто каузальный ход событий, но также еще и процесс с телеологической (финальной) ориентацией, то от сновидения можно ожидать, что оно даст нам определенные *показания* относительно его объективной обусловленности, равно как и об объективных тенденциях, поскольку последние оказываются именно самоизображениями психической стороны жизненного процесса.

211 Мы с пациенткой подвергли ее сновидения тщательному наблюдению. Буквальное воспроизведение всех тех сновидений, которые имели место, завело бы нас слишком далеко. Поэтому позвольте лишь бегло воспроизвести их основные мотивы: в большинстве своем эти сновидения касались личности доктора, т. е. действующими лицами, без сомнения, выступали сама сновидица и ее доктор. Последний, однако, редко появлялся в своем естественном облике, а по большей части был специфически искажен. Иногда его фигура представала в неестественно огромных размерах, порой он выглядел необычайно старым, а потом

вновь обретал сходство с ее отцом, но при этом был странно встроен в природу, как в следующем сновидении: ее отец (который в действительности был невысокого роста) стоял вместе с ней на холме, покрытом пшеничными полями. Она, совершенно крошечная, находилась рядом, и он казался ей подобным великану. Он поднял ее с земли и взял на руки, как малое дитя. Ветер проносился по пшеничным полям, и, как пшеница раскачивалась на ветру, он качал ее на своих руках.

212 Из этого сна и других ему подобных я смог прояснить для себя различные вещи. Прежде всего у меня сложилось впечатление, что ее бессознательное непоколебимо привержено идее о том, будто я ее отец-возлюбленный, вследствие чего эта фатальная связь, которую нужно было как-то развязать, постоянно оказывалась еще более усиленной. Кроме того, было чрезвычайно трудно не заметить, что бессознательное накладывает особый отпечаток на сверхъестественную, почти «божественную» природу отца-влюбленного, из-за чего связанная с переносом завышенная оценка всякий раз особо подчеркивалась. Поэтому я спрашивал себя: неужели пациентка все еще не поняла весь фантастический характер своего переноса, или же бессознательное вообще не может быть распознано, а слепо и идиотически следует за какими-то бессмысленными химерами? Мысль Фрейда о том, что бессознательное «не умеет ничего, кроме как желать», слепая и бесцельная воля Шопенгауэра, гностический демиург, который в своем тщеславии мнит себя совершенным и в самой слепоте своей ограниченности творит нечто жалкое и несовершенное,— все эти пессимистические подозрения относительно отрицательной сущности мира и души совместились. В подобной ситуации действительно не остается ничего иного, кроме как следовать хорошо известному пожеланию «Тебе пристало...», подкрепленному, так сказать, решительным «ударом топора», полностью отсекающего всю фантасмагорию касательно добра и зла.

213 Однако по мере того, как я снова и снова основательно «проворачивал» эти сновидения в своем сознании, передо мной забрезжила и другая возможность. Я сказал себе: нельзя усомниться в том, что сновидения продолжают говорить теми же прежними метафорами, которые до боли знакомы и пациентке, и мне из наших бесед. Сама пациентка, без сомнения, распознаёт свою трансферентную фантазию. Она знает, что я выступаю для нее в качестве полубожественного отца-возлюбленного,

и может по крайней мере интеллектуально отличать этот образ от моей фактической реальности. Следовательно, сновидения очевидным образом воспроизводят сознательную точку зрения за вычетом сознательной критики, которую они полностью игнорируют. Значит, сновидения повторяют сознательные содержания, но не in toto[2], а настаивают на фантастической позиции в противовес «здравому смыслу».

214 Я, естественно, задал себе вопрос: каков источник подобного упрямства и какова цель последнего? То, что в нем должен быть заключен какой-нибудь конечный смысл, было для меня несомненно, поскольку не существует по-настоящему одушевленных предметов, у которых нет какой-то осмысленной цели, которые, иначе говоря, становятся объяснимы, если их понимать как простые пережитки определенных предшествующих фактов. Но энергия переноса столь сильна, что производит впечатление прямо-таки жизненного инстинкта. Что же является целью таких фантазий? Внимательное рассмотрение и анализ сновидений и особенно того самого, которое я воспроизвел дословно, раскрывают примечательную тенденцию, а именно: вопреки сознательной критике, сводящей все к человеческим пропорциям, наделить личность доктора сверхчеловеческими качествами. Он должен быть исполином, должен быть древним, как мир, превосходить отца, проноситься, словно ветер, над землей, в конечном счете он непременно превратится в бога! Или, сказал я себе, может быть, это тот случай, когда бессознательное попытается *сотворить* бога из личности доктора, освободить, так сказать, видение бога из-под покровов личности, тогда сам перенос на личность врача оказывается обычным непониманием, присущим здравому рассудку, глупой выходкой «здравого человеческого рассудка»? Может быть, напор бессознательного только внешне направлен на эту личность, а в более глубоком смысле — на бога? Может ли жажда бога быть *страстью*, изливающейся из ничем не обусловленной, темнейшей природы инстинкта, страстью, возможно, более глубокой и сильной, чем любовь к человеческой личности? Или же это тот образец высочайшего и подлиннейшего смысла нецелесообразной любви, которую называют переносом, крошечная частица реальной «любви божьей», которая была утрачена сознанием после пятнадцатого века?

[2] В целом (*лат.*).

215 Никто не станет подвергать сомнению существование страстной тоски по человеческой личности, но этот фрагмент религиозной психологии, исторический анахронизм, что-то из области средневекового любопытства(вспомним Мехтильду Магдебургскую) выступает на свет как непосредственная живая реальность в консультационном кабинете и выражается в прозаической фигуре доктора, и этот факт поначалу выглядит слишком фантастическим, чтобы быть принятым всерьез.

216 Подлинно научная установка не должна быть предвзятой. Единственный критерий валидности гипотезы — наличие эвристичности, т. е. присутствие у нее объяснительной ценности. Но есть еще и вопрос, можно ли рассматривать выдвинутые прежде возможности в качестве валидной гипотезы? Нет никакой *априорной* причины считать невозможным наличие цели у бессознательных тенденций, лежащих по ту сторону человеческой личности, с таким же успехом можно предположить, что бессознательное не умеет ничего, кроме как «только желать». Только на основании опыта можно решить, какая из гипотез наиболее подходящая. Эта новая гипотеза показалась не совсем правдоподобной моей весьма критически настроенной пациентке. Прежний взгляд, согласно которому я был отцом-возлюбленным и в качестве такового представлял собой идеальное разрешение конфликта, представлялся несравненно более привлекательным для ее способа чувствования. Несмотря на это, ее интеллект был достаточно ясен, чтобы понимать теоретическую возможность такой гипотезы. Между тем сновидения пациентки продолжали дезинтегрировать личность доктора во все большем масштабе. Наряду с этим произошло нечто, что поначалу понял только я и что вызвало мое крайнее удивление, а именно нечто вроде подземного подрыва ее переноса. Ее отношения с одним другом заметно углубились, несмотря на то что сознательно она все еще держалась за свой перенос. Так что, когда пришло время расстаться со мной, это не стало катастрофой, а сделалось совершенно осмысленным прощанием. У меня было преимущество единственного свидетеля процесса развязки. Я мог видеть, как транcличностная точка контроля — я не могу назвать это как-то иначе — развивала ведущую функцию и шаг за шагом собирала в себе все до тех пор личностные сверхоценки, как с этим притоком энергии приобретала влияние на сопротивляющийся сознательный разум, причем пациентка сознательно этого не замечала. Из этого мне стало ясно, что эти сновидения были не просто фантазиями, а саморепрезентациями бессознательного развития, которые

давали возможность психике пациентки постепенно перерастать бессмысленную личностную связь[3].

217 Это изменение произошло, как я показал, благодаря тому, что бессознательно развилась трансличностная точка контроля; некая, так сказать, виртуальная цель, символически выразившаяся в созерцании Бога. Сновидения возвысили человеческий образ доктора до сверхчеловеческих пропорций, до исполинского, первобытного отца, который является еще и ветром, отца, в чьих заботливых руках сновидица покоится, подобно грудному младенцу. Если считать осознанное и традиционно христианское представление пациентки о боге отвечающим образу бога в сновидениях, то следовало бы снова подчеркнуть его искажающий характер. В религиозном отношении пациентка настроена критически и имеет агностическую установку, ее идея возможного божественного существа уже давно перешла в сферу непостижимого, т. е. разрослась до полной абстракции. В противоположность этому образ бога в сновидениях соответствует архаичному представлению о природном демоне, чему-то сродни Вотану. θεός το πνεῦμα — «Бог есть Дух» — переводится здесь в первоначальную форму, то πνεῦμα значит «ветер»: Бог есть ветер, более сильный и великий, чем человек, и невидимый дух-дыхание. Примерно так же, как в еврейском, слово «рух» в арабском языке обозначает дыхание и дух[4]. Из сугубо личностной формы сновидения развивают архаический богообраз, который бесконечно далек от осознанного понятия бога. Можно было бы возразить, что это просто инфантильный образ, след памяти детства, я не стал бы спорить с подобным положением, если бы речь шла о старце на золотом троне в небесах. Однако здесь нет и следа сентиментальности подобного рода, напротив, мы имеем первобытное воззрение, которое может соответствовать только архаичной ментальности.

218 Эти первобытные представления, немало примеров которых я привел в своей книге «Символы трансформации», побуждают к проведению

---

[3] См.: Transcendent function // Psychological Types. Def. 51. Symbol. Рус. пер. — Трансцендентная функция // Психологические типы. СПб., 1995. § 805. нем.: Transzendente Funktion. Ges. Werke. 1950. Bd. 6. Par. 908.

[4] Более подробно см.: *Jung C.* Wandlungen und Symbole der Libido. 1912. Рус. пер. — *Юнг К.* Символы трансформации. М., 2000; Neuauflage: Symbole der Wandlung // Ges. Werke. 1952. Bd. 5.

различия по отношению к бессознательному материалу, существенного различия между «досознательным» и «бессознательным», или «подсознательным» и «бессознательным». Правомочность подобного подразделения здесь не обсуждается. В каждом из понятий присутствует своя определенная ценность, и они стоят того, чтобы развивать их в качестве определяющих гипотез или точек зрения. Введенное различие, сделать которое меня заставил опыт, претендует лишь на ценность более широкой точки зрения. Из сказанного следует, что мы в определенной степени должны выделять в бессознательном слой, который можно обозначить как *личное бессознательное.* Материал, содержащийся в этом слое, обладает личностной природой, поскольку он характеризуется отчасти как приобретение в результате индивидуального существования, а отчасти как психологические факторы, которые с таким же успехом могли бы оказаться осознанными. Хотя, с одной стороны, понятно, что несовместимые психологические содержания подлежат вытеснению друг другом и потому бессознательны, но, с другой стороны, все же есть возможность того, что вытесненные содержания тоже могут быть осознаны и должны быть осознаны, если уж они узнаны. Мы узнаём эти материалы как личностные содержания благодаря тому, что можем проследить их влияние, или их частичное присутствие, или их возникновение в нашем личном прошлом. Они являются интегральными компонентами личности, входящими в ее «инвентарную ведомость», и их утрата в сознании означает неполноценность в том или ином отношении, и притом не ту неполноценность, которая имеет психологический характер органического увечья или врожденного дефекта, а скорее характер лакуны, которую подавленное моральное негодование стремится восполнить. Чувство моральной неполноценности всегда указывает на то, что выпавший фрагмент есть нечто такое, что, собственно говоря, не должно было бы выпадать или, иными словами, может быть осознано, если употребить необходимые для этого усилия. Чувство моральной неполноценности возникает при этом отнюдь не из столкновения со всеобщим, в известном смысле произвольным моральным законом, а из конфликта с собственной самостью, которая, исходя из чувства психического равновесия, требует восполнения дефицита. Где бы ни возникало это чувство моральной неполноценности, оно указывает также и на то, что налицо не только требование ассимиляции бессознательного компонента,

но также и возможность такой ассимиляции. В конечном счете это моральные качества человека, которые заставляют его либо через непосредственное понимание необходимости, либо косвенным образом через болезненый невроз ассимилировать свою бессознательную самость и вести себя осознанно. Тот, кто продвигается вперед по дороге реализации своей бессознательной самости, должен неизбежно приводить к осознанию содержания личного бессознательного, расширяя таким образом масштаб своей личности. Это «расширение» затрагивает в первую очередь моральное сознание, самопознание, так как бессознательные содержания, высвобожденные анализом и переведенные в сознание,— это, как правило, поначалу неприятные и потому вытесненные содержания: желания, воспоминания, предрасположенности, планы и т. д. Сюда относятся содержания, которые появляются на свет тем же путем, что и исповедь, хотя и в более ограниченной степени. Другие возникают, как правило, с помощью анализа сновидений. Зачастую весьма интересно наблюдать, как сновидения выносят наверх — фрагмент за фрагментом, тонко чувствуя момент,— самые существенные элементы. Весь этот материал в совокупности с материалом сознания дает в результате значительное расширение горизонта, углубляя знание себя. Естественно предположить, что это, как ничто иное, способно гуманизировать человека и привить ему чувство меры. Но даже и знание самого себя, о действенности которого все мудрецы предполагали самое лучшее, по-разному воздействует на различные характеры. Существует немало замечательных открытий в практическом анализе, но об этом у меня пойдет речь в следующей главе.

219 Как показывает мой пример с архаической идеей бога, бессознательное, по всей видимости, содержит в себе еще и нечто другое, кроме личных приобретений и вещей. Моя пациентка совершенно не осознавала происхождения «духа» от «ветра» или параллелизма того и другого. Это содержание никогда не было продуктом ее размышлений, и ее никогда этому не учили. Существенный фрагмент Нового Завета (то πνεύμα πνεϊ όπου τέλει[5]) был ей недоступен, так как она не знала греческого. Речь могла бы идти (если бы это действительно было личностное

[5] Ветер дует, где хочет (*греч.*).

приобретение) о так называемой криптомнезии[6], т. е. о бессознательном припоминании мысли, которую сновидица некогда уже где-то вычитала. Против такой возможности в данном конкретном случае я ничего не могу возразить, но я знаю довольно много других случаев — большое их число я привел в упомянутой выше книге,— когда даже криптомнезию можно с уверенностью исключить. Но даже если бы это был случай криптомнезии (что мне кажется маловероятным), то ведь еще надо бы объяснить, каким было существовавшее прежде положение вещей, благодаря которому именно этот образ закрепился в памяти, а позднее снова был (Земон) «экфорирован» (от εχφορειν — греческого слова, означающего «выносить», «уносить», лат. efferre = «производить»). В любом случае, идет ли речь о криптомнезии или нет, имеется в виду подлинный и настоящий первобытный богообраз, который вырастал в бессознательном современного человека и осуществлял там живое воздействие — воздействие, которое можно было бы рекомендовать психологу религии для размышлений. В этом образе нет ничего, что можно было бы назвать «личностным»: это полностью коллективный образ, этническое происхождение которого давно известно. Здесь этот исторический и повсеместно распространенный образ вновь актуализируется с помощью естественной психической функции. Это вовсе не удивительно, поскольку моя пациентка родилась на свет с человеческим мозгом, который предположительно и сегодня функционирует таким же образом, как у древних германцев. Мы имеем дело с реактивированным архетипом, как я обозначил эти изначальные образы в другом месте[7]. Эти древние образы вызваны к жизни первобытной, основывающейся на аналогии формой мышления, свойственной сновидениям. Речь идет не об унаследованных идеях, а об унаследованной предрасположенности к ним[8].

6 Ср.: *Floumoy.* Des Indes à la Planète Mars. Étude sur un cas de somnambulisme avec glossolahe. 1900; Jung. Zur Psychologie und Pathologie sogenannter occulter Phänomene. 1902, 110 f., Ges. Werke, Bd l. Par. 138 f. Рус. пер. — *Юнг К. Г.* О психологии и психопатологии так называемых оккультных явлений // *Юнг К. Г.* Конфликты детской души. М.: Канон, 1996.

7 Психологические типы. СПб., 1995. § 682; Psychologische Typen. 1950. Ges. Werke. Bd. 6.

8 Соответственно обвинение в мистицизме, выдвинутое против моих идей, не имеет под собой основания.

220 Принимая во внимание эти факты, мы должны допустить, что бессознательное содержит в себе не только личное, но также и безличные, коллективные компоненты в форме унаследованных категорий[9] или архетипов. Поэтому я выдвинул гипотезу, что бессознательное на своих самых глубоких уровнях несет в себе коллективные содержания в относительно активном состоянии. Вот почему я говорю о коллективном бессознательном.

[9] *Hubert N., Mauss M.* Mélanges d'Histoire des Religions. 1909. P. XIX.

II
Явления, возникающие вследствие ассимиляции бессознательного

221 Процесс ассимиляции бессознательного приводит к ряду весьма примечательных явлений. У одних пациентов он ведет к безошибочной и зачастую неприятной акцентуации Эго-сознания, повышенной самонадеянности; они все знают, они полностью в курсе дела относительно своего бессознательного, и они верят, что имеют абсолютно точное суждение обо всем, что исходит из глубин бессознательного. В любом случае при каждой встрече с доктором они все больше и больше воспаряют над собой. Другие, напротив, впадают в депрессию, становятся даже угнетенными содержаниями бессознательного. Уровень их самонадеянности снижается, и они с покорностью взирают на все то необычайное, что производится бессознательным. Пациенты первого вида в избытке самонадеянности берут на себя ответственность за свое бессознательное, выходящую слишком далеко за пределы разумных границ и возможностей; в то время как последние в конце концов отказываются от какой бы то ни было ответственности за себя, будучи подавлены знанием бессилия Эго перед судьбой, управляющей ими через бессознательное.

222 Если мы теперь подвергнем более тщательному аналитическому рассмотрению ту и другую реакцию в их крайних проявлениях, то увидим, что за оптимистической самоуверенностью первой кроется столь же глубокая или, лучше сказать, еще более глубокая беспомощность, на фоне которой сознательный оптимизм выглядит как плохо удавшаяся компенсация.

И напротив, за пессимистической покорностью реакции второго типа кроется упрямая воля к власти, во много крат превосходящая по самоуверенности сознательный оптимизм первого.

223 Этими двумя типами реакций я обозначил только две крайности. Более тонкие оттенки лучше соответствовали бы действительности. Как я уже отмечал в другом месте, каждый анализанд вначале бессознательно злоупотребляет вновь приобретенными познаниями в интересах своей ненормальной невротической установки, пока он в достаточной степени не освободится от своих симптомов настолько, что сможет обойтись без дальнейшей терапии. Весьма существенным составляющим фактором при этом является то обстоятельство, что все в этой стадии понимается еще на объективном уровне, т. е. без различения между имаго и объектом, так что все оказывается непосредственно привязанным к объекту. Следовательно, человек у которого в качестве объектов первостепенной важности выступают «другие люди», из любого знания о себе на этом этапе анализа будет приходить к следующему выводу: «Ага! Так вот они какие — другие люди!» Поэтому он будет считать своим долгом в соответствии со складом своего характера — толерантным или нетолерантным — раскрыть всему миру глаза. Другой же человек, который ощущает себя в большей степени объектом своего окружения, чем субъектом, будет угнетаем этим знанием о себе и, соответственно, придет в уныние. (Я, конечно, не говорю о тех многочисленных более поверхностных натурах, которых эти проблемы почти не касаются.) В обоих случаях связь с объектом усиливается: в первом — в активном смысле, а во втором — в реактивном. Коллективный момент заметно обостряется. Первый расширяет сферу своего действия, второй — сферу своего страдания.

224 Адлер для характеристики некоторых базовых свойств невротической психологии власти использовал термин «богоподобие». И если я здесь заимствую этот термин, взятый из «Фауста», то использую его, главным образом ссылаясь на известную сцену, где Мефистофель делает запись в альбом студенту и затем замечает про себя по этому поводу:

Змеи, моей пробабки, следуй изреченью,
Подобье божие утратив в заключенье!
(*И.-В. Гете.* Фауст, I, Рабочая комната Фауста)

Богоподобие — и это очевидно — относится к знанию, познанию добра и зла[1]. Анализ и сознательное понимание бессознательных содержаний ведут к тому, что возникает определенная более высокая толерантность (терпимость), благодаря которой становятся приемлемыми даже относительно тяжело воспринимаемые порции из бессознательной характерологии. Эта терпимость может выглядеть весьма «превосходной» и мудрой, но зачастую она оказывается не чем иным, как красивым жестом, который, однако, влечет за собой всякого рода последствия. Нельзя забывать, что речь идет о трудном сближении двух сфер, которые прежде боязливо удерживались порознь. После значительного сопротивления все же удалось достигнуть объединения противоположностей, по крайней мере, во всех внешних проявлениях. Таким образом было достигнуто более глубокое понимание, а также непосредственное соединение прежде разорванного и, следовательно, очевидное преодоление морального конфликта, это дает начало чувству превосходства, которое хорошо выражает себя в форме «богоподобия». Но то же самое непосредственное соседство добра и зла может, однако, оказывать и весьма иное воздействие на другой темперамент. Не каждый чувствует себя суперменом, держащим в своих руках весы добра и зла. Может оказаться, что носитель такого темперамента может почувствовать себя беспомощным объектом между молотом и наковальней; необязательно Геркулесом на распутье, а скорее кораблем без руля и ветрил между Сциллой и Харибдой, поскольку он, сам того не ведая, пребывает в великом и древнейшем конфликте человеческой природы и, страдая, переживает спазмы коллизии вечных начал. Возможно, он чувствует себя подобным Прометею, прикованному к Кавказу, или тому другому, распятому. Это может быть «богоподобие» в страдании. Разумеется, богоподобие — не научное понятие, хотя этот термин прекрасно обозначает сам психологический факт. Я вовсе не думаю, что любой читатель тотчас же поймет специфическое состояние ума в «богоподобии». Сам термин слишком беллетристичен. Поэтому я лучше постараюсь поточнее описать то состояние, которое здесь имеется в виду. Прозрение и понимание, приобретаемые

[1] Мефистофель пишет студенту следующее: «Eritis sicut Deus scicntes bonum et malum». [И будете, как Бог, распознавать добро и зло» (*лат.*). См.: Быт. 3:5.] Все цитаты из «Фауста» Гете приводятся по изданию: *Гете И. В.* Собр. соч. В 10 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 2. Перевод Б. Пастернака.

анализандом, обычно освещают для него многое из того, что прежде было бессознательным. Естественно, он применяет полученное знание к своему окружению и благодаря этому видит (или думает, что видит) нечто, чего прежде не видел. В той мере, в какой его знание оказалось для него полезным, он с готовностью предполагает, что оно будет полезным и для других людей. От этого он легко становится надменным и самонадеянным, быть может, с лучшими намерениями, но к неудовольствию и раздражению других. У такого человека поселяется чувство, будто он — обладатель ключа, открывающего многие, а может быть, даже все двери. Сам психоанализ обладает подобной наивной бессознательностью относительно своих границ, что отчетливо видно по той манере, с какой он, к примеру, пытается понять произведения искусства.

225 Так как человеческая природа включает не только свет, но содержит также и густые тени, то инсайты, возникшие в ходе практического анализа, часто оказываются болезненными, и они тем болезненней, чем сильнее теневые аспекты вытесняются из психического. Соответственно некоторые люди принимают слишком близко к сердцу вновь приобретенные прозрения, в реальности даже чересчур близко, совершенно забывая при этом, что они не единственные, у кого есть теневые стороны. Они чересчур удручены собой и отсюда склонны сомневаться во всем и уже не видеть вокруг ничего истинного. Вот почему многие превосходные аналитики с очень хорошими идеями никогда не решаются их опубликовать, поскольку психическая проблема в том виде, как они ее представляют, оказывается настолько подавляюще обширной, что кажется им почти невозможной в их попытках научно ее осмыслить. И если кто-то оптимистически настроенный становится чрезмерно думающим и воображающим, то другой в силу своего пессимизма делается слишком обеспокоенным и подавленным. Примерно в таких формах выражается большой конфликт, если свести его к меньшему масштабу. Но и в этих уменьшенных пропорциях нетрудно разглядеть его главную суть: заносчивость и высокомерие одного и подавленность другого имеют нечто общее, а именно неопределенность в отношении своих границ. Один чрезмерно раздувается, другой чрезмерно уменьшается. Их индивидуальные границы стираются. Если мы теперь примем во внимание, что вследствие психической компенсации великое смирение стоит рядом с гордостью и что «гордость возникает перед падением», то за надменностью можно легко обнаружить черты обеспокоенного ощущения неполноценности. Фактически

мы ясно видим, как неопределенность усиливает энергию энтузиаста, заставляя его расхваливать свои истины, которые кажутся ему не очень-то надежными, и для этого вербовать прозелитов, чтобы его последователи могли в свою очередь подтверждать ценность и надежность его убеждений. Он не вполне счастлив, обладая этим знанием, чтобы выстоять в одиночку; в своей основе он чувствует свою изолированность, и тайный страх остаться наедине со своей истиной, побуждает его повсюду, где надо и где не надо, пристраивать свои мнения и толкования, поскольку, только когда его убеждения разделяет кто-то еще, он чувствует свою защищенность от гложущих сомнений.

226 И совсем другое дело — наш подавленный друг! Чем больше он съеживается и прячется, тем больше растет в нем тайная потребность быть понятым и признанным. Хотя он и говорит о своей неполноценности, в действительности он в нее не верит. Изнутри его переполняет упрямая убежденность в своих непризнанных заслугах, из-за чего он становится чувствительным к малейшим проявлениям неодобрения и все время старается делать вид неправильно понятого и обиженного в своих справедливых притязаниях. Тем самым он все время лелеет свою болезненную гордость и надменное недовольство, обладать которыми он не хотел бы ни за что на свете, но именно ими он щедро кормит свое окружение.

227 Оба они одновременно и слишком малы, и слишком велики; их индивидуальный средний размер, который уже изначально выглядел не совсем четким, расплылся теперь еще больше. Было бы почти гротеском называть это состояние «богоподобием». Но поскольку оба — каждый на свой манер — вышли за пределы своих человеческих пропорций, то оба стали немного «сверхчеловечны» и поэтому, фигурально говоря, «богоподобны». Если эту метафору посчитать малопригодной для употребления, то вместо нее я бы предложил говорить о «психической инфляции». Это понятие кажется мне подходящим, поскольку состояние, которое мы обсуждаем, означает расширение личности за пределы ее индивидуальных границ, другими словами, состояние раздутости (кичливой самодовольности). Человек в этом состоянии заполняет пространство, которое нормально он не смог бы заполнить. Это можно сделать, только присвоив себе те содержания и качества, которые существуют лишь сами по себе и должны поэтому находиться вне наших личностных границ. То, что находится вне нас, принадлежит или кому-то другому, или каждому,

или вообще никому. Поскольку психическая инфляция ни в коем случае не является феноменом, вызываемым исключительно анализом, но столь же часто встречается и в повседневной жизни, то столь же успешно ее можно исследовать и в других случаях. Самый обычный пример — совсем не смешной способ, с помощью которого многие люди отождествляют себя с видом деятельности или собственными титулами. Разумеется, род моих занятий — это моя, мне принадлежащая деятельность, но в то же время это и коллективный фактор, исторически возникший из взаимодействия многих людей, ценность которого обязана своим существованием только коллективному одобрению. Поэтому если я идентифицирую себя со своей службой или титулом, то веду себя так, словно я сам и представляю весь этот сложный социальный фактор, символизирующий мой род деятельности, словно я не только носитель профессии, но одновременно и санкция общества. В таком случае я расширяю себя до чрезмерных размеров и узурпирую качества, которые существуют отнюдь не во мне, а вне меня. «L'état — c'est moi»[2] — вот девиз для таких людей.

228 В случае инфляции, порой возникающей на этапе познания, мы сталкиваемся с явлением, в принципе похожим, но психологически более тонким. Здесь мы имеем дело не с ценностью того или иного рода занятий, а с показательными фантазиями, обусловливающими эту инфляцию. Я поясню на одном примере из практики, что здесь имеется в виду. Для этого я выбрал случай душевнобольного, которого знал лично и которого упоминает в своей публикации Мэдер[3]. Этот случай характерен высокой степенью инфляции. (В случаях душевных расстройств можно наблюдать все те же явления — в преувеличенном и огрубленном виде,— которые у нормальных людей присутствуют лишь мимолетно[4]. Пациент страдал параноидной деменцией с симптомами мегаломании. Он «беседовал

---

[2] Государство — это я (*франц.*).

[3] *Maeder A.* Psychologische Untersuchungen an Dementia Praecox-Kranken // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. 1910. II. S. 209 ff.

[4] Однажды, когда я работал врачом в психиатрической клинике в Цюрихе, я сопровождал одного интеллигентного неспециалиста в обходе по отделениям. До этого он никогда не посещал приюты для душевнобольных. Когда мы закончили обход, он воскликнул: «Послушайте! Ведь это Цюрих в миниатюре! Квинтэссенция городского населения! Здесь как будто в своей классической форме собраны все типы,

по телефону» с Богородицей и другими великими людьми. В реальной жизни он был неудавшимся учеником слесаря и в 19 лет стал неизлечимым душевнобольным. Он никогда не был наделен особым умом, однако, среди прочего, «зациклился» на величественной идее, будто мир — это его книга с картинками, страницы которой он может произвольно листать. Доказательство этого было очень простым: стоило ему только повернуться кругом, как появлялась новая страница.

229 Это в своей неприкрашенной первобытной наглядности книга Шопенгауэра «Мир как воля и представление». В сущности, потрясающая идея, возникшая из величайшей мечтательности и отрешенности от мира, но выраженная столь наивно и просто, что поначалу можно только потешаться над ее нелепостью. И все же это первобытное воззрение лежит в основе гениального видения мира Шопенгауэром. Только гений или помешанный может выпутаться из теснин реальности, чтобы суметь увидеть этот мир, как собственную книжку с картинками. Удалось ли этому больному выработать или выстроить подобное воззрение, или же оно просто «свалилось» на него? Или же он сам «свалился» в него? Его патологическая дезинтеграция и инфляция скорее указывают на последнее. Теперь уже не *он* думает и говорит, а *оно* думает и говорит в нем, и он слышит голоса. Так что разница между ним и Шопенгауэром состоит в том, что у него это воззрение застыло на стадии простого спонтанного произрастания, в то время как Шопенгауэр то же самое воззрение абстрагировал и выразил на общепонятном языке. Тем самым он вывел его из его подземной первозданности на ясный свет коллективного сознания. Но было бы совершенно неверно полагать, будто воззрение этого пациента носит чисто личностный характер или представляет индивидуальную ценность и является, что называется, его собственностью. Если бы это было так, тогда он был бы философом. Но гениальный философ лишь тот, кому удалось возвысить первобытное и чисто природное видение до абстрактной идеи и до осознанного всеобщего достояния. Подобное достижение (и только оно) составляет его личную ценность, которую он смеет признать за собой, не впадая при этом в инфляцию. А воззрение больного — неличностная,

---

которых каждый день встречаешь на улице. Типы в чистом виде и причудливые образчики всех слоев общества от самого высшего до самого низшего!» Прежде я никогда не подходил к делу с этой стороны, но тот человек в немалой степени был прав.

естественно возросшая ценность, от которой больной не смог защитить себя и которой он был даже проглочен и «сдвинут» в еще большее отчуждение от мира. Поскольку *он* не смог овладеть этой идеей и расширить ее до философского мировоззрения, то было бы правильнее говорить, что несомненное величие этого воззрения раздуло *его* до состояния патологических пропорций. Личная ценность заключается лишь в философском свершении, а не в первичном видении. Но и для философа она как таковая является просто возросшей, а именно возросшей из всеобщего достояния человечества, в котором в принципе участвует каждый. Золотые яблоки падают с одного и того же дерева независимо от того, подбирает ли их слабоумный ученик слесаря или какой-нибудь Шопенгауэр.

230 Из этого примера можно, пожалуй, извлечь еще и другой урок, а именно то, что транс личностные психические содержания не являются простой инертной или мертвой материей, которую можно было бы использовать по своему усмотрению. Здесь скорее мы имеем дело с живыми сущностями, обладающими притягательной силой для сознательного разума. Отождествление себя с родом занятий или титулом в чем-то весьма привлекательно, именно поэтому столь многие люди представляют чистый декорум, санкционированный со стороны общества. Под такой скорлупой тщетно было бы искать личность. Если «слить всю воду», то под ней обнаружится весьма жалкое маленькое существо. Вот почему вид деятельности или любой внешней формы скорлупы столь соблазнителен: он предлагает легко доступную компенсацию за личностные недостатки.

231 Но внешние привлекательные атрибуты, такие, как вид профессии, титулы и иные социальные регалии и роли, не единственные вещи, способные вызывать инфляцию. Они составляют список только неличностных величин, находящихся вовне, в обществе, в коллективном сознании. Но точно так же, как вне индивида существует общество, так и по ту сторону нашей личной психики наличествует коллективное психическое, а именно коллективное бессознательное, которое, как показывает приведенный выше пример, скрывает в себе компоненты не менее привлекательные. И как и в первом случае человек внезапно выходит в мир со своими профессиональными достоинствами и званиями («Messieurs, à présent je suis Roy»[5]), так же кто-то

[5] Господа, сейчас я — король (*франц.*).

может столь же внезапно и исчезнуть из него, если ему доведется открыть один из тех могучих образов, которые придают миру иной облик. Речь идет о тех магических «représentations collectives»[6], которые лежат в основании самого ключевого слова, а на высшем уровне — языка поэзии и мистики. Я вспоминаю об одном душевнобольном, который не был ни поэтом, ни выдающимся человеком вообще, а был просто тихим созданием, несколько мечтательно настроенным юношей. Он влюбился в девушку и, как это часто бывает, оставался совершенно неуверенным относительно взаимности ее чувств к нему. Но его первобытная «participation mystique»[7] заставила юношу считать само собой разумеющимся, что его возбуждение и смятение есть и возбуждение и смятение другого, что естественным образом очень часто случается на низших уровнях человеческой психологии. И вот он выстроил мечтательную любовную фантазию, которая, однако, внезапно разрушилась, когда он обнаружил, что девушка и знать его не хочет. Он был потрясен до такой степени, что прямиком отправился к реке, чтобы утопиться. Дело было поздно ночью, и звезды сверкали ему навстречу из темной воды. Ему казалось, будто эти звезды парами уплывали вниз по реке, и странное чувство охватило его. Он позабыл о своем намерении и зачарованный уставился на странное, сладостное зрелище. И постепенно ему стало ясно, что у каждой звезды есть свое лицо и что эти пары — влюбленные, которые, держа друг друга в объятиях, о чем-то грезя, проносятся мимо. Тут ему открылось что-то совершенно новое: все изменилось, и его судьба, его разочарование, так же как и его любовь, отступили, воспоминание о девушке стало далеким и безразличным, а за это — он ясно это ощущал — ему было обещано неслыханное богатство. Он уже знал, что несметное сокровище спрятано для него в находившейся неподалеку обсерватории. В результате в четыре часа утра он был арестован полицией при попытке взломать вход в обсерваторию.

232 Что же случилось с ним? Бедняге привиделась дантевская картина, красоту которой, выраженную в стихе поэмы, он никогда бы не смог ощутить. Но он видел ее и, увидев, преобразился. То, что было сильнейшим страданием, теперь отлетело вдаль; новый мир, о котором он и не подозревал,—

6 Коллективные представления (*франц.*).

7 Мистическая сопричастность (*франц.*).

мир звезд, проложивших свои беззвучные пути далеко за пределы этой скорбной земли,— открылся ему в то мгновение, когда он перешагнул через «порог Прозерпины». Предчувствие неслыханного богатства (а кому в глубине души чужда эта мысль?) явилось ему как откровение. Для него, бедной посредственности, это было уже слишком. Он утонул не в реке, а в вечном образе, красота которого угасла вместе с ним.

233 Точно так же, как один исчезает в своей социальной роли, другой поглощается внутренним видением и теряет свое окружение. Многие непостижимые трансформации личности, к каковым относятся внезапные превращения или другие глубинные изменения разума, основаны на привлекательности коллективного образа[8], который, как показывает настоящий пример, может вызывать инфляцию столь высокой степени, что личность вообще дезинтегрируется («растворяется»). Эта дезинтеграция есть душевная болезнь, либо преходящая, либо хроническая, «расщепление разума», или «шизофрения», как назвал эту болезнь Блейлер[9]. Патологическая инфляция, естественно, зависит по большей части от врожденной слабости личности в отношении автономии коллективно-бессознательных содержаний.

234 Вероятно, мы окажемся ближе всего к истине, если представим наше сознательное и личное психическое покоящимся на широком основании унаследованной и всеобщей психической диспозиции, которая как таковая бессознательна, и соотносящимся с коллективным психическим так же, как индивид соотносится с обществом.

235 Но равным образом как индивид не является всецело уникальным и обособленным, а представляет еще и социальное бытие, так и психическое человека есть не только отдельное и вполне индивидуальное, но и коллективное явление. И точно так же, как определенные социальные функции и влечения находятся в противоречии с интересами отдельных индивидов, у психического человека есть определенные функции или тенденции, которые в силу своей коллективной природы находятся

---

[8] См.: Psychologische Typen. 1950. Ges. Werke. Bd. 6. Леон Доде в своей книге «Наследственность» (Paris, 1916) называет этот процесс «autofécondation intérieure» (душевное самооплодотворение — *франц.*) и понимает под этим реанимацию души предка.

[9] *Bleuler Eugen.* Dementia Praecox oder Gruppe der Schizophrenie // Handbuch der Psychiatrie. 1911.

в противоречии с индивидуальными потребностями. Причиной здесь выступает то, что каждому человеку от рождения дан высокоразвитый мозг, обеспечивающий ему большие возможности умственной деятельности, которую он не развивает ни онтогенетически, ни самостоятельно. В той мере, в какой мозг у отдельных людей получил сходное развитие, и умственная деятельность, возможная благодаря этому сходству, также является коллективной и универсальной. Этим обстоятельством объясняется, например, тот факт, что бессознательные процессы самых далеких друг от друга народов и рас характеризуются весьма примечательным соответствием, которое, помимо всего прочего, указывает на уже неоднократно отмеченный факт необычайного сходства между темами и формами автохтонных мифов и мотивов. Общность устройства человеческого мозга предоставляет универсальную возможность для схожей умственной деятельности. Эта деятельность и есть коллективное психическое. Поскольку существуют различия, соответствующие расе, роду или даже семье, то существует также и коллективное психическое, ограниченное расой, родом или семьей и выходящим на уровень «универсальности» коллективным психическим. Используя выражение П. Жане[10], коллективное психическое охватывает «les parties inférieures»[11] психических функций, так сказать, глубоко укорененные, автоматически действующие, унаследованные элементы, присутствующие повсеместно, а стало быть, трансличностную или неличностную часть индивидуального психического. Сознание плюс личное бессознательное составляют «les parties supérieures»[12] психических функций, соответственно те части, которые онтогенетически приобретены и развиты. Тот индивид, который ассимилирует априорно полученное и бессознательно унаследованное коллективное психическое в состав своего онтогенетически приобретенного инструментария, как если бы это была его часть, не вполне законно расширяет границы своей личности, что может приводить к печальным последствиям. Но, поскольку коллективное психическое включает «les parties inférieures» психических функций и тем самым базис, лежащий в основе каждой

[10] *Lanet P.* Les Névroses. 1909.

[11] Нижние части (*франц.*).

[12] Верхние части (*франц.*).

личности, оно отягощает и разрушает эту личность. Это проявляется в инфляции, принимающей форму ровной самоуверенности или бессознательного усиления значимости Эго (самоупоения) вплоть до патологической воли к власти.

236 Возводя личное бессознательное к сознанию, анализ позволяет субъекту осознавать те вещи, которые он обычно осознает в других людях и никогда в самом себе. Это делает его соответственно менее уникальным как индивида и более коллективным. Такой шаг — не всегда в сторону плохого, иногда это шаг к добру. Встречаются также люди, которые свои хорошие качества вытесняют, а своим инфантильным желаниям сознательно дают полную волю. Снятие индивидуальных вытеснений поначалу переводит чисто личностные содержания в сознание, но там уже прочно закрепились коллективные элементы бессознательного — присутствующие у всех влечения, качества и идеи (образы), а также все «статистические» фракции усредненной добродетели и усредненного порока, которые выходят на свет, когда мы говорим: «В каждом есть что-то от преступника, гения и святого». Таким образом, возникает живая картина, в изобилии содержащая в себе все то, что ходит по шахматной доске мира: доброе и злое, прекрасное и отвратительное. Постепенно выстраивается чувство солидарности с миром, которое многими людьми ощущается как весьма позитивное и которое в известных условиях выступает в качестве решающего фактора в лечении неврозов. Я самолично наблюдал, как в ряде случаях удавалось в этом состоянии пробудить у пациента впервые в жизни чувство любви и даже пережить его, а также побудить его отважиться на такой прыжок в незнаемое, который оказывался судьбоносным и соответствующим его самости. Я видел немало и таких людей, которые, принимая это состояние за окончательное, годами оставались в состоянии эйфории предприимчивости. Часто я слышал, как такие случаи также восхвалялись в качестве результатов аналитической терапии. Поэтому я должен заявить, что как раз в тех случаях, которые соответствуют этим состояниям эйфории и инициативности, люди до такой степени страдают недостаточным размежеванием с миром, что уж действительно выздоровевшими никак считаться не могут. По-моему, они в равной степени здоровы и нездоровы. Я имел возможность следить за жизнью таких пациентов и должен признать, что они частенько демонстрировали симптомы неприспособленности к жизни, и в случае устойчивости подобных

симптомов у них постепенно возникали стерильность и монотония, характерные для всех, лишивших себя своего Эго («Ent-Ichten»). Я, конечно, снова говорю здесь о пограничных случаях, а не о тех не совсем полноценных, нормальных и вполне посредственных людях, для которых вопрос адаптации носит скорее технический, нежели проблематический характер. Если бы я был терапевтом в большей степени, чем исследователем, то, естественно, не смог бы отстаивать излишний оптимизм, поскольку тогда мой взгляд был бы прикован к исцеленным. Но моя совесть исследователя связана не с количеством, а с качеством. Природа аристократична, и один полноценный человек весит на ее весах столько же, сколько десятеро менее полноценных. Мой взгляд следил за полноценными людьми, и на их примере я научился понимать двусмысленность результата чисто личного анализа, а также причины такой двусмысленности.

237 Если через ассимиляцию бессознательного мы ошибочно включим коллективное психическое в реестр личностных психических функций, то неизбежно последует распад личности на парные противоположности. Кроме уже обсуждавшейся пары противоположностей — мегаломании и чувства неполноценности, которые с болезненной отчетливостью проявляются в неврозе, существует еще немало других, из которых мне хочется выделить лишь специфически моральную пару, а именно добро и зло. В коллективном психическом, помимо прочего, содержатся и специфические добродетели и пороки людей. Кто-то приписывает себе коллективную добродетель как свою персональную заслугу, другой же полагает коллективный порок своей личной виной. И то и другое столь же иллюзорно, как мегаломания и неполноценность, поскольку воображаемые добродетели, так же как и воображаемые пороки, суть просто содержащиеся в коллективном психическом и воспринятые или искусственно осознанные пары моральных противоположностей. Эти пары противоположностей в коллективном психическом демонстрирует пример дикарей: одни наблюдатели восхваляют их величайшую добродетельность, в то время как другие выносят наихудшие впечатления о том же самом племени. В отношении первобытного человека, чья способность к дифференциации, как известно, пребывает на начальной стадии, верно и то и другое, так как его психическое носит коллективный характер, а потому по большей части бессознательно. Он в большей или меньшей степени тождествен коллективному психическому и соответственно обладает всеми коллективными

добродетелями и пороками, не причисляя их себе лично и внутренне им не противореча. Противоречие возникает только тогда, когда начинается личностное развитие психического и когда рациональное мышление познает природу несовместимых противоположностей. Следствием этого открытия оказывается конфликт вытеснения. Мы хотим быть добрыми, и поэтому необходимо вытеснять зло; а вместе с этим рай коллективного психического подходит к концу. Вытеснение коллективного психического было абсолютной необходимостью личностного развития. Личностное развитие у первобытного человека или, лучше сказать, развитие самой персоны есть вопрос магической принадлежности. Фигура знахаря или вождя пролагает путь: оба выделяются благодаря странности своих нарядов и образу жизни, выразительности своих социальных ролей. Своеобразие внешности маркирует индивида в отношении к остальным людям, а владение особыми ритуальными тайнами подчеркивает подобное обособление еще сильнее. Этими и аналогичными средствами первобытный член племени создает вокруг себя нечто вроде оболочки, которую можно было бы назвать персоной (маской). Маски, как известно, действительно использовались первобытными людьми на тотемных церемониях, например, для возвышения или изменения личности. Благодаря этому маркированный индивид, по всей видимости, оставлял сферу коллективного психического, и в той степени, в какой ему удавалось отождествиться со своей персоной, он и впрямь ее покидал. Этот уход и есть магическая принадлежность. Конечно, нетрудно утверждать, что ведущим мотивом такого развития является воля к власти. Но при этом можно оставить без внимания то, что выстраивание престижа всегда есть продукт коллективного компромисса: должен быть не только тот, кто хочет обладать престижем, но должна быть и публика, ищущая того, кого бы этим престижем наделить. В подобных обстоятельствах, было бы неверным говорить, что престиж возникает из индивидуальной воли к власти; напротив, это всецело коллективный вопрос. Поскольку общество как целое нуждается в магически действующей фигуре, то оно использует эту потребность во власти одного и в воле к подчинению многих как средство и тем самым способствует формированию личного престижа. Последний представляет явление, которое, как показывает история становления политических институтов имеет наибольшее значение для взаимного признания законов и обычаев разными нациями.

238 В силу важности личного престижа, которую вряд ли можно переоценить, возможность регрессивного растворения в коллективной психике имеет опасную тенденцию не просто для отмеченного индивидуума, но и для его близких. Такая возможность появляется прежде всего тогда, когда цель престижа — всеобщее признание — достигнута. Тем самым такая личность становится коллективной истиной. Это всегда означает начало конца. Обрести престиж означает позитивное свершение не только для самого индивида, но и для его клана. Индивид выделяется из массы своими деяниями, другие же — своим отказом от власти. До тех пор пока данную установку необходимо отстаивать и оборонять от враждебных воздействий, обретенный престиж остается позитивным; но как только все препятствия устранены и достигнуто универсальное признание, престиж утрачивает свою позитивную ценность и становится невостребованным. Тогда начинается схизматическое движение, и весь процесс осуществляется с самого начала.

239 Поскольку личность представляет исключительную важность для жизни общины, то все, что могло бы помешать ее развитию, воспринимается как опасность. Но самая величайшая опасность — преждевременная утрата престижа из-за вторжения коллективного психического. Абсолютная секретность и сохранение тайны — одно из самых известных средств первобытного человека, применяемых для изгнания или заклятия от этой опасности. Коллективное мышление и чувство, а также коллективное усилие требуют гораздо меньших затрат, чем индивидуальная деятельность; следовательно, всегда сохраняется огромное искушение позволить коллективной функции заменить собой развитие личности. Поскольку развитая личность защищена магическим престижем, то ее «упрощение» и фактическое растворение в коллективном психическом (например, отречение Петра) порождает у индивида ощущение «утраты души», поскольку важное личное достижение не востребовано или сведено на регрессивный уровень. Поэтому нарушение табу преследуется драконовскими наказаниями в полном соответствии с серьезностью самой ситуации. До тех пор, пока эти вещи рассматриваются с каузальной точки зрения, как обычные исторические пережитки и метастазы табу на инцест[13], останется совершенно непонятным,

[13] См.: *Фрейд З.* Тотем и табу. М., 1924.

для чего предназначены все эти меры. Если же, однако, мы посмотрим на эту проблему с телеологической точки зрения, то многое из того, что прежде казалось темным, станет ясным.

240 Таким образом, для развития личности абсолютно необходимо строгое размежевание с коллективным психическим, так как любое парциальное или недостаточное размежевание ведет к немедленному растворению индивидуального в коллективном. Существует опасность того, что в ходе анализа бессознательного коллективное и личное психическое сплавляются вместе, что влечет за собой (и об этом уже шла речь) весьма печальные последствия. Эти последствия вредны как для жизнеощущения пациента, так и для его окружения, если пациент имеет на него хоть какое-то влияние. Через свое отождествление с коллективным психическим он непременно будет пытаться навязывать другим требования своего бессознательного, ибо отождествление с коллективным психическим сопровождается чувством универсальной значимости — «богоподобия», которое просто не желает считаться с инородной, личностной психикой окружающих его людей. (Чувство общезначимости исходит, конечно, из универсальности коллективного психического.) Коллективная установка естественным образом предполагает наличие у других все того же самого коллективного психического. Однако это означает бесцеремонное игнорирование не только индивидуальных различий, но и различий более общего характера внутри самого коллективного психического, каковыми, например, являются расовые различия[14]. Это игнорирование индивидуального означает,

14 Так, совершенно непростительным заблуждением было бы считать императивы еврейского национального характера общезначимыми! Ведь никому не придет в голову воспринимать китайское или индийское мировосприятие как общезначимое. Несерьезный упрек в антисемитизме, который был мне предъявлен из-за этой критики, так же неинтеллигентен, как если бы меня обвиняли в антикитайской предубежденности. Конечно, на более ранней и низкой ступени психического развития, где еще нельзя выискать различия между арийской, семитской, хамитской и монгольской ментальностью, все человеческие расы имеют общее коллективное психическое. Но с началом расовой дифференциации возникают и существенные различия в коллективном психическом. По этой причине мы не можем перевести дух чуждой расы в нашу ментальность in globo (целиком), не нанося ощутимого ущерба последней, что, однако, все равно не мешает людям с ослабленным инстинктом с еще большим ажиотажем относиться к индийской философии и т. п.

естественно, удушение всего уникального, вследствие чего в сообществе искореняется элемент установления различий, дифференциации (развития). Этот элемент дифференциации есть индивид. Все наивысшие достижения добродетели, как и величайшие злодеяния, индивидуальны. Чем крупнее сообщество, чем больше свойственное каждому крупному сообществу единство коллективных факторов поддерживается консервативными предубеждениями в противовес индивидуальному, тем больше морально и духовно подавляется индивид, таким образом перекрывается и источник нравственного и духовного прогресса общества. Отсюда, естественно, единственное, что может процветать в индивиде в подобной атмосфере,— это общественное и всякого рода коллективное. Все индивидуальное в человеке обречено на вытеснение, т. е. на уничтожение. Элементы индивидуального соскальзывают в бессознательное, где по закону необходимости они превращаются в нечто принципиально скверное, деструктивное и анархическое. В общественном плане этот принцип зла проявляет себя в весьма впечатляющих преступлениях — цареубийствах и т. п., совершаемых профетически настроенными индивидами; но в основной общественной массе остается на заднем плане и обнаруживается лишь косвенно — в неизбежной моральной и нравственной дегенерации общества. Печально известен тот факт, что нравственность общества как целого обратно пропорциональна его величине, так как чем больше скопление индивидов, тем сильнее заслонены индивидуальные факторы, а с ними и нравственность, которая целиком зиждется на моральном чувстве и необходимой для него свободе индивида. Соответственно каждый отдельный человек в обществе в определенном смысле бессознательно хуже, чем он же, действующий в одиночку, поскольку общество «несет» его в себе и в соответствующей степени он освобожден от своей индивидуальной ответственности. Любое большое общество, состоящее из вполне замечательных людей, по нравственности и интеллигентности равноценно неуклюжему, тупому и свирепому животному. Ведь чем крупнее организации, тем более неизбежны и их имморальность, безнравственность и беспросветная тупость (Senatus bestia, senatores boni vin[15]). Если же общество уже автоматически выделяет в своих отдельных

[15] Сенат — чудовище, но сенаторы — люди достойные (*лат.*).

представителях коллективные качества, то тем самым оно премирует всякую посредственность, все то, что намерено произрастать дешевым и безответственным образом. Индивидуальное неизбежно будет приперто к стенке. Этот процесс начинается в школе и продолжается в университете, завладевая всем, до чего дотягивается рука государства. В малом социальном теле индивидуальность его членов гарантирована в большей степени; и тем больше их относительная свобода и возможность осознанной ответственности. Без свободы нет нравственности и морали. Наше восхищенное удивление огромными организациями пропадает, когда мы начинаем осознавать другую сторону — изнанку — этого чуда: чудовищное наращивание и выпячивание в человеке всего того, что есть в нем первобытного, и неизбежное разрушение его индивидуальности в пользу того безобразного чудовища, каким как раз и является всякая большая организация. Сегодняшний человек, более или менее соответствующий моральному идеалу коллектива, затаил на сердце нечто убийственное, что нетрудно обнаружить с помощью анализа его бессознательного, даже если его самого это вовсе не тревожит. И в той степени, в какой он обычно «вписывается»[16] в свое окружение, даже величайшее бесчестье и позор, насылаемые на него, не способны хоть как-то его потревожить и вывести из равновесия, поскольку большинство его сподвижников непоколебимо веруют в высокую нравственность своей общественной организации. Все то, что я сказал здесь о влиянии социального на индивида, полностью распространяется и на влияние коллективного бессознательного на индивидуальное психическое. Но, как следует из моих примеров, влияние последнего в такой же степени скрыто, в какой ярко проявляется первое. Поэтому неудивительно, что внутренние воздействия выходят за рамки понимания, а люди, которые отвергают влияние социального на индивида, считаются патологическими чудаками, если вообще не сумасшедшими. Если же кто-то из таких «чудаков» вдруг действительно оказывается гением, то это смогут заметить лишь во втором или третьем поколениях.

---

[16] О понятиях «Einpassung» и «Anpassung» см.: Psychologische Typen. 1950. S. 457 f. Ges. Werke, Bd. 6. Par. 630. То и другое понятия примерно синонимичны и обозначают «приспособление», «адаптацию». Юнг, однако, придает им разный смысл: «Einpassung» у него означает пассивное приспособление к действительности («вписывание» в нее), а «Anpassung» — разумное, т. е. активное.

Нам кажется само собой разумеющимся, что человек способен утонуть в собственном величии, и непонятна ситуация, в которой он должен искать совершенно иных ценностей, отличных от тех, которых взыскует толпа. Остается пожелать обоим чувства юмора, которое, согласно Шопенгауэру, истинно «божественное» человеческое качество, оно одно способно удерживать душу в состоянии свободы.

241 Коллективные влечения, а также основные формы человеческого мышления и чувства, деятельность которых обнаруживается благодаря анализу бессознательного, являются для сознательной личности приобретением, которое она не может ассимилировать без серьезного расстройства. Поэтому в психотерапевтической практике чрезвычайно важно непрерывно поддерживать в уме представление о целостности личности, так как если коллективное психическое рассматривается в качестве личного владения индивида, то это может привести к деформации или перегрузке личности, что чрезвычайно затрудняет работу. Поэтому настоятельно рекомендуется проводить четкое различие между личностными содержаниями и содержаниями коллективного психического. Подобное различение достигается отнюдь не легко, поскольку личностное вырастает из коллективного психического и связано с ним глубочайшим образом. По этой причине трудно сказать, какие содержания следует называть коллективными, а какие — личностными. Несомненно, например, что архаические символизмы, какие мы часто встречаем в фантазиях и сновидениях, представляют коллективные факторы. Все основные влечения и основные формы мышления и чувства коллективны. Все то, что люди, договорившись, полагают всеобщим и универсальным,— коллективно, так же как и все, что всеми понято, выделено, сказано и сделано. При ближайшем рассмотрении остается только удивляться, сколько же в нашей так называемой индивидуальной психологии действительно коллективного. Его так много, что индивидуальные черты просто исчезает. Но поскольку индивидуация[17] является совершенно необходимым психологическим

[17] См.: Psychologische Typen. 1950 // Ges. Werke. Bd. 6. «Индивидуация есть... процесс дифференциации, имеющий целью развитие индивидуальной личности... Так как индивидуум не только является отдельным существом, но и предлагает коллективное отношение к своему существованию, то процесс индивидуации ведет не к обособлению, а к более интенсивной и всеобщей коллективной связи».

требованием, то исходя из приоритетности коллективного можно судить о том, какое совершенно особое внимание нужно уделять этому нежному растению «индивидуальности», чтобы оно не было совсем задушено коллективным.

242 Человек обладает одним качеством, которое для коллективных целей является наиболее ценным, а для индивидуации самым вредным, и это качество — способность к подражанию. Социальная психология никак не может обойтись без подражания, так как без него массовые организации, государство и общественный порядок попросту невозможны. Ведь это не закон создает общественный порядок, а подражание, в понятие которого входят также внушаемость, внушение, или суггестия, и умственное заражение. Каждый день мы видим, как используется механизм подражания, вернее, как им злоупотребляют в целях личностной дифференциации: одни просто подражают выдающейся личности, другие — редкостному свойству или действию, благодаря чему и достигается поверхностное размежевание с ближайшим окружением. В наказание за это (а именно так и хочется выразиться) вопреки всему сохраняющееся единообразие умов в окружающей среде дорастает до точки бессознательной принудительной зависимости от него. Обычно специфические попытки индивидуальной дифференциации сводятся к позе, а подражатель остается на том же самом уровне, на котором он всегда был, только сделавшись еще более серым и бесплодным, чем прежде. Для того чтобы обнаружить присущее нам подлинно индивидуальное, необходимо основательно поразмыслить; и тут, возможно, мы вдруг поймем, как необычайно трудно дается раскрытие индивидуальности, которая на самом деле существует.

III
Персона как сегмент коллективного психического

243 В этой главе мы подходим к проблеме, которая, если ее игнорируют, обыкновенно приводит к величайшей путанице. Хочу напомнить, что при анализе личного бессознательного к сознанию прежде всего подключаются личностные содержания, и я предложил называть вытесненные, но способные быть осознанными содержания бессознательного *личным бессознательным*. Я показал далее, что в результате присоединения более глубоких слоев бессознательного, которые я назвал *коллективным бессознательным*, наступает расширение личности, ведущее к состоянию инфляции. Это состояние достигается простым продолжением аналитической работы, как в случае моего предыдущего примера. Продолжая анализ, мы присоединяем пока еще неличностные, универсальные и фундаментальные характеристики людей к личному сознанию, вследствие чего и происходит только что описанная инфляция, которую можно было бы рассматривать как неприятное последствие осознавания[1]. Сознательная личность есть более или менее произвольный сегмент коллективного психического.

---

[1] Это явление — результат расширения сознания — ни в каком смысле не является чем-то специфическим для аналитического лечения. Оно имеет место всюду, где люди оказываются побежденными знанием или новым пониманием. «Но знание надмевает» [1 Кор. 8:1], пишет Павел коринфянам, так как новое знание вскружило некоторым из них головы, как это постоянно и происходит. Инфляция не имеет ничего общего с *самим видом* знания, но лишь с тем фактом, что любое новое знание может до того завладеть безвольным человеком, что он уже ничего другого не видит и не слышит.

244 Оно состоит из суммы психических фактов, которые ощущаются как личные. Качество «личного» выражает исключительную принадлежность *этому* определенному лицу. Исключительно личное сознание утверждает свое право собственности и авторства на свои содержания с определенным беспокойством и, действуя этим путем, стремится создать целое. Но все те содержания, которые не желают окончательно вписываться в это целое, либо упускаются из виду и забываются, либо вытесняются и не признаются. Это также своего рода самовоспитание, но слишком произвольное и насильственное. Многими общечеловеческими ценностями приходится жертвовать, даже слишком многими, в интересах идеального образа, в который человек стремится себя отлить. Соответственно такие «личностные» люди всегда оказываются очень чувствительными, поскольку слишком легко может произойти нечто такое, что способно ввести в их сознание нежелательную добавку их подлинного («индивидуального») характера.

245 Этот произвольный сегмент коллективного психического, часто формируемый весьма болезненно и с большим трудом, я называю *персоной*. Слово *персона* — и впрямь подходящее для этого выражение, так как под персоной изначально понималась маска, которую носил актер и которая обозначала исполнявшуюся им роль. Так что, если мы рискнем

Он этим знанием загипнотизирован и верит, что уже может раскрыть загадку Вселенной. Но это равнозначно самомнению о всемогуществе. Этот процесс настолько распространен, что уже в Бытии (2 :17) вкушение плода от древа познания изображается как смертный грех. Разумеется, трудно сразу же понять, почему за увеличением сознания непременно следует опасное самомнение и самовозвеличивание. Книга Бытия изображает становление сознания как нарушение табу, как непочтительное перешагивание познанием некоего сакрального барьера. Я думаю, что текст книги Бытия справедлив в том отношении, что каждый шаг к большему сознанию является своего рода прометеевым грехом: через познание было, так сказать, совершено похищение огня у богов, т. е. нечто, что было прежде собственностью бессознательных сил, вырывается теперь из своего природного контекста и подвергается произволу сознательного разума. Человек, узурпировавший новое знание, однако, страдает от изменения или увеличения сознания, которое делает его непохожим на своих ближних. Он возвысил себя над человеческим уровнем своей эпохи («и станете подобными Богу»), но тем самым и отдалился от людей. Мука этого одиночества — месть богов: он никогда больше не сможет вернуться обратно, к людям. Он, как повествует миф, прикован к одинокой скале Кавказа, покинутый богом и людьми.

попытаться точно различить, что следует считать личным, а что — неличным психическим материалом, то вскоре окажемся в величайшем затруднении, поскольку, по существу, и о содержании персоны должны будем сказать то же самое, что сказали о коллективном бессознательном, а именно что оно носит всеобщий характер. Лишь по причине того обстоятельства, что персона — это более или менее случайный или произвольный сегмент коллективного психического, мы можем впасть в заблуждение, посчитав, что она и in toto[2] есть нечто «индивидуальное». Но она лишь маска коллективного психического, о чем свидетельствует ее имя, маска, которая *подделывается под индивидуальность* и пытается заставить других и своего носителя думать, будто он индивидуален, в то время как здесь он всего лишь разыгрывает роль, придуманную коллективным психическим.

246 Когда мы анализируем персону, мы сбрасываем с нее саму маску и обнаруживаем, что казавшееся нам индивидуальным в своей основе является коллективным; иначе говоря, персона была лишь маской коллективного психического. По сути, персона не является чем-то «действительным»: она представляет компромисс между индивидом и обществом в споре о том, «как должен выглядеть тот или иной человек». Последний получает имя, заслуживает звание, получает должность, т. е. иными словами, является тем-то и тем-то. Конечно, в определенном смысле так оно и есть, но в отношении индивидуальности того, о ком идет речь, персона выступает в качестве вторичной действительности, оказываясь продуктом компромисса, в создании которого другие иногда принимают гораздо большее участие, чем он сам. Персона есть видимость, двумерная реальность, если давать ей название.

247 Но было бы, пожалуй, неверно ограничить этим изложение, не признавая в то же время, что в специфическом своеобразии и ассортиментном изображении персоны уже заключено нечто индивидуальное и что, несмотря на исключительную идентичность Эго-сознания и персоны, здесь всегда присутствует бессознательная самость, подлинная индивидуальность если и не прямо, так хотя бы косвенно дает о себе знать. Хотя на первый взгляд Эго-сознание идентично персоне — этому компромиссному образованию, в котором мы выступаем перед коллективом, общиной,—

[2] Вообще (*лат.*).

бессознательная самость никогда не может быть вытеснена до такой степени, чтобы не давать о себе знать. Ее влияние сказывается прежде всего в особой разновидности контрастирующих и компенсирующих содержаний бессознательного. Чисто личностная установка сознательного разума вызывает реакции со стороны бессознательного, которые совместно с личными вытеснениями содержат семена индивидуального развития под видом коллективных фантазий. С помощью анализа личного бессознательного сознательный разум наполняется коллективным материалом, принося с собой элементы индивидуальности. Я вполне осознаю то, что такой вывод во многом непонятен для того, кто незнаком с моими взглядами и моей техникой, и уж совершенно непостижим для тех, кто привык рассматривать бессознательное с точки зрения фрейдовской теории. Но если читателю будет угодно вспомнить мой пример со студенткой, изучающей философию, то с его помощью он сможет составить в общих чертах представление о том, что я имею в виду, когда даю такую формулировку. В начале лечения пациентка совершенно не осознавала того факта, что ее отношение к отцу было фиксацией и что поэтому она искала мужчину, похожего на ее отца, которого она могла бы затем воспринять на уровне интеллекта. Само по себе это не было бы ошибкой, если бы ее интеллект не носил своеобразного протестного характера, который, к сожалению, часто встречается у интеллектуальных женщин. Такой интеллект всегда старается указать на ошибку других, он преимущественно критичен, причем с неприятным личным обертоном, хотя всегда претендует на то, чтобы считаться объективным. Это неизбежно портит мужчинам настроение, в особенности сильно, когда такая критика касается — что нередко бывает — уязвимого места, которого лучше было бы вовсе не затрагивать в интересах плодотворного обсуждения. Но в том-то, к несчастью, и состоит особенность женского интеллекта, что он ищет не столько плодотворное обсуждение, сколько слабые места, чтобы зацепиться за них и тем самым ввести мужчину в замешательство. Обычно это не сознательное намерение, а скорее бессознательная цель — заставить мужчину искать выигрышную позицию и таким образом сделать его объектом поклонения. Мужчина, как правило, не замечает, что от него ждут, когда он «напялит» на себя тот или иной «костюм» героя; он попросту находит эти «шпильки» настолько неприятными, что в дальнейшем будет стараться обходить эту даму стороной. В конце концов единственный

мужчина, способный выдержать такое, — это тот, который уступает ей с самого начала, и потому он недостоин поклонения.

248 Тут моей пациентке, естественно, было о чем подумать, поскольку она не имела ни малейшего представления о той игре, которую она рызыгрывала. Кроме того, ей предстояло еще разглядеть настоящий роман, который разыгрывался между отцом и ею с самого ее детства. Если бы я стал здесь подробно рассказывать о том, как она уже в ранние годы с бессознательной симпатией разыгрывала отношения с теневой стороной отца, невидимой для ее матери, и тем самым — далеко не по возрасту — отнеслась к матери как соперница, то это увело бы нас слишком далеко в сторону. Все это было содержанием анализа личного бессознательного. Поскольку уже в силу своей профессии я чувствовал, что не могу позволить привести себя в замешательство, то неизбежно стал героем и отцом-возлюбленным. Перенос поначалу также состоит из содержаний личного бессознательного. Моя роль в качестве героя была чистой видимостью, и так же как благодаря этому я превратился в чистого фантома, так и она играла свою привычную роль в высшей степени мудрой, взрослой, все понимающей матери-дочери-возлюбленной, персону, за которой оставалось спрятанным ее реальное и подлинное бытие, ее индивидуальная самость. Ведь в той мере, в какой она поначалу полностью отождествила себя со своей ролью, она вообще не осознавала своей реальной самости. Она все еще оставалась в тумане своего инфантильного мира и совсем еще не открыла реального мира как такового. Но по мере того как анализ продвигался вперед и она осознавала с его помощью природу своего переноса, сновидения, о которых я говорил в главе I, начали материализоваться. Они несли фрагменты коллективного бессознательного, тем самым растворялся ее инфантильный мир, а с ним и вся ее героика. Она пришла к себе самой и к своим собственным реальным возможностям. Примерно так обыкновенно обстоит дело и продвигается в большинстве случаев, если анализ зашел достаточно далеко. То, что сознание ее индивидуальности прямо совпадает с реактивацией архаического богообраза, отнюдь не случайное совпадение, но весьма частое событие, которое, по моему мнению, соответствует бессознательной закономерности.

249 После такого отступления вернемся к нашим прежним рассуждениям.

250 Как только личностные вытеснения прекращаются, возникают объединенные друг с другом индивидуальность и коллективное психическое, высвобождая ранее вытесненные личностные фантазии. Возникающие

теперь фантазии и сновидения представляются в несколько ином качестве. Несомненным признаком коллективных образов, по всей видимости, выступает «космический» элемент, т. е. сами образы сновидений и фантазий увязаны с космическими качествами, такими, как временная и пространственная бесконечность, огромная скорость и масштаб движения, «астрологические» ассоциации, теллурические (земные), лунные и солнечные аналогии, изменения телесных пропорций и т. д. Очевидное использование в сновидении мифологических и религиозных мотивов также указывает на активность коллективного бессознательного. Коллективный элемент очень часто дает о себе знать через своеобразные симптомы[3], например, в снах человеку видится, будто он летит в космосе, как комета, или думает, что он — земля, или солнце, или звезда; что он необыкновенно огромен или чрезвычайно мал, будто он умер, очутился в неизвестном месте, чужд самому себе, сбит с толку или сошел с ума и т. д. Наряду с симптомами инфляции появляются чувства дезориентации, головокружения и т. п.

251 Богатство возможностей коллективного психического сбивает с толку и ослепляет. С растворением в нем персоны следует высвобождение непроизвольной фантазии, которая, по всей видимости, есть не что иное, как специфическая деятельность коллективного психического. Эта деятельность поставляет содержания, о существовании которых ранее ничего не было известно. Но, по мере того как растет влияние коллективного бессознательного, сознательный разум теряет свою лидирующую роль. Незаметно он становится ведомым, в то время как бессознательный и неличностный процесс постепенно берет руководство на себя. Таким образом, сама не замечая того, сознательная личность становится одной из фигур, которую передвигает по шахматной доске невидимый игрок. Причем игроком, разыгрывающим партию судьбы, является вовсе не сознательный разум со своими планами. Именно таким путем в приведенном выше примере и был достигнут сильный перенос, казавшийся сознательному разуму невозможным.

---

[3] Нелишне, кажется, заметить, что коллективные элементы в сновидениях появляются отнюдь не только на этой стадии аналитического лечения. Есть множество психологических ситуаций, в которых проявляется активность коллективного бессознательного. Но здесь не место вдаваться в обсуждение этих условий.

252 Погружение в этот процесс неизбежно, поскольку всякий раз возникает необходимость выйти из кажущегося непреодолимым затруднения. Разумеется, следует упомянуть о том, что эта необходимость существует не во всех случаях невроза, поскольку, возможно, в большинстве случаев принимается во внимание только снятие временных затруднений адаптации. Тяжелые случаи, конечно, невозможно вылечить без радикального изменения характера или установки. В подавляющем большинстве случаев адаптация к реальности требует столь огромной работы, что внутренняя адаптация к коллективному бессознательному долгое время вообще не рассматривается. Но там, где эта внутренняя адаптация становится проблемой, от бессознательного начинает исходить весьма своеобразное непреодолимое притяжение, оказывающее существенное воздействие на сознательную жизнь. Преобладание бессознательного влияния и связанных с ним дезинтеграции персоны и смещения направляющей силы сознательного разума с властного уровня приводит к нарушению психического равновесия, которое в аналитическом лечении вызывается искусственно с психотерапевтической целью — снять затруднение, сдерживающее дальнейшее развитие. Существуют, конечно, бесконечные препятствия, которые могут быть преодолены с помощью доброго совета и простой моральной поддержки, подкрепленных доброй волей и пониманием со стороны пациента. На этом путем могут быть получены замечательные лечебные результаты. Но нередки и случаи, когда нет необходимости вообще говорить о бессознательном. И опять-таки существуют трудности, относительно которых невозможно предвидеть заранее удовлетворительного решения. Если в таких случаях нарушение психического равновесия не наступило уже до начала лечения, то оно, несомненно, наступит в ходе лечения, и притом весьма часто без всякого вмешательства со стороны доктора. Нередко дело выглядит так, словно эти пациенты только и ждали какого-нибудь вызывающего доверия человека, чтобы получить возможность сдаться и сломаться. Такая потеря равновесия в принципе похожа на психотическое расстройство, т. е. отличается от начальной стадии душевной болезни только тем, что в ходе своего изменения ведет к большему здоровью, в то время как последняя — к еще большему разрушению. Это состояние паники, пассивности перед лицом мнимо безнадежного осложнения. По большей части оно предваряется отчаянными усилиями человека стать хозяином положения, затем следует крушение, при котором

до сих пор направляющая воля ломается окончательно. Освобожденная таким образом энергия исчезает из сознания и проваливается в бессознательное. Фактически в такие моменты появляются первые признаки бессознательной деятельности. (Сошлюсь на пример слабовольного молодого человека.) Очевидно, таким образом, что уходящая из сознания энергия активизирует бессознательное. Непосредственным результатом оказывается смена установки. Можно легко представить, что в случае молодого человека некто более сильный духом воспринял бы то видение звезд как исцеляющее явление, а человеческое страдание рассматривал бы sub specie aeternitatis[4], в результате чего вновь вернулся бы к собственным ощущениям[5].

253 Случись такое, препятствие, которое казалось непреодолимым, было бы устранено. Следовательно, я рассматриваю потерю равновесия как целенаправленную, поскольку она замещает дефектное сознание автоматической и инстинктивной активностью бессознательного, которая все это время нацелена на производство нового равновесия и притом достигает этой цели, предполагая, что сознательный разум в состоянии ассимилировать содержания, произведенные бессознательным, т. е. понять и переработать их. Но если бессознательное просто берет верх над сознанием, то развивается психотическое состояние. Если бессознательное не может ни полностью превалировать, ни быть понятым, то в результате возникнет конфликт, калечащий все дальнейшее продвижение вперед. Однако, сталкиваясь с этим вопросом — с проблемой понимания коллективного бессознательного, мы испытываем одно весьма значительное затруднение, разговор о котором стал предметом следующей главы.

---

[4] С точки зрения вечности (*лат.*).

[5] *Floumoy Th.* Automatisme téléologique antisuicide: un cas de suicide empêché parune hallucination // Archives de Psychologie. VII. 1908. P. 113–137; *Jung C.G.* Psychologie der Dementia Praecox. 1907. S. 174 ff. Ges. Werte, Bd. 3. Par. 304 ff. Рус. пер. — Психология раннего слабоумия (dementia praecox) // *Юнг К.Г.* Работы по психиатрии. СПб., 2000.

IV
Отрицательные попытки высвобождения индивидуального из коллективного психического

А. Регрессивное восстановление персоны

254 Крушение сознательной установки — дело серьезное. По ощущению это напоминает конец мира, словно все снова возвращается в первоначальный хаос. Чувствуешь себя брошенным, дезориентированным, подобно кораблю без руля и ветрил, оставленным на попечение стихий. Так по крайней мере это кажется. В действительности же, однако, падаешь обратно в коллективное бессознательное, которое теперь берет руководство на себя. Можно было бы умножать примеры таких случаев, когда в критический момент возникает «спасительная» мысль, видение, «внутренний голос», обладающие неодолимой силой убеждения и придающие жизни новое направление. Возможно, существует не меньше случаев, когда это крушение означает катастрофу, разрушительную для жизни, поскольку в такие моменты прочно укореняются болезненные убеждения или гибнут идеалы, что не менее ужасно. В первом случае возникает психическая странность или психоз, т. е. состояние дезориентации и деморализации. Но если бессознательные содержания прорываются в сознание и наполняют его своей зловещей силой убеждения, то встает вопрос о том, как индивид будет на это реагировать. Будет ли он взят в плен этими содержаниями? Или он доверчиво признает их? Или же

отвергнет? (Я не рассматриваю здесь идеальную реакцию, а именно критическое понимание.) Первый случай — это паранойя или шизофрения, второй — случай эксцентрика с предрасположенностью к пророчеству или человека, вернувшегося к инфантильной установке и исключенного из человеческого культурного сообщества; в третьем случае мы имеем дело с регрессивным восстановлением персоны. Эта формулировка звучит очень схематично, и читатель может справедливо предположить, что речь идет о сложной психической реакции, которую можно наблюдать в ходе аналитического лечения. Было бы, однако, ошибкой считать, будто случаи подобного рода встречаются только в аналитической практике. Этот процесс с равным успехом можно наблюдать и в других жизненных ситуациях, а именно на всех тех жизненных перепутьях, где имеет место насильственное и разрушительное вмешательство судьбы. Вероятно, каждый испытал на себе переменчивые капризы фортуны, но по большей части они оставляют раны, которые лечатся и не оставляют после себя увечий. Но здесь речь идет о разрушительных переживаниях, которые могут полностью сломить человека или, по крайней мере, надолго вывести его из строя. Возьмем для примера бизнесмена, который поддался соблазну рискнуть и в результате обанкротился. Если он не даст этому удручающему переживанию обескуражить себя и не упадет духом, сохранит свою прежнюю стойкость, то, возможно, с последующей актуализацией целительной предосторожности его рана заживет без серьезных последствий. Но если он из-за этого надломится, откажется от всякого дальнейшего риска и будет пытаться «заштопать» свою социальную репутацию в рамках ограниченных возможностей, с ментальностью запуганного ребенка исполняя второсортную работу на крохотной должности, работу, которая, несомненно, ниже уровня его возможностей, то он, в терминах аналитической психологии, начнет восстановление своей персоны регрессивным путем. Испугавшись, он соскользнет на более раннюю фазу своей личности; он съежится и примет такой вид, будто он все еще находится накануне критического переживания, но совершенно не способен даже просто подумать о том, чтобы вновь пойти на такой риск. Может быть, раньше он хотел большего, чем мог добиться; теперь он не отваживается даже на то, что ему, собственно говоря, по силам.

255 Такие переживания возникают во всех жизненных проявлениях и принимают самые разные формы, в частности, они возможны и в психологическом лечении. Здесь тоже речь идет о расширении личности, о принятии риска в за-

висимости от внешних обстоятельств или от внутреннего характера. Пример студентки, изучающей философию, показывает, в чем состоит критическое переживание в ходе лечения,— это сам перенос. Как я уже показал, пациент может бессознательно проскользнуть мимо подводного камня переноса; в этом случае он не станет переживанием и не произойдет ничего существенного. Конечно, доктор может пожелать себе таких пациентов из соображений простого удобства. Но если пациенты интеллигентны, то они вполне самостоятельно обнаруживают существование у себя этой проблемы. Если же доктор, как в приведенном выше примере, превозносится до степени отца-возлюбленного, а значит, рискует получить поток притязаний, то он вынужден искать пути и средства, как отразить эту атаку, чтобы, с одной стороны, самому не оказаться втянутым в водоворот, а с другой — не позволить пострадать пациентке. Ведь насильственное прерывание переноса может провоцировать полные рецидивы или нечто худшее, почему к этой проблеме и нужно подходить с очень большим тактом и осторожностью. Другой возможностью является ханжеская надежда на то, что «со временем» «сумасбродство» пройдет само собой. Со временем, конечно, все как-нибудь проходит, но может длиться и весьма долго, и затруднение может стать настолько невыносимым для обеих сторон, что от надежды на время как на исцеляющий фактор в таком случае лучше сразу же отказаться.

256 На первый взгляд может показаться, что гораздо более эффективный инструмент для «подавления» переноса представляет фрейдовская теория неврозов. Зависимость пациента объясняется здесь как инфантильно-сексуальное требование, занимающее место разумного отношения к сексуальности. Аналогичное преимущество можно усмотреть и в теории Адлера[1], который объясняет перенос как инфантильное стремление к власти и как «меру безопасности». Обе теории настолько хорошо согласуются с невротической ментальностью, что любой случай невроза можно объяснить одновременно с помощью той и другой теории[2]. Этот весьма примечательный факт, подтверждаемый любым непредвзятым человеком, может основываться лишь на том обстоятельстве, что фрейдовский «инфантильный эротизм» и адлеровское «стремление к власти» есть, по сути, одно

1 *Adler A.* Über den nervösen Charakter. Wiesbaden, 1912.

2 См. выше § 44 и далее как пример такого случая.

и то же, совершенно невзирая на спор между этими школами. Это просто фрагмент неконтролируемого и, главное, не поддающегося контролю изначального инстинкта, который проявляется в феномене переноса. Архаические формы фантазии, постепенно достигающие поверхности сознания, суть не что иное, как дополнительное подтверждение этого.

257 Можно попытаться с помощью этих двух теорий раскрыть пациенту глаза на то, как инфантильны, как невозможны и как абсурдны его притязания, и, вероятно, в конце концов он действительно снова возвратится к своим чувствам. Моя пациентка была, однако, не единственной, кто этого не сделал. Вполне резонно, если доктор с помощью таких теорий может сохранить лицо и с большим или меньшим человеколюбием выпутаться из болезненной ситуации. Действительно, есть пациенты, с которыми бесполезно работать долгое время (или кажется, что бесполезно); но есть случаи, когда использование такого метода наносит пациенту прямо-таки бессмысленный психический вред. В случае моей студентки я смутно чувствовал нечто в этом роде и потому отказался от своих рационалистических попыток ради того, чтобы, хотя и с плохо скрываемым недоверием, предоставить природе шанс исправить, как мне казалось, ее собственную нелепость. Как уже упоминалось, это научило меня кое-чему чрезвычайно важному, а именно дало мне представление о наличии бессознательной саморегуляции. Бессознательное может не только «желать», оно может также и отменять свои собственные желания. Понимание этого, чрезвычайно важное для целостности личности, будет оставаться недоступным для всякого, кто не способен понять, что речь идет всего лишь об инфантилизме. На пороге такого открытия он повернет обратно и скажет себе: «Конечно, все это было полной чепухой. Я безумный мечтатель! Лучшее, что можно сделать,— это похоронить бессознательное или выбросить его за борт со всем, что с ним связано». Значение и цель, обретения которых он так жаждал, предстанут перед ним лишь в форме детской пустой болтовни. Он поймет, что его страстное стремление было абсурдным; он научится терпимости к себе и способности быть уступчивым. Что он может сделать? Вместо того чтобы встать лицом к лицу с конфликтом, он повернет назад и в меру возможности регрессивно восстановит свою «рассыпанную» персону, сведя на нет все те надежды и ожидания, которые некогда расцвели в переносе. Он помельчает, станет более ограниченным и рационалистичным, чем прежде. Нельзя сказать,

чтобы такой исход для всех людей без исключения был несчастьем, так как многие в силу своей заведомой непригодности страстно жаждут условий рационалистической системы, а не свободы. Свобода — одно из наиболее трудных понятий. Те, кто может выдержать этот путь, могут сказать себе вместе с Фаустом:

Я этот свет достаточно постиг.
Глупец, кто сочинит потусторонний,
Уверует, что там его двойник,
И пустится за призраком в погоню.
Стой на своих ногах, будь даровит,
Брось вечность утверждать за облаками!
Нам здешний мир так много говорит!
Что надо знать, то можно взять руками.
Так и живи, так к цели и шагай,
Не глядя вспять, спиною к привиденьям,
В движенье находя свой ад и рай,
Не утоленный ни одним мгновеньем!!
(*И.-В. Гете.* Фауст, II, 4 сцена, 5 акт)

258 Такое решение вопроса было бы идеальным, если бы человеку и впрямь удалось до такой степени отделаться от бессознательного, чтобы полностью отключить эту энергию. Но опыт показывает, что бессознательное может быть лишено этой энергии лишь отчасти; она постоянно активна, ибо не только содержит в себе либидо, но и сама является его источником, из которого поступают психические элементы. Поэтому было бы неправильно думать, будто с помощью какой-то, так сказать, магической теории или метода можно окончательно вывести либидо из бессознательного и тем самым отключить. Какое-то время можно предаваться этой иллюзии, но однажды наступит день, когда придется все-таки сказать вместе с Фаустом:

Теперь все привиденьями полно,
И поделом, оно не мудрено.
Ведь даже если мы разумны днем,
Нас ночь пугает нехорошим сном.
Услышу на прогулке поутру
Прокаркает ворона — не к добру!
Поверьями кругом опутан свет,
Все неспроста, и все полно примет.

И мы дрожим, и всюду колдовство.
Дверь скрипнула. Не вижу никого.
(Там же)

Никто не в состоянии по своей воле лишить бессознательное его действенной силы. В лучшем случае можно на этот счет лишь обмануть себя. Как об этом говорит Гете:

Если внять мне не желаешь,
Сердцем ты меня узнаешь,
В разных видах, я везде
Всех держу в своей узде.
(Там же)

Только одно способно эффективно противостоять бессознательному, и это — суровая внешняя необходимость. (Те, кто знают о бессознательном больше, и за внешней необходимостью различат все тот же лик, взирающий на них изнутри.) Внутренняя необходимость может смениться на внешнюю, и до тех пор, пока внешняя необходимость остается насущной, а не просто деланной, психические проблемы останутся в той или иной степени без внимания. Вот почему Мефистофель дает Фаусту, которого «тошнит, и вянут уши», следующий совет в ответ на реплику Фауста «Что это?»:

Способ без затрат,
Без ведьм и бабок долго выжить.
Возделай поле или сад.
Возьмись копать или мотыжить.
Замкни работы в тесный круг,
Найди в них удовлетворенье.
Всю жизнь кормись плодами рук,
Скотине следуя в смиренье.
Вставай с коровами чуть свет,
Потей и не стыдись навоза —
Тебя на восемьдесят лет
Омолодит метаморфоза.
(*И.-В. Гете.* Фауст, I, Кухня ведьмы)

Всем хорошо известно, что невозможно создать видимость «простой жизни», и потому беспроблемное существование бедного человека,

который действительно предоставлен воле судьбы, не может быть куплено таким дешевым подражанием. Только тот человек, который проживает эту жизнь не как простую возможность, а в действительности побуждаем к ней необходимостью своей собственной природы, слепо пройдет мимо поднятой здесь проблемы его души, заметить которую у него просто не хватит ума. Но если он сможет заметить фаустовскую проблему, то для него выход в «простую жизнь» будет окончательно закрыт. Конечно, никто ему не мешает переехать в деревенскую лачугу, вскопать огород и питаться сырой репой. Но его душа посмеется над этим обманом. Лишь то, чем действительно кто-то является, имеет целительную силу.

259 Регрессивное восстановление персоны возможно лишь для человека, который обязан критическому провалу в собственной жизни своей собственной инфляции (напыщенности, завышенной «вздутости»). С «уменьшением» своей личности он возвращается к соответствию со своей мерой. В любом другом случае, однако, смирение и самоуничижение означают отступление, которое может поддерживаться длительный срок только за счет невротической болезненности. С сознательной точки зрения самого больного его состояние выглядит во всяком случае не как отступление, а скорее как невозможность справиться с проблемой. Обычно он пребывает в одиночестве, и мало кто или что в нашей сегодняшней культуре способно ему помочь. Даже психология предлагает ему прежде всего чисто редуктивные интерпретации, поскольку неизбежно подчеркивает архаический и инфантильный характер этих переходных состояний и делает их неприемлемыми для него. Представление о медицинской теории, также служащей тому, чтобы дать возможность самому доктору более или менее элегантно вытащить свою голову из аркана, для него недоступно. Вот почему эти редуктивные теории столь превосходно объясняют существо невроза — в огромной степени они служат доктору.

Б. Идентификация с коллективным психическим

260 Вторая возможная форма реакции — идентификация с коллективным психическим. Это равнозначно признанию и одобрению инфляции, но теперь возвышенной до уровня системы. Другими словами, это означает, что человек становится счастливым обладателем *той* великой истины, которая все еще

не открыта, того эсхатологического (окончательного) знания, которое несет исцеление народам. Такая установка необязательно непосредственно означает манию величия в прямой форме; мегаломания в смягченной и более привычной форме проявляется как реформаторство, профетизм и мученичество. «Нищие» (слабые) духом способны поддаться этому искушению без малейшего риска, благо они, как правило, имеют в своем распоряжении большее, чем позволяет их законная мера, честолюбие, тщеславие и неуместную наивность. Открытие доступа к коллективному психическому означает для индивида обновление жизни, неважно, ощущается это обновление как приятное или неприятное. Каждый хочет ухватиться за это обновление: один — потому что благодаря этому усиливается его жизнеощущение, другой — потому что это обещает прирост его знанию, а третий — потому что он нашел ключ к преображению всей своей жизни. Поэтому все те, кто не хочет отвергать те великие сокровища, которые сокрыты в коллективном психическом, будут стремиться тем или иным образом поддержать этот вновь приобретенный союз с фундаментальными источниками жизни[3]. Идентификация кажется кратчайшей дорогой к этому, поскольку растворение персоны в коллективном психическом является прямым призывом обручиться с этой бездной и стереть всю память в объятии такого обручения. Эта сторона мистицизма свойственна всем развитым людям, точно так же как для любого индивида «страстное стремление к матери» является врожденным, как ностальгия по источнику, из которого каждый когда-то вышел.

261 Еще раньше я показал, что в основе регрессивного страстного стремления, которое Фрейд, как известно, рассматривал как «инфантильную фиксацию» или «желание инцеста», заключены особая ценность и особая необходимость. Это выражено, например, в мифах, когда именно самый сильный и лучший среди людей, т. е. герой, следует за регрессивным страстным стремлением и умышленно подвергает себя опасности быть

[3] Здесь я хотел бы обратить внимание на интересное замечание Канта. В своих лекциях по психологии (Vorlesungen über Psychologie. Leipzig, 1889) он говорит о «лежащем в сфере темных представлений сокровище, глубокой бездне человеческих знаний, недостижимой для нас». Это сокровище, как я показал в своей книге: Wandlungen und Symbole der Libido, 1912 (Neuauflage: Symbole der Wandlung // Ges. Werke. 1952. Bd. 5. Рус. пер. — *Юнг К. Г.* Символы трансформации. СПб., 2000), есть сумма изначальных образов, в которые инвестировано либидо или, лучше сказать, которые являются саморепрезентациями либидо.

проглоченным чудовищем материнского первозданного хаоса. Но он герой лишь потому, что не дает проглотить себя окончательно, а побеждает чудовище, и притом не один, а много раз. Только победа над коллективным психическим и выявляет истинную ценность — овладение сокровищем, непобедимым оружием, магическим талисманом или чем-то иным, что в мифе является наиболее желаемым. Поэтому тот, кто идентифицирует себя с коллективным психическим или, выражаясь языком мифа, дает себя проглотить чудовищу и таким образом растворяется в нем, хотя и находится возле сокровища, охраняемого драконом, но отнюдь не по своей воле и к своему собственному величайшему ущербу.

262 Пожалуй, никто из осознающих абсурдность такой идентификации не нашел бы в себе мужества возвести ее в принцип. Но самое опасное состоит здесь в том, что у очень многих или начисто отсутствует необходимый в подобных случаях юмор, или он отказывает как раз в этот момент: они одержимы пафосом, своего рода беременностью значением, что препятствует всякой эффективной самокритике. Я не хочу вообще отрицать, что встречаются подлинные пророки, но осторожности ради предпочел бы поначалу подвергнуть сомнению каждый отдельный случай, так как это дело слишком сомнительное — не задумываясь решиться раз и навсегда признать, что мы видим настоящего пророка. Любой подлинный пророк прежде всего энергично защищается от бессознательного навязывания этой роли. Поэтому там, где пророк появляется как по мановению руки, невольно начинаешь думать о потере психического равновесия.

263 Однако наряду с возможностью стать пророком существует еще и другое, более тонкое и, по всей видимости, легитимное удовольствие — стать учеником пророка. Для подавляющего большинства это прямо-таки идеальная техника. Ее преимущество — «odium dignitatis»[4], сверхчеловеческая ответственность пророка — превращается в гораздо более приятный «otium indignitatis»[5]. Ученик не представляет особого интереса; он скромно сидит у ног Учителя и гонит прочь свои собственные идеи. Умственная лень становится добродетелью, можно нежиться под солнцем полубожественного бытия. Ученик наслаждается архаизмом и инфантилизмом своих

[4] Невыносимость достоинства (*лат.*).

[5] Покой недостойности (*лат.*).

бессознательных фантазий без всяких издержек со своей стороны, так как вся ответственность лежит на Учителе. Через обожествление Учителя ученик якобы, не замечая этого, и сам растет в своем статусе, а кроме того, разве он не обладает великой истиной, хотя он и не открыл ее сам, но все же получил из собственных рук Учителя? Естественно, такие ученики постоянно объединяются, но не из любви, а из-за весьма понятной цели — создавая атмосферу коллективного согласия, находить без всяких усилий подтверждения своим собственныем убеждениям.

264 Кажется, что подобная идентификация с коллективным психическим значительно более достойна одобрения: кто-то другой имеет честь быть пророком, но вместе с этим несет и серьезную ответственность. Что касается Ученика, то хотя он всего лишь ученик, но вместе с этим и совместный хранитель великого сокровища, которое добыл Учитель. Достоинство и бремя такой службы ощущается в полной мере, и ученик почитает высочайшим долгом и нравственной необходимостью поносить всех инакомыслящих, вербовать прозелитов и вообще нести человечеству свет — точь-в-точь как если бы он сам был пророком. И эти люди, незаметно крадущиеся под маской внешне скромной персоны, как раз и есть те самые, которые, «раздувшись» через идентификацию с коллективным психическим, внезапно появляются на мировой арене. Как пророк является изначальным образом коллективного психического, так и Ученик пророка репрезентирует изначальный образ.

265 В обоих случаях причиной инфляции является коллективное бессознательное, и независимости индивида наносится вред. Но поскольку не всякая индивидуальность способна быть самостоятельной и независимой, то ученическая фантазия — быть может, самое лучшее, что они могут осуществить. Тогда наслаждение от сопутствующей этому инфляции — уже некая компенсация за утрату духовной свободы. Но нельзя недооценивать и тот факт, что жизнь настоящего или воображаемого пророка полна страданий, скорби, разочарований и лишений, так что сонм поющих осанну учеников обладает ценностью компенсации. Все это по-человечески настолько понятно, что было бы удивительно, если бы оно имело хоть какое-то другое предназначение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Индивидуация

I
Функция бессознательного

266 За пределами тех альтернативных стадий, с которыми мы имели дело в предшествующей главе, существует некое место назначения, некая возможная цель. Этим местом назначения, этой целью является путь индивидуации. Индивидуация означает становление единственного гомогенного бытия, и в той степени, в какой «индивидуальность» заключает в себе нашу глубочайшую, предельную и ни с чем несравнимую уникальность, она подразумевает также и становление собственной самости. Поэтому «индивидуацию» можно было бы перевести и как «становление личности» или как «самореализацию».

267 Возможности развития, обсуждавшиеся в предыдущих главах, есть, по сути, отчуждение самости, способ лишения ее самостоятельности в пользу внешней роли или воображаемого значения. В первом случае самость уходит на задний план и уступает место социальному признанию, в последнем — аутосуггестивному значению изначального образа. В обоих случаях берет верх коллективное. Самолишение в пользу коллективного соответствует социальному идеалу; оно даже считается социальным долгом

и добродетелью, хотя может использоваться и в целях самососредоточения. Эгоистов называют «самолюбивыми», что, естественно, не имеет ничего общего с тем значением понятия «самость», в каком я его здесь употребляю. С другой стороны, самореализация есть нечто совершенно иное, нежели самолишение. Подобное недопонимание широко распространено из-за недостаточно четкого различения индивидуализма и индивидуации. Индивидуализм означает сознательное подчеркивание, выделение и возвышение предполагаемого своеобразия в противовес коллективным соображениям и обязательствам. Индивидуация же означает как раз более совершенное и более полное осуществление коллективных свойств и качеств человеком, так как адекватный учет своеобразия индивида ведет к лучшему социальному достижению, нежели в случае, когда своеобразием пренебрегают или когда его подавляют. Специфику характера и склад ума индивида не следует понимать как странность его сути или как составляющие его бытия, скорее имеет смысл относиться к ним как к уникальной комбинации или различию в степени развития функций и способностей, которые сами по себе универсальны. Каждое человеческое лицо имеет нос, два глаза и т. д., но эти сами по себе универсальные черты изменчивы, и эта вариабельность делает возможным индивидуальное своеобразие. Поэтому индивидуация может означать только процесс психологического развития, в котором осуществляются заложенные изначально индивидуальные качества; другими словами, это процесс, с помощью которого человек становится тем конкретным, уникальным существом, каким он фактически и является. Вместе с тем он не делается «самолюбивым» в обыденном смысле слова, а просто реализует и своеобразие своей натуры, а это, как уже сказано, принципиально отлично от эгоизма или индивидуализма.

268 Далее, в той степени, в какой человеческий индивид как живое единство состоит из чисто универсальных факторов, он всецело коллективен и потому ни в каком смысле не противостоит коллективности. Следовательно, индивидуалистическое подчеркивание собственного своеобразия противоречит этому основному свойству живого существа. Индивидуация же, со своей стороны, нацелена на живое взаимодействие всех факторов. Но поскольку универсальные факторы всегда появляются в индивидуальной форме, то их полное рассмотрение приводит к индивидуальному результату, не превзойденному ничем иным, и менее всего индивидуализмом.

269 Цель индивидуации тем самым сводится, с одной стороны, к тому, чтобы избавить самость от ложных покровов персоны, а с другой — к высвобождению от суггестивной власти архаических образов. Из всего высказанного в предшествующих главах должно быть достаточно ясно, что же означает персона с точки зрения психологии. Но когда мы обращаемся к другой стороне, а именно к влиянию коллективного бессознательного, то обнаруживаем, что здесь мы оказываемся в темном внутреннем мире, понять который гораздо труднее, чем психологию персоны, которая доступна каждому. Любому известно, что подразумевается под «принятием официального вида» или что значит «играть социальную роль». Манипулируя персоной, человек пытается предстать в том или ином качестве или же он прячется под маской, в других случаях он может использовать определенную персону в качестве препятствия. Так что проблема персоны не должна представлять большой трудности для понимания.

270 Однако совсем другое дело — изложить на общедоступном уровне те тонкие внутренние процессы, которые вторгаются в сознание с такой внушающей силой. Возможно, наилучшим было бы изобразить эти воздействия с помощью примеров душевных расстройств, творческого вдохновения и обращения в религиозную веру. Самым прекрасным образчиком внутреннего изменения подобного рода, взятым, так сказать, из жизни, является книга Герберта Уэллса «Отец Кристины Альберты». Похожие метаморфозы описаны также в превосходной книге Леона Доде «Наследственность». Обширный материал содержится у Вильяма Джемса в его работе «Многообразие религиозного опыта»[1]. Хотя во многих случаях такого рода присутствуют определенные внешние факторы, которые либо напрямую обусловливают это изменение, либо обеспечивают его условия, однако это не всегда тот случай, когда внешний фактор позволяет дать удовлетворительное объяснение подобных изменений личности. Необходимо признать тот факт, что изменение личности может возникать и из субъективных внутренних причин, мнений или убеждений, когда внешние побуждения не играют никакой роли либо они весьма незначительны. При патологических изменениях личности это, можно сказать, является правилом. Те случаи психоза, которые представляют

[1] *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992.

ясную и простую реакцию на подавляющее внешнее событие, следует отнести к исключениям. Соответственно для психиатрии наследственная или приобретенная патологическая предрасположенность является важным этиологическим фактором. Вероятно, то же самое верно и в отношении большинства случаев творческой интуиции: вряд ли имеет смысл предполагать чисто каузальную связь между упавшим яблоком и теорией тяготения Ньютона. Сходным образом любые религиозные конверсии, которые напрямую нельзя отнести на счет внушения или психического заражения, основаны, по всей вероятности, на независимых внутренних процессах, достигающих своей кульминации в изменении личности. Как правило, эти процессы имеют обыкновение быть поначалу подпороговыми, т. е. бессознательными, и только постепенно достигать сознания. Момент вторжения может, однако, быть весьма внезапным, когда сознание мгновенно наполняется крайне чужеродными и, по всей видимости, неожиданными содержаниями. Такое впечатление может сложиться у неспециалиста и даже у самого участника этого процесса, хотя опытный наблюдатель знает, что психологические события никогда не бывают внезапными. На самом деле это вторжение может готовиться годами, зачастую на протяжении половины жизни, и уже в детстве можно отметить вполне примечательные знаки, которые символически указывают на будущее патологическое развитие. Я вспоминаю, например, случай одного душевнобольного, который отказывался от пищи и доставлял неимоверные трудности при попытках его искусственного кормления с помощью носового зонда. В конце концов потребовалась анестезия, чтобы можно было ввести зонд. Пациент обладал редкой способностью заглатывать свой язык, прижимая его к гортани, о чем я тогда не имел никакого представления. В период просветления пациент рассказал мне следующее. Будучи еще мальчиком, он частенько размышлял о том, как можно было бы покончить с собой, чтобы никто не смог ему в этом помешать. Сначала он пытался сделать это путем задержки дыхания, пока не обнаружил, что в полубессознательном состоянии возобновляет дыхание. Поэтому он оставил эти попытки и подумал: может быть, все получится, если отказаться от пищи. Такая фантазия пришлась ему по душе, хотя впоследствии он обнаружил, что пища в жидком виде может подаваться через носоглотку. Тогда он стал размышлять над тем, как перекрыть и этот канал, и пришел к мысли о том, чтобы прижимать язык к гортани. Вначале это

ему не удавалось, но он начал делать регулярные упражнения и вскоре вполне овладел искусством проглатывать язык примерно так, как это иногда непроизвольно случается под наркозом, очевидно, когда искусственно расслабляется мускулатура основания языка.

271 Таким странным способом этот мальчик вымостил себе дорогу к предстоящему психозу. После второго приступа он стал неизлечимым душевнобольным. Это всего лишь один пример среди многих других, но он достаточно хорошо демонстрирует, что последующее, по всей видимости, внезапное вторжение чуждых содержаний на самом деле оказывается совсем не внезапным, а является скорее результатом многолетнего бессознательного развития.

272 А теперь один важный вопрос: в чем заключается суть этих бессознательных процессов? И каким образом они конституируются? Естественно, раз они бессознательны, то и сказать о них ровным счетом нечего. Но иногда они заявляют о себе — отчасти через симптомы, отчасти через поступки, мнения, аффекты, фантазии и сновидения. Основываясь на материалах наблюдений подобных проявлений, можно сделать косвенные выводы об их кратковременности, а также о структуре бессознательных процессов и их развитии. Однако не следует впадать в иллюзию, будто тем самым обнаружена истинная природа бессознательных процессов. Нам никогда не удастся выйти за пределы гипотетического высказывания «как если бы».

273 «Ни один смертный разум не сможет проникнуть в глубины природы»,— не проникнет он и в глубины бессознательного. Однако мы знаем, что бессознательное никогда не отдыхает. Похоже, что оно всегда за работой; даже когда мы спим, мы видим сны. Многие люди утверждают, что сны им никогда не снятся, но, вероятнее всего, они их просто не помнят. Примечательно то, что люди, разговаривающие во сне, в большинстве либо не помнят сновидение, в котором они разговаривали, либо отрицают сам факт наличия у них сновидения. Но не проходит и дня, чтобы мы не обмолвились о чем-то или что-то не выскочило бы у нас из памяти, что, разумеется, в другое время прекрасно сохранялось в памяти, или нас не охватило бы невесть откуда взявшееся настроение и т. д. Подобные вещи не что иное, как симптомы не прекращающейся за нашей спиной бессознательной деятельности, которая непосредственно дает о себе знать в сновидениях ночью, но лишь от случая к случаю прорывается сквозь запреты, налагаемые нашим дневным сознанием.

274 В пределах нашего нынешнего опыта можно утверждать, что бессознательные процессы находятся в компенсаторной связи с сознанием. Я намеренно употребляю слово «компенсаторный», а не слово «противоположный», потому что сознание и бессознательное совсем не обязательно противостоят друг другу, они взаимодополняются с целью образовать целокупность, именуемую *самостью*. В соответствии с этим определением самость есть некоторая величина, превосходящая сознательное Я. Она охватывает не только сознание, но и бессознательное психическое и поэтому является, так сказать, личностью, которую мы представляем. Достаточно легко думать о самих себе как об обладателях частичек душ (part-souls). Нетрудно, таким образом, видеть себя, к примеру, в качестве персоны. Но ясное представление о себе как о самости превосходит силу нашего воображения, ибо в этом случае часть могла бы постигать целое. И не стоит надеяться на то, что мы хоть когда-нибудь приблизимся к осознанию самости, ибо, сколько бы мы ни вырастали в самоосознании, всегда будет существовать неопределенное количество бессознательного материала, который принадлежит к целокупной самости. Таким образом, самость всегда останется превосходящей величиной.

275 Бессознательные процессы, компенсирующие сознательное Я, содержат в себе все те элементы, которые необходимы для саморегулирования психического как целого. На личностном уровне эти элементы есть сознательно не признанные личностные мотивы, возникающие в сновидениях, или значения дневных ситуаций, не замеченные нами, или выводы, которые мы не смогли сделать, или непозволительные аффекты, удержанные в себе, или критика, которую мы сберегли про запас. Но чем дальше мы продвигаемся на пути самопознания и действуем в соответствии с этим, тем интенсивнее уменьшается запас личного бессознательного, залегающий поверх коллективного бессознательного. На этом пути возникает сознание, не втиснутое более в ограниченный, сверхчувствительный личный мир Я, а сопричастное более широкому миру объективных интересов. Это расширенное сознание — уже не тот чувствительный, эгоистический пучок личных желаний, страхов, надежд и амбиций, который всегда должен быть скомпенсирован или откорректирован бессознательной контртенденцией, а, напротив, та или иная функция отношений с миром объектов, которая в самом широком смысле вводит индивида в безусловную, связующую и нерасторжимую связь с миром. Возникающие на этой стадии проблемы — это уже

не конфликты, вызванные эгоистическими желаниями, а трудности, касающиеся как меня, так и другого. Здесь речь идет в конечном счете о коллективных проблемах, приводящих в движение коллективное бессознательное, поскольку эти проблемы требуют коллективной, а не индивидуальной компенсации. Теперь наконец можно понять, что бессознательное создает содержания, ценимые не просто тем, к кому они относятся, но также и другими — огромным количеством людей, а возможно, и всеми.

276 Элгонийцы, аборигены лесов центральной Африки, объяснили мне, что существуют два вида сновидений: обычное сновидение рядового человека и «большое видение», которое может принадлежать только значительному человеку, например, знахарю или вождю. Маленькие сновидения в расчет не принимаются, но если «важный сон» приснился вождю племени или колдуну, собирается все племя, чтобы услышать рассказ сновидца.

277 Но откуда же человек узнает, «важным» или «незначительным» было сновидение? Он распознает это по инстинктивному ощущению значительности. Сновидец настолько ошеломлен происшедшим, что ему и в голову не придет удержать содержание сна при себе. Он *обязан* рассказать его, психологически правильно полагая, что сновидение имеет значение для всех. Даже среди нас коллективное сновидение несет в себе ощущение важности, побуждающее к общению. Это проистекает из конфликта взаимоотношений, и поэтому оно должно быть встроено в сознательные отношения, так как компенсирует именно их, а не просто какую-то личностную причуду или выверт.

278 Процессы коллективного бессознательного касаются не только более или менее личных отношений индивида к своей семье или к более широкой социальной группе, но и отношений к обществу — человеческому сообществу вообще. Чем более общим и безличным является условие, высвобождающее бессознательную реакцию, тем более значительным, чужеродным и подавляющим будет компенсаторное проявление. Оно побуждает не просто к частному сообщению, но к откровению и исповеданию, даже к драматическому представлению своих фантазий.

279 Я поясню на примере, как бессознательное организует компенсирующие отношения. Как-то ко мне за помощью обратился один высокомерный господин. Он организовал дело вместе со своим младшим братом. Отношения между братьями были весьма напряженными, и это, помимо

прочего, стало существенной причиной невроза моего пациента. Из рассказанного им было не совсем ясно, что послужило действительной причиной возникшего напряжения. Он критиковал брата во многих отношениях, а также достаточно критически отзывался о его способностях. Брат часто возникал в его сновидениях, и чаще всего в образе Бисмарка, Наполеона или Юлия Цезаря. Его жилище напоминало Ватикан или Йилдиз Киоск. Было очевидно, что бессознательное моего пациента имело потребность существенно повысить положение младшего брата. Из этого я заключил, что мой пациент оценивал себя слишком высоко, а своего брата слишком низко. Дальнейший ход анализа всецело подтвердил этот вывод.

280 Другая пациентка, молодая женщина, страстно привязанная к своей матери, постоянно видела весьма зловещие сны с ее участием: мать появлялась во сне то как ведьма, то как призрак или преследующий дьявол. Мать баловала дочь сверх всякой меры и своими нежностями так «ослепила» ее, что та оказалась не в состоянии сознательно понять это вредоносное влияние. Соответственно компенсаторная критика матери осуществлялась в сфере бессознательного.

281 Однажды я и сам слишком низко — и интеллектуально, и морально — оценил одну из своих пациенток. И вот во сне я увидел замок на высоком утесе. На самой верхней башне находился балкон, на котором сидела моя пациентка. Я не преминул тотчас рассказать ей этот сон; успех лечения, естественно, не заставил себя ждать.

282 Общеизвестно, насколько часто мы оказываемся в дураках перед теми людьми, которых несправедливо недооцениваем. Естественно, может иметь место и обратное, что, например, произошло с одним из моих друзей. Еще молодым студентом он обратился с письмом к патологу Вирхову, прося об аудиенции у «его превосходительства». Когда же, дрожа от страха, он хотел представиться тому и попытался назвать свою фамилию, то вдруг произнес: «Моя фамилия Вирхов». На это «его превосходительство», озорливо улыбаясь, сказал: «Ах, ваша фамилия тоже Вирхов?» Чувство собственной незначительности, очевидно, зашло настолько глубоко в бессознательное моего друга, что оно тут же побудило его представить себя идентичным Вирхову.

283 При таких личных отношениях, естественно, нет необходимости в каких-либо коллективных компенсациях. С другой стороны, фигуры, использованные бессознательным в первом случае, имеют выраженную коллектив-

ную природу: это общепризнанные герои. В этом случае есть два возможных толкования: либо младший брат моего пациента — человек, обладающий признанным и крупным авторитетом в обществе, либо пациент страдает завышенной самооценкой по отношению ко всем, а не только к своему брату. Для первого предположения нет никакого основания, а в пользу последнего говорят сами факты. Так как чрезмерное высокомерие моего пациента относилась не только к брату, но и к более широкой социальной группе, то компенсация выразилась в коллективным образе.

284 Сказанное верно и в отношении ко второму случаю. «Ведьма» — коллективный образ, поэтому мы должны заключить, что слепая привязанность юной пациентки относится не только к матери, но и к более широкой социальной группе. Это был тот самый случай, когда девушка жила в исключительно инфантильном мире, все еще идентичном родительскому. Эти примеры касаются отношений людей в рамках личного окружения. Но существуют и обезличенные отношения, которые иногда требуют бессознательной компенсации. В таких случаях возникают коллективные образы, имеющие более или менее мифологический характер. Моральные, философские и религиозные проблемы, по всей видимости, наиболее часто вызывают мифологические компенсации — именно в силу своей универсальной значимости. В упомянутой выше книге Герберта Уэллса мы находим прямо-таки классическую компенсацию: Примби, карликовая личность, обнаруживает, что является не кем иным, как реинкарнацией Саргона, царя царей. К счастью, гений автора спас бедного Саргона от участи сделаться всеобщим посмешищем и даже указал читателю возможность увидеть в этом плачевном абсурде трагический и вечный смысл: м-р Примби, чистое ничтожество, осознал себя в качестве средоточия всех прошедших и будущих эпох. Это знание куплено не слишком дорогой ценой — малым безумием, если учесть, что ничтожный Примби не окончательно проглочен чудовищем первобытного образа, что, однако, с ним едва не случилось.

285 Всеобщая проблема зла и греха — другой аспект наших безличных отношений к миру. Поэтому больше, чем какая-либо другая, эта проблема приводит к коллективным компенсациям. У одного пациента в качестве первоначального симптома тяжелого невроза навязчивых состояний оказалось сновидение, случившееся у него в возрасте шестнадцати лет. *Он идет по незнакомой улице. Темно, и он слышит за собой шаги. В страхе он убыстряет свое движение. Но шаги приближаются,*

и страх его нарастает. Сновидец начинает бежать. Но звук шагов, кажется, приближается к нему. В конце концов он оборачивается и видит дьявола. В смертельном ужасе он прыгает в воздух и зависает там. Этот сон повторился дважды, что было знаком его особой важности.

286 Печально известно, что компульсивные неврозы (неврозы навязчивого состояния) по причине присущей им скрупулезности и церемониальной педантичности не только принимают внешний вид моральной проблемы, но и до краев полны проявлений звериной бесчеловечности и безжалостного зла, вовлечению в которое отчаянно противится тонко организованная личность. Этим объясняется, почему столь многие действия необходимо осуществлять церемониально, «правильным» способом, чтобы противостоять злу, угрожающему «из-за кулис». После этого сновидения у пациента начался невроз, существенной чертой которого, по его выражению, было его пребывание во «временном», или «неоскверненном», состоянии чистоты. С этой целью он упразднял или «инвалидизировал» все контакты с миром и всем тем, что напоминало об эфемерности человеческого существования, с помощью безумных формальностей, скрупулезных очистительных церемоний и беспокойного соблюдения бесчисленных правил и заповедей невероятной сложности. Еще до того, как пациент стал размышлять о существовании ада, сновидение показало ему, что, если он захочет снова спуститься на землю, ему необходимо будет заключить соглашение со злом.

287 В другом месте я описывал сон, иллюстрировавший компенсацию религиозной проблемы у одного молодого студента теологического факультета[2]. Он запутался во всевозможных проблемах, касающихся веры, что не является таким уж необычным явлением для современного человека. Во сне он оказался учеником «белого мага», который, однако, был одет в черное. До какого-то момента «маг» давал ему разные наставления, а затем сказал, что теперь им нужен «черный маг». Появился черный маг, одетый в белый халат. Он заявил, что обнаружил ключи от рая, но нужна мудрость белого мага, чтобы понять, как ими пользоваться. Это сновидение явным образом содержит в себе проблему противоположностей,

[2] *Jung C.* Archetypes of the Collective Unconscious. Par. 71. Рус. пер. — *Юнг К. Г.* Об архетипах коллективного бессознательного // *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С. 122.

которая, как мы знаем, в даосской философии рассматривается совершенно иначе, нежели в философских воззрениях Запада. Фигуры, задействованные в сновидении, являются обезличенными, коллективными образами, соответствующими природе безличной религиозной проблемы. В противоположность христианскому взгляду сновидение подчеркивает относительность добра и зла, оно легко наводит на мысль о даосском символе Инь и Янь.

288 Разумеется, из подобных компенсаций не следует делать вывод о том, что чем глубже сознательный разум погружается в универсальные проблемы, тем более далеко идущие компенсации выдвигает бессознательное. Возможны легитимные и нелигитимные подходы к обезличенным проблемам. Экскурсы подобного рода легитимны лишь тогда, когда они исходят из глубочайших и самых подлинных запросов индивида; они нелигитимны, когда представляют собой либо простое интеллектуальное любопытство, либо бегство от неприятной действительности. В последнем случае бессознательное прибегает к слишком человеческим и исключительно личностным компенсациям, манифестная цель которых — вернуть сознание обратно в повседневную реальность. Люди, которые действуют нелегитимным образом, витают в бесконечном и часто видят до смешного банальные сновидения, призванные «пригасить» кипучую энергию сновидца. Таким образом, из самой природы компенсации мы сразу же можем сделать вывод о серьезности и оправданности сознательных устремлений.

289 Очевидно, существует немало людей, которые не боятся допустить, что бессознательное может нести в себе «великие» идеи. Они могут возразить: «Неужели вы действительно верите, будто в бессознательном содержится нечто вроде конструктивной критики нашего западного склада мышления?» Разумеется, если эту проблему рассматривать интеллектуально и приписывать бессознательному рациональные намерения, вопрос станет абсурдным. Но не следует навязывать нашу психологию сознания бессознательному. Его ментальность инстинктивна; оно не обладает развитыми функциями и «думает» не так, как мы понимаем «мышление». Оно просто создает образ, отвечающий сознательной ситуации. Этот образ содержит в себе столько же мысли, сколько и чувства, и является всем чем угодно, но не продуктом рационалистической рефлексии. Лучше всего такой образ может быть описан как художественное видение. Мы склонны забывать, что проблема, подобная той,

что лежит в основе только что упомянутого сновидения, даже в сознании сновидца не является интеллектуальной,— это явление глубоко эмоционально. Для нравственного человека этическая проблема весьма мучительна, она коренится и в самых глубинах инстинктивных процессов, в самых идеальных его устремлениях. Эта проблема для него потрясающе реальна. Поэтому неудивительно, что ответы, подобные этому, исходят из самых глубин человеческого существа. Тот факт, что каждый человек думает, будто его психология есть мера всех вещей (и если к тому же ему суждено быть глупцом и неизбежно полагать наличие такой проблемы, лежащей в основе его наблюдений), не должен по крайней мере заботить психолога, ибо последний обязан воспринимать вещи объективно, такими, какими он их обнаруживает, не подгоняя их под свои субъективные изначальные схемы. Что касается более одаренных и широких натур, то они вполне легитимным образом могут быть захвачены безличной проблемой, захвачены настолько, что и их бессознательное может отвечать в том же стиле. И так же как сознание может задать вопрос: «Почему существует этот ужасный конфликт между добром и злом?» — бессознательное может ответить: «Приглядись внимательней: каждый человек нуждается в другом. Самое наилучшее просто потому, что оно самое лучшее, несет в себе семена зла, и нет ничего настолько плохого, из чего не могло бы вырасти доброе».

290 Нашему сновидцу могло бы пригрезиться, что этот якобы неразрешимый конфликт, возможно, является предубеждением, мыслительной схемой и обусловлен временем и местом. В кажущемся сложным сновидческом образе можно легко обнаружить инстинктивное здравомыслие, крошечный зародыш рациональной идеи, которую более зрелый разум, возможно, с таким же успехом мог бы осмыслить вполне сознательно. Во всяком случае китайские философы размышляли об этом много веков назад. На редкость адекватное и гибкое оформление мысли есть прерогатива того первобытного, природного духа, который все еще жив во всех нас и затмевается только односторонностью развития сознания. Если мы рассматриваем бессознательные компенсации под этим углом зрения, то вполне справедливо нас могут обвинить в осуждении бессознательного преимущественно с точки зрения сознания. И действительно, следуя этим рассуждениям, я всегда исходил из того, что бессознательное просто реагирует на сознательные содержания, хотя и весьма примечательным

образом, но все же при отсутствии собственной инициативы. Но у меня нет никакого намерения создать при этом впечатление, будто бессознательное просто реактивно во всех случаях. Наоборот, имеется очень много данных, из которых будто бы следует, что бессознательное может не только быть спонтанным, но и брать на себя бразды правления. Есть бессчетное число случаев, когда люди просто застывают в пустой бессознательности, становясь в результате невротиками. Благодаря неврозу, вызванному бессознательным, они освобождаются от своей апатии, несмотря на собственную лень и зачастую отчаянное сопротивление.

291 На мой взгляд, было бы неправильно полагать, будто в таких случаях бессознательное действует в каком-то смысле по продуманному, всеобщему плану и стремится к реализации определенной цели. Я не нашел ничего для подтверждения подобного предположения. Силой влечения — в той мере, в какой мы можем ее осознать,— является, видимо, только потребность в самореализации. Если бы вопрос стоял об всеобщем целеполагающем плане, то, наверное, все индивиды, приветствующие избыток бессознательности, невольно побуждались бы к более высокой степени осознанности. Но здесь явно не тот случай. Существуют обширные массы людей, которые, несмотря на их явную бессознательность, никогда не станут невротиками. Лишь те немногие, отмеченные подобной судьбой, и есть, собственно, «высшие» люди, по каким-либо причинам, однако, слишком задержавшиеся на первобытной ступени. Их природа не смогла в течение длительного срока вынести несвойственную им тупость. Вследствие узости своего сознания и ограниченности своего существования они сэкономили энергию, которая мало-помалу скопилась в бессознательном и наконец взорвалась в виде более или менее острого невроза. Этот простой механизм вовсе не обязательно скрывает какой-то «план». Для объяснения «за глаза» хватило бы вполне понятного стремления к самореализации. Можно было бы говорить и о позднем созревании личности.

292 Поскольку в высокой степени вероятно, что мы пока еще довольно далеки от того, чтобы достичь вершины абсолютного сознания, от каждого следует ожидать устремления к расширению сознания. Соответственно можно предположить, что бессознательные процессы постоянно обеспечивают нас такими содержаниями, которые, осознаваясь, увеличивают объем сознания. Рассматриваемое таким образом бессознательное выступает в качестве источника опыта, не ограниченного по объему. Если бы оно

было простым отражением по отношению к сознанию, то было бы уместно обозначить его как психический зеркальный мир. В таком случае главный источник всех содержаний и действий находился бы в сознании, а в бессознательном не было бы ничего, кроме искаженных отражений сознательных содержаний. Творческий процесс был бы замкнут в сознании, а все новое оказывалось бы не чем иным, как сознательным изобретением и ловкостью ума. Но эмпирические факты свидетельствуют об обратном. Любой творческий человек знает, что спонтанность является самой сутью творческой мысли. Поскольку бессознательное — не просто зеркальное отражение, а самостоятельная продуктивная деятельность, то сфера его опыта есть особый мир, особая реальность, о которой можно сказать, что она воздействует на нас, как и мы воздействуем на нее,— точно так же мы говорим о внешнем мире как сфере опыта. И точно так же как материальные предметы являются составляющими элементами этого мира, и психические факторы составляют объекты внутреннего мира.

293 Идея психической объективности отнюдь не открытие. Фактически это одно из самых ранних и всеобщих «достижений» человечества: речь идет об убеждении в конкретном существовании духовного мира. Мир духов, безусловно, был не изобретением в том смысле, в каком можно говорить об изобретении огня — добывании его путем трения, а результатом опытного восприятия или осознания некой реальности, нисколько не уступавшей материальному миру. Сомнительно, чтобы вообще существовали дикари, не знакомые с «магическим воздействием» или «магической субстанцией». («Магический» — просто другое слово, заменяющее «психический».) Вероятно также, что почти всем известно о существовании духов[3]. «Дух» — это психический факт. Как мы отличаем нашу собственную телесность от телесности других, так и первобытные народы, если они вообще знают что-либо о «душе», делают различие между своими душами и духами, причем последние воспринимаются ими как чужеродные и не «принадлежащие им». Они суть предметы внешнего восприятия, в то время как собственная душа (или одна из нескольких душ,

[3] Сообщения, свидетельствующие об обратном, заставляют думать о том, что страх перед духами иногда настолько велик, что люди действительно отрицают существование духов, которых нужно бояться. Я сам наблюдал это среди жителей у горы Элгон в Африке.

если предполагается множественность), которой приписывается родство с духами, обычно не воспринимается в качестве предмета так называемого чувственного восприятия. После смерти душа (или одна из различных душ) становится духом, который переживает умершего, и притом частенько с некоторой порчей характера, отчасти противоречащей понятию о личном бессмертии. Батаки[4], живущие на Суматре, утверждают, будто люди, добрые при жизни, в качестве духов становятся злонамеренными и опасными. Почти все, что первобытные говорят о злых выходках, которые духи позволяют себе в отношении живых, является в общем и целом образом, развиваемым ими из представления о «призраках», и вплоть до последней детали соответствует феноменам, выявленным спиритическим опытом. И как из спиритических сообщений «потустороннего» становится ясно, что речь идет о проявлениях активности отщепленных фрагментов психического, так и эти первобытные духи суть проявления бессознательных комплексов[5]. Важное значение, которое современная психология приписывает «родительскому комплексу», есть непосредственное продолжение первобытного переживания опасной действенной силы духов предков. Даже ошибка, совершаемая первобытным человеком, который предполагает, что духи суть реальности внешнего мира, находит свое продолжение в нашем (лишь отчасти верном) предположении, что действительные родители ответственны за родительский комплекс. В старой теории травмы фрейдовского психоанализа и в других школах это предположение воспринимается чуть ли не в качестве научного объяснения. (Чтобы избежать этой двусмысленности, я предложил термин «родительское имаго»[6].)

---

[4] *Warnecke J.* Die Religion der Batak // Religions-Urkunden der Volker. IV. Vol. I. Leipzig, 1909.

[5] См.: Die psychologischen Grundlagen der Geisterglaubens // Ober psychische Energetik und das Wesen der Träume, l. Aufl. 1948 Ges. Werke, Bd. 8; а также: *Jane A.* Geistererscheinungen und Vorzeichen. 1958.

[6] Это выражение заимствовано из психоанализа, в то время как в аналитической психологии оно заменяется выражениями «праобраз» и «архетип родителей». Само слово «imago» в переводе с латинского означает «Изображение», «призрак», «видимость», «отражение», «копия». Множ. число — imagines — означает также «восковые портреты предков или родителей». В латинском это слово женского рода.

294 Простодушному человеку, конечно, невдомек, что ближайшие родственники, непосредственно на него влияющие, зарождают в нем образ, лишь отчасти копирующий их самих, отчасти же он создается из материала, взятого у самого субъекта. Имаго выстраивается из воздействия родителей и специфических реакций ребенка; поэтому оно является образом, лишь весьма условно воспроизводящим объект. Естественно, простодушный человек верит в то, что родители таковы, какими он их видит. Этот образ проецируется бессознательно, и, когда родители умирают, спроецированный образ продолжает действовать, как если бы он был самостоятельно существующим духом. Первобытный человек в этом случае говорит о родительских духах, возвращающихся по ночам («ночные призраки»=«revenants»), современный же человек называет это отцовским или материнским комплексом.

295 Чем больше ограничено поле сознания человека, тем в большей мере психические содержания (imagos) являются квазивнешними: либо в форме духов, либо в виде магических потенций, спроецированных на живых людей (колдуны, ведьмы). На некоторой более высокой ступени развития, где уже налицо представление о душе, проецируются теперь не все имаго (там, где это имеет место, даже деревья и камни беседуют друг с другом), а тот или иной комплекс, по меньшей мере, настолько сближается с сознанием, что ощущается уже не как чужеродный, а скорее как ему свойственный. Все же это чувство «принадлежности» поначалу не заходит настолько далеко, чтобы соответствующий комплекс воспринимался как субъективное сознательное содержание. Он в некотором смысле остается между сознанием и бессознательным, так сказать, в полутени, с одной стороны, хотя и принадлежа или будучи родственным субъекту сознания, с другой же стороны, в плане автономности в качестве последнего он выступает против сознания, во всяком случае не обязательно повинуясь субъективной интенции, а скорее даже подчиняя ее себе, частенько как источник вдохновения, предостережения или «сверхъестественной» информации. Психологически такое содержание следовало бы объяснять как частично автономный комплекс, еще не полностью интегрированный в сознание. Архаические души, каковыми являются египетские Ба и Ка, суть комплексы подобного рода. На более высокой ступени, в особенности у всех западных культурных народов, этот комплекс всегда женского рода — anima и ψυχή — разумеется, не без глубоких и значительных на то оснований.

II
Анима и Анимус

296 Среди всевозможных духов духи родителей — самые важные, отсюда и повсеместное распространение культа предков. В своей первоначальной форме культ предков служил умиротворению привидений, но в культурах более развитых привел к созданию моральных и воспитательных институтов,таких, как, скажем, в Китае. Для ребенка родители — самые близкие и влиятельные родственники. Но по мере его взросления это влияние все более ограничивается, соответственно родительские имаго во все возрастающей степени вытесняются из сознания и по причине своего ограничивающего характера легко приобретают негативный оттенок. В этом смысле родительские имаго остаются чужеродными элементами, пребывающими где-то «вне» собственной психической жизни, в частности, у взрослого мужчины их место занимает женщина, выполняющая роль окружающей среды, оказывающей на него непосредственное влияние. Она становится его спутником, она принадлежит ему в той степени, в какой разделяет с ним его жизнь и более или менее схожа с ним по возрасту. Она не превосходит его ни жизненным опытом, ни авторитетом, ни физической силой. Будучи весьма влиятельной, как и родители, она являет собой имаго относительно автономной природы, но не то неосознаваемое родительское имаго, а имаго, ассоциированное с сознанием. Женщина со своей совершенно особой психологией является и всегда была источником информации о вещах, недоступных мужскому знанию. Она может служить для него вдохновляющей силой; ее интуитивная способность, зачастую превосходящая мужскую, может предостеречь его в нужный момент, а ее чувство, ориентированное на личное, способно направить его на те пути, которые его собственные, менее личностно акцентированные чувства могли бы

никогда не обнаружить. То, что Тацит сказал о германских женщинах, оказывается в данном отношении весьма точным[1].

297 Здесь, без всякого сомнения, кроется один из главных источников фемининности. Но это, видимо, не единственный его источник. Нет мужчины, который был бы настолько мужественным, чтобы не нести в себе ничего женского. На деле как раз получается так, что очень мужественным мужчинам, хотя это тщательно скрывается и маскируется, присуща весьма тонкая эмоциональная жизнь, часто неверно описываемая как «женственная». Мужчине вменяется в добродетель подавление, насколько это возможно, своих женственных черт, так же как для женщины, по крайней мере до сих пор, считалось неприличным быть мужеподобной. Вытеснение женственных черт и склонностей, естественно, ведет к накоплению этих качеств в виде притязаний в бессознательном. Столь же естественно имаго женщины (душевный образ) становится вместилищем этих притязаний, из-за чего мужчина в выборе любимой частенько подвергается искушению желать ту женщину, которая более всего соответствовала бы особому типу его собственной бессознательной женственности, т. е. женщину, которая могла бы по возможности без колебаний воспринять проекцию его души. Хотя такой выбор чаще всего рассматривается и ощущается как идеальный, но с таким же успехом может оказаться, что мужчина у всех на глазах женится на женщине, обладающей такой же, как у него, наихудшей слабостью. Именно так можно объяснить некоторые странные брачные союзы.

298 Поэтому мне кажется, что, помимо влияния женщины, существует и собственная женственность мужчины, позволяющая объяснить женственную природу душевного комплекса. Конечно же, речь не идет о какой-то лингвистической «случайности» вроде того, что «солнце» по-немецки женского рода, а на других языках — мужского. Напротив, у нас есть в пользу этого свидетельства искусства всех эпох и, кроме того, знаменитый вопрос: обладает ли женщина душой? Вероятно, большинство мужчин, хоть в какой-то степени психологически проницательных, знают, что имел в виду Райдер Хаггард, говоря о «She-who-must-be-obeyed»[2], или способны распознать звучание струн при чтении раздела об Антинее в описании

---

[1] См.: *Tacitus*. Germania. Par. 18, 19.

[2] Она-которой-следует-подчиняться (*англ.*).

Бенуа[3]. Кроме того, они сразу же узнают тот тип женщины, который в наибольшей степени воплощает в себе эту таинственную движущую силу, о которой подобные мужчины имеют столь яркое предчувствие.

299 То широкое признание, которое находят подобные произведения, уже указывает, что в образе анимы заключается нечто сверхиндивидуальное, нечто такое, что не просто обязано своим эфемерным существованием индивидуальной уникальности, но гораздо более типично и имеет более глубокие корни, нежели просто очевидные поверхностные связи, на которые я уже указал. И Хаггард, и Бенуа дали безошибочное выражение этому предположению в *историческом* аспекте своих анима-персонажей.

300 Как известно, нет никакого человеческого переживания, равно как и возможности переживания вообще, без присутствия соответствующей субъективной наклонности. Но в чем заключается эта субъективная наклонность? В своем крайнем выражении она состоит во врожденной психической структуре, позволяющей мужчине испытывать переживания подобного рода. Таким образом, все существо мужчины предполагает женщину — как телесно, так и духовно. Его система с самого начала настроена на женщину, точно так же как подготовлена к существованию в совершенно определенном мире, где есть вода, свет, воздух, соль, углеводы и т. д. Эта форма мира, в который он рожден, уже унаследована им в качестве виртуального образа. И таким образом родители, жена, дети, рождение и смерть врождены ему как виртуальные образы, как психические наклонности. Эти *априорные* категории по своей природе носят коллективный характер; сюда относятся образы родителей, жены и детей вообще, а вовсе не индивидуальные предопределения судьбы. Поэтому о таких образах следует думать как о лишенных конкретного содержания, а следовательно, бессознательных. Они приобретают свое содержание, влияние и фактическую осознанность лишь тогда, когда сталкиваются с эмпирическими фактами, затрагивающими и пробуждающими к жизни бессознательные наклонности. Они в каком-то смысле являются хранилищами опыта всех поколений предков, но не самим этим опытом. Так это,

[3] См.: *Rider Haggard.* She, 1887. Рус. пер. — *Хаггард Г.* Она. Харьков, 1993; *Benoit.* L'Atlantide. 1919.

по крайней мере, видится нам при нашем нынешнем ограниченном знании. (Должен признаться, что еще не встречал неопровержимых доказательств наследования образов памяти, но нельзя исключить и того, что наряду с этими коллективными хранилищами, не содержащими в себе ничего индивидуально определенного, могут иметь место и индивидуально определенные факты наследования памяти.)

301 В бессознательном мужчины существует некий унаследованный коллективный образ женщины, с помощью которого он постигает женскую природу. Этот унаследованный образ есть третий важный источник фемининности души.

302 Нас интересует здесь не философское и, тем более, не религиозное понятие души (в чем уже успел убедиться читатель), а психологическое признание существования полусознательного психического комплекса, обладающего частичной автономностью функций. Ясно, что это связано с философским или религиозным понятием души настолько же, насколько психология — с философией и религией. Я не хотел бы вдаваться здесь в «междисциплинарный спор» и пытаться демонстрировать философу или теологу, чем является то, что он имеет в виду под «душой». Но я должен также ограничить обоих в праве предписывать психологу, что ему следует понимать под «душой». Личное бессмертие — качество, которым религиозное миропонимание наделяет душу,— для науки оказывается лишь психологическим признаком, уже включенным в саму идею автономии. Качество личного бессмертия, согласно первобытным представлениям, совершенно не присуще душе, равно как и само бессмертие. Однако, если оставить в стороне этот взгляд, совершенно недоступный науке, то непосредственное значение «бессмертия» заключается в психической деятельности, выходящей за границы сознания. Выражения «на том свете» или «в мире ином» с точки зрения психологии означают лишь «по ту сторону сознания». Ничего положительно другого здесь нет, поскольку высказывания о бессмертии всегда исходят только от живущего человека, который не может говорить «с того света».

303 Автономия душевного комплекса, естественно, поддерживает представление о невидимом, личном существе, которое, как представляется, живет в мире, весьма отличном от нашего. Соответственно, поскольку деятельность души воспринимается как бытие самостоятельного существа, не связанного с нашей бренной телесностью, легко может возникнуть

впечатление, что это существо вообще ведет совершенно независимое существование — возможно, в мире невидимых вещей. Однако не вполне ясно, почему *невидимость* этого независимого существа должна одновременно сочетаться с его *бессмертием*. Качество бессмертия, пожалуй, может легко вытекать из другого допущения, о котором уже говорилось,— самого исторического аспекта души. Возможно, лучше других это изобразил Райдер Хаггард («Она»). Когда буддисты говорят, что на пути самосовершенствования через концентрацию у человека начинают пробуждаться воспоминания о прежних инкарнациях, то они соотносят себя, видимо, с той же самой психической реальностью, хотя с той разницей, что они приписывают исторический фактор не душе, а самости (Атман). Это находится в полном согласии с экстравертной установкой западного разума, согласно которой бессмертие — на чувственном уровне и в традиционном плане — приписывается душе, которую более или менее воспринимают иначе, чем Эго, и которая к тому же отличается от Эго своей феммининностью. Было бы вполне логично, если бы у нас благодаря углублению интровертной духовной культуры, до сих пор бывшей в небрежении, произошло изменение, приближающееся к восточной духовности, когда свойство бессмертия сместилось бы от двусмысленной фигуры души (anima) к самости. Ведь главным образом эта переоценка внешнего, материального объекта констеллирует внутри духовную и бессмертную фигуру (очевидно, в целях компенсации и саморегуляции). По сути, исторический фактор присущ не только архетипу женского начала, но и всем архетипам вообще, т. е. каждому наследственному единству, как духовному, так и физическому. Ведь наша жизнь во многом повторяет жизнь наших предков. Во всяком случае в наших чувствах нет ничего бренного, ибо те же самые физиологические и психологические процессы, которые были свойственны людям сотни тысяч лет назад, все еще действуют и постоянно по капле проникают в глубины наших сердец через интуицию «вечно длящейся» непрерывности жизни. Самость же как средоточие нашей жизненной системы выступает не только как хранилище и сумма всей прожитой жизни, но и является исходным пунктом, точкой отправления, своего рода плодородной почвой, из которой произрастает будущее. Подобное предощущение так же ясно дано и внутреннему чувству в качестве исторического аспекта. Из этих психологических предпосылок вполне закономерно вытекает и идея бессмертия.

304 В восточном мировосприятии понятие анимы в европейском представлении отсутствует, равно как там нет и понятия персоны. Это, конечно же, не случайно, ибо, как я уже обозначил, между персоной и анимой существует компенсаторное отношение.

305 Персона в динамическом смысле есть сложная система взаимоотношений между индивидуальным сознанием и обществом, достаточно удобный вид маски, рассчитанной на то, чтобы, с одной стороны, производить на других определенное впечатление, а с другой — скрывать истинную природу индивида. То, что последнее излишне, может утверждать лишь тот, кто до такой степени слился со своей персоной, что перестал узнавать самого себя, а то, что не нужно первое, может вообразить лишь тот, кто и понятия не имеет об истинной природе своего окружения. Общество ожидает и даже обязано ожидать от каждого индивида, что тот будет стремиться исполнять отведенную ему роль как можно лучше. И тот, например, кто является священником, будет не только старательно выполнять свои должностные обязанности, но и в любое время и при любых обстоятельствах будет оставаться священником. Общество требует своего рода гарантии, каждый должен быть на своем месте: вот — сапожник, а вот — поэт. От человека не ждут, чтобы он одновременно был и тем, и другим. Более того, это даже и нежелательно, так как выглядит несколько «странно». Ведь такой человек отличался бы от остальных людей и был бы не вполне надежным. В академическом мире он слыл бы «дилетантом», в политике — «непредсказуемой» фигурой, в религии — «свободомыслящим»; короче, на него пало бы подозрение в ненадежности и некомпетентности, ибо общество убеждено, что только тот сапожник, который не занимается поэзией, способен производить фирменную, хорошую обувь. Демонстрировать вполне определенное и типичное общественное лицо очень важно: средний человек, единственно известный обществу, должен полностью служить одному делу, чтобы добиться чего-нибудь стоящего, а два дела одновременно — это уже чересчур. Наше общество настроено именно на такой идеал. Неудивительно поэтому, что любой, настроенный на то, чтобы добиться многого от жизни, обязан учитывать эти ожидания. Очевидно, что никто не может полностью раствориться в этих ожиданиях, поэтому построение искусственной личности становится неизбежной необходимостью. Требования приличий и хороших манер довершают необходимость в приобретении

удобной маски. Тогда под этой маской возникает то, что называется «частной жизнью». Этот известный болезненный разрыв сознания на две различные фигуры — радикальная психологическая операция, которая непременно отразится на бессознательном.

306 Создание коллективно приемлемой персоны подразумевает сильную уступку внешнему миру — зачастую подлинное самопожертвование, которое прямо-таки побуждает Эго к идентификации с персоной. Существуют люди, которые думают, будто являются теми, за кого они сами себя принимают. Однако «бездушие» подобной установки — лишь видимое, ибо бессознательное ни при каких обстоятельствах не воспринимает такого смещения центра тяжести. Рассматривая подобные случаи критически, мы обнаружим, что превосходство маски компенсируется «частной жизнью», протекающей за масочным «фасадом». Благочестивый Драммонд как-то посетовал на то, что «дурной нрав есть порок благочестивого». Естественно, тот, кто преуспел в этом компромиссе, расплачивается за это раздражительностью. Бисмарк страдал припадками истеричного плача, Вагнер одно время был увлечен перепиской по поводу шелковых поясов для домашних халатов, Ницше писал письма своей «дорогой ламе», Гете вел беседы с Эккерманом и т. д. Но есть вещи более тонкие, чем общеизвестные сведения об известных людях. Я однажды свел знакомство с одним весьма почтенным человеком, его легко можно было назвать святым. Я три дня ходил вокруг него и никак не мог обнаружить в нем хотя бы некоторые слабости, присущие смертным. Мое чувство неполноценности угрожающе возросло, и я уже начал было всерьез подумывать о том, чтобы стать лучше. Но на четвертый день ко мне на консультацию пришла его жена... Ничего подобного в моей практике прежде не было. Из этого я извлек урок: любой мужчина, который сливается со своей персоной, все свои расстройства может перекладывать на свою жену, даже не уведомляя ее об этом, причем она может расплатиться за свое самопожертвование тяжелым неврозом.

307 Эта идентификация с социальной ролью — весьма распространенный источник неврозов. Человек не может безнаказанно отделаться от самого себя в пользу искусственной личности. Одна только попытка этого обыкновенно приводит к бессознательным реакциям в виде плохого настроения, к возникновению аффектов, фобий, навязчивых представлений, слабости, пороков и т. д. Социально «сильный мужчина» в своей

«частной жизни» — чаще всего дитя, когда дело касается состояния его собственных чувств; его публичная дисциплинированность (которой он так настойчиво требует от других) предстает весьма жалкой в частной жизни. Его «любовь к своей профессии» обращается дома в меланхолию; «безупречная» публичная мораль выглядит поразительно странной по другую сторону маски — мы уже упоминаем не дела, а говорим только о фантазиях; впрочем, жены таких мужей могли бы кое-что сообщить об этом. Что же касается его самозабвенного альтруизма, то об этом лучше всего могли бы рассказать его дети.

308 В той мере, в какой мир призывает индивида к идентификации с маской, индивид подвержен влияниям изнутри. «Высокое покоится на низком»,— говорит Лао Цзы. Изнутри торят свои пути противоположные силы, выходит даже так, как будто бессознательное подавляет Эго с той же самой силой, с какой Эго вовлекается в персону. Отсутствие внешнего сопротивления в отношении к притягательной силе персоны означает аналогичную слабость внутри — по отношению к влияниям бессознательного. Внешне разыгрывается эффектная и сильная роль, в то время как внутри развивается женообразная слабость по отношению ко всем влияниям бессознательного. Настроение и расположение духа, боязливость, даже вялая сексуальность (кульминирующаяся в импотенции) постепенно берут верх.

309 Персона, идеальный образ мужчины, внутренне скомпенсирована фемининной слабостью, и если внешне индивид играет роль сильного мужчины, то внутренне он является фемининным, т. е. анимой, так как это та самая анима, которая противостоит персоне[4]. Но поскольку внутренний мир темен и непрогляден для экстравертного сознания и поскольку человек меньше всего способен думать о своих слабостях, когда он идентичен с персоной, то и противоположность персоны, анима, целиком остается во мраке и поэтому тотчас же проецируется, благодаря чему герой оказывается под каблуком жены. Если прирост власти анимы значителен, то жена плохо переносит мужа. Она становится неполноценной и тем самым наделяет мужа желанным доказательством того, что не он, герой, неполноценен

[4] По поводу определения этого понятия см.: *Юнг К. Г* Психологические типы. СПб., 1995. Часть XI. § 702–710.

в «частной жизни», а его жена. В свою очередь у жены есть утешающая многих иллюзия, что она вышла замуж по меньшей мере за героя, притом она может не думать о своей собственной никчемности. Эту маленькую игру иллюзий часто принимают за целостное «содержание жизни».

310 Точно так же как для достижения индивидуации, самореализации, человеку необходимо уметь различать, чем он кажется себе и другим, так же для той же самой цели человек должен отдавать себе отчет в том, что он находится в невидимой системе отношений к бессознательному, в частности к аниме, чтобы уметь отличать себя от нее. Невозможно, конечно, отличить себя от чего-либо бессознательного. В случае персоны, естественно, легко объяснить человеку, что он и его служба — две разные вещи. Зато от анимы можно отличить себя лишь с трудом и, наряду с прочим, именно потому, что она невидима. Ведь у человека прежде всего существует предрассудок, будто все исходящее изнутри следует из самых истинных глубин его бытия. «Сильный мужчина», может быть, согласится с нами, что в своей «частной жизни» он особенно недисциплинирован, но это именно его слабость, с которой он в определенной мере объявляет себя солидарным. Нынче эта тенденция стала культурным наследием, которым не следует пренебрегать, так как когда человек признает, что его идеальная персона ответственна за совсем не идеальную аниму, то его идеалы будут поколеблены, мир сделается неопределенным, двусмысленным даже в его собственных глазах. Им овладеет сомнение в чистоте добрых дел, хуже того, сомнение в собственных добрых намерениях. Если поразмыслить о том, с какими мощными историческими предпосылками связана наша сокровеннейшая идея добрых намерений, то станет ясно, что в свете сегодняшних представлений о мире гораздо приятнее упрекнуть себя лишний раз в личной слабости, чем ниспровергать идеалы.

311 Бессознательные факторы действуют как детерминанты в той же степени, что и величины, регулирующие жизнь социума, и являются не менее коллективными, чем последние. Я могу с одинаковым успехом научиться различать то, чего хочу я и что мне навязывает бессознательное, равно как и понимать, чего требует от меня служба и чего желаю я лично. Поначалу, конечно, вскрывается лишь несовместимость требований, идущих извне и изнутри, с Эго, находящимся между ними, как между молотом и наковальней. Перед этим Эго, которое чаще всего не более чем просто игрушка внешних и внутренних требований, стоит, однако, некий

едва различимый арбитр, которого я ни под каким предлогом не хочу называть двусмысленным именем «совесть» несмотря на то, что само слово в лучшем его понимании, наверное, превосходно могло бы обозначать эту инстанцию. Во что мы превратили эту «совесть», которую с непревзойденным юмором изобразил Шпиттелер[5]. Поэтому надо бы по возможности избегать этого специфического понятия. Наверное, лучше постараться представить себе, что эта трагическая игра противоположностей между внутренним и внешним (запечатленная в образе Иова и в «Фаусте» как спор с Богом) представляет, в сущности, энергетику процесса жизнедеятельности, то полярное напряжение, которое необходимо для саморегуляции. Как бы ни были различны в исполнении и намерении эти противоположные силы, они, в сущности, означают жизнь индивида и на нее нацелены; они постоянно колеблются вокруг этой жизни, как вокруг центра равновесия. Именно потому, что они соотнесены друг с другом в своей противоположности, они и объединяются в некоем опосредованном значении, которое вольно или невольно рождается в самом индивиде, а потому и обожествляется им. У человека есть ощущение того, чем он должен быть и чем может. Отклонение от подобного прорицания означает заблуждение, ошибку или болезнь.

312 Видимо, это не случайность, что от слова «персона» происходят наши современные понятия «личностный» (persönlich) и «личность» (Persönlichkeit). Я могу утверждать о своем Эго, что оно личностно или является личностью, равно как и о своей персоне я могу сказать, что она — личность, с которой я себя более или менее идентифицирую. Тот факт, что в таком случае у меня будет, собственно, две личности, вовсе не удивителен, поскольку любой автономный или хотя бы только относительно автономный комплекс может выступать в качестве личности, т. е. оказываться персонифицированным. Легче всего, пожалуй, это можно заметить в так называемых спиритических явлениях автоматического письма и т. п. Составленные фразы всегда являются личностными высказываниями и излагаются от первого лица, как если бы за каждой записанной частью предложения тоже стояла личность. Поэтому простодушный человек

[5] См.: *Spitteler C.* Prometheus und Epimetheus. Jena, 1915; *Юнг К. Г.* Психологические типы. СПб., 1995. § 285 и далее.

тотчас непременно уверует в духов. Подобное, как известно, можно наблюдать и в галлюцинациях душевнобольных, хотя эти галлюцинации часто еще более явно, чем записи спиритов, суть просто мысли или фрагменты мыслей, непосредственная связь которых с сознательной личностью очевидна каждому.

313 Тенденция относительно автономных комплексов к непосредственной персонификации объясняет также, почему персона выступает от имени всей личности, почему Эго легко ошибается относительно того, каково же его «настоящее» место.

314 Все, что истинно в отношении персоны и всех автономных комплексов вообще, истинно и в отношении анимы. Она — личность в той же степени, вот почему она столь легко может быть спроецирована на женщину. До тех пор, пока анима бессознательна, она всегда спроецирована, ибо все бессознательное проецируется. Первой носительницей этого душевного образа всегда выступает мать, позднее подключаются те женщины, которые возбуждают чувства мужчины,— неважно, в позитивном или негативном смысле. Поскольку мать — первая носительница этого образа души, то отделение от нее — деликатный и важный вопрос огромного воспитательного значения. Поэтому уже у первобытных людей мы находим множество ритуалов и обычаев, организующих подобное отделение. Простого взросления и внешнего отделения недостаточно, нужны еще совершенно особое посвящение в мужчины и церемонии второго рождения, чтобы эффективно выстроить отделение от матери (а тем самым осуществить выход из детства).

315 Точно так же как отец действует в качестве защиты от опасностей внешнего мира и тем самым становится для сына образчиком персоны, так и мать для него — защита от опасностей, угрожающих ему из его собственного душевного мрака. Поэтому при посвящении в мужчины лицо, проходящее инициацию, получает наставления относительно «потусторонних» явлений, благодаря чему оказывается в состоянии отказаться от материнской защиты.

316 Современный культурный человек лишен этой превосходной, несмотря на ее первобытность, системы воспитания. В результате анима в форме материнского имаго переносится на жену, и мужчина, как только он женится, становится ребячливым, сентиментальным, зависимым, послушным либо еще более агрессивным: вспыльчивым, деспотичным и обидчивым,

постоянно раздумывающим о престижности своей ярко выраженной мужественности. Последнее, естественно, есть просто обратная сторона первого. Защита от бессознательного, которую осуществляла мать, у современного человека осталась ничем не замененной, в результате чего он бессознательно так формирует свой идеал брака, что жене приходится максимально брать на себя магическую роль матери. Под покровом такого идеально замкнутого брака он, собственно, ищет у матери защиту и, таким образом, соблазненный, идет навстречу женскому инстинкту обладания. Страх мужчины перед темной непредсказуемостью бессознательного предоставляет женщине неузаконенную власть над ним и делает такой союз столь драматичным, что сам брак постоянно грозит взорваться от внутреннего напряжения, или с тем же успехом мужчина из чувства протеста впадает в противоположную крайность.

317 Я придерживаюсь того мнения, что некоторым современным людям следовало бы понять свое отличие не только от персоны, но и от анимы. Поскольку наше сознание в соответствии с западной традицией обращено главным образом наружу, то внутренний мир остается во мраке. Но эту сложность легко преодолеть следующим путем: попытаться однажды столь же концентрированно и критически посмотреть на тот психический материал, который проявляется не снаружи, а в нашей частной жизни. Поскольку мужчины привыкли стыдливо обходить это молчанием и даже трепетать перед своими женами из страха возможного предательства (!), а в случае, если что-то обнаружится, признаваться в своих «слабостях», то обыкновенно в качестве единственного воспитательного метода признается следующий: эти слабости по возможности подавляют или вытесняют или хотя бы скрывают от публики. Но это совсем не выход из положения.

318 Возможно, объяснить, что же нам, в сущности, следует делать, лучше всего на примере персоны. Здесь все четко и ясно, в то время как с анимой для нас, западных людей, все темно. Когда анима непрерывно перечеркивает добрые намерения сознания, выстраивая такую частную жизнь, которая пребывает в огорчительном контрасте с блистательной персоной, то здесь происходит то же самое, что и с наивным индивидом, не имеющим представления о персоне, который сталкивается с самыми болезненными трудностями на своем жизненном пути. Есть такие люди с неразвитой персоной — «канадцы, не знакомые с показной вежливостью Европы»,— которые, совершив один публичный промах или бестактность, сами того

не ведая, делают новый промах или проявляют бестактность, причем совершенно бесхитростно и невинно, это душевные надоедалы, или трогательные дети, или, если это женщины, призрачные Кассандры, внушающие страх своими бестактными предсказаниями, то вечно не так понимающие, не ведающие, что творят, и потому всегда рассчитывающие на прощение; безнадежные мечтатели, не видящие мира. Именно здесь можно увидеть, как действует оставшаяся в небрежении персона и что нужно делать, чтобы справиться с этой бедой. Такие люди могут избежать разочарований и страданий всякого рода, сцен и социальных катастроф, лишь когда они научатся понимать, как следует вести себя в обществе. Им надо научиться понимать, чего ожидает от них это общество; они должны увидеть, что в мире есть обстоятельства и лица, которые намного их превосходят; они должны знать, что означают их поступки для другого, и т. д. Это, конечно, детские игры для тех, кто соответствующим образом сформировал свою персону. Если же мы теперь повернем картинку другой стороной и поставим лицом к аниме обладателя блистательной персоны, сравнив его с человеком без персоны, то увидим, что первый так же «хорошо» осведомлен в отношении анимы и ее проблем, как второй — в отношении мира. То, как каждый использует свое знание, естественно, может быть злоупотреблением, скорее всего, так оно и будет.

319 Человек с персоной может оказаться слепым в отношении к внутренним реальностям, точно так же как другой — к реальности мира, имеющей для него только ценность забавной или фантастической игры. Но факт внутренних реальностей и их безусловного признания есть очевидное условие sine qua non[6] для серьезного рассмотрения проблемы анимы. Если внешний мир для меня — просто фантазм, то как же мне тогда всерьез пытаться построить сложную систему отношений и приспособлений к нему? В равной степени позиция: внутреннее — «ничего, кроме фантазии»,— никогда не убедит меня рассматривать проявления моей анимы как глупые и бессмысленные пристрастия. Если же, однако, я приму ту точку зрения, что мир пребывает и снаружи, и внутри, что психическая реальность присуща обоим мирам, как внешнему, так и внутреннему, то я, будучи последовательным, должен буду рассматривать и те расстройства и неблагоприятные влияния, которые

[6] Необходимое (*лат.*).

идут ко мне изнутри, как симптом недостаточного приспособления к условиям этого внутреннего мира. Подобно тому как синяки, полученные невинным прохожим на улице, не исчезают в результате морального вытеснения, так же мало проку и в бездеятельной регистрации своих «слабостей». Здесь есть причины, намерения и следствия, в которые могут вмешаться воля и понимание. Возьмем, например, того «незапятнанного» человека, блюдущего свою честь и радеющего за общественное благо, который терроризирует жену и детей вспышками своего гнева и своенравным поведением дома. Как поступает анима в этом случае?

320 Мы поймем это тотчас же, если предоставим событиям идти своим естественным ходом. Жена и дети становятся ему чужими, и вокруг него образуется вакуум. Поначалу такой человек станет жаловаться на бездушие своей семьи и при случае станет вести себя еще хуже, чем раньше. Это сделает отчуждение абсолютным. Если теперь еще не все добрые гении покинули его, то через некоторое время он заметит свою изоляцию и в своем одиночестве начнет понимать, каким образом он пришел к такому отстранению. Возможно, он удивленно спросит себя: «Что за бес вселился в меня?» — естественно, не заметив самого смысла этой метафоры. За этим последуют раскаяние, примирение, забвение, вытеснение, а потом — новая вспышка. Ясно, что анима пытается форсировать отделение. Подобная тенденция, разумеется, не отвечает ничьим интересам. Анима пытается протиснуться в середину, как ревнивая любовница, стремящаяся отбить мужчину у его семьи. Служба или иная выгодная социальная позиция могут делать то же самое; но там-то мы понимаем, в чем сила соблазна. Но где анима берет эту власть, чтобы обладать таким очарованием? По аналогии с персоной за этим должно скрываться нечто ценное или важное и влиятельное, например, соблазнительные обещания. В эти моменты следует остерегаться рационализации. Первая мысль, что наш человек чести подыскивает себе другую женщину. Это вполне возможно, даже может быть подстроено анимой как эффективное средство достижения цели. Можно ошибиться, принимая подобную интригу за самоцель, ибо незапятнанный человек чести, женившийся корректно и законно, так же корректно и законно может развестись, что ни на грош не изменит его основную установку. Старая картина просто получит новую раму.

321 Фактически такая организация событий представляет весьма обычный способ осуществить разрыв и затруднить окончательное разрешение.

Поэтому, видимо, разумнее было бы не считать, что столь естественная возможность имеет конечной целью отделение. Более уместным представляется расследовать подоплеку тенденций анимы. Первый шаг к этому — то, что я назвал бы объективацией анимы, а именно — категорический отказ от стремления к отделению как к проявлению собственной слабости. Как только это произошло, можно в некотором смысле поставить перед анимой вопрос: «Почему ты хочешь этого разрыва?» Постановка этого вопроса в личностном плане дает большое преимущество в распознавании анимы как личности, делающее, таким образом, возможным отношение к ней. Чем более личностно к ней подойти, тем лучше.

322 Тому, кто привык подходить ко всему чисто интеллектуально и рационалистически, это может показаться прямо-таки смехотворным. Конечно, было бы верхом абсурда, если бы кто-то попытался завести разговор со своей персоной, которую он признает лишь как средство психологического отношения. Но это абсурдно только для того, кто *обладает* персоной. У кого же ее нет, тот в этом отношении мало чем отличается от первобытного человека, который, как известно, лишь одной ногой стоит в том, что мы обыкновенно обозначаем как реальность. Другой ногой он стоит в мире духов, который вполне для него реален. В реальном мире наш показательный субъект — современный европеец, в мире же духов он — пещерный человек. Поэтому европейцу придется примириться со своего рода доисторической начальной школой, пока он не получит верного представления о силах, управляющих этим другим миром. Следовательно, самым верным для него будет рассматривать фигуру анимы как автономную личность и ставить перед ней личностные вопросы.

323 Под всем этим я подразумеваю реальную технику. Как известно, практически любой человек обладает не только странностью, но и способностью разговаривать с самим собой. Всякий раз, когда мы оказываемся в том или ином затруднении, мы — во весь голос или тихо — ставим себе (а кому же еще?) вопрос: «Что же мне делать?» И мы (а кто же еще?) даем на него ответ. В намерении познакомиться с глубинами своего существа нам и дела нет до того, что мы в известном смысле живем в метафоре. Мы принимаем как символ нашей собственной первобытной отсталости (или естественности, еще, слава богу, сохранившейся) свою способность — как у негров — лично беседовать со своей «змеей». Поскольку психика отнюдь не единство, а противоречивая множественность комплексов, то диссоциация,

необходимая для диалектического разбирательства с анимой, не будет для нас чрезмерной обузой. Все искусство состоит лишь в том, чтобы дать невидимому визави возможность быть услышанным, предоставить на какое-то время в его распоряжение своего рода речевой механизм, не впадая при этом в отвращение, естественным образом возникающее перед такого рода игрой с самим собой, игрой, кажущейся абсурдной. Или в сомнение касательно «подлинности» голоса этого невидимого собеседника. Как раз последний пункт наиболее важен в техническом отношении, поскольку мы до такой степени привыкли идентифицировать себя со своими мыслями, что всегда подразумеваем, будто мы сами их авторы. И часто это, как ни странно, именно те самые невозможные мысли, за которые мы ощущаем величайшую субъективную ответственность. Если бы мы представляли себе, каким строгим универсальным законам подчиняются даже самые дикие и произвольные фантазии, то, возможно, быстрее осознали бы необходимость рассматривать именно такие мысли как объективные события, точно так же, как сновидения, которые никто ведь не принимает за преднамеренные и умышленные изобретения. Безусловно, требуются величайшие объективность и непредубежденность, чтобы дать «другой стороне» возможность проявлять ощутимую психическую активность. В силу вытесняющей установки сознания эта другая сторона была принуждена к чисто непосредственным, симптоматическим проявлениям по большей части эмоционального характера, и только в моменты неуправляемого аффекта фрагменты понятийных или образных содержаний бессознательного выносились на поверхность. При этом достигался неизбежный побочный эффект, заключавшийся в том, что Эго мгновенно идентифицировалось с этими сообщениями, с тем чтобы, само собой разумеется, немедленно их отменить. Еще бы! Ведь вещи, высказанные во власти аффекта, иногда выглядят весьма странными и вызывающими. Но они легко забываются или полностью отвергаются. С этим механизмом осуждения и отрицания, естественно, надо считаться, если есть желание настроить себя объективно. Привычка вмешиваться, исправлять и критиковать достаточно сильна в нашей традиции и, как правило, еще более усиливается страхом — страхом, в котором невозможно признаться ни другим, ни самому себе, страхом перед коварными истинами, опасными познаниями, неприятными констатациями — словом, перед всеми теми вещами, которые побуждают очень многих людей бежать от самих себя, как от чумы. Говорят, что зани-

маться самим собой эгоистично или «вредно для здоровья», «свое собственное общество — наихудшее; от него впадают в меланхолию», — такие категоричные ярлыки навешиваются на наши проявления. И они глубоко «вмонтированы» в наш западный разум. Кто думает так, тот, очевидно, никогда не спрашивал себя, что за удовольствие получают другие от общества таких жалких трусов. Частенько в состоянии аффекта право на высказывание истины непроизвольно передается другой стороне, однако не лучше ли данный аффект использовать как-то иначе, чтобы дать этой другой стороне возможность высказаться? Можно поэтому сказать также, что нужно упражняться в искусстве говорить самому себе в состоянии аффекта, как если бы аффект сам был нашим собеседником и высказывался бы без оглядки на нашу разумную критику. Пока этот аффект выражается, от критики надо воздерживаться. Но, как только он представил свои жалобы, его следует на совесть покритиковать — так, как если бы таким собеседником был настоящий, близкий нам человек. И пусть на этом все не остановится, а взаимные реплики будут следовать друг за другом до тех пор, пока обсуждение не придет к удовлетворительному результату для обеих сторон. Удовлетворителен результат или нет — об этом может судить только субъективное чувство. Любой обман, разумеется, совершенно бесполезен. Скрупулезная честность по отношению к самому себе и воздержанность от поспешных и опрометчивых суждений по поводу того, что могла бы сказать другая сторона, суть необходимые условия этой техники воспитания анимы.

324 Следует кое-что сказать по поводу свойственного нам, западным людям, страха перед другой стороной. Ведь этот страх не вполне оправдан, хотя он реален. Нам хорошо понятен страх ребенка и первобытного человека перед огромным, незнакомым миром. Этот детский страх перед другой стороной есть и у нас там, где мы точно так же соприкасаемся с огромным, незнакомым миром. Но мы переживаем этот страх как аффект, не зная, что он и есть мировой страх, так как мир аффектов невидим. У нас на этот счет имеются либо просто теоретические предубеждения, либо суеверные представления. Даже в присутствии многих образованных людей невозможно вести речь о бессознательном, чтобы тебя не обвинили в мистицизме. Обоснован же этот страх постольку, поскольку то, что выдает другая сторона, колеблет наше рациональное мировоззрение с его научными и моральными гарантиями, в которые столь

горячо верят как раз потому, что они сомнительны. Если бы этого можно было избежать, то настоятельный совет древних «не будить спящую собаку» был бы единственной достойной рекомендацией. И здесь я хотел бы настоятельно подчеркнуть, что никому не советую принимать изложенную выше технику в качестве чего-то необходимого или даже полезного — во всяком случае, никому, кто не прибегает к этому, побуждаемый необходимостью. Как уже было сказано, существует сложное сочетание временных пластов: есть седобородые старцы, которые умирают невинными, как грудные младенцы, но и по сей день продолжают появляться на свет дикари. Есть истины, которые принадлежат будущему, истины, что были верны еще вчера, и есть такие, которые не принадлежат времени.

325 Я могу, конечно, представить себе, что кто-нибудь станет пользоваться такой техникой, так сказать, из священного любопытства, например, юноша, который захотел бы приделать себе крылья не потому, что у него парализованы ноги, а потому, что он жаждет солнца. Но человек взрослый, лишившийся довольно многих иллюзий, пожалуй, лишь насильно решится на то, чтобы внутренне унизиться и заново пережить свои детские страхи. Нелегкое это дело — стоять между дневным миром поколебленных идеалов и дискредитировавших себя ценностей и ночным миром, по всей видимости, бессмысленной фантазии. Предопределенность такого положения и впрямь столь ужасающа, что нет, наверное, никого, кто не хватался за какую-нибудь гарантию — даже если это и отступление назад, к матери, которая спасала в детстве от ночных страхов. Тот, кто боится, оказывается зависимым; слабый нуждается в поддержке. Вот почему уже первобытный разум, движимый глубочайшей психологической необходимостью, породил религиозные учения и воплотил их в колдунах и жрецах. Extra ecclesiam nulla salus[7] — истина, верная еще и сегодня для тех, кто способен вернуться обратно в церковь. Для тех же немногих, кто на это неспособен, остается только зависимость от человека — зависимость, как мне хочется думать, более смиренная или более гордая, опора более слабая или более надежная, нежели какая-нибудь другая. Что же в таком случае можно сказать о протестанте? У него нет ни церкви, ни священника, у него есть только Бог, но даже Бог становится сомнительным.

[7] Вне церкви нет спасения (*лат.*).

326 Читатель, должно быть, с удивлением задаст себе вопрос: «Но что же в конце концов, делает анима, если нужна такая двойная страховка, чтобы разбираться с ней?» Я порекомендовал бы читателю изучать сравнительную историю религий, чтобы наполнить мертвые для нас хроники эмоциональной жизнью, которая была внутренним опытом тех, кто жил, исповедуя эти религии. Тем самым он получит представление и о том, какова жизнь на другой стороне. Древние религии с их возвышенными и смешными, добрыми и жестокими символами не упали к нам с неба, а возникли в той же человеческой душе, которая живет в нас и сейчас. Все эти вещи со своими первичными формами живут в нас и в любое время могут обрушиться на нас со всей своей разрушительной силой — под видом массовых суггестий, против которых индивид беззащитен. Наши страшные боги сменили лишь свои имена: теперь они рифмуются со словами на *-изм*. Или, может быть, кто-то осмелится утверждать, будто мировая война или большевизм оказались остроумным изобретением? Во внешнем мире в любой момент может уйти под воду целый континент, сместиться полюс или вспыхнуть новая эпидемия, а в нашем внутреннем мире в любой момент может произойти нечто подобное, только, конечно, в форме идеи, но с не менее опасными и непредсказуемыми последствиями. Неумение адаптироваться к этому внутреннему миру — столь же тяжкое по последствиям упущение, как невежество и неловкость во внешнем мире. И лишь ничтожно малая часть человечества, живущая главным образом на густонаселенном азиатском полуострове и называющая себя «культурной», вследствие недостаточного контакта с природой пришла к мысли о том, что религия — это вид своеобразного духовного расстройства с неясным предназначением. С безопасного расстояния, например из Центральной Африки или Тибета, это определенно может выглядеть так, как если бы эта малая часть спроецировала свои собственные бессознательные умственные расстройства на нации, еще обладающие здоровыми инстинктами.

327 Поскольку явления внутреннего мира субъективно воздействуют на нас сильнее в силу своей бессознательности, постольку тому, кто хочет добиться в своей собственной культуре дальнейшего прогресса (а разве всякая культура не начинается с отдельного человека?), необходимо объективировать воздействия анимы, а затем попробовать понять, какие содержания составляют основу этих воздействий. Тем самым он получит

возможность адаптации и защиту от невидимого. Такая адаптация, конечно, не может быть удачной без уступок обоим мирам. Из учета внутренних и внешних требований, точнее говоря, из их конфликта, выявляются возможное и необходимое. К сожалению, наш западный разум вследствие недостатка культуры еще не выработал понятия, не дал даже имени для выражения единства противоположностей через срединный путь — этой наиважнейшей определяющей части внутреннего опыта, понятия, которое было бы сопоставимо с китайским Дао. Это одновременно и глубоко индивидуальное событие, и наиболее универсальное, закономерное проявление смысла жизни индивида.

328 В ходе предыдущего изложения я принимал в расчет исключительно *маскулинную* психологию. Анима, будучи категорией женского рода, является фигурой, компенсирующей исключительно маскулинное сознание. У женщин компенсирующая фигура носит мужской характер и может поэтому обозначаться как анимус. Если весьма нелегкой задачей является описание смыслового содержания анимы, то трудности возрастают многократно, когда речь заходит о психологии анимуса.

329 Тот факт, что мужчина наивно приписывает реакции своей анимы самому себе, не понимая, что он не должен идентифицировать себя со своим автономным комплексом, повторяется в *фемининной* психологии, и даже в гораздо большей степени. Подобная идентификация с автономным комплексом является существенной причиной сложности понимания и описания данной проблемы, не говоря уже о свойственной ей неясности и неизученности. Мы привыкли исходить из наивного убеждения, что являемся единственными хозяевами в своем доме. Поэтому нам необходимо вначале свыкнуться с мыслью о том, что даже наша самая интимная психическая жизнь протекает, так сказать, в доме, в котором есть двери и окна в мир, и хотя сами предметы или содержания этого мира воздействуют на нас, но нам самим не принадлежат. Многие с трудом могут воспринять подобную гипотезу, и с таким же трудом им удается действительно осмыслить тот факт, что психология окружающих людей вовсе не обязательно идентична их собственной. Возможно, читателю покажется преувеличением мое последнее замечание, потому что индивидуальные различия в общем все же осознаются людьми. Следует, однако, учитывать тот факт, что наша индивидуальная сознательная психология развивается из первоначального состояния бессознательности (обозначенного Ле-

ви-Брюлем как *мистическое соучастие*), и, следовательно, она не дифференцирована. Следовательно, осознание различия представляет относительно позднее достижение человечества и, вероятно, относительно малую часть неизмеримо большего поля изначальной идентичности. Различение есть сущность и непременное условие сознания. Поэтому все бессознательное недифференцировано, и все, что происходит бессознательно, действует на основе неразличения, иначе говоря, определение того, что принадлежит, а что не принадлежит самости, отсутствует. Невозможно установить заранее (априори), происходит ли что-либо со мной, с другим или с обоими. Чувство тоже не дает в этом отношении надежных указаний.

330 Нельзя eo ipso[8] приписывать женщинам неполноценное сознание; оно просто другое, чем маскулинное сознание. Но, подобно тому, как женщина часто легко осознает вещи, которые мужчина еще долго стремится понять, блуждая в потемках своей психики, так же естественным образом и у мужчины есть сферы опыта, которые для женщины еще остаются в тени, а стало быть неразличимы, главным образом по причине отсутствия интереса к ним. Личные отношения, как правило, для нее важнее и интереснее, нежели объективные факты и их взаимосвязи. Обширные области торговли, политики, техники и науки, все царство, где находит себе применение мужской разум,— все это попадает у нее в полумрак сознания, но, со своей стороны, женщина обладает осознанностью, разработанной в мельчайших подробностях в сфере личных отношений, бесчисленные нюансы которых от мужчин обычно ускользают.

331 Поэтому следует ожидать от бессознательного женщины существенно иных аспектов, чем те, которые мы находим в бессознательном мужчины. Если бы я попытался одним словом обозначить то, в чем состоит различие между мужчиной и женщиной в этом отношении, т. е. то, что характеризует анимус в отличие от анимы, то я мог бы сказать только одно: если анима создает *настроения*, то анимус — *мнения*, и как настроения мужчины появляются на свет из темных глубин, так и мнения женщин основываются на столь же бессознательных, априорных предпосылках. Мнения анимуса очень часто принимают характер твердых убеждений, поколебать которые нелегко, или принципов, ценность которых представляется неопровержимой.

---

[8] Тем самым (*лат.*).

Анализируя эти мнения, мы тотчас же сталкиваемся с бессознательными предпосылками, существование которых нужно, однако, еще обосновать, т. е. эти мнения, по всей видимости, выражаются так, *словно* эти предпосылки уже существуют. В действительности же эти мнения совсем не выражаются, они существуют уже в готовом виде, так что поддерживаются до такой степени позитивно и столь убедительно, что женщине даже и в голову не придет в них усомниться.

332 Было бы заманчиво полагать, что анимус, подобно аниме, персонифицируется в единственной фигуре. Но, как показывает опыт, это верно лишь отчасти, поскольку неожиданно возникает и другой фактор, обусловливающий существенно другую ситуацию, отличающуюся от ситуации какого-либо мужчины. А именно анимус появляется не как одна персона, а скорее как множество персон. В рассказе Г. Дж. Уэллса «Отец Кристины Альберты» все поведение героини подчинено вышестоящему моральному авторитету, который с неумолимой суровостью и отсутствием чувства юмора, сухо и точно в каждом случае дает оценку тому, что она сейчас делает и по каким мотивам. Уэллс называет эту инстанцию «Судом совести». Это собрание судей, выносящих приговоры, т. е. своего рода судебная коллегия, и есть персонификация анимуса. Анимус — нечто вроде собора отцов и авторитетов разного рода, которые ex cathedra[9] провозглашают свои неоспоримые, «разумные» суждения. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти взыскательные суждения представляют собой главным образом высказывания и мнения, бессознательно и хаотически почерпнутые из детства и составляющие канон общепринятой истины, правильности и разумности; некий компендиум заранее заготовленных мнений или предубеждений, которые везде, где отсутствует сознательное и компетентное решение (что случается сплошь да рядом), тотчас же спешат на помощь. Эти мнения выступают то в виде так называемого «здравого» смысла, то в виде принципов, пародирующих воспитание: «Люди всегда поступают в этом случае так» или «Ведь каждый скажет тебе, что это и есть то».

333 Нет необходимости говорить, что анимус проецируется так же часто, как и анима. Мужчины, которые в особенности подходят для таких

---

[9] С амвона; непререкаемо (*лат.*).

проекций, либо являются ходячими копиями самого Господа Бога, знают правильные ответы на все вопросы, либо — непризнанными болтунами, имеющими в своем распоряжении запас ходовых выражений и способными переводить обычную повседневную реальность на язык «возвышенного переживания». Характеристика анимуса все же будет неполной, если представить его себе исключительно как консервативную коллективную совесть; он и реформатор в области логики, он питает необычайную слабость к трудным или незнакомым словам как к приятнейшей замене ненавистных ему размышлений в вопиющем противоречии с собственными правильными мнениями.

334 Анимус, так же как и анима,— ревнивый любовник. Он способен заменить реального человека мнением о нем, которое крайне сомнительно и основания которого никогда не подвергаются критике. Мнения анимуса неизменно коллективны; они отвергают индивидов и индивидуальные суждения точно так же, как анима навязывает свои эмоциональные ожидания и проекции, возникающие между мужчиной и женщиной. Если женщина привлекательна, мнения анимуса мужчины содержат в себе нечто трогательно ребячливое, что заставляет его принять великодушную позу, наигранно отеческую, профессорскую манеру. Когда же женщина не затрагивает сентиментальных мужских струн, от нее прежде всего ожидается компетентность, а вовсе не трогательная беспомощность и глуповатость, когда ее мнения, исходящие от анимуса, раздражают мужчину до смерти, главным образом постольку, поскольку они строятся не на чем ином, как на мнении ради самого мнения, ведь «каждый имеет право на свое мнение». Здесь мужчины делаются язвительными: неустраним тот факт, что анимус всегда заигрывает с анимой, и, разумеется, наоборот, так что любое дальнейшее обсуждение становится невозможным.

335 У интеллектуальных женщин анимус поощряет критическую несговорчивость и страсть к «умничанию», которые по большей части заключаются в том, чтобы второстепенный, неважный аспект вопроса превращать в суть дела. Или вполне ясное обсуждение запутывать до безнадежности из-за привнесения совершенно иной, не имеющей отношения к делу точки зрения. Сами того не подозревая, такие женщины прямо «лезут на рожон», стремятся раздражать мужчину, тем самым еще больше оказываясь во власти своего анимуса. «К сожалению, я всегда права»,— призналась мне одна такая женщина.

336 Все эти хорошо знакомые, равно как и неприятные черты проявляются, однако, исключительно по причине экстраверсии анимуса. Анимус не принадлежит к функции сознательного отношения, в его задачу прежде всего входит облегчить установление отношений с бессознательным. Вместо женщины, попросту увязывающей свои мнения со спецификой внешних ситуаций — ситуаций, над которыми ей следовало бы поразмыслить сознательно,— анимус как ассоциативная функция должен быть обращен внутрь, где он мог бы связать друг с другом содержания бессознательного. Техника разбирательства с анимусом в принципе та же самая, что и в случае анимы, только здесь это мнения, к которым женщина должна отнестись критически, как бы со стороны — не для того, чтобы их вытеснить, а для того, чтобы, исследовав их происхождение, проникнуть в их темную подоплеку. И тогда она сможет обнаружить изначальные образы точь-в-точь так, как это делает мужчина, разбираясь со своей анимой. Анимус является хранилищем, так сказать, опыта, полученного женщиной от всех своих предков женского рода по поводу мужчины,— и не только это: анимус еще и порождающее творческое бытие, правда, не в смысле маскулинной креативности, а в смысле порождения чего-то такого, что можно было бы назвать *порождающим логосом* (λόγος σπερματικός), творящим словом. Точно так же как мужчина предъявляет свою работу в качестве законченного творения из своей внутренней фемининной природы, так и внутреннее маскулинное начало в женщине предъявляет творческие зародыши, которые в состоянии оплодотворить женское начало мужчины. Это и есть то самое *женское вдохновляющее начало*, которое в случае ошибки может превратиться в наихудший вид догматического наставительного педагога — нормальную «гончую собаку-анимус», как точно выразилась одна моя пациентка.

337 Одержимой анимусом женщине всегда грозит опасность потерять свою женственность, свою адаптированную женскую персону, точно так же как мужчина в подобных обстоятельствах рискует феминизироваться («обабиться»). Такие психические изменения пола всецело обусловлены тем, что функция, принадлежащая внутреннему миру, выворачивается наружу. Причина подобной перверсии (перевернутости) — конечно, недостаточный уровень адекватного признания внутреннего мира, автономно противостоящего внешнему и предъявляющего столь же серьезные требования в отношении адаптации, как и внешний мир.

338 Что же касается множественности анимуса в отличие от единичности анимы, то мне представляется, что этот своеобразный факт есть коррелят сознательной установки. Сознательная установка женщины в общем много более личная, нежели установка мужчины. Ее мир состоит из отцов и матерей, братьев и сестер, супругов и детей. Остальной мир точно так же состоит из подобных семей, которые обмениваются знаками внимания, а вообще интересуются, в сущности, лишь сами собой. Мир мужчины — это народ, «государство», интересы бизнеса и т. д. Его семья — всего лишь средство достижения цели, одно из оснований государства, а жена — необязательно *эта* женщина (во всяком случае, не то, что подразумевает женщина, говоря «мой муж»). Общее значит для него больше, чем личное, поэтому его мир состоит из множества координирующихся факторов, в то время как ее мир за пределами ее мужа — нечто вроде космической туманности. Поэтому аниме мужчины присуща страстная исключительность, а анимус женщины характеризуется неопределенным многообразием. В то время как перед мужчиной проносится четко очерченный, значимый образ Цирцеи или Калипсо, анимус ярче всего выражен в образе Летучего Голландца и иных неведомых пришельцах из-за моря, всегда не вполне ясных и неуловимых, протеических (мгновенно меняющихся) и пребывающих в постоянном движении. Эти образы проявляются в сновидениях, а в конкретной действительности эту роль играют известные певцы, чемпионы по боксу, выдающиеся мужчины из далеких, неведомых городов.

339 Обе эти расплывающиеся на темном фоне психического фигуры — поистине полугротескные «хранители порога» на помпезном языке теософии — могут принимать почти неисчислимое количество форм, которые способны наполнить целые тома. Их сложные трансформации, связи и переплетения столь же богаты и поразительны, как и сам мир, и столь же многомерны, как и необозримое многообразие их сознательного коррелята — персоны. Они населяют сумеречную сферу, но мы все еще можем непосредственно видеть, что автономный комплекс анимы, как и анимуса, в сущности, представляет собой психологическую функцию, которая лишь благодаря своей автономности и неразвитости узурпировала или, вернее, сохраняла «личность». Но уже видна возможность разрушить эти персонификации, так как, делая их осознанными, мы превращаем их в мосты к бессознательному. В силу того, что мы не используем их преднамеренно в качестве функций, они все еще суть персонифицированные

комплексы. И до тех пор, пока они пребывают в этом состоянии, их следует также признать относительно самостоятельными личностями. Они не могут быть интегрированы в сознание, покуда их содержания неизвестны. Целью диалектического процесса является вынесение их содержаний на свет, и, лишь когда выполнена эта задача и сознательный разум достаточно осведомлен относительно разыгрывающихся в аниме процессов бессознательного, анима будет переживаться просто как функция.

340 Я, конечно, не жду, что теперь каждый читатель уже понял, что имеется в виду под анимусом и анимой. Но я надеюсь, что у него по крайней мере сложилось впечатление, что речь здесь идет ни в коем случае не о чем-то «метафизическом», но прежде всего об эмпирических фактах, которые с таким же успехом могут быть изложены и рациональным, абстрактным языком. Я, однако, намеренно избегал чрезмерного абстрагирования, потому что в этих вещах, которые до сих пор были недоступны нашему опыту, совершенно бесполезно предъявлять читателю интеллектуальную формулировку. Гораздо более важно дать ему представление о фактических возможностях опыта. Вряд ли кто-либо в состоянии по-настоящему понять эти вещи, если сам их не пережил. Поэтому для меня дело заключается скорее в том, чтобы наметить пути и возможности таких переживаний, нежели в том, чтобы находить интеллектуальные формулы, которые из-за недостатка опыта неизбежно останутся пустыми словесными цепочками. К сожалению, многие люди заучивают слова наизусть, а в уме добавляют к этому переживания, чтобы потом, забыв о себе в соответствии со своим темпераментом, предаться восхвалению или критике. Здесь речь идет о новой постановке вопроса, о новой — и все же очень древней — сфере психологического опыта, которая может приобрести теоретическую значимость лишь тогда, когда соответствующие психологические факты станут известны достаточному числу людей. Первое, что обнаруживается всегда,— только факты, а не теории. Построение теории есть результат, к которому пришли многие.

III
Техника различения между Эго и фигурами бессознательного

341 По всему, я должен был бы дать читателю подробно изложенные примеры специфической деятельности анимуса и анимы. К сожалению, этот материал столь объемен и, кроме того, требует столь полного разъяснения символов, что я не могу включить подобное изложение в структуру данной работы. Некоторые из этих материалов со всеми их символическими взаимосвязями я опубликовал в виде отдельного произведения[1], к которому я должен отослать читателя. Правда, я не упоминал там об анимусе, потому что эта функция тогда была мне неизвестна. Тем не менее если я посоветую пациентке увязать вместе свои бессознательные содержания, то она будет всегда воспроизводить один и тот же вид фантазии. Почти всегда в них присутствует мужская фигура героя, которая и есть анимус. И отслеживание этих фантазийных переживаний демонстрирует постепенное преобразование и растворение автономного комплекса.

342 Подобное изменение есть цель анализа бессознательного. Если изменения нет, то это означает, что определяющее влияние бессознательного не уменьшилось; при известных условиях оно будет поддерживать и закреплять невротические симптомы вопреки нашему анализу и всякому пониманию. А в противном случае будет иметь место навязчивый перенос, что так же плохо, как и невроз. Ясно, что здесь ни суггестия, ни добрая воля, ни чисто редуктивное понимание не помогут сломить власть бессознательного. Это вовсе не означает — я хотел бы снова четко выделить

---

[1] *Юнг К. Г.* Символы трансформации. М., 2000.

этот момент,— что все психотерапевтические методы — по отдельности или вместе взятые — ни на что не годны. Я просто хочу подчеркнуть, что есть немало случаев, когда врач должен решиться на основательную работу с бессознательным, вплотную заняться конкретным разбирательством с ним. Это, конечно, совершенно другое дело, нежели интерпретация (толкование). В случае интерпретации предполагается, что врач уже заранее *знает*, а потому может толковать. В первом же случае — в случае разбирательства — речь идет о чем-то ином, нежели интерпретация: речь идет о запуске бессознательных процессов, которые в форме фантазий вступают в сознание. Можно попробовать свои силы в толковании этих фантазий, если на то будет желание. Во многих случаях может также оказаться весьма существенным, чтобы у пациента было представление о значении возникающих у него фантазий. Но решающее значение имеет то обстоятельство, что пациент постоянно переживает эти фантазии, а также, поскольку в целостность переживания входит и интеллектуальное восприятие, понимает их. Однако я не хотел бы давать преимущество пониманию. Врач, естественно, должен способствовать пониманию пациента, но поскольку пациент не может понять всего, то врач обязан остерегаться «высоколобых» интерпретаций. Ибо суть дела, в первую очередь, не в толковании и понимании фантазий, а скорее в их переживании. Альфред Кубин в своей книге «Другая сторона» (Die andere Seite. München, 1908) дал очень хорошее описание бессознательного, т. е. изложил то, что пережил в бессознательном как художник. Это художническое переживание, которое в более глубоком значении человеческого переживания не является полным. Но я рекомендовал бы внимательно прочесть эту книгу всякому, кто интересуется подобными вопросами. В ней он обнаружит отмеченную мной неполноту: все увидено и пережито художнически, но не человечески. Под «человеческим» переживанием я понимаю то, что его автор не только пассивно включается в видение, но и, реагируя и действуя с полной сознательностью, еще и противостоит фигурам этого видения. Эту же критику я направил бы и в адрес женщины — автора фантазий, о которых шла речь в моей вышеупомянутой книге; она тоже лишь созерцательно, в лучшем случае страдательно противостояла фантазиям, возникавшим из бессознательного. Однако подлинное разбирательство с бессознательным требует противопоставленной бессознательному сознательной точки зрения.

343 Я попытаюсь объяснить на примере, что здесь имеется в виду. У одного из моих пациентов была следующая фантазия: «*Он видит, как его невеста бежит вниз по улице к реке. Зима, и река замерзла. Она выбегает на лед — он за ней. Она идет дальше, а лед там треснул, и зияет темная полынья, и он боится, как бы она не провалилась. И она действительно проваливается под лед, а он горестно смотрит на это место*».

344 Данный фрагмент, хотя и вырванный из контекста, ясно показывает установку сознания: эта установка созерцательности и безучастной терпеливости, т. е. фантазийный образ просто проходит перед взором субъекта, оказываясь, так сказать, двухмерным, так как сам фантазирующий слишком мало участвует в этом процессе. Фантазия при этом остается просто образом, хотя и наглядным, приводящим в движение чувства, но все же не действенным, как сновидение. Подобная нереальность исходит из того факта, что автор фантазии не играет никакой активной роли. Если бы подобная фантазия реализовалась на самом деле, он не постеснялся бы в средствах, чтобы помешать своей невесте совершить самоубийство. Он легко мог бы, например, догнать ее и силой удержать от прыжка в полынью. Если бы он повел себя в действительности так, как повел себя в фантазии, то его, очевидно, парализовало бы — либо от ужаса, либо от бессознательной мысли, что ему, в сущности, все равно, покончит она с собой или нет. Тот факт, что в фантазии он ведет себя пассивно, лишь выражает его отношение к деятельности бессознательного вообще: он зачарован и оглушен бессознательным. В действительности он страдает от всевозможных депрессивных идей и убеждений; он думает, что он не добр, ни на что не годен, что он безнадежно отягощен наследственными психическими патологиями, что его мозг дегенерирует и т. д. Эти негативные чувства по большей части вызваны самовнушением, которому он легко поддается. Правда, он вполне в состоянии понять их и признать недействительными, и тем не менее такие ощущения сопровождают его постоянно. Они не могут быть оспорены интеллектуально, потому что строятся не на интеллектуальной или рациональной основе, а на бессознательной, иррациональной жизни фантазий, недоступной для любой сознательной критики. В таких случаях следует давать бессознательному возможность продуцировать свои фантазии, и приведенный выше фрагмент является как раз таким продуктом бессознательной деятельности фантазии. Депрессия пациента была основана именно

на таких фантазиях, наличие которых он, однако, совершенно не осознавал. В состоянии подлинной меланхолии, тяжкой усталости, отравления и т. д. ситуация оказывается обратной: у пациента появляются такие фантазии, поскольку он находится в депрессивном состоянии. А в случае психогенной депрессии он подавлен именно потому, что у него возникают такие фантазии. Мой пациент был весьма смышленым молодым человеком, получившим ясное представление о происхождении своего невроза в ходе долгого анализа. Но интеллектуальное понимание ничего не изменило в его депрессии. В таких случаях врач должен воздержаться от напрасных попыток вникнуть в глубинную суть заболевания, ибо если уж не помогло полноценное понимание, то обнаружение еще одного фрагмента каузальной связи и подавно не поможет. В этом случае в распоряжении бессознательного просто имеется неоспоримый перевес, т. е. притягательная сила, которая в состоянии лишить сознательные содержания своих ценностей. Другими словами, отобрать либидо у мира сознания и тем породить «депрессию», вызвать *понижение ментального уровня* (Жане). Однако в таком случае нам следует, согласно закону сохранения энергии, ожидать накопления ценности, т. е. либидо, в бессознательном.

345 Либидо совершенно непостижимо, кроме как в определенной форме, т. е. оно идентично образам фантазий. И мы можем лишь высвободить его из-под контроля бессознательного, создавая соответствующие образы фантазий. Для этого мы даем бессознательному возможность вынести свои фантазии на поверхность. Таким путем и возник приведенный фрагмент. Это лишь один эпизод из длинного ряда образов бьющей ключом фантазии, соответствующий тем количествам энергии, которые исчезли из содержаний сознательного разума. Мир сознания пациента стал холодным, пустым и серым, зато его бессознательное активизировалось и зажило мощной и разнообразной жизнью. Для природы бессознательного психического характерно, что она самодостаточна и не ведает человеческих соображений. Что однажды провалилось в бессознательное, будет там храниться вне зависимости от того, страдает от этого сознание или нет. Сознание может оголодать и окоченеть, в то время как в бессознательном все цветет пышным цветом.

346 Так, по крайней мере, кажется вначале. Но если заглянуть поглубже, то обнаружится, что это безразличие бессознательного имеет смысл, и даже назначение и цель. Существуют психические цели, находящиеся по ту сторону целей сознательных, при этом они могут даже враждебно

выступать навстречу последним. Но враждебное или бесцеремонное поведение бессознательного по отношению к сознанию мы обнаруживаем лишь там, где сознание усваивает ложную и претенциозную установки.

347 Сознательная установка моего пациента столь односторонне интеллектуальна и рациональна, что природа сама по себе восстает против него и полностью уничтожает мир его сознательных ценностей. Но он не может деинтеллектуализироваться и опереться на другую функцию, например на чувство; поэтому совсем не случайно, что ее у него нет. А у бессознательного она есть. Вот почему нам не остается ничего другого, как в известном смысле предоставить бессознательному руководство и позволить ему стать сознательным содержанием в форме фантазий. Если прежде пациент цеплялся за свой интеллектуальный мир и защищал себя с помощью рационализации от того, что он считал свой болезнью, то теперь он должен всецело уступить себя ей. Из этого следует, что когда им овладевает депрессия, ему не надо больше принуждать себя к работе или чему-то подобному, чтобы забыться, а надо принять свою депрессию и в некотором смысле дать ей возможность как-то выразиться.

348 Теперь это прямая противоположность уступчивости настроению, столь характерному для невроза. Это не слабость, не безудержные уступки, а трудная работа, суть которой состоит в том, чтобы, вопреки соблазну настроения, сохранить объективность и сделать последнее своим объектом, а не предоставлять ему возможность стать доминирующим началом. Надо попытаться дать выразиться своему настроению; оно само должно раскрыться и показать, что за фантастическую аналогию оно использует для самовыражения.

349 Приведенный выше фрагмент — это элемент визуализированного настроения. Если бы пациент не преуспел в сохранении своей объективности по отношению к своему настроению, то вместо образа фантазии у него было бы только парализующее ощущение, что все идет к черту, что он неизлечим и т. д. Но поскольку он дал своему настроению возможность выразить себя через образ, то ему удалось хотя бы небольшое количество либидо — бессознательной творческой энергии в живой форме — сделать сознательным содержанием и тем самым изъять его у бессознательного.

350 Однако такого усилия недостаточно, так как фантазия, чтобы быть полностью пережитой, требует не только созерцания и пассивного переживания, но и активного участия. Пациент отвечал бы этому требованию, если бы

и в фантазии вел себя так, как он, без сомнения, повел бы себя в действительности. Он никогда не стал бы спокойно смотреть, как пытается утопиться его невеста, а вмешался бы и не дал ей этого сделать. Так должно происходить и в фантазии. Если ему удастся повести себя в фантазии так, как он повел бы себя в действительной ситуации, то он тем самым докажет, что относится к фантазии всерьез, т. е. придает бессознательному значение безусловной реальности. Тем самым он одержал бы победу над своей односторонне интеллектуальной точкой зрения, что косвенно утвердило бы валидность иррациональной точки зрения бессознательного.

351 Это и было бы требуемым полным переживанием бессознательного. Но не следует недооценивать и реального значения: весь ваш мир оказывается под угрозой фантастической нереальности. Невыносимо тяжело хотя бы на миг забыть, что все это только фантазия, продукт воображения, кажущийся абсолютно произвольным и искусственным. Как можно объявить это «реальным» и даже относиться к этому всерьез?

352 От нас едва ли требуется вера в нечто вроде двойной жизни, в которой на одном уровне мы ведем себя как добропорядочные средние граждане, в то время как на другом — переживаем неслыханные приключения и совершаем героические поступки. Другими словами, нам не следует конкретизировать свои фантазии. Но в человеке живет необыкновенная предрасположенность делать именно это, а вся нелюбовь к фантазии и всякое критическое умаление бессознательного происходят, если смотреть глубже, единственно из страха перед этой предрасположенностью. И конкретизация, и страх перед ней суть первобытные суеверия, все еще сохранившиеся — и притом в самой живейшей форме — среди так называемых просвещенных людей. В своей гражданской жизни тот или иной человек может быть известен как сапожник, а в своей секте он наделен достоинством архангела. По всем признакам он мелкий торговец, но среди масонов — тайная знатная особа. Другой сидит днем в бюро, а по вечерам, на сеансах, предстает реинкарнацией Юлия Цезаря, заблуждающийся как человек, но на своем официальном поприще — непогрешимый. И все это — непроизвольные конкретизации.

353 Научные убеждения нашего времени, напротив, испытывают суеверную фобию перед фантазией. Но действительно то, что работает. Фантазии бессознательного работают — здесь нет никаких сомнений. Даже наиумнейший философ может стать жертвой какой-нибудь совершенно

идиотской агорафобии. Наша пресловутая научная реальность ни на йоту не защищает нас от так называемой нереальности бессознательного. Под покровом фантастических образов действует нечто вне зависимости от того, какое имя мы ему даем — доброе или дурное. Это нечто реально, и потому к его жизненным проявлениям следует относиться серьезно. Но вначале надо преодолеть тенденцию к конкретизации, иными словами, не следует воспринимать фантазии буквально, когда мы рассматриваем вопросы их интерпретации. Пока мы пребываем в состоянии реального переживания, сами фантазии не следует воспринимать буквально. Но если мы хотим их понять, то нас ни в коем случае не должна смутить их видимость, кажущаяся очевидность, иначе говоря, образ фантазии как таковой мы не должны считать действующим лицом. Данное сходство — это не сама вещь, а только ее выражение.

354 Мой пациент, таким образом, переживает не сцену самоубийства «в другой плоскости» (хотя в остальных отношениях это самоубийство столь же конкретно, как и любое реальное), а нечто реальное, что выглядит, словно самоубийство. Обе эти противоположные «реальности» мира сознания и мира бессознательного не оспаривают друг у друга первенство, но каждая делает другую относительной. То, что реальность бессознательного весьма относительна, особых возражений, по всей видимости, не вызывает, но то, что под сомнение может быть поставлена реальность мира сознания, вряд ли будет воспринято с подобной готовностью. И все же обе «реальности» суть психические переживания, обе выступают как психически видимые на неразличимо темном душевном фоне. Для критического ума от *абсолютной* реальности ничего не остается.

355 О сущности вещей и об абсолютном бытии мы не знаем ничего. Но мы переживаем различные воздействия «снаружи» — через органы чувств и «изнутри» — с помощью фантазии. Нам никогда не придет в голову утверждать, что зеленый цвет существует сам по себе, точно так же нам не следует воображать, что переживание фантазии существует само по себе и для себя, а поэтому его нужно воспринимать буквально. Оно выступает выражением, видимостью или внешностью чего-то неизвестного, но реального. Тот фрагмент фантазии, о котором я упомянул, совпадает по времени с волной депрессии и отчаяния, и это событие находит свое выражение в данной фантазии. У пациента действительно есть невеста. Для него она представляет ту самую эмоциональную связь с миром. Ее гибель оборвала

бы его отношения с этим миром. Такой поворот означал бы приход совершенной безнадежности. Но его невеста — еще и символ его анимы, т. е. его отношения к бессознательному. Поэтому фантазия одновременно выражает и тот факт, что его анима, не встречая с его стороны препятствий, снова исчезает в бессознательном. Подобный поворот событий показывает, что его настроение опять-таки оказалось сильнее его. Оно отдает все на волю ветров, а он безучастно за этим наблюдает. Хотя мог бы легко вмешаться и удержать аниму.

356 Я склоняюсь к последнему, поскольку пациент — интроверт, чье отношение к жизни регулируется внутренними событиями. Если бы он был экстравертом, то мне следовало бы предпочесть первую позицию, поскольку для экстравертов жизнь, в первую очередь, регулируется отношением к людям. Он мог бы просто в порыве настроения отвергнуть невесту, а тем самым и себя самого, в то время как интроверт навредил бы себе сильнее всего, если бы совершенно изменил свое отношение к аниме, т. е. к внутреннему объекту.

357 Фантазия моего пациента, таким образом, ясно обнаруживает негативное движение бессознательного, тенденцию к отходу от сознательного мира, столь интенсивную, что и либидо оказывается ею захваченным, а сознание — опустошенным. Осознание же фантазии будет препятствием ее бессознательному течению. Если бы сам пациент активно вмешался в вышеописанный процесс, то стал бы обладателем либидо, инвестированного в фантазию, и, таким образом, приобрел бы дополнительное влияние на бессознательное.

358 Непрерывная сознательная реализация бессознательных фантазий при активном участии в фантазийных событиях приводит, согласно моим многочисленным наблюдениям, прежде всего к расширению горизонта сознания путем включения в него бесчисленных бессознательных содержаний, во-вторых, к постепенному сокращению доминирующего влияния бессознательного и, в-третьих, к изменению личности.

359 Это изменение личности — конечно, не изменение первоначальной наследственной предрасположенности, а изменение общей установки. Те резкие размежевания и оппозиции сознательного и бессознательного, которые мы столь отчетливо видим у конфликтных, невротических натур, почти всегда вызваны заметной односторонностью сознательной установки, дающей абсолютный перевес одной или двум функциям, отчего

другие неоправданно оттесняются на задний план. Осознание и переживание фантазий ассимилирует бессознательные подчиненные функции — процесс, который, естественно, протекает, оказывая глубокое воздействие на сознательную установку.

360 В данный момент я хочу воздержаться от обсуждения природы этого изменения личности, отметив лишь тот факт, что то или иное глубокое изменение имеет место. Это изменение, которое является целью нашего анализа бессознательного, я назвал трансцендентной функцией. Эта замечательная способность человеческой души к превращениям, выражающаяся как раз в трансцендентной функции, есть основной предмет позднесредневековой алхимической философии, представленный на языке алхимического символизма. Зильберер в своей заслуживающей большого внимания книге «Die Probleme der Mystik und ihrer Symbolik»[2] уже раскрыл психологическое содержание алхимии. Было бы, конечно, непростительной ошибкой принять расхожее суждение и свести все «алхимические» усилия и старания к простым ретортам и плавильным печам. Разумеется, это было началом современной прикладной химии. Но алхимия содержала в себе и духовную составляющую, которую не следует недооценивать и которая психологически еще не до конца усвоена: существовала «алхимическая философия», робкая предшественница самой современной психологии. Секрет алхимии заключался в наличии трансцендентной функции, трансформации личности путем смешения и связывания превосходных и базовых частей, составляющих ее целое: первичной и подчиненной функций, сознания и бессознательного[3].

361 Но так же как основы научной химии были искажены и запутаны фантастическими представлениями и произвольными предположениями, так и алхимическая философия еще не пробилась к психологическим формулировкам сквозь неизбежные конкретизации грубого и неразвитого ума, хотя живейшая интуиция великих истин притягивала страсть средневекового мыслителя к алхимической проблеме. Тот же, кто прошел через процесс ассимиляции бессознательного, не станет отрицать того, что этот процесс захватил его до самых глубин и в корне изменил.

---

2 Aufl. 1961.

3 См.: *Юнг К. Г.* Психология и алхимия. М.: Рефл-Бук, 1997.

362 Я, конечно, вовсе не обижусь на читателя, если он здесь в сомнении покачает головой, не умея представить себе, каким образом такая «безделица», как простая фантазия, подобная вышеприведенной, может хоть как-то на что-то повлиять. Я допускаю, что при рассмотрении трансцендентной функции и необычного воздействия, приписываемого ей, описание фрагмента фантазии, процитированное мной, менее всего проясняет дело. Но очень трудно — мне приходится апеллировать к благожелательному расположению читателя — приводить примеры, когда каждый из них обладает несчастным свойством производить впечатление и казаться многозначительным только в индивидуальном порядке. Поэтому я всегда советую своим пациентам не быть наивными, полагая, что все имеющее лично для них большое значение следует считать и объективно значимым.

363 Подавляющее большинство людей совершенно не способны поместить себя внутрь разума другого человека. Это даже очень редкое искусство, сказать по правде, оно не заходит слишком далеко. Даже тот человек, которого мы ошибочно полагаем нам хорошо известным и который сам подтверждает, что мы понимаем его исчерпывающим образом, в сущности, остается нам чужим. Он — *другой*. И лучшее и наибольшее, что мы можем сделать,— угадывать это другое, считаться с ним и воздерживаться от величайшей глупости — желания его истолковать.

364 Поэтому я не могу предложить никаких аргументов, которые убедили бы читателя так, как его собственное переживание. Нам приходится попросту поверить этому переживанию по аналогии с тем, что мы пережили сами. В конце концов, даже если все было ошибкой, мы все-таки можем, не сомневаясь, принять конечный результат, а именно видимое изменение личности. После этих оговорок я хотел бы предложить читателю фрагмент другой фантазии, на этот раз принадлежащей женщине. Бросающаяся в глаза разница с предыдущим примером — целостность переживания. Фантазирующая женщина принимает активное участие в процессе, благодаря чему становится его организатором. У меня имеется обширный материал по этому случаю, кульминация которого — радикальное изменение личности. Это фрагмент позднего этапа развития личности, являющийся органической составной частью длинного, связного ряда трансформаций, нацеленного на достижение средоточия личности.

365 Может быть, без разъяснений будет неясно, что значит «средоточие личности». Я хотел бы в нескольких словах дать пояснения. Если изобра-

жать сознание и Эго как его центр, противополагая его бессознательному, и если сюда включить процесс ассимиляции бессознательного, то эту ассимиляцию можно мыслить как своего рода сближение сознания и бессознательного, причем центр целостной личности теперь уже не будет совпадать с Эго, а выступит как серединная точка между сознанием и бессознательным. Это будет точка нового равновесия, новый центр всеобщей личности, виртуальный центр, обеспечивающий личности — в силу своего центрального положения между сознанием и бессознательным — новое, более прочное основание. Я вполне допускаю, что визуализации подобного рода всегда не более чем неуклюжие попытки неопытного разума дать выражение невыразимому и почти неописуемым психологическим фактам. То же самое я мог бы выразить словами апостола Павла: «Не я живу, но Христос живет во мне». Или обратиться к Лао Цзы и воспользоваться его Дао — Серединным Путем и творческой сердцевиной всех вещей. Здесь везде имеется в виду одно и то же. В рамках научной этики как психолог я должен сказать, что эти явления суть психические факторы, обладающие несомненной действенной силой; не изобретения досужего ума, а определенные психические события, подчиняющиеся совершенно определенным законам и имеющие соответствующие последним причины и следствия, в силу чего мы можем проследить их у различных народов и рас и сегодня, как и тысячи лет назад. У меня нет никакой теории, объясняющей природу этих процессов. Для этого, видимо, нужно было бы вначале узнать, что составляет природу психического. Так что сейчас я могу лишь констатировать факты.

366 Теперь я перехожу к нашему примеру. Речь идет о фантазии ярко выраженного визуального характера; это то, что в старину назвали бы «видением». Не «видением, являющимся во сне», а «видением», которое появилось просто благодаря интенсивной концентрации, направленной на задний план сознания, что, конечно, может иметь место лишь после долгих упражнений[4]. Пациентка увидела следующее (передаю ее собственными словами):

[4] Этот метод в другом месте был обозначен как активное воображение. См.: Psychologie und Religion, 4. Aufl. 1962. S. 96. Ges. Werke, Bd. 11, Par. 137 f. Рус. пер. — *Юнг К. Г.* Архетип и символ. М., 1991, статья «Психология и религия». С. 184 и далее.

«Я поднялась на гору и пришла в место, где увидела семь красных камней впереди, семь по сторонам от меня и семь — за моей спиной. Я стояла в центре этого квадрата. Камни были гладкие, как ступени. Я попыталась поднять четыре ближайших камня. При этом я обнаружила, что эти камни были пьедесталами четырех статуй божеств, зарытых в землю головами вниз. Я их выкопала и установила вокруг себя, стоя в середине между ними. Внезапно они накренились к центру, соприкоснувшись головами, так что образовали как бы некую палатку надо мной. Сама я упала на землю и сказала: «Падайте на меня, если так нужно. Я устала». Тут я увидела, что снаружи вокруг четырех божеств образовался круг из пламени. Вскоре я поднялась с земли и опрокинула статуи божеств. Там, где они упали на землю, выросли четыре дерева. После этого в кругу пламени взвились синие огни, которые начали пожирать листву деревьев. Видя все происходящее, я сказала: "Этому надо положить конец, я сама должна войти в огонь, чтобы листва не сгорела". После этого я шагнула в огонь. Деревья исчезли, а огненный круг собрался в одно большое синее пламя, которое подняло меня с земли».

367 На этом видение кончилось. К сожалению, я не вижу пути и возможности убедительно пояснить читателю исключительно интересный смысл этого видения. Данный фрагмент изъят из большого целого, и нужно было бы объяснить все происходившее до и после, чтобы стало полностью понятным значение этого образа. Но при всем при том непредвзятый читатель без труда сможет узнать идею «средоточия», которое достигается своего рода подъемом (восхождением на гору = напряжению, усилию и пр.). Он без труда узнает и известную средневековую проблему квадратуры круга, которая принадлежит области алхимии. Здесь она занимает подобающее ей место в качестве символического выражения индивидуации. Личность в целом обозначают четыре главные точки горизонта — четыре божества, т. е. четыре функции[5], которые над четырьмя божествами, грозящими подавить индивида, означает освобождение от идентичности четырех функций, четырехмерной «nirdvandva» («свободный от противоположностей»); благодаря этому происходит приближение к кругу, к неделимой целостности. А отсюда снова следует дальнейшее возвышение.

---

[5] См.: *Юнг К. Г.* Психологические типы. СПб., 1995.

368 Мне приходится удовлетворяться этими намеками. Кто захочет приложить усилие, чтобы поразмышлять об этом, тот сможет приблизительно представить себе, каким образом происходит трансформация личности. В силу своего активного участия в процессе пациентка «сливается» с бессознательными процессами, а господство над ними получает благодаря тому, что дает им овладеть собой. Так она связывает сознание и бессознательное. Результатом является подъем и пламя, трансформация в алхимическом жаре, возникновение «тонкого духа». Это и есть та самая трансцендентная функция, которая получается из соединения противоположностей.

369 В этом месте мне следует вспомнить о серьезном недопонимании, в которое часто впадают мои читатели, чаще других — врачи. По неизвестным мне причинам они постоянно считают, что я описываю не что иное, как свой метод лечения. Но это абсолютно не так. Я пишу о *психологии*. Поэтому мне следует еще раз подчеркнуть, что мой метод лечения состоит не в том, что я вызываю у пациентов странные фантазии, которым они должны предаваться с целью изменения личности, и другой несуразице. Я просто констатирую те случаи, когда имеет место развитие, не потому, что я кого-то к этому принуждаю, а потому, что это происходит по внутренней необходимости. Для немалого числа моих пациентов эти вещи были и остаются книгой за семью печатями. Конечно, если бы у них вообще была возможность пойти этим путем, то он прискорбным образом оказался бы для них ложным, и я был бы первым, кто предохранил бы их от этого. Путь трансцендентной функции — индивидуальная судьба. Ни в коем случае не следует полагать, будто такого рода путь тождествен психическому отшельничеству, отчуждению от мира. Совсем наоборот, такой путь даже в принципе возможен и успешен только тогда, когда различные мирские задачи, которые ставят перед собой такие индивиды, решаются в действительности. Фантазии — не подмена жизни, но живые плоды духа, падающие на того, кто отдает жизни свой вклад. А человек, увиливающий от работы, не будет переживать ничего, кроме болезненного страха, не дающего ему никакого понимания. Этот путь не познает и тот, кто нашел свою обратную дорогу к матери-церкви. В ее формах, несомненно, заключено *великое таинство*, и там воцерковленный может вести добропорядочную жизнь. В конце концов нормальный человек никогда не будет обременен подобным знанием: ведь он от века удовлетворяется малым —

тем, что находится в пределах его досягаемости. Вот почему я прошу читателя понять: я пишу о том, что имеет место, а не предлагаю для обсуждения методы лечения.

370 Оба примера фантазии представляют позитивную деятельность анимы и анимуса. В той степени, в какой пациент принимает активное участие в процессе, персонифицированные фигуры анимуса или анимы исчезают. Они становятся функцией отношений между сознанием и бессознательным. Но когда бессознательные содержания — те же самые фантазии — не «реализуются», то в результате возникает негативная деятельность и персонификация, т. е. автономизация анимуса и анимы. Развиваются психические аномалии, состояния одержимости во всех степенях от обычных настроений и «идей» вплоть до психозов. Для всех этих состояний характерна одна особенность: «нечто» неизвестное овладевает большей или меньшей частью психического и утверждает свое ненавистное и вредное существование в противовес всякой проницательности и осмотрительности, всякому разуму и всякой энергичности, демонстрируя власть бессознательного над сознанием, суверенную власть одержимости. В этом состоянии одержимая часть психического, как правило, подпитывает психологию анимуса или анимы. Злой дух (инкубус) женщины состоит из сонма демонов мужского пола, мужское дьявольское начало (суккубус) — это вампир в женском облике.

371 Это своеобразное представление о душе в сочетании с сознательной установкой либо существует само по себе, либо растворяется в функции, что, как может удостовериться любой, не имеет никакой связи с христианским понятием души.

372 Второй случай — фантазия моей пациентки — типичный пример содержания, продуцируемого коллективным бессознательным. Хотя форма здесь совершенно субъективна и индивидуальна, содержание все же коллективно, т. е. состоит из всеобщих образов и идей, имеющих место у многих людей, и, таким образом, из тех фрагментов, которые индивид разделяет со всем остальным человечеством. Если такие содержания остаются бессознательными, то индивид благодаря им бессознательно смешивается с другими индивидами или, другими словами, остается неотдифференцированным от них, неиндивидуированным.

373 Тут можно спросить, почему же так желательно, чтобы человек непременно индивидуировался. Это не только желательно, но абсолютно необ-

ходимо, поскольку из-за слияния с другими индивид совершает поступки, которые приводят его к разладу с самим собой. Ведь всякое бессознательное смешение и недифференцированность вынуждают существовать и действовать так, что это оказывается в разладе с индивидуальным бытием. Поэтому невозможно ни находиться с этим в единстве, ни нести за это ответственность. Человек ощущает, что попал в унизительное, несвободное и неморальное состояние. Однако разлад с собой — это как раз невротическое и невыносимое состояние, из которого человек стремится найти выход. Спасение же от этого состояния придет лишь тогда, когда он найдет способ быть и поступать так, что ощутит это своим индивидуальным бытием, своей подлинной самостью. У людей есть чувство к подобного рода вещам, поначалу, может быть, смутное и неопределенное, но становящееся все сильнее и отчетливее по мере продвижения вперед. Когда о своих состояниях и поступках человек может сказать: «Поскольку я есть, постольку я действую»,— то он оказывается в согласии с собой, даже если приходится тяжело, и можно брать на себя за это ответственность, даже если это неприятно. Конечно, надо согласиться с тем, что тяжелее всего выносить самого себя. («Ты искал тяжелейшую ношу — вот ты нашел самого себя»,— говорит Ницше.) Но даже и это труднейшее свершение становится возможным, если мы можем отличать себя от бессознательных содержаний. Интроверт обнаруживает эти содержания в себе самом, экстраверт же находит их спроецированными на человеческие объекты. В обоих случаях бессознательные содержания вызывают ослепляющие иллюзии, искажающие и делающие нереальными и нас самих, и наши отношения к окружающим. По этим причинам определенным людям совершенно невозможно обойтись без индивидуации — она выступает не только как терапевтическая потребность, но и как высокий идеал, как идея лучшего, которую мы в состоянии осуществить. Попутно замечу, что одновременно это идеал первоначального христианства, Царство Божие, которое «внутри вас». Идея, лежащая в основании этого идеала, состоит в том, что из верного убеждения рождается правильное поведение и что нет никакого спасения и способа исправить мир, которое не начиналось бы с самого индивида. Выражаясь без обиняков, тому, кто сам бедствует или паразитирует, никогда не решить социальных вопросов.

IV
Мана-Личность

374 Исходным материалом для нижеследующего обсуждения мне послужили те самые случаи, в которых реализовано то, что в предыдущей главе было представлено как ближайшая цель, а именно овладение анимой в качестве автономного комплекса и преобразование ее в функцию отношения между сознанием и бессознательным. При достижении этой цели удается высвободить Эго от пут коллективности и коллективного бессознательного. В ходе этого процесса анима утрачивает демоническую силу автономного комплекса; она не может больше поддерживать власть одержимости, так как становится бессильной. Она больше не хранительница сокровищ неведомого, не Кундри, демоническая посланница Грааля, представляющая божественно-животное начало, не душа, именуемая «Владычицей», а психологическая функция интуитивной природы, родственная тому, что имеют в виду первобытные люди, когда говорят: «Он пошел в лес, чтобы поговорить с духами»,— или: «Моя змея беседовала со мной»,— или, на мифологическом языке маленького ребенка: «Мне сказала об этом маленькая птичка».

375 Те из моих читателей, которые знакомы с описанием Райдера Хаггарда «Та-которой-следует-повиноваться», конечно, вспомнят о колдовской власти этой личности. «Она» («She») — это мана-личность, т. е. существо, проявляющее оккультные, колдовские качества (мана), наделенное магическими знаниями и силами. Все эти качества исходят, естественно, от наивной проекции бессознательного самопознания, которую в прозаической форме можно выразить примерно так: «Я признаю, что существует некий психический фактор, действующий во мне, который самым непостижимым образом умеет уклоняться от моей сознательной воли. Он в состоянии породить в моей голове необычайные идеи, вызвать у меня неожиданные и нежеланные настроения и эмоции, побудить меня к стран-

ным действиям, за которые я не могу нести ответственность, расстроить мои отношения с другими людьми самым раздражающим образом и т. д. Я чувствую свое бессилие перед таким положением дел, но — что поистине ужасно — я очарован этим, и мне остается только восхищаться им». (Поэты называют это «артистическим темпераментом», непоэтический люд оправдывает себя иными способами.)

376 Когда же «анима» утрачивает свое мана, что происходит дальше? Очевидно, тот мужчина, который справился со своей анимой, получает ее мана — в соответствии с первобытным представлением, согласно которому человек, убивший мана-личность, забирает в свое тело его мана.

377 Тогда далее: собственно, а кто смог разобраться с анимой? Очевидно, это сознательное Эго; соответственно мана и берет себе это Эго. Таким образом, Эго становится мана-личностью. Но мана-личность — это доминанта коллективного бессознательного, признанный архетип могущественного мужчины в виде героя, вождя, колдуна, знахаря, святого, управителя людей и духов, друга Бога.

378 Это мужская коллективная фигура, выступающая отныне на темном фоне и завладевающая сознательной личностью, несет в себе опасность весьма деликатного свойства, грозящую душе, через инфляцию сознания она может погубить все, что едва достигнуто в результате разбирательства с анимой. Поэтому немаловажно знать, что в иерархии бессознательного анима занимает лишь самую низшую ступень, являясь одной из фигур, и что ее преодоление приводит к образованию другой коллективной фигуры, которая отныне берет себе ее мана. В жизни же это фигура колдуна — так краткости ради я назову ее здесь,— которая притягивает к себе мана, т. е. автономную ценность анимы. Лишь поскольку я бессознательно отождествляю себя с этой фигурой, я могу вообразить, будто сам владею мана анимы. И в сходных обстоятельствах я непременно так и сделаю.

379 Фигура колдуна имеет женский эквивалент, не менее опасный: это фигура с ярко выраженными материнскими качествами, великая Мать, Всемилосердная, все понимающая и всепрощающая, всегда действующая во благо, живущая только для других и никогда не ищущая своей выгоды, открывающая путь к великой любви, так же как колдун — провозвестник истины в последней инстанции. И точно так же как великая любовь никогда не оценивается по достоинству, так и великая истина никогда не находит понимания. Разумеется, они терпеть не могут друг друга.

380 Здесь, возможно, скрыта причина опасного недоразумения, ибо речь идет об инфляции. Эго присвоило себе нечто, что ему не принадлежит. Но как оно присвоило себе мана? Если это и впрямь было то Эго, которое приручило аниму, то ему принадлежит и мана, и тогда верно заключение о том, что Эго стало важным. Но почему это ставшее важным значение мана не действует на других? Вот что было бы существенным критерием. Оно не действует именно потому, что приобретено не значение большей важности, а только смешение с архетипом — другой фигурой бессознательного. Итак, приходится заключить, что Эго вовсе не приручило аниму, а потому и не приобрело мана. Оно просто вошло в новую смесь — на этот раз с соответствующим имаго отца, однополой фигурой, обладающей еще большей властью.

От ига, что живущими владеет,
избавлен, кто себя преодолеет.
(*И.-В. Гете.* Таинства. Фрагмент)

Таким образом, Эго становится сверхчеловеком, превосходящим любую силу, полубогом, а может быть, и более того... «Я и Отец — одно» — это сильное заявление во всей своей ужасной двусмысленности порождено именно этим психологическим моментом.

381 Жалкому, ограниченному Эго, если у него есть хоть зачатки самопознания, следует в такой ситуации тихо отойти в сторонку и как можно быстрее отбросить всякую иллюзию силы и превосходства. Все это было обманом: сознательный разум не овладел бессознательным, только анима утратила свою тираническую спесь — в той степени, в какой Эго смогло выстроить свои отношения с бессознательным. Но это выстраивание стало не победой сознания над бессознательным, а установлением баланса сил между этими мирами.

382 Следовательно, «колдун» смог завладеть Эго лишь потому, что это Эго грезило о победе над анимой. Это было посягательство, а за любым посягательством Эго следует вторжение из бессознательного:

В разных видах, я везде
Всех держу в своей узде.
(*И.-В. Гете.* Фауст, II, акт 5, сцена 4)

Соответственно, если Эго утрачивает свои притязания на победу, то автоматически прекращается и одержимость, вызванная фигурой колдуна.

А что же происходит с мана? Кем или чем становится мана, если даже колдун не может больше колдовать? До сих пор мы знаем только, что ни у сознания, ни у бессознательного нет мана, так как очевидно, что когда Эго не выдвигает претензий на обладание властью, то не возникает и одержимости, т. е. и бессознательное утрачивает свои претензии на господство. В таком состоянии, следовательно, мана должна доставаться чему-то, что одновременно и сознательно, и бессознательно. Это-то «нечто» и есть искомое «средоточие» личности, невыразимое нечто между противоположностями, или нечто объединяющее их, или результат конфликта, или продукт энергетического напряжения, ведущий к становлению личности, серьезный индивидуальный шаг вперед, следующая ступень.

383 Я не думаю, что читатель будет следить за этим беглым обзором проблемы по всем пунктам. Он может рассматривать это как своего рода предварительную демонстрацию, более детальную понятийную разработку которой я собираюсь представить в будущем.

384 Отправной точкой нашей проблемы является состояние, когда бессознательные содержания, ставшие причиной возникновения феноменов анимы и анимуса, в достаточной степени ассимилированы сознанием. Лучше всего это может быть представлено следующим образом: вначале бессознательные содержания — это то, что принадлежит личной сфере и, возможно, сходно с фантазией пациента-мужчины, приведенной выше. Позднее развиваются фантазии безлично бессознательного, содержащие в себе преимущественно коллективные символы, более или менее схожие с видением моей пациентки. Эти фантазии теперь не такие дикие и спутанные, как мог бы подумать наивный читатель, они следуют по определенным бессознательным траекториям, которые, сближаясь, стремятся к определенной цели. Поэтому лучше всего эти более поздние серии фантазий сравнивать с процессами инициации, поскольку они являют ближайшую с ними аналогию. Все более или менее организованные первобытные группы и племена имеют свои часто необычайно развитые обряды инициации, играющие в их социальной и религиозной жизни чрезвычайно важную роль[1]. С помощью этих церемоний мальчики становятся мужчинами, а девочки — женщинами. У племени кавирондо

[1] См.: *Webster H.* Primitive Secret Societies. 1908.

тех, кто не подвергся обрезанию или эксцизии (дефлорации), презрительно называют «животными». Это показывает, что обряды инициации суть магические средства, благодаря которым человек переходит из животного состояния в человеческое. Первобытные инициации, несомненно, являются мистериями преображения, обладающими огромным духовным значением. Очень часто инициируемые подвергаются мучительным медицинским процедурам, и одновременно им сообщаются тайны племени, его законы и иерархия, а также космогонические и мифические догматы. Инициации сохранились у всех культурных народов. В Греции древние элевсинские мистерии сохранялись, кажется, вплоть до VII в. н. э. Рим был наполнен мистериальными религиями. Одной из них было христианство, которое даже в своей теперешней форме, хотя и в едва узнаваемом и дегенерировавшем виде, сохранило древние церемонии инициации в виде крещения, конфирмации и причастия. Поэтому никто не станет отрицать выдающуюся историческую роль инициации.

385 Современные люди не сделали абсолютно ничего по сравнению с этим (вспомним свидетельства древних, касающиеся элевсинских мистерий!). Масонство, Гностическая Церковь Франции, легендарные розенкрейцеры, теософия и т. д. суть поблекшие подмены того, что следовало бы занести в список исторических утрат красными чернилами. То, что в бессознательных содержаниях вся символика инициации выступает с недвусмысленной ясностью, является непреложным фактом. Возражение, что все это, дескать, древнее и абсолютно ненаучное суеверие столь же академически несостоятельно, как если бы свидетель эпидемии холеры сказал бы, что это всего лишь простое инфекционное заболевание, результат негигиеничного поведения. Вопрос не в том — я не перестаю это подчеркивать,— являются ли символы инициации объективными истинами или нет, а лишь в том, являются ли эти бессознательные содержания эквивалентами практик при инициации и оказывают ли они воздействие на психику человека или нет. Несостоятелен и вопрос о том, желательны они или нет. Достаточно того, что они существуют и действуют.

386 Поскольку невозможно дать читателю подробное описание длинных последовательностей образов, то, как я полагаю, он удовлетворится немногими уже приведенными примерами, а в остальном доверится моему утверждению, что это логически выстроенные, целенаправленные взаимосвязи. При этом я замечу, что употребляю слово «целенаправленный»

с известным колебанием. Это слово следует употреблять осторожно и с оговорками. В случаях душевных расстройств можно наблюдать цепочки сновидений, а у невротиков — последовательности фантазий, которые протекают как бы без видимой цели. Молодой человек, чью суицидальную фантазию я привел выше, напрямую продуцировал бесцельные фантазии, пока не научился принимать активное участие и сознательно в них вмешиваться. А лишь благодаря этому возникает направление к цели. С одной стороны, бессознательное — это чисто естественный непроизвольный процесс, но, с другой стороны, он обладает той потенциальной направленностью, которая характеризует все энергетические процессы. И если сознание активно и переживает каждую стадию такого процесса и по крайней мере интуитивно постигает ее, то тогда каждый следующий образ всякий раз отправляется на добытую благодаря этому более высокую ступень,— так и развивается целенаправленность.

387 Непосредственная цель анализа бессознательного поэтому заключается в том, чтобы достичь состояния, в котором бессознательные содержания уже не остаются бессознательными и уже не выражают себя непосредственно как анима и анимус, т. е. состояния, в котором анима и анимус становятся функцией отношения к бессознательному. Пока они таковыми не являются, они представляют автономные комплексы, факторы, вызывающие расстройства, которые прорывают контроль со стороны сознания и ведут себя в точности, как «нарушители спокойствия». Поскольку это достаточно хорошо известный факт, то и само слово «комплекс» в этом смысле стало общеупотребительным. Чем больше у мужчины «комплексов», тем более он одержим, и когда мы пытаемся выстроить картину личности, выражающей себя через свои комплексы, то нам следует допустить, что это напоминает не что иное, как истерическую женщину, т. е. аниму! Но если теперь такой мужчина осознает свои бессознательные содержания — поначалу как фактические содержания своего личного бессознательного, потом — как фантазии коллективного бессознательного, то он доберется до корней своих комплексов и на этом пути избавится от своей одержимости. Здесь явление анимы прекращается.

388 Эта верховенствующая сила, однако, приведшая к одержимости,— ибо то, от чего я не могу отделаться, в каком-то смысле превосходит меня,— должна по логике вещей исчезнуть вместе с анимой. Необходимо стать «свободным от комплексов», так сказать, психологически «вышколенным».

Ничто не должно больше происходить без санкции Эго, и, когда это Эго чего-то хочет, все остальное не должно вмешиваться, нарушать его планы. Тем самым Эго получает как бы заведомо неуязвимую позицию, непоколебимость сверхчеловека или превосходство совершенного мудреца. Обе фигуры представляют идеальные образы: Наполеон — с одной стороны, Лао Цзы — с другой. Обе фигуры соответствуют понятию «сверхъестественно влиятельного»,— это то самое выражение, которое Леман использует для определения мана в своей известной монографии[2]. Поэтому я называю такую личность просто *мана-личностью*. Она соответствует доминанте коллективного бессознательного, архетипу, который формализовался в человеческой психике через соответствующий опыт в течение немыслимо долгого времени. Первобытный человек не анализирует и не дает себе отчета в том, почему другой имеет над ним превосходство. Если тот умнее и сильнее его, то он как раз обладает мана, т. е. имеет большую силу; но другой может и потерять эту силу, возможно, оттого, что кто-то переступил через него во время сна или наступил на его тень.

389 Исторически мана-личность превращается в фигуру «героя и богоподобного существа»[3], земную форму которого принимает жрец. На то, как часто мана-личностью бывает врач, может посетовать и аналитик. Поскольку Эго забирает себе власть, якобы принадлежащую аниме, то это Эго и становится мана-личностью. Такой исход — явление почти закономерное. Я не наблюдал еще ни одного более или менее далеко зашедшего в своем развитии случая подобного рода, где, по крайней мере, мимолетная идентификация с архетипом мана-личности не имела бы места. И то, что так происходит,— вполне естественно, ибо она не бывает неожиданной ни для того, кто испытывает это сам, ни для всех остальных. Едва ли откажешь кому-нибудь в удовольствии хоть немного восхититься собой после глубокого проникновения в суть вещей; у людей есть и другая подобная потребность — отыскать где-нибудь осязаемого героя или совершенного мудреца, лидера и отца, фигуру, обладающую несомненным авторитетом, чтобы с величайшим рвением воздвигнуть ему храм, пусть и крошечный, и начать там поклонение кумиру. Это не только

---

2 *Lehmann F. R.* Mana. 1922.

3 Согласно народному поверью, Христианский Царь умел лечитъ эпилепсию наложением рук с помощью своей маны.

жалкая глупость лишенных своего мнения «подпевал», но и естественный психологический закон, гласящий: то, что было однажды, всегда будет в будущем. Так и будет происходить до тех пор, пока сознание не положит конец наивной конкретизации изначальных образов. Я не знаю, желательно ли, чтобы сознание изменяло вечные законы; я знаю только, что случайным образом оно их изменяет и что подобная мера для некоторых людей составляет жизненную необходимость, однако это не всегда мешает именно им утверждаться самим на отцовском троне, лишний раз подтверждая старое правило. В самом деле, очень непросто разглядеть, каким путем можно ускользнуть от суверенной власти изначальных образов.

390 Я даже вообще не верю, что от этого можно ускользнуть. Можно только изменить собственную установку и тем самым удержать себя от наивного впадения в архетип с последующим исполнением принудительной роли за счет своей человечности. Одержимость архетипом превращает человека в чисто коллективную фигуру, некую маску, под которой он больше не может развиваться как собственно человеческое существо, но все более задерживается в своем развитии, все сильнее хиреет. Поэтому необходимо помнить об опасности пасть жертвой власти мана-личности. Эта опасность состоит не только в том, что сам становишься отцовской маской, но и в том, что попадаешь под власть этой маски всерьез, когда ее носит другой. Учитель и ученик в этом смысле оказываются в «одной лодке».

391 Растворение анимы означает, что мы проникли в движущие силы бессознательного, а не то, что мы сделали эти силы неэффективными. Они могут атаковать нас в любой момент в новой форме. И они непременно это сделают, если в сознательной установке есть прореха. Это вопрос столкновения сил. Если Эго кичится своей властью над бессознательным, то бессознательное реагирует более тонким выпадом, размещая силы мана-личности, чей непомерный престиж околдовывает Эго. Единственная защита против этого — полное признание собственной слабости в отношении сил бессознательного. Тем самым мы не противостоим бессознательному, а потому и не провоцируем его на нападение.

392 Читателю может показаться комичным, что я говорю о бессознательном в такой персонифицированной форме. Я не хотел бы вызвать этим предубеждение, будто я рассматриваю бессознательное как нечто личное.

Бессознательное состоит из естественных процессов, лежащих вне сферы личного. Лишь наш сознательный разум носит «личный» характер. Поэтому когда я говорю о «провоцировании» бессознательного, то не имею в виду, что оно каким-то образом обижено и, подобно древним богам, из ревности или мстительности готовит обидчику неприятный сюрприз. Скорее, я имею в виду нечто вроде нарушения психической диеты, которая расстраивает мое пищеварение. Бессознательное реагирует автоматически — как мой желудок, который, фигурально выражаясь, «мстит» мне. Когда я кичусь своей властью над бессознательным, то это — нарушение психической диеты, неподобающая установка, которой в моих же собственных интересах лучше избегать. Мое прозаическое сравнение, конечно, слишком мягко ввиду широкомасштабных и разрушительных моральных последствий от действий неупорядоченного бессознательного. Было бы более уместным говорить о ярости оскорбленных богов.

393 Отделив Эго от архетипа мана-личности, человек вынужден, как и в случае с анимой, осознавать те бессознательные содержания, которые свойственны мана-личности. Исторически мана-личность всегда была наделена тайным именем, или особым эзотерическим знанием, или прерогативой совершать особые поступки: quod licet Jovi, non licet bovi[4],— одним словом, индивидуальным отличием. Осознание содержаний, из которых складывается архетип мана-личности, для мужчины означает второе и окончательное освобождение от отца, а для женщины — от матери, давая тем самым возможность впервые ощутить собственную индивидуальность. Эта часть процесса в точности соответствует цели конкретных первобытных инициаций, включающих и крещение, а именно отрыв от «плотских» (или «животных») родителей и возрождение «в новом младенчестве» в состоянии бессмертия и духовного детства, как это формулируют некоторые античные мистериальные религии, включая христианство.

394 Другая возможность заключается в том, чтобы вместо идентификации себя с мана-личностью конкретизировать последнюю в качестве внеземного «отца небесного», наделенного атрибутом абсолютности,— то, к чему предрасположены многие люди. Это было бы равносильно приданию

[4] Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку (*лат.*).

бессознательному статуса абсолютного[5] превосходства (если чья-то вера может простираться так далеко!), благодаря чему все ценности начинают перетекать в эту сторону. Логическим следствием здесь будет то, что в результате мы получим лишь жалкую, неполноценную, никуда не годную и грешную массу под названием «человечество». Такое решение, как нам известно, стало историческим мировоззрением. Так как здесь я двигаюсь только по психологической почве и не чувствую никакого желания предписывать миру свои вечные истины, то мне приходится сделать критическое замечание по поводу этого решения. Если я сдвигаю все высшие ценности в сторону бессознательного и конвертирую их в *высшее благо*, то оказываюсь в неприятном положении, когда мне надо придумать еще и какого-нибудь дьявола того же веса и масштаба, чтобы психологически уравновесить мое *высшее благо*. Но ни при каких обстоятельствах моя скромность не позволит мне идентифицироваться с дьяволом. Ведь это было бы уже совсем самонадеянно, а кроме того, привело бы меня к невыносимому конфликту со своими высшими ценностями. Со своим моральным дефицитом я никогда не смогу себе это позволить.

395 Из психологических соображений я не рекомендовал бы сооружать бога из архетипа мана-личности. Другими словами, не конкретизировать его, так как только таким образом я смогу избежать проекции своих ценностей и неценностей на Бога и дьявола, и только так я смогу сохранить свое человеческое достоинство, свою собственную весомость, в которой я столь сильно нуждаюсь, чтобы не превратиться в беспомощную игрушку

[5] «Абсолютный» — значит «отрезанный», «отделенный». Утверждать, что Бог абсолютен означает то же, что ставить его вне всякой связи с человечеством. Человек не может воздействовать на него, а он — на человека. Такой Бог совершенно не влиял бы на жизнь людей. Ясно, что имеет смысл говорить лишь о Боге, который соотносится с человеком, как и человек — с Богом. Христианское представление о Боге как «отце небесном» превосходно выражает относительность Бога. Совершенно не считаясь с тем фактом, что человек может составить себе представление о Боге не больше, чем муравей — о содержимом Британского музея, страстное желание объявить Бога «абсолютным» возникает только из опасения, что Бог может стать «психологическим». А это, естественно, рискованно. Зато абсолютный Бог вообще нас не касается, в то время как «психологический» Бог был бы *реальным*. Такой Бог мог бы достать до человека. У церкви, кажется, есть магическое средство избавить человека от такой возможности, ибо сказано, что «страшно попасть в руки Бога живого».

бессознательных сил. В своем общении с видимым миром человек определенно должен стать помешанным, если он думает, что является господином сего мира. Здесь, вполне естественно, мы следуем принципу «непротивления» по отношению ко всем превосходящим факторам, вплоть до некоторого индивидуального лимита, за которым и самый мирный гражданин становится кровожадным революционером. Наше преклонение перед законом и порядком — достойный подражания образец для нашей всеобщей установки в отношении коллективного бессознательного. («Кесарю — кесарево, Богу — Богово».) В этих пределах наше преклонение дается нам без особого труда. Но есть в мире такие силы, которые не одобряются нашей совестью безусловно, хотя мы и преклоняемся перед ними. Почему? Потому что на практике это выгоднее. Равным образом и в бессознательном есть факторы, в отношении которых нам следует проявлять смышленость. («Не противьтесь злу», «Заводите себе друзей в жилищах неправедного мамоны», «Дети мира мудрее детей света», следовательно, «Будьте мудры, как змеи, и мягкосерды, как голуби».)

396 Мана-личность обладает, с одной стороны, высшей мудростью, с другой — высшей волей. Благодаря осознанию лежащих в основе этой личности содержаний мы сталкиваемся с тем, что знаем несколько больше, чем другие, но, с другой стороны, хотим еще большего, чем другие. Это неприятное родство с богами, как известно, настолько сразило бедного Ангелуса Силезиуса, что он очертя голову бросился назад из своего сверхпротестантизма в самое лоно католической церкви, минуя сомнительную промежуточную инстанцию лютеранства, к сожалению, в ущерб своему лирическому дарованию и психическому здоровью.

397 И все же Христос, а после него Павел, судя по многим признакам, боролись с теми же самыми проблемами. Мейстер Экхарт, Гете в «Фаусте», Ницше в «Заратустре» вновь в некоторой степени привлекли наше внимание к данной проблеме. Гете и Ницше пытались сделать это с помощью идеи мастерства и господства, первый через фигуру колдуна и безжалостного человека воли, который заключает союз с дьяволом, второй — через образ высшего человека и совершенного мудреца, который не знает ни Бога, ни дьявола. Ницшеанский человек одинок, каким был и он сам,— невротичный, финансово зависимый, безбожный и не мирской. Это, конечно, не идеал для реального человека, имеющего семью и вынужденного платить налоги. Ничто не в силах отнять у нас реальности этого мира;

нет никакого волшебного пути. Ничто не в силах исключить из нашего опыта и воздействий бессознательного. Или философ-невротик докажет нам, что у него нет невроза? Он не сможет доказать это даже себе. Поэтому мы с нашей душой стоим, очевидно, посредине между мощными воздействиями изнутри и снаружи и каким-то образом должны воздавать дань и тому, и другому. Мы можем делать это лишь в меру наших индивидуальных способностей. Поэтому нам следует думать о самих себе — не о том, что мы обязаны, а о том, что мы *можем* и что *должны*.

398 Таким образом, растворение мана-личности путем сознательной ассимиляции ее содержаний ведет нас естественным путем назад, к нам самим, как сущему и живому Нечто, которое зажато между двух картин мира с их смутно угадываемыми потенциями. Это «нечто» нам чуждо, но все же необычайно близко, оно совсем наше, но все же неузнаваемо,— виртуальный центр столь таинственного устройства, способного заявить обо всем на свете — родстве с животными и богами, кристаллами и звездами, не повергая нас в изумление, даже не возбуждая нашего осуждения. Это Нечто и впрямь требует гораздо большего, хотя у нас под рукой нет ничего, чем можно было бы противостоять таким требованиям. Так что будет гораздо мудрее прислушаться к этому голосу.

399 Я назвал данный центр *самостью*. С рациональной точки зрения самость — не более чем психологическое понятие, конструкция, служащая для выражения неведомой нам сущности, непостижимой как таковой, ибо она превосходит все наши познавательные возможности, что явствует уже из самого ее определения. С равным успехом ее можно было бы назвать «богом в нас». Начала всей нашей психической жизни, кажется, уму непостижимым образом зарождаются в этой точке, и все высшие и окончательные цели, кажется, сходятся на ней. Этот парадокс неустраним, как всегда, когда мы пытаемся охарактеризовать нечто превосходящее возможности нашего разума.

400 Я надеюсь, внимательному читателю уже достаточно ясно, что самость имеет столько же общего с Эго, сколько Солнце с Землей. Они не взаимозаменяемы. Речь также не идет ни об обожествлении человека, ни о развенчании Бога. То, что пребывает по ту сторону нашего понимания, в любом случае находится за пределами досягаемости. Поэтому когда мы используем понятие бога, то просто формулируем определенный психологический факт, а именно независимость и суверенность определенных

психических содержаний, выражающих себя в их способности препятствовать нашей воле, навязываться сознанию и влиять на наши настроения и поступки. Пожалуй, вызовет негодование мысль о том, что необъяснимое настроение, нервное расстройство или даже порочное поведение являются, так сказать, проявлением Бога. Но как раз для религиозного опыта было бы непоправимой потерей, если бы такие (даже сами по себе скверные вещи) искусственно исключались из числа автономных психических содержаний. Когда от таких вещей отделываются объяснением, что это, мол, «не что иное, как», то это — апотропаический эвфемизм[6]. Они от этого просто вытесняются, и тем самым, как правило, достигается лишь мнимая выгода, несколько видоизмененная иллюзия. Личность от этого не обогащается, а лишь беднеет и подавляется. То, что современному опыту и познанию представляется дурным или, по меньшей мере, бессмысленным и лишенным ценности, на более высокой ступени опыта и познания может оказаться источником блага, причем, естественно, все зависит от того, как человек справится со своими семью дьяволами. Если объявить ее бессмыслицей, то это равноценно лишению личности соответствующей ей тени, а без нее личность утрачивает свою форму. Живому «облику» нужна глубокая тень, чтобы выглядеть пластично. Без тени личность остается двухмерным фантомом или более или менее благовоспитанным ребенком.

401 Здесь я ссылаюсь на проблему, гораздо более значительную, которую вряд ли можно выразить несколькими простыми словами вроде нижеследующих: человечество по своей психологической сути все еще пребывает в состоянии детства — ступени, через которую невозможно перескочить. Подавляющее большинство все еще нуждается в авторитете, руководстве и законе. С этим фактом нельзя не считаться. Павловское преодоление закона выпадает на долю лишь тому, кто научился на место совести ставить душу. Лишь очень немногие способны к этому. («Много званных, но мало избранных».) И эти немногие ступают на такой путь лишь из внутренней необходимости, чтобы не сказать — нужды, ибо путь этот узок, как лезвие бритвы.

402 Понятие Бога как автономного психического содержания делает Бога моральной проблемой, а это, как признают многие, весьма неудобно. Но

[6] Наделение чего-то плохого хорошим именем с целью избежать его осуждения или немилости.

если этой проблемы не существует, то и Бог будет нереальным, ибо тогда он никак не сможет повлиять на нашу жизнь. Тогда он станет или привидением исторического понятия, или философской сентиментальностью.

403 Если не рассматривать идею «божественного» совсем, а говорить лишь об автономных содержаниях, то, при всей корректности в интеллектуальном и эмпирическом отношениях, будет упущена та интонация, которая психологически необходима. Используя понятие божественного бытия, мы даем соответствующее выражение своеобразной манере и способу, с помощью которых мы переживаем воздействия автономных содержаний. Можно было бы воспользоваться и словом «демоническое» при условии, что у нас где-то не спрятан еще один конкретный Бог, в точности соответствующий нашим желаниям и представлениям. Наши интеллектуальные колдовские трюки не помогут нам создать реального Бога по нашему велению — наивно было бы полагать, будто мир приноравливается к нашим ожиданиям. Поэтому когда мы снабжаем работу автономных содержаний атрибутом «божественный», то тем самым признаем их относительно превосходящую силу. Это и есть та превосходящая сила, которая во все времена принуждала человека измышлять самое невероятное и даже принимать величайшие страдания, чтобы воздать должное этим воздействиям. Эта сила так же реальна, как голод и страх смерти.

404 Самость можно охарактеризовать как своего рода компенсацию за конфликт между внутренним и внешним. Такая формулировка, видимо, пригодна, поскольку самость имеет свойство какого-то результата, достигнутой цели, чего-то, что осуществляется лишь постепенно и становится ощутимым после многих усилий. Так что, среди прочего, самость — еще и наша жизненная цель, ибо она самое завершенное выражение той судьбоносной комбинации, которая называется индивидуальностью, полным расцветом не только одного индивида, но и группы, в которой каждый вносит свою лепту в целое.

405 Ощущение самости как чего-то иррационального, неопределимо-сущего, чему не противостоит и не подчиняется Эго, но к чему оно просто привязано и вокруг чего оно в некотором смысле вращается, как Земля вокруг Солнца, приводит нас к цели индивидуации. Я употребил слово «ощущение», чтобы подчеркнуть тем самым апперцептивный характер отношений между Эго и самостью. В этом отношении нет ничего известного, ибо мы не в состоянии высказаться о содержаниях самости. Единственным содержанием самости,

о котором нам что-то известно, является Эго. Индивидуированное Эго ощущает себя объектом неизвестного и превосходящего субъекта. Мне кажется, что психологическая констатация подходит здесь как будто к своему пределу, так как идея самости сама по себе — уже трансцендентный постулат, который хотя и может быть психологически оправдан, но не может быть научно доказан. Такой шаг за пределы науки есть безусловное требование психологического развития, которое я пытался изобразить, поскольку без этого постулата я толком не знал бы, как описать эмпирические психические процессы. Поэтому самость может претендовать, по крайней мере, на уровень гипотезы, аналогично гипотезе о структуре атома. И даже если мы не можем выйти здесь за пределы образа, то все же он представляется не менее жизненным и властным, а его толкование совершенно превосходит мои возможности. Я вовсе не сомневаюсь в том, что это некий образ, и притом такой образ, в котором мы все находимся.

406 Я глубоко осознаю, какие необычные требования к уму читателя предъявлены в этой работе. Хотя я и приложил все усилия, чтобы сделать легкой тропу понимания, мне не удалось убрать с дороги одну большую трудность, а именно тот факт, что лежащие в основе моих результатов наблюдения, вероятно, незнакомы большинству людей, а стало быть, могут показаться необычными. Поэтому мне не приходится ожидать, что читатель согласится со всеми моими выводами. Хотя любой автор естественным образом предпочтет быть понятым, для меня на первом плане стоит все же не столько истолкование моих наблюдений, сколько указание на мало разработанную и обширную сферу опыта, которую я надеюсь сделать доступной многим с помощью этой книги. В этой сфере, до сих пор столь темной, заключены, как мне кажется, ответы на некоторые загадки, к разгадыванию которых психология сознания даже не приближалась. Я, разумеется, ни в коем случае не претендую на то, что мне удалось сформулировать эти ответы в окончательном виде. Поэтому мне будет довольно, если моя работа сможет рассматриваться как предварительная попытка нащупать ответ.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЭССЕ ПО АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

I
Новые пути в психологии[1]

407 Подобно всем наукам, психология пережила период схоластики, и частично этот дух сохранился в ней до настоящего времени. О философской психологии такого рода можно сказать, что ее сторонники с высоты профессорской кафедры определяют структуру психического, устанавливают, какие свойства и качества присущи ему в нынешней картине мира человека. Однако методология современных научных исследований в значительной степени отвергает подобные фантазии и заменяет их точными эмпирическими данными. На таком фундаменте выросла экспериментальная психология сегодняшнего дня, то, что французы называют «психофизиологией». Основателем этого направления был Фехнер, который с присущим ему дуальным мышлением дерзнул в своей работе «Элементы психофизики» представить психические явления в свете физических теорий. Эта идея оказалась весьма плодотворной. Младший современник

[1] Впервые опубликована под названием «Neue Bahnen der Psychologie» в ежегоднике «Raschers Jahrbuch für die Schweizer Art und Kunst» (Zurich, 1912); в английском переводе напечатана в Сборнике «Collected Papers on Analytical Psychology» (1-е изд., London, 1916). Затем работа была пересмотрена, значительно расширена и опубликована под названием «Die Psychologie der unbewussten Prozesse» (Zurich, 1917); в английском переводе напечатана в сборнике «Collected Papers on Analytical Psychology» (2-е изд., London, 1917; New York, 1920). После пересмотра и внесения дополнений работа была опубликована под названием «Ueber die Psychologie des Unbewussten». (Zurich, 1943). [При пересмотре работы «Neue Bahnen der Psychologie» для ее издания в 1917 г. под названием «Die Psychologie der unbewussten Prozesse» автор внес в нее ряд изменений. В данном пересмотренном издании собрания сочинений сокращенные ранее части текста были восстановлены (в квадратных скобках).— *Примеч. ред.*]

Фехнера — Вундт, весьма одаренный и эрудированный исследователь,— внес поправки в эту теорию и разработал новые методы экспериментальных исследований, в результате чего ему удалось создать доминирующее направление в современной психологии.

408 До недавнего времени в экспериментальной психологии преобладал в основном академизм. Первая заметная попытка применить в психологической практике хотя бы некоторые экспериментальные методы принадлежит психиатрам бывшей Гейдельбергской школы — Крепелину, Ашаффенбургу и др., ибо, как легко можно себе представить, именно психиатры остро ощутили потребность в точных знаниях о психических процессах. Затем наступила очередь педагогики, предъявившей собственные требования к психологии. Отсюда в дальнейшем выросла «экспериментальная педагогика», в создании которой значительная роль принадлежит Мойманну в Германии и Бине во Франции.

409 Если врач (и особенно «специалист по нервным заболеваниям») хочет помочь своим пациентам, он должен обладать знанием психологии, поскольку все явления, подпадающие под понятие «нервные заболевания» (истерия и т. д.), обуславливаются психическими факторами и поэтому, по логике, требуют лечения психического. Холодная вода, свет, свежий воздух, электричество и другие подобные средства приносят в лучшем случае лишь временное облегчение, а иногда оказываются и совсем бесполезными. Часто это всего лишь сомнительные уловки, рассчитанные на внушаемость. В то же время пациент страдает от болезни разума; страдают его наиболее высокие и сложные функции психического, врачевание которых не может быть отнесено к области медицины. Здесь врач одновременно должен быть и психологом, обладать знаниями в области человеческой психики; это совершенно необходимое требование. Он неизбежно обращается за помощью к психологии, поскольку учебники по психиатрии не в силах ему помочь. Однако современная экспериментальная психология еще не в состоянии дать ему представление о наиболее важных психических процессах. Это не входит в ее задачи; она пытается изолировать наиболее простые и элементарные процессы в пограничной с физиологией области и изолированно изучает их. Ее не интересует бесконечное разнообразие и изменчивость индивидуальной психики; по этой причине в ее открытиях и фактическом материале так много деталей, органически не связанных между собой. Отсюда вытекает, что всякий

желающий получить сведения о человеческой психике почти ничего не извлечет для себя из экспериментальной психологии. Ему следует порекомендовать сбросить научную мантию, отказаться от научных исследований и войти в жизнь с открытым сердцем. Там среди ужасов тюрем, психиатрических лечебниц и больниц, в захудалых пивнушках, борделях и притонах, среди азартных игроков, в салонах высших сословий, на биржах, социалистических митингах, в церквах, на сборищах «возрожденцев» и одержимых сектантов, познав любовь и ненависть, испытав на себе все виды страстей, он узнает больше, чем мог бы почерпнуть из толстых учебников; он сможет лечить больного, понимая его душу. Ему простится недостаточное почтение к так называемым краеугольным камням экспериментальной психологии, ибо существует глубокая пропасть между тем, что наука называет психологией, и практическими требованиями, предъявляемыми к психологии повседневной жизнью.

410 Указанное несовершенство явилось отправной точкой для новой психологии, основателем которой следует, в первую очередь, считать Зигмунда Фрейда, жившего в Вене блестящего врача и исследователя функциональных расстройств нервной системы. Созданное им в психологии направление можно было бы определить как «аналитическое». Блейлер предложил назвать его «глубинной психологией»[2] с целью подчеркнуть тот факт, что фрейдовская психология занимается скрытыми областями психического, называемыми также бессознательным. Сам Фрейд дал предложенному им методу исследования название «психоанализ». Широкую известность данное направление получило именно под этим именем.

411 Прежде чем приступить к более детальному рассмотрению нашей темы, необходимо рассказать о том, что известно о ее связях с наукой. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, которая в очередной раз доказывает справедливость высказывания Анатоля Франса: «Ученые нелюбопытны». Первая значительная работа в этой области[3] получила весьма незначительный отклик несмотря на то, что в ней предлагалась совершенно новая концепция понимания неврозов. Некоторые авторы, прокомментировав ее в своих работах, продолжали на следующих страницах обсуждать случаи

[2] [Die Psychoanalyse Freuds. 1910.]

[3] *Breuer and Freud.* Studies on Hysteria (orig. 1895).

истерии, оставаясь на старых позициях. Этим они уподоблялись человеку, который, признав, что земля имеет форму шара, спокойно продолжают описывать ее как плоскость. Дальнейшие публикации Фрейда[4] остались незамеченными, хотя в них излагались крайне важные для психиатрии наблюдения. Когда в 1899 г. Фрейд дал первое психологическое толкование сновидений[5], люди стали смеяться, а когда он взялся за освещение проблемы психологии сексуальности[6] [получив одновременно поддержку психологической школы Цюриха], смех перешел в оскорбления, подчас самого неприглядного свойства, причем это продолжалось до недавнего времени. [На последнем съезде психиатров юго-западной Германии сторонникам нового направления в психологии пришлось услышать, как Гохе, университетский профессор психиатрии из Фрейбурга, дал этому новому движению определение — «эпидемия безумия среди врачей», снискав шумное одобрение аудитории и опровергнув старое речение, гласящее, что «врач не унижает другого врача».] О том, насколько тщательно изучались работы Фрейда, свидетельствует наивное высказывание одного из самых выдающихся парижских невропатологов на международном конгрессе в 1907 г.: «Я не читал работ Фрейда (он не знал немецкого языка), но что касается его теорий, то это настоящая чепуха». [Фрейд однажды сказал мне: «Впервые я по-настоящему осознал, что именно мне удалось открыть, когда повсеместно столкнулся с сопротивлением и негодованием; с тех пор я начал судить о значимости моих работ по степени оказываемого им сопротивления. Наибольший протест вызывает теория сексуальности, поэтому мне представляется, что она относится к моим лучшим работам. Возможно, истинными благодетелями рода человеческого являются ложные учителя, ибо сопротивление ложным учениям продвигает человека волей-неволей в сторону истины. Проповедники ложных учений — испорченные люди, они вводят людей в заблуждение».]

412 [Поэтому нам следует более внимательно присмотреться к новой психологии.]

---

4 Early Psycho-Analitic Publications (orig. 1906) // Standard Edition. Vol. 3.

5 The Interpretation of Dreams (orig. 1900).

6 Tree Essays on the Theory of Sexuality (orig. 1905).

413 Уже во времена Шарко было известно, что невротические симптомы «психогеничны», т. е. зарождаются в психике. Известно также главным образом благодаря школе Нанси, что все истерические симптомы могут вызываться внушением. Однако не был известен механизм возникновения в психике истерического симптома, полностью отсутствовали сведения о психических каузальных факторах. В начале 80-х годов д-р Брейер, опытный практикующий врач из Вены, сделал открытие, положившее начало новой психологии. Одна из его пациенток — молодая, интеллигентная женщина — страдала истерией со следующими симптомами: у нее был спастический паралич правого предплечья, временами отмечались приступы рассеянности или сумеречного состояния; она утратила способность объясняться на своем родном языке и могла говорить только по-английски (систематическая афазия). Тогда, как и теперь, эти нарушения пытались объяснять, основываясь на анатомических теориях, хотя корковые центры, управляющие функциями руки, здесь были вполне сохранны, как и у здоровых людей. Симптоматология истерии полна анатомических несуразностей. Так, одна дама под воздействием истерического аффекта полностью утратила слух, хотя часто принималась петь. Однажды во время ее пения врач незаметно сел за пианино и стал ей аккомпанировать, а затем перешел в другую тональность; пациентка продолжала петь, но уже в новой тональности. Таким образом, она слышала — и одновременно не слышала. Для разнообразных форм систематической слепоты характерны аналогичные явления: к одному из пациентов, страдавшему полной слепотой, после лечения частично вернулось зрение, но долгое время не удавалось восстановить его полностью: он мог видеть все, но не видел головы людей. Он видел окружающих его людей безголовыми. Таким образом, он одновременно видел — и не видел. На основании большого числа подобных экспериментов удалось прийти к заключению, что не видит и не слышит только сознательная составляющая психики пациента, тогда как функция ощущений находится в рабочем состоянии. Такое положение прямо противоречит природе органического нарушения, которое всегда влияет на функциональное состояние организма.

414 После данного отступления вернемся к случаю, описанному Брейером: отсутствовали органические причины нарушения, и поэтому следовало считать, что они вызываются истерией, т. е. носят психогенный характер. Брейер заметил, что если во время сумеречного состояния пациентки (независимо от того, было ли оно натуральным или наигранным) он мог

добиться, чтобы она рассказала ему о своих воспоминаниях и фантазиях, одолевавших ее, то на несколько часов ее состояние улучшалось. В процессе лечения он постоянно пользовался результатами своего открытия. Этот метод пациентка назвала «лечением разговором», или шутя — «промывкой».

415 Пациентка заболела, ухаживая за смертельно больным отцом. Естественно, что ее фантазии были в основном связаны с состоянием повышенной тревожности тех дней. Воспоминания того периода, когда она находилась в сумеречном состоянии, всплывали с фотографической достоверностью; их живость и детальность были так велики, что едва ли память в бодрствующем состоянии могла бы воспроизвести все события так пластично и так подробно. (Такая интенсификация воспоминаний получила название «гипермнезии»; она легко возникает в некоторых условиях ограниченного сознания.) При этом выяснились удивительные обстоятельства. Вот одна из многочисленных рассказанных этой пациенткой историй.

Однажды ночью, сидя у постели отца, у которого была высокая температура, пациентка находилась в крайне тревожном состоянии, так как ожидала приезда из Вены хирурга, которому предстояло оперировать больного. На какое-то время мать вышла из комнаты, и Анна (так звали пациентку) осталась сидеть рядом с больным; ее рука свешивалась со спинки стула. Она как бы увидела сон наяву: от стены отделилась черная змея и подползла к отцу, намереваясь укусить его. (Вполне возможно, что в поле за домом водились змеи, которые ранее напугали девушку, а теперь снабдили ее материалом для галлюцинаций.) Она хотела прогнать змею, но почувствовала себя парализованной; ее свисающая со стула правая рука «застыла»; она не могла ею пошевелить, а затем увидела, как пальцы руки превращаются в маленьких змеек, у которых вместо голов были черепа [ногти]. Возможно, что она попыталась прогнать змею парализованной правой рукой, и при этом паралич руки ассоциировался с галлюцинацией. После того как змея исчезла, она в испуге хотела помолиться; но речь куда-то пропала, она не смогла произнести ни слова, пока не вспомнила английский стишок; после этого она могла думать и молиться только на английском языке.

416 При таких обстоятельствах возник паралич и появились речевые нарушения, но описание этой сцены привело к исчезновению нарушений, и в конечном счете больную удалось излечить.

417 Я должен ограничиться приведенным случаем. Упомянутая мной книга Брейера и Фрейда («Этюды по истерии») содержит множество подобных примеров. Очевидно, что происшествия подобного рода производят сильное впечатление, и поэтому люди склонны приписывать им каузальную значимость в возникновении симптомов. Принятое в то время объяснение истерии, основанное на английской теории «нервного шока» и активно поддержанное Шарко, позволило с достаточной полнотой объяснить открытие Брейера. Отсюда возникла так называемая теория травмы, согласно которой истерические симптомы в той мере, в какой симптомы формируют болезнь, и сама истерия вызываются психическими травмами, отпечатки которых могут в течение многих лет храниться в бессознательном. В распоряжении Фрейда, сотрудничавшего в то время с Брейером, имелся обширный материал, подтверждавший это открытие. Как выяснилось, многочисленные истерические симптомы возникали не случайно — они всегда базировались на реальных психических переживаниях. Таким образом, предлагавшаяся новая концепция открывала широкое поле для эмпирической деятельности. Однако пытливый ум Фрейда не мог долго оставаться на этом поверхностном уровне, поскольку начинали вырисовываться более глубокие и сложные проблемы. Вполне очевидно, что тревожные состояния, присущие пациентам Брейера, оставляли после себя весьма стойкое впечатление. Но каким образом пациентка пришла к своим переживаниям, несомненно отмеченным печатью болезни? Могли ли они быть вызваны напряжением, которое она испытывала при уходе за больным? Если это так, то должно быть много подобных случаев, ибо, к сожалению, существует большое число тяжелобольных, сиделки которых не всегда отличаются хорошим здоровьем. На указанный вопрос медицина дает превосходный ответ: «Иксом в данном уравнении является предрасположенность». У человека может наблюдаться такая «предрасположенность». Однако Фрейд хотел выяснить ее причину. Логично предположить: причина заключается в предыстории психической травмы. Как известно, волнующие сцены оказывают на разных людей различное воздействие, вещи, которые одним людям нравятся или не вызывают эмоций, могут вызывать отчаянный ужас у других; примером могут служить столкновения с лягушками, змеями, мышами, кошками и т. п. Некоторые женщины способны спокойно ассистировать при операциях, сопровождающихся потоками крови, и содрогаться от ужаса

и отвращения от прикосновения кошки. Я помню молодую женщину, страдавшую острой истерией, возникшей после внезапного испуга. Она присутствовала на вечеринке и возвращалась около полуночи домой в сопровождении нескольких спутников. Внезапно на большой скорости их стала нагонять карета. Спутники ушли с дороги, а она, охваченная ужасом, бросилась бежать перед лошадьми. Кучер кричал и размахивал кнутом, но все было бесполезно, она продолжала бежать посреди дороги, которая вела к мосту. Здесь силы покинули ее, и, чтобы не быть затоптанной лошадьми, она в отчаянии собиралась броситься в реку, но ей помогли друзья. Но вот эта же дама оказалась в Петербурге в день кровавого воскресенья 9 (22) января 1905 г. на улице, которую залпами расчищали солдаты. Вокруг нее падали убитые и раненые; однако, не утратив присутствия духа, она нашла калитку, ведущую во двор, через который ей удалось выйти на другую улицу и таким образом спастись. Пережитые ею ужасные мгновения не особенно взволновали ее. После этого происшествия она чувствовала себя очень хорошо — даже лучше, чем обычно.

418 Весьма схожие реакции наблюдаются довольно часто. Отсюда следует заключить, что интенсивность травмы сама по себе имеет небольшую патогенную значимость; все зависит от конкретных обстоятельств. Здесь находится ключ к предрасположенности [или, по меньшей мере, к одной из ее составляющих]. Поэтому нам следует задать себе вопрос: каковы конкретные обстоятельства в ситуации с каретой? Ужас охватил ее при звуке лошадиных копыт; на мгновение ей показалось, что этот звук несет в себе нечто зловеще судьбоносное — ее смерть или нечто столь же ужасное; в следующее мгновение она перестала сознавать свои действия.

419 По-видимому, шок был вызван лошадьми. Предрасположенность пациентки реагировать таким странным образом на столь незначительное событие объясняется, возможно, тем, что лошади имеют для нее особую значимость. Например, мы можем предположить, что в ее прошлом с лошадьми был связан какой-то несчастный случай. Как удалось выяснить, так оно и было. В возрасте семи лет она ехала с кучером в карете, когда лошади, внезапно испугавшись чего-то, понеслись к обрывистому берегу реки. Кучер выпрыгнул и крикнул, чтобы она поступила так же; охваченная смертельным ужасом, она никак не могла решиться. Все же в самый последний момент она успела выпрыгнуть, а лошади вместе с каретой упали в пропасть. Совершенно очевидно, что такое событие должно было

произвести на девочку глубокое впечатление. Однако оно не объясняет, по какой причине спустя много лет совершенно безобидный стимул вызвал такую бурную реакцию. Нам только известно, что этому предшествовало событие, случившееся в раннем детстве, однако его патологический аспект остается невыясненным. Чтобы проникнуть в эту тайну, необходимы дополнительные сведения. Ибо постепенно стало очевидно, что во всех рассмотренных случаях, помимо травматического переживания, присутствует особый род переживаний, которые можно отнести к области любви. По общему признанию, «любовь» является растяжимым понятием, простирающимся от небес до преисподней и сочетающим в себе добро и зло, низменное и возвышенное[7]. Вышеописанное открытие привело к значительным изменениям во взглядах Фрейда. Если ранее, находясь в той или иной мере под влиянием теории травмы, предложенной Шарко, он искал причину невроза в предшествовавшем травматическом переживании, то теперь центр тяжести проблемы сместился в совершенно иную сторону. Наилучшую иллюстрацию сказанному представляет рассматриваемый здесь случай: понятно, почему лошади играют важную роль в жизни нашей пациентки, но непонятна ее последующая реакция, столь неожиданная и сильная. Патологическая особенность этого происшествия заключается не в ее страхе перед лошадьми. Помня о вышеупомянутом эмпирическом предположении, согласно которому, помимо травматического переживания, в таких ситуациях обычно присутствует любовное переживание, следует принять допущение, что в нашем случае в этой области тоже что-то было не в порядке.

420 Молодая девушка знакома с молодым человеком, с которым предполагает вступить в брак; она его любит и надеется на счастливую жизнь с ним. Вначале ничего более не удалось обнаружить. Однако отрицательные результаты расследования не могут помешать его продолжению. Если прямые пути не приводят к цели, можно воспользоваться обходными. Поэтому мы возвращаемся к примечательному моменту, когда девушка бежала по дороге, преследуемая каретой в лошадиной упряжке. Мы поинтересовались

---

7 Мы можем отнести к любви старинное мистическое высказывание: «Небеса вверху, небеса внизу, небо вверху, небо внизу, все вверху, все внизу, прими это и возрадуйся». [Мефистофель выражает ту же самую мысль, говоря о «силе, которая творит добро, замышляя зло».]

ее спутниками, а также поводом, по которому состоялась упомянутая вечеринка. Это было прощанием с ее лучшей подругой, которая уезжала за границу, чтобы подлечить свои нервы. Подруга была замужем, имела ребенка и, как нам сообщили, была счастлива в браке. Можно усомниться в справедливости утверждения о счастливом браке, ибо в таком случае она не имела бы причин «нервничать» и ей не требовалось бы лечение. Изменив характер вопросов, я узнал, что после того, как друзья спасли пациентку, они вернули ее в дом подруги, поскольку все произошло поблизости от этого дома. Здесь ее ожидал радушный прием. В этом месте рассказа пациентка заволновалась и попыталась изменить тему беседы. Очевидно, в ее памяти неожиданно всплыли неприятные воспоминания. Преодолев ее упорное сопротивление, мне удалось выяснить, что тем же вечером произошел еще один примечательный инцидент: гостеприимный хозяин страстно признался ей в любви, создав тем самым ситуацию, которую в отсутствие хозяйки можно было счесть затруднительной и неловкой. По видимости, это объяснение прозвучало для нее как гром среди ясного неба. [Некоторая доля недоверия подсказывает нам, что такие вещи никогда не обрушиваются на нас совершенно неожиданно, у них всегда имеется некоторая предыстория.] В течение последовавших нескольких недель мне удалось шаг за шагом раскопать долгую историю любви, которую можно изложить следующим образом.

В детстве пациентка была настоящим сорванцом; ее увлекали только шумные мальчишеские игры, она презирала представительниц своего пола и женские занятия. Выйдя из подросткового возраста, когда она могла столкнуться с эротическими проблемами, пациентка стала избегать общества, ненавидела и презирала все, что хотя бы отдаленно напоминало ей о ее биологическом предназначении как женщины, жила в мире фантазий, не имевших ничего общего с грубой реальностью. И так примерно до двадцати четырех лет ей не пришлось пережить тех маленьких приключений, надежд и ожиданий, которые обычно волнуют девичье сердце. (В этом вопросе женщины часто удивительно неискренни как с собой, так и со своим врачом.) Затем она познакомилась с двумя мужчинами, сумевшими сломать колючую изгородь, которой она себя окружила. М-р А. был мужем ее лучшей подруги, а м-р В. (холостяк) — его другом. Ей нравились оба. Правда, вскоре стало казаться, будто бы м-р В. нравился ей значительно больше. Они часто встречались, и их друзья

начали поговаривать о возможной помолвке. Благодаря своим отношениям с м-ром В. и со своей подругой пациентка часто встречалась с м-ром А., присутствие которого порой смущало ее необъяснимым образом, заставляло ее нервничать. Как-то раз вместе с друзьями она присутствовала на одной из многолюдных вечеринок. В задумчивости она стала крутить на пальце кольцо, оно соскользнуло с руки и закатилось под стол. Оба друга принялись за поиски, и м-ру В. удалось его найти. Надевая ей кольцо на палец, он с многозначительной улыбкой заметил: «Вы знаете, что это значит». Охваченная странным волнением, она сорвала кольцо с руки и швырнула его в открытое окно. Все почувствовали себя неловко, и вскоре она ушла в глубоком смятении. Некоторое время спустя, совершенно непреднамеренно, она оказалась на курорте, где отдыхали м-р и миссис А. Миссис А. стала заметно нервничать, из-за плохого самочувствия она часто оставалась в доме. В этой ситуации пациентке удавалось гулять вдвоем с м-ром А. Однажды они катались на лодке. Она так веселилась, что внезапно упала за борт. Плавать она не умела, и м-р А. с трудом вытащил ее из воды, вернув в лодку почти потерявшую сознание девушку. И тут он поцеловал ее. После этого романтического эпизода связь между ними окрепла. Желая оправдать себя в собственных глазах, она поддерживала помолвку с м-ром В., настойчиво убеждая себя, что любит именно м-ра В. Естественно, что эта лукавая игра была замечена женой м-ра А. Миссис А. разгадала тайну подруги и очень переживала, ее состояние ухудшилось. Ей предстояла поездка на лечение за границу. Во время прощальной вечеринки злой дух нашептал пациентке: «Он останется один. Что-то должно с тобой случиться, чтобы ты оказалась в его доме». И действительно кое-что произошло: она вела себя странно, благодаря чему ей удалось вернуться в его дом и достигнуть тем самым своей цели.

421 Ознакомившись с приведенным объяснением, можно подумать, что только дьявольское лукавство способно создать такую цепь совпадений и заставить ее сработать. Тонкость замысла, разумеется, присутствовала, но у меня есть сомнения в отношении моральной оценки данной совокупности происшествий, поскольку, как я хочу подчеркнуть, мотивы, приведшие к такой драматической развязке, не осмыслялись. Пациентке казалось, что все произошло само собой, мотивы ею не осознавались. Одновременно предшествующие события с очевидностью указывают на то, что все было направлено на подобный исход, хотя сознание упорно старалось привести пациентку к осуществлению помолвки

с м-ром В. Бессознательное устремление, действовавшее в противоположном направлении, оказалось сильнее.

422 И теперь мы вновь возвращаемся к нашему первоначальному вопросу об источнике патологической (т. е. особенной, преувеличенной) природы реакции на полученную травму. На основании имеющегося опыта мы пришли к заключению, что и в данном случае в дополнение к полученной психологической травме имело место нарушение в эротической области. Это предположение нашло полное подтверждение, и мы установили, что травма, мнимая причина заболевания, была не более чем случайным поводом, позволившим проявиться важному, но ранее не осознававшемуся эротическому конфликту. Соответственно травма утрачивает свою патогенную значимость и замещается значительно более глубокой и понятной идеей, и тогда патогенным агентом становится эротический конфликт.

423 Меня часто спрашивают, почему именно эротический, а не какой-либо иной конфликт должен считаться причиной невроза. В ответ можно сказать: никто не утверждает, что это обязательно должно быть так, однако фактически все [всегда] так и обстоит [невзирая на мнение бесчисленных кузин и тетушек, родителей, дедушек и бабушек, а также учителей, которые яростно возражают против указанного предположения]. Несмотря на все протесты, непреложным остается тот факт, что любовь[8] и связанные с ней проблемы и конфликты играют основополагающую роль в жизни человека и, как показывают проводимые исследования, им принадлежит даже более важная роль, чем он сам подозревает.

424 Пришлось отказаться от теории травмы, поскольку она устарела; в связи с открытием, согласно которому не травма, а скрытый эротический конфликт лежит в основе невроза, травма полностью теряет свою значимость патогенного фактора.

425 [Таким образом теория переместилась в совершенно иную плоскость.] Проблема травмы была решена; но теперь перед исследователем встала проблема эротического конфликта, который, как показывает наш пример, включает множество аномальных элементов и, на первый взгляд, не может быть сопоставлен с обычным эротическим конфликтом. Особенно удиви-

---

8 Мы используем это слово в более широком смысле, принадлежащем ему по праву и подразумевающем не только сексуальность.

тельным и невероятным кажется то, что пациентка осознавала только видимую ситуацию, тогда как ее реальная страсть оставалась во мраке бессознательного. В приведенном случае не вызывает сомнения тот факт, что реальные эротические чувства оставались неосознанными, а в области сознания доминировали в основном внешние обстоятельства. Теоретически обобщая указанные факты, мы приходим к следующим выводам: в неврозе присутствуют две [эротические] противоположно направленные тенденции, и по меньшей мере одна из них остается неосознанной. [Правда, тут можно было бы возразить, что данное утверждение относится только к нашему случаю и не подлежит обобщению. Это возражение, несомненно, найдет широкую поддержку, поскольку никто не хочет согласится с тем, что эротический конфликт имеет универсальный характер. Напротив, принято считать, что эротический конфликт относится в большей степени к области литературы; подразумевается, что это нечто из области внебрачных похождений, подобно изображенным в романах Карин Михаэлис или тому, что Форель описал в своей книге «Половой вопрос». В действительности все обстоит иначе, ибо, как нам известно, самые пылкие и волнующие драмы разыгрываются не на театральных подмостках, а в сердцах обычных мужчин и женщин, которые живут, не привлекая внимания и не показывая окружающим, какие конфликты бушуют у них в душе; внешне они могут проявиться разве что в форме нервного срыва. Непрофессионалу трудно даже допустить, что во многих случаях сами пациенты не подозревают о том, какие бури бушуют у них в бессознательном. Прекрасно осознавая, что многие люди ничего о себе не знают, мы будем не так сильно удивлены, уяснив, что существуют люди, не имеющие понятия о своих реальных конфликтах.]

426 [Если читатель готов допустить возможность существования патогенных и, возможно, даже бессознательных конфликтов, он все же будет утверждать, что это не «эротические» конфликты. Если у такого читателя имеет место определенная нервозность, то подобное предположение вызовет его негодование; ибо все мы приучены путем домашнего и школьного воспитания трижды осенять себя крестным знамением при одном лишь произнесении слов «эротический» и «сексуальный»; нам удобнее считать, что ничего подобного не существует, а если и встречается, то крайне редко и не рядом с нами. Но именно такая установка приводит в первую очередь к невротическим конфликтам.]

427 Как нам известно, рост культуры заключается в подавлении животного начала в человеке. Это процесс одомашнивания, против которого не может не бунтовать его животная составляющая, жаждущая свободы. Временами на человечество, слишком долго сдерживаемое рамками культуры, накатывают волны безумия. В античный период они принимали форму пришедших с Востока дионисийских оргий, которые стали существенной и характерной чертой классической культуры. Дух этих оргий в значительной степени способствовал развитию идеалов аскетизма и появлению бесчисленных сект и философских школ в эпоху, предшествовавшую приходу Христа, которые привели к формированию из хаоса политеизма двух аскетичных религий — митраизма и христианства. Вторая волна дионисийского буйства настигла Запад в период Возрождения. Трудно измерить дух своего времени; но если мы обратимся к тенденциям в искусстве, к образу жизни и вкусам людей, посмотрим, что они пишут и читают, какого рода общества основывают, какие «вопросы» решают, против чего восстают традиционалисты, то мы увидим, что в длинном перечне современных социальных проблем далеко не последнее место занимают так называемые «сексуальные проблемы». Они обсуждаются людьми, восстающими против господствующей сексуальной морали и пытающимися избавиться от гнета моральной вины, которую прошедшие века возложили на эротику. Такие усилия нельзя просто игнорировать и осуждать; они имеют место и, возможно, существуют вполне обоснованно. Значительно более интересно и полезно подвергнуть тщательному исследованию истинные причины этих современных течений, чем присоединять свой голос к профессиональным причитаниям тех, кто оплакивает мораль и [с истерическим пафосом] предсказывает моральную гибель человечества. Моралистам свойственно совершенно не полагаться на Бога, как если бы они считали, будто древо человечества способно уцелеть только в том случае, что его будут подрезать, подвязывать и выращивать в оранжерейных условиях; тогда как в действительности отец-солнце и мать-земля дали возможность этому древу расти себе на радость в соответствии с глубокими и мудрыми законами.

428 Серьезным людям известно о существовании в наши дни определенных сексуальных проблем. Они знают, что быстрый рост городов, сопровождаемый специализацией, обусловленной разделением труда, возрастающая индустриализация сельского хозяйства, растущее ощуще-

ние неуверенности лишают людей возможности давать выход своим аффектам. Меняющийся ритм крестьянской работы доставляет человеку, работающему на земле, бессознательное чувство удовлетворения. Происходит это благодаря символической содержательности его труда, чего, к сожалению, лишен рабочий или служащий. Что последним известно о его общении с природой, о величайших мгновениях, когда как господин и оплодотворитель земли он рыхлит ее плугом и царственной рукой разбрасывает семена будущего урожая; о его законном страхе перед разрушительными силами природы, о том, как он радуется, когда жена рожает ему сыновей и дочерей, работников, гарантирующих ему благополучие и процветание? Как далеки от всего этого мы, современные горожане, настроенные на повсеместное использование машин! Разве мы сами не отказываемся от величайшего естественного удовлетворения, от своего урожая, когда не всегда радуемся рождению детей? [Редко встречаются браки, в которых супружеские пары не прибегают к предохранительным средствам. Разве это не отход от той радости, которую мать-природа даровала своему первенцу?] Может ли такая ситуация приносить удовлетворение? Посмотрите, с каким видом люди покидают дом, понаблюдайте за их лицами, когда ранним утром поездом 7:30 они едут на работу! Один человек трудится в поте лица, другой пишет о том, что его совсем не интересует. Поэтому не вызывает удивления, что почти каждый мужчина является членом различных клубов, число которых равняется порой числу дней недели; никого также не удивляет процветание маленьких женских кружков, в которых женщины могут изливать на героя новейшего культа те неопределенные устремления, которые мужчины заглушают в пивнушках болтовней за кружкой пива. К указанным источникам неудовлетворенности добавляется еще одна серьезная проблема. Природа снабдила беззащитного и безоружного человека большим запасом энергии, которая позволяет ему не только пассивно переносить трудности существования, но и преодолевать их. Она предоставила своему сыну возможности противостоять величайшим трудностям [и даровала ему ценную премию за их преодоление; это хорошо объяснил Шопенгауэр, когда сказал, что счастье — это прекращение несчастья]. В наши дни мы, как правило, не испытываем крайней нужды и поэтому подвержены соблазнам излишеств; ибо при отсутствии жестокой нужды животная составляющая в человеке вырывается

на свободу. Но, обладая отвагой, в каких пиршественных оргиях и излишествах можем мы дать выход избытку нашей энергии? Моральные убеждения накладывают запрет на такое поведение.

429 [Рассмотрим различные источники неудовлетворенности: отказ от непрерывного деторождения, для которого природа снабдила нас большим запасом энергии; монотонность крайне дифференцированного труда, исключающего интерес к выполняемой работе; не требующая усилий безопасность в мирное время, защита от беззакония, грабителей, эпидемий, высокой детской и женской смертности — все это создает избыток энергии, требующей выхода. Но где искать этот выход? Относительно небольшое количество людей решает вопрос, занимаясь опасными для жизни видами спорта; более значительное их число в поисках трудностей, пытаясь избавиться от излишков накопившейся энергии (которая может найти выход в более опасных для человека проявлениях), прибегает к алкогольным излишествам, тратит силы в погоне за деньгами, чрезмерно усердствует в выполнении своих обязанностей или просто постоянно перерабатывает. Именно вследствие указанных причин мы сталкиваемся в наши дни с сексуальной проблемой. Накопившаяся энергия ищет выход, подобно тому как это осуществлялось с незапамятных времен в периоды изобилия и безопасности. В таких условиях размножаются не только кролики. Мужчины и женщины тоже подчиняются таким причудам природы, поскольку моралью они заключены в узкие камеры, тесные размеры которых они не ощущали в те периоды, когда суровые обстоятельства оказывали на них более сильное давление. Но теперь они слишком тесны даже для горожанина. Со всех сторон его окружают соблазны, и, подобно невидимому своднику, в общество прокрадываются сведения о превентивных методах, которые не позволяют реализоваться всем реальным процессам.]

430 Зачем же соблюдать тогда моральные требования? Ради религиозных ограничений, налагаемых мстительным Богом? Не говоря уже о неверующих, каждый верующий может спокойно спросить себя, наказывал бы он, будь он Богом, вечным проклятием за каждую случайную связь мужчину и женщину. Такие представления несовместимы более с нашим комфортным представлением о Боге. Наш Бог слишком терпим, чтобы беспокоиться о таких мелочах. [Подлость и лицемерие в тысячи раз хуже.] Тем самым лицемерная, вдохновляемая аскетическими представлениями

мораль утрачивает всякую обоснованность[9]. Можем ли мы утверждать, что защищены от излишеств нашей глубокой мудростью и пониманием ничтожности поведения людей? К сожалению, мы весьма далеки от этого. [Гипнотическая сила традиций по-прежнему держит нас в рабстве, трусливо и бездумно стадо бредет прежней тропой.] Однако в бессознательном человек обладает тонким ощущением духа своего времени; он оценивает свои возможности и ощущает в глубине души неустойчивость современной морали, не находящей более опоры в общепринятых религиозных убеждениях. Здесь кроется источник большей части наших [эротических] конфликтов. Стремление к свободе наносит удары по слабеющим барьерам морали: нас искушают соблазны, мы испытываем и не испытываем желания. Но поскольку мы испытываем желания, точно не зная, чего же именно мы хотим, [эротический] конфликт располагается, как правило, в области бессознательного, откуда и проистекают неврозы. Тем самым невроз тесно связан с проблемами нашего времени и является неудачной попыткой индивида решить общую проблему в своем конкретном случае. Невроз представляет собой расщепление личности. У большинства людей причина такого расщепления кроется в *стремлении сознательного разума* сохранять приверженность моральным идеалам, тогда как бессознательное ищет аморальные (в современном понимании) идеалы, наличие которых сознание пытается отвергнуть. Люди этого типа хотят казаться более респектабельными, чем они есть в действительности. Однако может иметь место и конфликт иного рода: существуют люди с дурной репутацией, которые кажутся распущенными, никак не ограничивающими свои [сексуальные] устремления, однако это всего лишь маска испорченности [надетая бог весть по какой причине]; в глубине души они вполне респектабельны, что не осознается ими в той же мере, в какой

---

9 [Уничтожение домов терпимости является одним из лицемерных следствий нашей пресловутой сексуальной морали. В любом случае проституция продолжает существовать; чем хуже она организована, чем меньше находится под присмотром, тем опаснее она для общества. Поскольку это зло все же существует и будет существовать всегда, нам следует быть более терпимыми, максимально удовлетворяя гигиенические требования. Отказавшись от моральных шор, можно было бы давно одержать победу над сифилисом.] [Это примечание не приводилось ни в одном издании Collected Papers.— *Примеч. ред.*]

внешне нравственный человек не осознает аморальной составляющей своей души. (Поэтому следует по возможности избегать крайностей, ибо они всегда заставляют подозревать присутствие противоположных черт.)

431 Приведенные общие рассуждения были необходимы для уяснения идеи «эротического конфликта» [в аналитической психологии это ключевое понятие концепции невроза]. Отсюда мы можем перейти к обсуждению, во-первых, психоаналитического метода и, во-вторых, проблемы терапии. [Последний вопрос с неизбежностью вовлек бы нас в детали и сложности конкретных историй болезни, которые не могут уместиться в узких рамках данного изложения. Поэтому ограничимся тем, что бросим беглый взгляд на психоаналитический метод.]

432 Какова самая главная проблема этого метода? По-видимому, это получение ответа на вопрос о кратчайшем и оптимальном пути к пониманию того, что происходит у пациента в бессознательном. Вначале с такой целью применялся гипноз, причем в состоянии гипнотической концентрации осуществлялся или опрос, или спонтанное воспроизведение пациентом фантазий. Упомянутый метод по-прежнему периодически используется, однако по сравнению с методами, принятыми в настоящее время, он слишком примитивен и поэтому не может считаться удовлетворительным. Другой метод был разработан в психиатрической клинике в Цюрихе; это так называемый ассоциативный метод[10], имеющий как теоретическую, так и экспериментальную ценность. Он дает представление (хотя и несколько поверхностное) о бессознательном конфликте, или «комплексе»[11]. Наиболее совершенным является метод анализа сновидений, открытый Зигмундом Фрейдом.

433 К сновидению справедливо отнести выражение: «Это камень, отвергнутый строителями, который положен во главу угла». Только в современном мире сновидение — текучий, кажущийся столь незначительным продукт психической жизни — столкнулось с таким пренебрежительным к себе отношением. Ранее оно считалось вестником судьбы, чудом, явлением,

---

[10] *Jung and others.* Studies in Word Association // *Jung C. G.* Collected Works. Princeton University Press. Vol. 2. 1976.

[11] Теория комплексов изложена Юнгом в работе «Психология раннего слабоумия». См.: *Юнг К. Г.* Работы по психиатрии. СПб., 2000. § 1–316.

сообщающим людям волю богов. Теперь мы видим в нем разведчика в бессознательном, чьей задачей является раскрытие тайн, которые наше бессознательное ревниво прячет от сознания. Сновидение в этом смысле выполняет поставленную перед ним задачу с удивительной полнотой.

434 Аналитическое исследование сновидений показало, что, являясь нам, сны представляют собой всего лишь фасад, скрывающий то, что находится внутри дома. Однако если мы, следуя определенным правилам, станем побуждать сновидца обсуждать детали его снов, то вскоре заметим, что его ассоциации имеют определенное направление и группируются вокруг определенных тем. Такие темы значимы для данного человека и несут в себе смысл, наличие которого вовсе не следует из содержания самого сна; однако, как показывает тщательное сопоставление, такой смысл находится в крайне тонком и до мелочей точном [символическом] соответствии с фасадом сновидения[12]. Этот комплекс идей, в котором соединяются все нити сновидения, и создает тот конфликт, в поисках которого мы находимся, или, точнее говоря, его разновидность, сформированную под воздействием обстоятельств. Болезненные и противоречивые элементы конфликта при этом настолько глубоко спрятаны или стерты, что можно было бы говорить об «исполнении желаний»; хотя тут следует добавить, что исполнившиеся во сне желания не принадлежат нам, а часто прямо противоречат нашим действительным желаниям. Так, например, дочь нежно любит свою мать и очень огорчена, увидев сон о смерти матери. Такие сны, в которых, по всей видимости, отсутствует малейший намек на исполнение желаний, встречаются бессчетное число раз и являются камнем преткновения для наших ученых критиков, ибо [как это ни невероятно] они не могут понять элементарного различия между манифестным и скрытым содержанием сновидения. Тут возможны серьезные ошибки: в сновидении отрабатывается бессознательный конфликт и столь же бессознательное желание решить проблему. Наша сновидица в действительности желает избавиться от матери; на языке бессознательного она говорит, что желает смерти своей матери. Теперь мы знаем, что в определенной области бессознательного

[12] [Правила толкования сновидений, законы, регулирующие структуру сновидений, и их символы составляют почти единую науку или, по крайней мере, одну из наиболее важных глав психологии бессознательного, где особенно необходима тщательность.]

содержится все, что не сохранилось в памяти, включая все детские инстинктивные импульсы, которые не могли найти выхода во взрослой жизни, а именно многочисленные безжалостные детские желания. Мы можем утверждать, что бессознательные желания носят в основном инфантильный характер; например, такое желание, выраженное с детской непосредственностью: «Когда мамочка умрет, ты ведь женишься на мне, папочка, правда?» Это инфантильное желание является заменой возникшего в последнее время желания выйти замуж, которое в данном случае носит болезненный для сновидицы характер по причинам, которые еще предстоит выяснить. Идея замужества или, скорее, серьезность соответствующего импульса, по выражению специалистов, «вытеснена в бессознательное», откуда выходит в инфантильной форме по той причине, что материал, который находится в распоряжении бессознательного, состоит главным образом из детских воспоминаний. [Как показали новейшие исследования Цюрихской школы[13], наряду с воспоминаниями детского периода там располагаются также «расовые воспоминания», выходящие далеко за пределы индивидуальных воспоминаний.]

435 [Здесь не место для освещения крайне сложной области анализа сновидений. Следует удовлетвориться полученными результатами исследований: сновидения являются символическим замещением важного для личности «подавленного» желания, не получившего удовлетворительного внимания в течение дня. В соответствии с преобладающими моральными тенденциями такие желания, стремящиеся символически реализоваться в сновидении, являются, как правило, желаниями эротическими. Поэтому не рекомендуется рассказывать свои сновидения знающим людям, поскольку для лиц, знакомых с правилами толкования сновидений, их символика часто весьма прозрачна. Самыми очевидными в этом плане являются весьма распространенные тревожные сновидения, которые обычно символизируют сильное эротическое желание.]

436 Часто сновидение загромождено деталями, кажущимися очень глупыми, создающими впечатление абсурда, или же оно столь непонятно, что оставляют нас в состоянии полной растерянности. Поэтому нам всегда

[13] [*Jung C.* Wandlungen und Symbole der Libido. Рус. пер. — *Юнг К. Г.* Метаморфозы и символы либидо. СПб., 1992.]

приходится преодолевать определенное сопротивление, прежде чем серьезно и терпеливо взяться за распутывание [символической] паутины сновидения. Однако, поняв его реальный смысл, мы глубоко проникаем в тайны сновидца и с удивлением обнаруживаем, что казавшееся бессмысленным сновидение полно глубокого значения и что оно повествует только о крайне серьезных и важных для души предметах. Это открытие заставляет с большим почтением относиться к толкованию смысла снов, к которому ранее наш рациональный век относился свысока.

437 Как говорит Фрейд, анализ сновидений является прямой дорогой к бессознательному. Он приводит к раскрытию глубочайших тайн личности и является поэтому бесценным инструментом для врача и целителя души. Возражения со стороны противников этого метода основаны, как того и следовало ожидать, на доводах, которые, если отбросить подводные течения личных чувств, проистекают главным образом из ярко выраженного схоластического уклона научной мысли, существующего и в наши дни. Больше, чем что-либо иное, анализ сновидений безжалостно разоблачает лживую мораль и лицемерие человека, показывая его в истинном свете; может ли вызывать удивление то, что многие чувствуют себя обиженными? Я всегда вспоминаю поразительную статую, стоящую перед Базельским собором, изображающую плотское наслаждение; на ее лице играет безмятежная архаическая улыбка, тогда как ее спина покрыта жабами и змеями. Анализ сновидений показывает обратную сторону изображения. Едва ли можно отрицать этическую ценность такой реалистической коррекции. Это болезненная, но одновременно полезная операция, ее осуществление связано с высокими требованиями как к врачу, так и к пациенту. В качестве терапевтического метода психоанализ осуществляет главным образом анализ сновидений. В процессе лечения сновидения последовательно выбрасывают наслоения из бессознательного, выставляя их на обозрение в целительном дневном свете; при этом удается восстановить многие ценности, которые считались утраченными. Это своего рода катарсис, нечто сходное с сократовскими вспомогательными средствами или со средствами, относящимися к искусству родовспоможения. Следует, однако, учитывать, что для многих людей, занимающих по отношению к себе определенную позицию, в правильности которой они полностью убеждены и которую трудно поколебать, психоанализ может оказаться крайне мучительной процедурой. Ибо в соответствии со старинным изречением, гласящим: «Отдай то, что у тебя есть,

и воздастся тебе!» — их призывают отказаться от всех привычных иллюзий, чтобы в их душе могло возникнуть нечто более глубокое, прекрасное, всеохватывающее. Только пройдя через таинство самопожертвования, человек может обрести себя заново. В процессе психоаналитического лечения на свет божий выходит древнейшая мудрость, и особенно любопытно, что подобного рода воспитание психики оказывается необходимым в пору расцвета нашей культуры. Во многих отношениях его можно сравнить с сократовским методом, хотя необходимо отметить, что психоанализ проникает на более значительную глубину.

438 У пациента мы всегда обнаруживаем конфликт, который в определенной точке смыкается с существенными проблемами общества. Поэтому, когда анализ подходит к этой точке, обнаруживается, что кажущийся индивидуальным конфликт пациента является универсальным, характерным для его окружения и эпохи. Таким образом, невроз — это не что иное, как индивидуальная попытка, пусть неудачная, решить универсальную проблему; это и не может быть иначе, ибо общая проблема, «вопрос», существует только в сердцах индивидов. [«Вопрос», который тревожит пациента, нравится это вам или нет, будет «сексуальным» вопросом, а точнее говоря, проблемой современной сексуальной морали. Предъявляемые пациентом повышенные требования к жизни и ее радостям, к сверкающей реальности могут выдержать напор ограничений, налагаемых самой реальностью, но не потерпят давления произвольных запретов современной морали, которые будут чрезмерно ограничивать дух творчества, возникающий из глубин животного мрака.] Невротик обладает душой ребенка, не согласного соблюдать произвольные ограничения, смысла которых он не понимает; он пытается принять эту мораль, однако ощущает полное расщепление своей личности: одна его половина пытается оказывать давление на другую, которая жаждет свободы,— и эта борьба именуется неврозом. Если бы конфликт был полностью осознан, он никогда не приводил бы к невротическим симптомам; они появляются только в тех случаях, когда мы не видим другой стороны своей личности и настоятельной необходимости решения ее проблем. Только в таких условиях возникает невротический симптом, способствующий выявлению неосознанной стороны психики. Такой симптом является поэтому косвенным выражением неосознанных желаний, которые, будучи осознанными, вступают в жесточайшее противоречие с нашими моральными убеждени-

ями. Как уже отмечалось, неосознанная теневая сторона психики не может анализироваться пациентом. Он не может корректировать ее, не может примириться с ней, но не может и игнорировать ее, ибо он не «обладает» бессознательными импульсами. Отделенные от сознания, они стали «автономными комплексами», которые могут быть возвращены под контроль сознания посредством анализа бессознательного, но при этом не без сильного сопротивления. Многие пациенты хвастливо заявляют, что для них не существует эротических конфликтов; они уверяют нас, что вопросы секса не имеют значения, утверждают, что полностью лишены сексуальности. Эти люди не замечают, что проблемы неизвестного происхождения затрудняют их путь: это истерические настроения, неискренние выходки как в отношении себя, так и в отношении соседей, катары желудка на нервной почве, боли, беспричинная раздражительность и множество нервных симптомов. [Именно здесь кроется источник наших бед. Только немногим особо удачливым индивидам удается не столкнуться с великим конфликтом современного человека; большинство людей неизбежно оказываются вовлеченными в него.]

439 Психоанализ обвиняют в том, что он высвобождает подавленные животные инстинкты, нанося тем самым человеку огромный вред. Такие [инфантильные] обвинения показывают, как невелико наше доверие к устойчивости моральных принципов. Люди пытаются убедить себя и других, что «только» мораль удерживает человека от распущенности; в действительности же необходим значительно более эффективный регулятор, налагающий ограничения гораздо более реальные и убедительные, чем какие бы то ни было моральные заповеди. Действительно, анализ высвобождает животные инстинкты, однако не для того, чтобы дать им неудержимую власть, а для того, чтобы использовать их в более высоких целях, насколько это возможно для конкретного индивида и насколько ему требуется такая «сублимация». При всех условиях желательно иметь свою личность в полном своем распоряжении, ибо в противном случае подавленная личность преодолеет препятствие в ином, не менее важном месте, часто в наиболее чувствительной точке: этот червь всегда грызет сердцевину. [Вместо того чтобы воевать с собой, человеку значительно лучше научиться терпимо относиться к себе, преобразуя внутренние трудности в реальный опыт, а не затрачивать их на бессмысленные и бесполезные фантазии. Тогда он по крайней мере будет жить, не ведя бесплодную борьбу.] Если можно будет

научить людей видеть низменные стороны своей сущности, то появится надежда на то, что они научатся любить и лучше понимать других. Немного меньше лицемерия и чуть больше терпимости к себе благоприятно скажутся на нашем отношении к своим ближним; ибо мы слишком склонны переносить на них ту несправедливость и враждебность, которые проявляем в отношении себя.

440 [Такой перенос индивидуального конфликта на проблемы общей морали выводит психоанализ далеко за пределы чисто медицинской проблематики. Он дает человеку дееспособную жизненную философию, основанную на эмпирическом инсайте, что позволяет ему понять собственную природу и одновременно осознать себя участником осуществления порядка вещей. Различные аспекты такого понимания не могут быть здесь рассмотрены. На основе имеющейся литературы нелегко также представить адекватную картину реального анализа, поскольку далеко не все относящиеся к методикам глубинной психологии материалы были опубликованы. В этой области остается нерешенным еще целый ряд важнейших проблем. К сожалению, по-прежнему невелико число научных работ, связанных с указанной тематикой, что обусловлено различными предрассудками, не позволяющими сотрудничать специалистам, работающим в этом направлении. Многих из них, особенно тех, кто работает в Германии, помимо всего прочего, удерживает страх погубить свою карьеру в том случае, если они рискнут ступить на эту запретную территорию.]

441 [Все странные и загадочные события, которые группируются вокруг психоанализа, позволяют предполагать, что — в соответствии с законами психоанализа — здесь происходит нечто весьма знаменательное, против чего ученый мир будет (как обычно) выступать самым активным образом. Однако «magna est vis veritatis et praevalebit»[14].]

[14] «Велика и победоносна сила истины!» (*лат.*).

II
Структура бессознательного[1]

1. Различие между личным и безличным бессознательным

442 В свое время мы разошлись с венской школой по вопросу о природе объяснительного принципа в психоанализе, который, по нашему мнению, заключается не в сексуальном импульсе, а просто в энергии. В дальнейшем наше понимание этого вопроса сильно развивалось. И после того как мы устранили это принципиальное разногласие, взяв энергию как понятие чисто абстрактное, характера которого мы подробно не определяли, то наше внимание обратилось к понятию бессознательного.

443 [202] Как известно, в соответствии с теорией Фрейда содержания бессознательного сводятся к инфантильным желаниям и устремлениям, вытесненным из сознания в раннем детстве. Их вытеснение, впрочем, осуществляется на протяжении всей жизни. С помощью анализа вытеснение устраняется, и вытесненные желания вновь осознаются. Можно было бы подумать, что после этого бессознательное освобождается от своего содержания и, так сказать, опорожняется, упраздняется; в действительности же это не так:

[1] Это эссе первоначально было переведено с немецкого языка юнговской рукописи на французский. Позднее немецкий оригинал был утрачен. Для настоящего издания перевод был сделан с английского издания (см.: *Jung C. G.* Two Essays on analytical Psychology // CW. 1953. Vol. 7.) с учетом русского варианта, подготовленного Софией Лорие в переводе с французского (см.: Archives de psychologie. 1916. T. XVI. P. 152–79.) (См.: *Юнг К. Г.* Избранные труды по аналитической психологии. Цюрих, 1939. Т. 3. Перевод Валерия Зеленского.) — *Примеч. пер.*

бессознательное продолжает свою работу, создавая в воображении инфантильно-сексуальные желания, и это длится вплоть до глубокой старости.

444 [203] В согласии с этой теорией бессознательное содержит в себе только те элементы личности, которые могли бы точно так же быть и сознательными и которые, собственно говоря, лишь подавлены в процессе воспитания. Из этого следует, что существенное содержание бессознательного носит *личный* характер. Хотя, с одной стороны, особенно ярко выступают именно инфантильные тенденции бессознательного, было бы совершенно неправильно определять или оценивать бессознательное исключительно с точки зрения этих тенденций.

445 [204] Кроме вытесненных психических элементов, мы находим в бессознательном еще и те психические элементы, которые вообще не дошли до порога сознания. На основании только лишь принципа вытеснения невозможно объяснить, почему эти элементы остаются под порогом сознания. Ибо, будь это так, человек, осознавший и таким образом устранивший вытесненные элементы, приобрел бы феноменальную память, сохраняющую все когда-либо пережитое. Вытеснение, несомненно, существует, но в данном случае оно играет далеко не исключительную и не единственную роль. Если бы то, что мы называем плохой памятью, было всегда лишь следствием вытеснения, то у людей, обладающих отличной памятью, не могло бы быть и вытеснений; такие люди, следовательно, не могли бы страдать неврозом. Но мы знаем по опыту, что это далеко не так. Есть, конечно, случаи, когда причиной ненормально плохой памяти несомненно и главным образом является вытеснение. Однако такие случаи сравнительно редки.

446 [205] Из всего этого вытекает, что бессознательное, кроме вытесненных элементов, содержит в себе еще весь психический материал, ставший подсознательным, включая и сублиминальные чувственные восприятия. Кроме того, мы знаем — и не только благодаря богатому опыту, но и на основании теоретических соображений,— что в бессознательном кроется и весь тот материал, который *еще не* достиг порога сознания. Это зародыши тех содержаний, которые позже станут сознательными. Кроме того, у нас есть все основания предполагать, что бессознательное вовсе не находится в состоянии бездействия; совсем даже напротив, оно, по всей видимости, беспрерывно группирует и перегруппировывает так называемые бессознательные фантазии. Эта психическая работа автономна

только в патологических случаях; при нормальных же условиях она управляется сознанием. У нас есть основания предполагать, что все эти элементы носят личный характер постольку, поскольку они являются приобретениями индивидуальной жизни человека. А так как индивидуальная жизнь человека ограничена, то, собственно говоря, должно было бы быть ограниченным и число элементов, приобретенных бессознательным. Поэтому, казалось бы, возможно исчерпать в анализе все содержание бессознательного, иными словами, завершить путем анализа инвентаризацию бессознательных элементов, если допустить, что бессознательное ничего больше не может создавать, кроме того, что уже известно и принято сознанием. Кроме того, как мы уже заметили выше, пришлось бы сказать, что всякая работа бессознательного может прекратиться, ибо раз вытеснение упразднено, то тем самым задержано и погружение сознательных содержаний в область бессознательного. Но мы знаем по опыту, что это возможно лишь в очень ограниченной мере. Мы, как известно, убеждаем наших пациентов не терять вытесненных и путем анализа вновь осознанных психических элементов, а включать их в план жизни. Однако нам ежедневно приходится убеждаться в том, что этот наш прием не влияет на бессознательное, которое неизменно продолжает свою творческую деятельность и, как видим, создает все те же инфантильно-сексуальные фантазии, основанные, в согласии с прежней теорией, на личных вытеснениях. Если мы в таких случаях последовательно продолжаем анализ, то понемногу вскрываем целый ряд фантастических желаний, поражающих нас сложностью своих сочетаний. Наряду со всеми видами сексуальных перверсий, наряду со всевозможными отклонениями криминального толка, мы находим там и величайшие деяния и зародыши устремленных ввысь мыслей, существование которых никак нельзя было бы даже предположить у данного анализанда.

447 [228] Примером всего вышесказанного может послужить пациент Мэдера, страдавший шизофренией. Этот пациент, ученик слесаря, говорил, что мир ему представляется «книгой с картинками»[2]. Он рано заболел, да и до болезни не отличался особой сообразительностью. Мир для него был книгой с картинками, и он, перелистывая ее, рассматривал то, что происходит

[2] *Maeder.* La langue d'un aliéné // Arch. de Psychol. IX. P. 212.

вокруг. Подобный взгляд на вещи аналогичен идее Шопенгауэра о «мире как воле и представлении», но выражен на примитивном языке — «картинками». Такое мировоззрение больного имеет право на существование, как и идеи Шопенгауэра. Разница заключается лишь в том, что видение больного остается на стадии простого неартикулированного выражения, тогда как у Шопенгауэра та же самая идея вознесена из области интуиции до абстракции и выражена универсально приемлемым языком.

448 [229] Однако было бы большой ошибкой думать, что взгляд этого пациента на вещи имеет личный характер или индивидуальную ценность. В таком случае пришлось бы поставить его на один уровень с философом. Но, как я уже заметил выше, лишь тот достоин звания философа, кто разовьет естественно возникшую мысль до абстрактной идеи и одновременно сделает ее общедоступной через язык. Философское понятие Шопенгауэра репрезентирует индивидуальную ценность, воззрение же больного представляет ценность обезличенную, возникшую спонтанно; а лишь тот претворит эту ценность в личное достояние и приобретет право на нее, кто абстрагирует воззрение до идеи и изложит эту идею на общезначимом языке. Но не следует переоценивать значение такой работы, не следует думать, будто философ сам также придумал или сконструировал свое первоначальное воззрение. Нет, и для философа его воззрение является не чем иным, как естественно появившимся ростком; этот взгляд на вещи не что иное, как частица общечеловеческой собственности, к которой в принципе причастен каждый. Золотые яблоки в садах Гесперид — плоды одного дерева, и безразлично, собирают ли их слесари или Шопенгауэр.

449 [218] Изначальные понятия, примеры которых приведены в моем труде «Символы трансформации»[3], посвященном вопросу о либидо, позволяют нам ввести новую классификацию психических содержаний несмотря на то, что и прежнее разделение их на «подсознательное» и «бессознательное» тоже имеет законное право на существование и дальнейшее развитие. Мое же разделение психических содержаний, к которому привел меня этот опыт, имеет источником другую точку зрения. Из всего вышесказанного непосредственно вытекает, что из совокупности бессознательного мате-

[3] В первоначальной редакции 1912 г. эта работа называлась «Метаморфозы и символы либидо».

риала мы должны отделить такой его слой, который можно назвать *личным бессознательным.* Элементы, присущие этому слою, отличаются личным характером постольку, поскольку они являются приобретениями индивидуальной жизни субъекта и поскольку они являются психологическими факторами[4], которые могли бы быть также сознательными.

450 [218] Итак, хотя, с одной стороны, понятно, что неприемлемые психологические элементы подвергаются вытеснению, с другой стороны, есть возможность довести эти вытесненные элементы до сознания и удержать их в сознании в распознанном виде. Эти элементы мы признаем личными именно потому, что в нашем личном прошлом мы можем найти их воздействие, их частичное проявление или их происхождение. Эти элементы являются нераздельными составными частями личности и принадлежат ей; потеря этих элементов ощущается человеком как состояние неполноценности или несовершенства в том или ином отношении. Это психологическое несовершенство не носит характера органического недостатка или прирожденного дефекта; оно ощущается скорее как некое психическое упущение и вызывает чувство нравственного неудовольствия или *морального негодования.* Чувство такого психического несовершенства всегда является показателем того, что данного недочета можно было бы избежать, иными словами, что бессознательное в данном случае при некотором старании могло бы дойти до сознания. И надо заметить, что такое неприятное моральное чувство является не следствием столкновения с общим и отчасти произвольным моральным законом; нет, это чувство является следствием конфликта с собственным Эго или Я, которое по причинам психической экономии требует пополнения недочета. Всюду, где возникает сознание неполноценности, оно является показателем не только потребности ассимилировать ту или иную порцию бессознательного, но также и самой возможности такой ассимиляции. В конечном счете можно сказать, что только моральные качества самого человека принуждают его сознавать, усваивать свою бессознательную самость и удерживать ее в сознании — все равно, прямым ли путем, признавая необходимость такого процесса, или же косвенно, путем мучительного невроза. Тот, кто достигает прогресса

[4] Т. е. вытесненными желаниями или тенденциями, несовместимыми с моральными или эстетическими чувствами субъекта.

на пути самореализации, неизбежно доводит до осознания содержания своего личного бессознательного, значительно расширяя таким образом саму личностную сферу.

2. Явления, возникающие вследствие ассимиляции бессознательного

451 [221] Последствия ассимиляции бессознательного влекут за собой весьма примечательные явления. У одних субъектов следствием такого процесса является несомненное и даже утомляюще подчеркнутое Эго-сознание: все-то они знают, они информированы обо всем, что происходит в их бессознательном, им известно и понятно все, что всплывает в недрах бессознательного. Другие, напротив, ознакомившись с содержанием бессознательного, все более и более падают духом; они утрачивают чувство собственного достоинства, теряют уверенность в себе и доходят до тупого смирения, встречаясь с необычайными и непонятными явлениями из сферы бессознательного. Первые в преувеличенном самовозвеличении берут на себя ответственность за свое бессознательное, которое заходит слишком далеко, за пределы всякой реальной возможности; другие же в конце концов снимают с себя всякую ответственность, подавленные гнетущим сознанием своего бессилия перед роком, который заявляет о себе через бессознательное[5].

[5] Это двоякое поведение зависит от сознательного отношения индивида к процессам, происходящим в его бессознательном. Одно и то же переживание придает силу и бодрость одним, в то время как других оно угнетает. Это зависит от степени нравственного чувства и оптимизма, которой обладает каждая личность. Притупленное нравственное чувство и чрезмерный оптимизм увеличивают сознание своего Эго; а не столь большой оптимизм и обостренное нравственное чувство уменьшают его. Субъекты второго типа угнетены, подавлены некоторыми наклонностями (например, смертоносными тенденциями), заложенными в их бессознательном, ибо они чувствуют себя за это ответственными. Субъекты же первого типа радуются и ликуют от того, что в их бессознательном вскрывается так много прекрасного и глубокого; всю эту красоту и глубину они принимают за свое достояние, за свое творческое открытие и рассматривают себя вследствие этого «избранниками судьбы».

452 [222] Однако если проанализировать эти два типа более тщательно, то обнаружится, что за оптимистическим самосознанием первого кроется беспомощность, хотя и неосознанная, но очень глубокая, может быть, более глубокая, чем в человеке второго типа; сознательный оптимизм его является не чем иным, как неудачной компенсацией. Напротив, за пессимистическим смирением второго типа кроется упрямая воля, тоже неосознанная, но уверенная и упорная и по своей силе многократно превышающая сознательный оптимизм первого типа.

453 [224] Такое состояние личности удачно характеризуется термином «богоподобие»[6], на что особое внимание обратил в свое время Адлер. Когда дьявол писал студенту в памятную книжку слова змея: «Eritis sicut Deus scientes bonum et malum»[7], он прибавил:

Змеи, моей пробабки, следуй изреченью,
Подобье божие утратив в заключенье!
(*И.-В. Гете.* Фауст. I. Рабочая комната Фауста)

454 «Богоподобие» — понятие, правда, не научное, но оно отлично обрисовывает рассматриваемое психическое состояние. Нам еще придется исследовать вопрос о происхождении такого психического состояния, равно как и то, почему оно получило название «богоподобия». Уже самое это слово свидетельствует о том, в чем именно заключается аномальное состояние пациента. Аномалия в том, что пациент приписывает себе качества, которые ему не свойственны и которые ему не принадлежат: ведь сходство со священным означает сходство с духом, который превосходит дух человека.

---

6 До известной степени «богоподобие» присуще человеку и до анализа, так сказать, априори, причем не только невротику, но и нормальному человеку; разница только в том, что нормальный индивид способен противодействовать своему восприятию бессознательного, тогда как невротику это удается в гораздо меньшей степени. Вследствие своей повышенной чуткости и чувствительности невротик живет жизнью бессознательного в гораздо большей степени, нежели нормальный человек. Соответственно и «богоподобие» у невротика проявляется ярче, чем у нормального человека; а когда с помощью анализа бессознательное доходит до его сознания, то его чувство «богоподобия» еще более усиливается.

7 «И будете, как Бог, распознавать добро и зло» (*лат.*).

455 [235] Если мы с психологической целью разлагаем понятие богоподобия, то находим, что оно выражает не только данное динамическое явление, которое я исследовал в своей работе «Метаморфозы и символы либидо», но и определенную психическую функцию, отличающуюся надындивидуальными, *коллективными* качествами. Нельзя забывать, что отдельный индивид представляет не только единичное, изолированное бытие, но и является частью общества, так что человеческий разум — это одновременно изолированный, полностью индивидуальный факт и коллективная функция. И как индивиду присущи некоторые социальные функции или влечения, противоречащие его личным, эгоцентрическим интересам, так и человеческому разуму присущи такие функции и влечения, которые, благодаря их коллективному характеру, противоречат личным ментальным функциям[8]. Каждый человек рождается с мозгом, вполне дифференцированным, способным на многообразные умственные функции. Такие функции человек онтогенетически не мог бы ни приобрести, ни развить. Но по мере того как мозг целых поколений постепенно дифференцируется, функция мышления, возможная при этом высоком уровне дифференциации, становится коллективной и универсальной. Этим фактом, между прочим, объясняется и то, что в бессознательном целых народов и рас, по времени и пространству самых отдаленных друг от друга, существуют удивительные совпадения, например, поразительное (необычное) соответствие самобытных (автохтонных) мифических форм и мотивов.

456 [235] Благодаря универсальному сходству в строении мозга возникает и возможность существования универсальной, идентичной для всех людей психической функции. Такая функция и есть то, что мы называем *коллективным психическим* или коллективной психикой. Коллективное психическое, в свою очередь, подразделяется на *коллективный разум* и *кол-*

---

[8] Этот конфликт всплывает, например, тогда, когда личные желания и мнения приходится подчинять интересам социальных учреждений. «Что делать... когда, вместо того, чтобы воспитывать человека ради него самого, мы захотим воспитывать его для других? В таком случае соглашение невозможно. Если мы принуждены бороться против природы с одной стороны и против социальных учреждений с другой, то нам придется выбирать между человеком и гражданином, ибо мы не можем одновременно создавать и того и другого» (*Руссо Ж. Ж.* Эмиль. Кн. 1).

лективную душу[9]. Поскольку существуют различия, соответствующие расе, племени и семье, то есть также коллективное психическое, обусловленное расой, племенем или семьей, но менее глубокое, чем «универсальное» коллективное психическое. Коллективное психическое обнимает, по выражению Пьера Жане, «parties inférieures»[10] умственных функций, а именно те области индивидуальной психической функции, которые являются раз и навсегда установленными и повсюду существующими, прирожденными и автоматически действующими, т. е. области сверхличные или безличные. Личное сознание и бессознательное составляют «parties supérieures»[11] ментальных функций, т. е. те их части, которые были приобретены и развиты онтогенетически и явились результатом личной дифференциации.

457 [235] Итак, индивид, присоединивший к своим онтогенетически приобретенным психическим содержаниям еще и коллективное психическое, присущее ему априори и бессознательно, таким образом нелигитимно расширяет область своей личности и соответственно страдает от последствий. А последствия таковы: с одной стороны, поскольку коллективное психическое состоит из «partie inferieure» ментальных функций и подчинено личности, которой служит основанием, постольку оно отягощает и обесценивает личность. Это проявляется в принижении эго-сознания и в бессознательном преувеличении собственной важности, доходящем до болезненного проявления воли к власти. С другой стороны, поскольку это коллективное психическое выше личности, являясь для него родной почвой, на которой возможны только личные различия, а психическая функция одинакова для всех индивидов, постольку приобщение коллективного психического к личности вызывает гипертрофию эго-сознания, что в бессознательном в свою очередь компенсируется чувством неполноценности и самоуничижения.

458 [237] Усваивая бессознательное, мы приобщаем коллективное психическое к области личных психических функций, где личная сфера *разлагается на целый ряд парных групп, сочетающихся по контрасту*, образуя

9 Под коллективным разумом я имею в виду коллективное мышление; под коллективной душой — коллективное чувство; под коллективным психическим — совокупность всех коллективных психологических функций.

10 Подчиненные, низшие части (*франц.*).

11 Вышестоящие, высшие части (*франц.*).

«пары противоположностей». Мы уже упоминали о такой паре противоположностей: мания величия = чувство неполноценности. Эта пара особенно ярко выявляется в неврозе. Есть много других парных сочетаний по контрасту; приведу лишь одно: добро и зло. («Scientes bonum et malum!»[12]) Образование такой пары сопутствует повышению и понижению чувства самоуверенности. В состав коллективного психического, помимо всего прочего, входят также добродетели и пороки, присущие единичному человеку. И здесь люди одного типа считают коллективную добродетель своей личной заслугой; люди же другого типа считают коллективный порок своей личной виной. И то и другое — заблуждение, точно так же как мания величия или самоуничижение. Ибо воображаемые добродетели и воображаемые пороки не что иное, как моральные парные сочетания по контрасту, заложенные в коллективном психическом, ставшие доступными нашему ощущению или искусственно доведенные до осознания. Насколько коллективному психическому присущи эти пары противоположностей, мы видим на примере первобытных людей, чьи добродетели восхваляются одними наблюдателями, в то время как другими наблюдателями столь же ревностно осуждаются в качестве пороков. Для первобытного человека, личное отличие которого находится, как известно, лишь в зачаточном состоянии, верно и то и другое, ибо его менталитет носит преимущественно коллективный характер. Первобытный человек более или менее тождествен коллективному психическому; поэтому он имеет коллективные добродетели и пороки, не присущие его личности как таковой и не вызывающие в нем внутреннего разлада. Разлад возникает тогда, когда начинается сознательное и личное психическое развитие и когда разум доходит до познания несовместимости противоречивых психических явлений. А это вызывает борьбу, сопряженную с процессом *вытеснения*. Когда человек хочет быть добрым, он вынужден вытеснять все злое; это можно было бы назвать потерянным раем коллективного психического.

459 [237] Как только коллективное психическое становится сознательным, начинается процесс вытеснения; это необходимо для развития личности, потому что коллективная психология и личная психология в некотором

[12] Распознавать добро и зло! (*лат.*)

смысле исключают друг друга. История учит нас, что стоит какой-нибудь психологической установке приобрести коллективную ценность, как тотчас же начинается процесс раскола. Нигде это не проявляется так ярко, как в истории религии. Коллективная установка всегда опасна для индивида, даже тогда, когда она необходима. Опасна она потому, что слишком легко захватывает и заглушает личное своеобразие. Коллективная установка вообще и всегда способна захватить и заглушить личность, ибо коллективное психическое не что иное, как продукт психологической дифференциации могучего стадного инстинкта в человеке. Коллективное чувство, коллективное мышление и коллективное усилие относительно легки по сравнению с индивидуальными функциями или индивидуальными усилиями; это легко может повести к растворению личности в коллективе, столь опасному для ее развития. Связанный с таким процессом ущерб, понесенный личностью, бессознательно компенсируется, поскольку в психологии все компенсируется насильственным слиянием и бессознательным отождествлением с коллективным психическим.

460 [240] Необходимо постоянно помнить о том, что во время анализа бессознательного коллективная психология сливается с психологией индивидуальной; это слияние ведет за собой те огорчительные последствия, о которых шла речь выше. Эти последствия пагубно влияют на витальные чувства самого субъекта или же заставляют страдать людей, окружающих пациента, если он имеет какую-либо власть над ними. Дело в том, что субъект, отождествляя свою личную психику с коллективным психическим, непременно будет навязывать и другим требования своего собственного бессознательного, ибо отождествление с коллективным психическим всегда вызывает в субъекте чувство универсального значения («богоподобия»); а такое чувство заставляет его просто не считаться с психологией своих ближних, с психологией иного склада.

461 Мы можем избежать многих серьезных ошибок, если ясно поймем, во-первых, то, что существуют самые разнообразные психологические типы и что психологию этих типов нельзя насильственно втискивать в рамки нашего собственного типа. Абсолютное взаимопонимание между индивидами разных типов почти немыслимо; понять же иную индивидуальность совершенно невозможно. Поэтому уважение чужой личности во время анализа не только желательно, но и абсолютно необходимо, иначе можно и совсем заглушить развитие личности анализанда.

462 [241] Заметим еще, что люди разных типов по-разному понимают свободу: одни думают, что предоставляют своим ближним свободу тогда, когда обеспечивают им свободу *действия;* другие же — тогда, когда допускают свободу их *мысли.* В анализе необходимо обеспечивать и то, и другое, поскольку это позволяет аналитику создать атмосферу непосредственности и целостности. Преувеличенное желание понять пациента или просветить его может оказаться столь же пагубным, как и полное отсутствие понимания. Анализируя бессознательное, мы вскрываем реальное существование коллективных побуждений и форм человеческого мышления, его чувства и доводим его до сознания; но сознательная личность не может всецело усвоить функции коллективного психического без вреда для себя[13]. Из вы-

---

[13] Тут я хотел бы отметить, что намеренно не вхожу в разбор нашей проблемы с точки зрения психологии типов. Необходимо было бы специальное и очень сложное исследование для того, чтобы найти нужные термины на языке типов. Например, слово «личность» для экстраверта имеет иное значение, чем для интроверта. Я укажу лишь на трудность такой задачи. Дело в том, что функция, служащая для приспособления к действительности (иногда сознательная), для экстраверта в период детства является коллективной; но вскоре она приобретает личный характер, сохраняющийся на протяжении всей последующей жизни, если только у индивида нет, например, стремления довести свой тип до идеала. Если же у него есть такое стремление, то сознательная функция приспособления к действительности доходит до такого совершенства, которое имеет право на универсальное значение; тогда нарождается новый вид коллективного психического, ничего общего не имеющий с первоначальным и даже противоположный ему. В таком случае термин «коллективное психическое» был бы для индивида тождествен термину «массовая психология», а коллективная психология являлась бы хорошо дифференцированным приспособлением к обществу.

Но у интроверта сознательная функция приспособления к действительности представляет *мышление*; это мышление на ранней ступени развития является личным; оно имеет, однако, тенденцию стать универсальным, коллективным по своему характеру. Чувство же интроверта имеет определенно личный характер, поскольку оно бессознательно или вытеснено. У экстраверта чувство играет ту же роль, какую у интроверта играет мышление, и наоборот.

Помимо этой важной разницы, существуют еще гораздо более глубокие различия, а именно: роль и значение «личности» для экстраверта и для интроверта. Все усилия интроверта направлены на сохранение целостности Эго; тем самым он принимает по отношению к собственной личности совершенно иную точку зрения, нежели экстраверт; ибо этот последний стоит на точке зрения чувства, и даже в ущерб своей собственной личности. Эти замечания показывают, как необычайно трудно разобрать

шесказанного вытекает, что, применяя психоаналитический метод, никогда не следует терять из виду крайне важную цель, а именно индивидуальное развитие субъекта. Если мы будем воспринимать коллективное психическое как наше личное достояние — все равно, в хорошем или в дурном смысле,— то наша личность подвергнется такому соблазну или гнету, от которого почти невозможно спастись. Поэтому в анализе настоятельно требуется точное различение между индивидуальной психикой и коллективным психическим. Но провести такую резкую грань нелегко, потому что все индивидуальное вырастает из коллективного психического и тесно с ним связано. Вследствие этого трудно сказать, какие психические элементы можно назвать коллективными и какие — индивидуальными. Несомненно, например, что архаически-символические проявления, так часто встречающиеся в фантазиях и снах, принадлежат к факторам коллективным. Все основные инстинкты и все фундаментальные формы мышления также носят коллективный характер. Коллективно все то, что люди, по общему соглашению, признали в качестве универсального, равно как и то, что универсально понято, выражено и приведено в исполнение. При внимательном наблюдении обнаруживается, сколь громадное количество коллективных элементов скрыто в нашей так называемой индивидуальной психологии, и наше удивление от этого только возрастает. Коллективных элементов так много, что индивидуальное, так сказать, совершенно утопает в них. Но индивидуальность является абсолютной психологической необходимостью: поэтому ввиду огромного преобладания коллективных элементов нам становится ясным, как бережно и внимательно следует обращаться с «индивидуальностью», с этим нежным ростком, для того чтобы коллективные элементы не совсем задушили его.

463 [242] Человек обладает способностью к *подражанию*; эта способность, с точки зрения коллективной, очень полезна; индивидуальности же она бесконечно вредит. Коллективная психология совершенно немыслима без

нашу проблему с точки зрения психологии типов. Поэтому мы имеем право уклониться от такой задачи.

[Во время работы над этим исследованием психотипологические воззрения Юнга еще были далеки от завершенности, они детально разработаны в его работе «Psychologic Types», 1921 (Collected Works. Vol. 6), где идентификация мышления с интроверсией и чувства с экстраверсией была исключена.— *Примеч. англ. ред.*]

подражания, ибо без подражания невозможны массовые организации, невозможен государственный и общественный строй. В известном смысле общество создается не в силу закона, а благодаря желанию людей подражать, а также благодаря внушению и моральному заражению. Мы ежедневно видим, как люди пользуются механизмом подражания или, вернее, как они этим злоупотребляют в целях дифференциации личности. Для достижения этой цели люди просто подражают какой-либо выдающейся личности — ее высоким качествам или замечательным поступкам; этим приемом люди достигают мнимого превосходства над своей средой. Следствием этого является, если можно так выразиться, *наказание*, которое заключается в том, что сходство психики субъекта с психическим его среды, существующее несмотря ни на что, возрастает до бессознательного, но навязчивого порабощения субъекта психическим его среды, из которой он хотел выделиться. Такая попытка индивидуальной дифференциации, фальсифицированная подражанием, обыкновенно не удается и вырождается в аффектацию; человек остается на той же ступени, на которой и раньше стоял, и притом становится еще более бесплодным, чем прежде. Для того чтобы узнать, что, собственно говоря, в нас индивидуального, необходимо основательно над этим поразмышлять; плодом таких размышлений может стать осознание того, насколько велики трудности обнаружения индивидуальности в себе.

3. Персона как сегмент коллективного психического

464 [243] Теперь мы должны коснуться проблемы, которую никак нельзя обойти, иначе могут возникнуть серьезные недоразумения. Я уже говорил о том, что во время анализа бессознательного мы прежде всего вводим в сознание целый ряд новых, личных элементов; я предложил назвать *личным бессознательным* те элементы, которые вытеснены из сознания, но способны к реинтеграции. Далее я показал, что исследование более глубоких слоев бессознательного, которые я называю *безличным бессознательным*, развивает личность и приводит к состоянию разума, известному как «богоподобие». До такого психического состояния мы доходим путем

продолжения той психоаналитической работы, с помощью которой мы водворили в сознание вытесненные элементы личности. Затем мы вводим в личное сознание нечто новое, а именно некоторые качества, присущие человечеству как таковому, качества основные, всеобщие и безличные. Это доводит субъекта до того чрезмерного развития сознания, о котором шла речь выше и которое в некотором смысле сопровождается нежелательными последствиями.

465 [245] Сознательная личность, рассмотренная с такой точки зрения, представляется нам частью выкроенной более или менее произвольно из коллективного психического. Сознательная личность, собственно говоря, отличается только тем, что a priori не учитывает основных общечеловеческих качеств и, кроме того, тем, что более или менее самопроизвольно вытесняет ряд образов и побуждений (которые могли бы быть сознательными) для того, чтобы стать *сегментом* коллективного психического, именно и называемым *персоной*. Слово «персона» как нельзя более метко, ибо оно в древности означало *маску, личину*, в которой появлялся актер и которая показывала, какую роль он исполняет, каким из «действующих лиц» он является. Если мы возьмем на себя смелую задачу точно отмежевывать личный психический материал от безличного, то очень скоро мы столкнемся с величайшей трудностью, ибо по определению нам приходится говорить о содержаниях личности то же самое, что и о личном бессознательном, а именно то, что оно *коллективно*; и мы не можем описать индивидуальность иначе, чем определив границы личности, да и то лишь до известных пределов. Только тем, что персона является более или менее случайной и произвольной вырезкой из коллективного психического, можно объяснить, почему мы впадаем в такую ошибку и принимаем ее in toto[14] за нечто индивидуальное; а между тем персона, как о том свидетельствует и само ее название, есть не что иное, как маска, личина коллективного психического; маска, стимулирующая стремление к индивидуальности, заставляющая и самого субъекта, и других верить в эту мнимую индивидуальность, которая в действительности не что иное, как сыгранная роль, написанная коллективным психическим.

[14] Полностью (*лат.*).

466 [246] Анализируя личность, мы срываем маску; тогда то, что казалось нам индивидуальным, в действительности оказывается коллективным. Таким образом, «сей мелкий бог этого мира», человек, приводится к своему первоисточнику, к универсальному богу, олицетворению коллективного психического. В конце концов мы, к своему удивлению, замечаем, что «личность» есть не что иное, как маска коллективного психического. Низведем ли мы силу изначального импульса до сексуального побуждения, как это делает Фрейд, или же, подобно Адлеру, сведем ее до первобытной воли к власти нашего Эго, или же вновь к универсальному принципу коллективного психического, заключающему в себе и принцип Фрейда, и принцип Адлера,— мы придем к тому же самому результату, а именно к растворению личности в коллективном. Вот почему в каждом анализе, достаточно основательном и продолжительном, неминуемо должен наступить момент, который мы выше разбирали, когда субъект переживает это чувство «богоподобия».

467 [250] Предвестниками такого состояния часто являются своеобразные симптомы, например, сновидения, в которых субъекту снится, будто он несется по вселенной, подобно комете, будто он земной шар, солнце или звезда; или же будто он чрезмерно велик или непомерно мал; ему снится, будто он умер, и т. д. Иногда появляются и *физические* ощущения; субъект чувствует себя, например, слишком высоким или выросшим из собственной кожи или же слишком толстым; иногда появляются также и *гипнагогические* ощущения: субъекту кажется, будто он или падает в бездну, или возносится в беспредельную высь, будто он непомерно растет; появляется головокружение. Характерным психологическим признаком такого состояния является дезориентация личности: субъект перестает отдавать себе отчет в том, что он, собственно говоря, собой представляет, или же в нем, напротив, проявляется необыкновенная уверенность в том, что он таков, каким кажется. Часто мы встречаем нетерпимость и догматизм, преувеличенное самомнение или же самоуничижение, неуважение и презрение к тем, кто «не анализирован», и т. д. Часто я наблюдал также и то, что в таком состоянии субъекты особенно предрасположены к физическим заболеваниям, но это случается только тогда, когда им нравится такое состояние и когда они «зацикливаются» на нем слишком долго.

468 [251] Избыток возможностей, заложенных в коллективном психическом, смущает и затуманивает рассудок субъекта. Растворение персоны в кол-

лективе развязывает крылья фантазии; а фантазия, по-видимому, есть не что иное, как специфическая активность коллективного психического. Освобожденная, разыгравшаяся фантазия доводит до сознания такие элементы, о существовании которых мы раньше не имели ни малейшего понятия. Перед нами раскрывается вся полнота мифологического мышления и чувств. Складывается подавляющее впечатление, с которым нелегко справиться. Эта стадия психоанализа действительно опасна для субъекта, и об этом не следует умалчивать.

469 Понятно, что такое состояние никак нельзя поддерживать; необходимо как можно скорее его устранить, потому что слишком велика его аналогия с психическим расстройством. Наиболее часто встречающаяся форма психического расстройства — шизофрения; как известно, сущность ее заключается именно в том, что бессознательное почти всецело вытесняет и замещает функцию сознания. На место действительности становится бессознательное; его проявлениям субъект приписывает реальную ценность. Бессознательные мысли становятся слышимыми, как голоса, видимыми, как внешние явления, или ощутимыми, как физические галлюцинации; или же эти мысли застывают и превращаются в недвижимые, безумные суждения, берущие верх над действительностью.

470 Похожим, хотя и не вполне идентичным образом бессознательное вторгается в сознание в то время, как персона растворяется в коллективном психическом. Разница между таким состоянием и умственным расстройством лишь в том, что здесь бессознательное выводится на поверхность путем сознательного анализа; так, по крайней мере, бывает в начале анализа, когда серьезные препятствия сознательного происхождения еще сильно сопротивляются бессознательному. Позднее, когда рушатся все годами воздвигавшиеся преграды, бессознательное властно выступает вперед, а иногда и врывается в сознание, как могучий поток. Эта стадия психоанализа почти аналогична психическому расстройству. Но назвать такое состояние настоящим сумасшествием можно было бы лишь в том случае, если бы содержания бессознательного стали реальностью, которая узурпировала бы место сознательной реальности, или, другими словами, если бы субъект безусловно верил во внешнюю реальность содержания бессознательного.

4. Попытки высвободить индивидуальность из коллективного психического

А. Регрессивное восстановление персоны

471 Тождество с коллективным психическим становится для субъекта невыносимым, и, чтобы освободиться от такого состояния, он начинает искать радикальные меры. Здесь для него открываются две возможности. Первая возможность заключается в попытке регрессивно восстановить первоначальную персону, попытаться укротить бессознательное с применением редуктивной теории, например, заявив, что это не что иное, как вытесненная инфантильная сексуальность, которую, по сути, лучше всего было бы заменить нормальной сексуальной деятельностью. Такое его объяснение опирается на явный сексуальный символизм, свойственный языку бессознательного, и на его конкретное истолкование. Или же субъект придерживается «теории власти», принимая «богоподобие» в смысле «маскулинного протеста», инфантильного желания власти и столь же инфантильного стремления к безопасности и всемогуществу. Бессознательное можно объяснить и как архаическую коллективную психологию первобытного человека; такое объяснение исчерпывало бы не только сексуальный символизм и стремление к «богоподобной» власти, но также и религиозные, философские и мифологические аспекты и тенденции, унаследованные в бессознательных содержаниях.

472 Вывод из этих рассуждений во всех случаях и всегда будет один и тот же: бессознательное — это нечто признанное инфантильным, ненужным, бессмысленным, невозможным. Бессознательное в этом случае есть не что иное, как пережиток; оно не может вызвать в нас ничего, кроме смиренного пожимания плечами; ценности за таким явлением нельзя признать никакой. Если мы желаем спокойной благоразумной жизни, то нам следует вернуть коллективному психическому изъятый сегмент, который называется персоной, спокойно прекратить анализ, а также по возможности вовсе забыть о существовании бессознательного. Здесь остается смотреть на происходящее глазами Фауста:

[257] Я этот свет достаточно постиг.
Глупец, кто сочинит потусторонний,
Уверует, что там его двойник,

И пустится за призраком в погоню.
Стой на своих ногах, будь даровит,
Брось вечность утверждать за облаками!
Нам здешний мир так много говорит!
Что надо знать, то можно взять руками.
Так и живи, так к цели и шагай,
Не глядя вспять, спиною к привиденьям,
В движенье находя свой ад и рай,
Не утоленный ни одним мгновеньем!

473 [258] Это было бы прекрасным разрешением проблемы, если бы человек действительно мог избавиться от бессознательного, изъять из него либидо и лишить его действенной силы. Но мы знаем по опыту, что бессознательное лишить энергии нельзя, оно продолжает действовать, ибо в нем скрыт источник либидо, дающий нам изначальные психические элементы, мысли-чувства или чувства-мысли, т. е. не дифференцированные еще зародыши идей и зародыши чувств. Ошибочно было бы думать, что с помощью той или иной теории или же магического метода можно окончательно изъять либидо из бессознательного и до определенной степени освободиться от него. Какое-то время можно жить с такой иллюзией, но в один прекрасный день придется сказать опять-таки словами Фауста:

Теперь все привиденьями полно,
И поделом, оно не мудрено.
Ведь даже если мы разумны днем,
Нас ночь пугает нехорошим сном.
Услышу на прогулке поутру

Прокаркает ворона — не к добру!
Поверьями кругом опутан свет,
Все неспроста, и все полно примет,
И мы дрожим, и всюду колдовство.
Дверь скрипнула. Не вижу никого.
Здесь кто-то есть?

Забота: Есть кто-то, спору нет.

Фауст: Но кто же это?

Забота: Некто, вот ответ.

Фауст: Уйди!

Забота: Я там. Где надо, нахожусь...
Если внять мне не желаешь,
Сердцем ты меня узнаешь.
В разных видах я везде
Всех держу в своей узде.

474 [258] Анализ не может исчерпать бессознательного до дна, не может заставить его остановиться. Никто не властен победить бессознательное и надолго лишить его действенной силы. И если бы для разрешения нашей проблемы мы пошли по вышеописанному первому пути, то неминуемо впали бы в самообман и не достигли ничего, кроме вторичного вытеснения.

475 [258] Мефистофель оставляет путь открытым, им нельзя пренебречь, так как он является реальной возможностью для некоторых людей. Он говорит Фаусту, который болен «магическим безумием» и весьма желает избегнуть кухни ведьм:

Способ без затрат,
Без ведьм и бабок долго выжить.
Возделай поле или сад,
Возьмись копать или мотыжить.
Замкни работы в тесный круг,
Найди в них удовлетворенье.
Всю жизнь кормись плодами рук,
Скотине следуя в смиренье.
Вставай с коровами чуть свет,
Потей и не стыдись навоза —
Тебя на восемьдесят лет
Омолодит метаморфоза.

[Любой, кто посчитает возможным жить такой жизнью, никогда не подвергнется такой опасности.]

Б. Отождествление с коллективным психическим

476 [260] Второй путь ведет к отождествлению с коллективным психическим. Такому отождествлению соответствует симптом «богоподобия», но теперь уже превращенного в систему. Иными словами, субъект считает себя счастливым обладателем той великой, единой истины, которую и надлежало открыть, обладателем того конечного знания, в котором заключается

спасение всех народов. Такая психическая установка, может быть, есть еще не мегаломания (мания величия) в буквальном смысле слова, а лишь общеизвестная смягченная форма так называемого *профетического* (пророческого) *вдохновения*. Для субъектов со слабой психикой, у которых часто непомерно развиты честолюбие, тщеславие и неуместная наивность, это является настоящим искушением, которому они нередко поддаются. Доступ к коллективному психическому является для индивида обновлением жизни независимо от того, приятно это обновление или нет. Люди хотят удержать это обновление; одни — потому что этим повышается их «чувство жизни»; другие — потому что надеются на богатый урожай нового знания. В обоих случаях люди не хотят отказаться от сокровищ, скрытых в коллективном психическом, и всячески стараются удержать за собой новые элементы, присоединившиеся к изначальной разумной жизни. Для достижения этой цели отождествление с коллективным психическим кажется наилучшим способом, ибо растворение персоны в коллективном психическом влечет за собой желание сочетаться с этим «океаном божества», забыться и раствориться в нем. Такое мистическое переживание свойственно всем людям с тонко развитой психикой. В равной степени каждому из нас присуща «неудержимая тоска по матери», томительное стремление вернуться назад к тому источнику, из которого мы вышли.

477 [261] Раньше[15] я уже останавливался на вопросе о корнях неудержимой регрессивной тоски, которую Фрейд считает, «инфантильной фиксацией», или «желанием инцеста»; я указывал на то, как ценна и необходима такая тоска. Особенно ярко это выступает в мифах: мифы всегда рассказывают нам о том, как самый сильный и самый прекрасный из всех человек — народный герой — предается регрессивной тоске и нарочно подвергается опасности, сам идет в пасть чудовища, поглощается бездной-матерью и возвращается к своему первоисточнику. Но он не даром герой; поэтому он не дает чудовищу окончательно поглотить себя; напротив, он побеждает чудовище, и не один раз, а много. Только после преодоления коллективного психического мы приобретаем истинное сокровище — добываем неоценимый клад, завладеваем непобедимым мечом, магическим талисманом, одним словом, находим то, что в конкретном мифе является желанным

[15] *Юнг К. Г.* Символы трансформации. М., 2000.

благом. Тот, кто отождествляется с коллективным психическим или, выражаясь символическим языком, позволяет чудовищу поглотить себя и без остатка растворяется в нем, тот хотя и получает сокровище, охраняемое драконом, но не по собственной воле и лишь во вред себе.

478 [Не следует поэтому преуменьшать опасность принесения жертвы коллективному сознанию. Идентификация является шагом назад, еще одной глупостью, на вершине которой отвергается принцип индивидуации. При этом последний вытесняется и укрывается завесой индивидуальных деяний, хотя только в этом туманном тщеславии индивид и может обнаружить то, что принадлежит непосредственно ему самому. Но в действительности индивид обнаруживает там не свое собственное начало, а скорее вечные истины и заблуждения коллективного психического. В коллективном психическом истинная индивидуальность теряется.]

479 Идентификация с коллективным психическим оказывается, таким образом, ошибкой, которая хотя и в другой форме, но заканчивается так же разрушительно, как и в первом случае, который привел к выделению персоны из коллективного психического.

5. Основные принципы лечения

480 Прежде чем приступить к разрешению вопроса о том, как справиться на практике с ассимиляцией коллективного психического, необходимо выяснить, в чем заключается неправильность этих двух вышеописанных путей. Мы видели, что ни один из них не приводит к желанной цели.

481 Первый путь приводит нас снова к исходной точке, ибо мы утрачиваем жизненные ценности в коллективном психическом. Второй путь прямо проникает в область коллективного психического, но за счет утраты того отдельного человеческого существования, которое одно только и делает жизнь приемлемой и выносимой. Но как в коллективном психическом, так и в психике каждого отдельного человека заложены те несомненные базовые ценности, которых никак нельзя лишаться.

482 Итак, ошибка заложена не в коллективном психическом и не в психике отдельного человека, а в том, что, признавая одно, тем самым исключают другое. Этому прежде всего способствует *стремление к монизму*, который

всюду ищет принцип единственности, или *уникальности*. Монизм как универсальная психическая тенденция является характерной особенностью нашего культурного мышления и чувства. Монизм есть не что иное, как мыслительное и чувственное желание, воспитанное нашим образованием, возвести в верховный психологический принцип какую-нибудь одну функцию. Интровертный тип признает только принцип *мышления*; тип экстравертный — только принцип *чувства*[16]. Преимущество такого психологического монизма, или, лучше сказать, монотеизма, заключается в его простоте; недостаток же его — в односторонности и в отсутствии полноты. С одной стороны, такой монотеизм лишает жизнь всего ее многообразия и истинного богатства; зато, с другой стороны, он дает возможность осуществить идеалы нашего времени и идеалы недавнего прошлого; но в нем нет настоящей возможности развития.

483 Точно такую же исключительность и нетерпимость мы встречаем и в *рационализме*. Сущность рационализма заключается в беззастенчивом отрицании всего того, что противоречит ему как с точки зрения интеллектуальной логики, так и с точки зрения логики чувства. Подобное отношение к *разуму* в одинаковой степени монистично и тиранично. Великая заслуга Бергсона заключается в том, что он горячо отстаивал право на существование иррационального начала. Психологии придется уступить и признать множественность принципов, как бы это ни было тяжело для научного мышления. Но иного способа спасти психологию от обмеления нет. В этом отношении мы во многом обязаны пионерской работе Вильяма Джемса.

484 В вопросах индивидуальной психологии наука должна будет оставить свои притязания. О научной индивидуальной психологии не может быть речи; это является само по себе терминологическим противоречием. Предметом научного исследования в индивидуальной психологии может быть только та ее часть, которая причастна коллективу; индивид же, согласно самому определению, есть именно то, что неповторимо и ни с чем не сравнимо. Психолог, который проповедует «научную» индивидуальную психологию, тем самым отрицает индивидуальную психологию вообще.

[16] Позже подобная точка зрения была оставлена. См.: Психологические типы. СПб., 1995.— *Примеч. ред.*

Он вызывает справедливое подозрение в том, что его научно-индивидуальная психология не что иное, как его собственная психология. Каждая индивидуальная психология требует отдельного руководства, ибо общее руководство по психологии отвечает лишь на вопросы психологии коллективной.

485 Этими замечаниями я хотел лишь подготовить почву для дальнейшего исследования проблемы, о которой шла речь выше. В чем заключается основная ошибка двух путей, о которых мы говорили? В том, что в обоих случаях субъект целиком отождествляется с той или другой частью своей психологии, тогда как в действительности его психология *и* индивидуальна, *и* коллективна, однако не так, что индивидуальное растворяется в коллективном или коллективное в индивидуальном. Из этого вытекает настоятельная необходимость различать персону и индивида, ибо персона может совершенно раствориться в коллективе, индивидуальность же не может. Ибо индивидуально именно то, что никогда не может исчезнуть без остатка в коллективном и никогда не может отождествиться с ним. Из этого следует, что отождествление с коллективным, точно так же как и произвольное отделение из него, будет явлением ненормальным, т. е. болезнью.

486 Я уже указывал на то, что индивидуальное выявляется прежде всего в выборе тех элементов коллективного психического, сочетание которых создает его персону. Составляющие элементы, как уже сказано выше, не индивидуальны, а коллективны; сочетание же отдельных элементов или выбор той или иной группы уже сочетавшихся элементов (выбор образца) индивидуально. Это и есть индивидуальное ядро, скрытое под персоной. В особой дифференциации персоны выявляется сопротивление индивидуального в отношении к коллективному психическому. Анализируя персону, мы увеличиваем ценность индивидуальности; но тем самым подчеркиваем и конфликт между индивидуальным и коллективным. Понятно, что в субъекте этот конфликт проявляется в форме психологического противоречия. Отмена компромисса, связывавшего две половины одной пары противоположностей, еще увеличивает действенную силу противоположных элементов данного парного сочетания. В естественной, чисто бессознательной жизни такого конфликта не может быть несмотря на то, что и чисто физиологическая жизнь должна удовлетворять требованиям как индивидуальным, так и коллективным. В естественном бессознательном психическом состоянии царит гармония. Наше тело, его способности и потребности сами собою

создают и ограничения, не допускавшие никаких излишеств и крайностей. Дифференцированная же психологическая функция всегда близка к неуравновешенности и всякого рода крайностям благодаря своему одностороннему направлению, которое, однако, поддается сознательной разумной дисциплине. «Ментальная индивидуальность» является также выражением телесной индивидуальности и должна быть отождествлена с ней. (Это верно и со спиритуалистической точки зрения и ничуть не меняет психологического факта тесного соотношения между индивидуальностью и физическим телом.) А между тем тело именно и есть то, что одного субъекта делает в высшей степени похожим на всех остальных, несмотря на то что каждое индивидуальное тело все-таки отличается от всех остальных. Каждая ментальная или моральная индивидуальность является также чем-то отличным от всех остальных и вместе с тем делает каждого отдельного человека похожим на всех остальных. Каждое живое существо, свободное от принуждения и поэтому способное развиваться индивидуально, лучше всего может достичь идеального воплощения своего вида именно благодаря усовершенствованию своей индивидуальности; это придает ему и коллективную ценность.

487 Да простят мне упоминание о комичной картине, рисующейся мне, когда я думаю о разрешении нашей проблемы: мне представляется осел Буридана, умирающий голодной смертью между двумя вязанками сена. Очевидно, осел ошибался в самой постановке вопроса; вопрос заключается вовсе не в том, какая вязанка лучше — левая или правая, и не в том, с какой ему начать — с левой или с правой, а в том, *чего он сам хочет в глубинах своего бытия, куда его самого влечет.* Он же думает о сене, а не о самом себе и поэтому не знает, чего он хочет.

488 Вопрос следует поставить так: что является в настоящий момент для данного индивида естественным жизненным порывом?

489 На этот вопрос не ответит ни наука, ни житейская мудрость, ни религия, ни самый добрый совет, а единственно и исключительно объективное, честное, непредвзятое наблюдение за зародышами психической жизни, за плодами естественного сочетания и взаимодействия сознательного и бессознательного, с одной стороны, индивидуального и коллективного — с другой. Где же таятся эти зародыши жизни? Один ищет их в сознании, другой в бессознательном. Но ведь сознательный разум есть лишь одна сторона психологии, а бессознательное — другая. Не следует забывать, что сновидения являются компенсацией сознания. Иначе

пришлось бы признать их за источник познания, стоящий выше сознания; но тогда нам пришлось бы или вернуться снова к психологии кудесников — толкователей снов, ко всем нелепым суевериям или же, следуя ходячему мнению, отрицать за сновидениями вообще всякую ценность.

490 Искомую объединяющую функцию мы находим в творческих проявлениях нашего воображения, в *фантазиях*. Все элементы, активно действующие в психической жизни и определяющие ее, стекаются в воображение. Но воображение пользуется плохой репутацией среди психологов; в связи с этим авторы психоаналитических теорий относились до сих пор к нему отрицательно. Как Фрейд, так и Адлер считают воображение не чем иным, как «символическим» покровом, за которым скрывается то, что для каждого из них является изначальным, основным намерением или влечением. С каузальной точки зрения, воображение, пожалуй, можно таким образом объяснить и девальвировать; но необходимо выдвинуть и другую точку зрения, и не только по теоретическим, а главным образом по практическим соображениям: необходимо указать на то, что воображение является плодородной почвой, на которой выросло все, что когда-либо двигало жизнью человека и развивало ее. Воображение — функция нашей психики и как таковая она обладает исключительной ценностью, только ей одной присущей и незаменимой. Корни этой функции кроются как в сознательных, так и в бессознательных элементах психического, и в коллективном, и в индивидуальном.

491 Чем же воображение заслужило столь дурную репутацию? Его репутация возникла прежде всего по ошибке, потому что его проявления принимались буквально. А этого делать нельзя. Если фантазии воспринимать конкретно, то они никакой ценности не имеют. Если придавать им фрейдовский *семантический* смысл, то они интересны с научной точки зрения. Если же мы будем толковать фантазии *герменевтически*, как аутентичные символы, то они, несомненно, помогут нам внести гармонию в нашу жизнь и согласовать ее с нашими внутренними запросами.

492 Ведь символ не есть внешний признак чего-то общеизвестного, хотя и скрытого[17]. Смысл символа заключается в его попытке разъяснить путем аналогии то, что еще кроется в области неизвестного, в области становления. Таким образом, воображение путем более или менее удачной аналогии показывает нам образно и наглядно то, что становится, но что еще не стало конкретным. Мы уничтожим настоящую ценность символа, если

будем доводить его путем анализа до чего-то общеизвестного; герменевтическое же толкование отвечает и его ценности, и его смыслу.

493 Сущность герменевтики — науки, которая в былые времена пользовалась большим уважением,— заключается в том, что на предъявленную символом аналогию нанизывают еще целый ряд других аналогий, прежде всего субъективных, таких, какие пациенту непосредственно приходят на ум; затем — объективных аналогий, которые аналитик черпает из сокровищницы приобретенных им знаний. Таким образом, первоначальный символ расширяется и обогащается; перед нами развертывается картина, в высшей степени сложная, многогранная и многообразная, из которой ярче выступают некоторые — индивидуальные и коллективные — линии психологического развития. Нет в мире такой науки, которая была бы способной подтвердить «правильность» этих линий; рационализм мог бы даже доказать именно их неправильность. Но такие линии имеют большое значение и доказывают это несомненной ценностью для жизни. В практическом отношении важно, чтобы люди жили, и безразлично, «правильны» ли принципы их жизни и доказуемы ли они рациональным путем.

494 [Эта точка зрения покажется единственно приемлемой для человека нашего времени, который думает и чувствует в рамках научного мышления, но дело выглядит гораздо сложней, если мы вступаем в контакт с так называемыми образованными людьми. Для них наука не выступает в качестве интеллектуального императива, порой выходящего за границы их собственного разума, а является, прежде всего, средством подтверждения своих внутренних переживаний, обеспечивающих их общей уверенностью в правильности избранной позиции и оценки. Всех, кого волнуют вопросы психологии, не должен вводить в заблуждение тот факт, что, помимо незначительного числа людей, преклоняющихся перед научными принципами и технологиями, существует и масса сторонников совершенно иных взглядов и подходов. Вполне в согласии с духом сегодняшнего дня подобная позиция представлена в одной энциклопедической статье по астрологии, где говорится: «Одним из ее последних приверженцев был И. У. Пфафф, чьи работы “Астрология” (Bamberg, 1816) и “Der Stern der Drei Weisen” (1821) следует полагать странным анахронизмом. Хотя и сегодня астрология все

[17] Как, например, первичного импульса или универсального, элементарного влечения.

еще высоко ценится на Востоке, особенно в Персии, Индии и Китае». Надо быть совершенно слепым, чтобы написать такое сегодня. Правда состоит в том, что астрология расцветает сегодня, как никогда прежде. Астрологические библиотеки пользуются огромной популярностью, а магазины продают книг по астрологии гораздо больше, нежели научной литературы. Число европейцев и американцев, пользующихся услугами астрологов, составляющих для них гороскопы, исчисляется сотнями тысяч, если не миллионами. Астрология — процветающая индустрия. Однако энциклопедия обращает нас к XVII в., к «поэту Дрейдену (умер в 1701 г.), который составлял гороскопы для своих детей». Христианская Наука также заполонила Европу и Америку. Тысячи и тысячи людей по обе стороны Атлантики стоят под знаменами теософии и антропософии, и любому, кто верит, что розенкрейцеры не более, чем полузабытое прошлое, следует открыть свои глаза пошире, дабы увидеть их еще более живыми, чем прежде. Народная магия и тайное знание никогда не умирали. Не следует воображать, что только темные народные массы способны на всякого рода заблуждения. Как мы знаем, и на вершине социальной лестницы можно встретить проводников и сторонников этого другого подхода.]

495 [Любой, кто интересуется реальной психологией человека, должен с этим согласиться. Если такой высокий процент населения переживает ненасытную потребность в подобном противоположении научному духу, то можно быть уверенным, что коллективное психическое у каждого индивида — будь он ученым или нет — содержит в себе это психологическое требование в равной степени. Определенный вид «научного» скептицизма и критики в наше время есть не что иное, как неуместная компенсация мощных и глубоко укорененных суеверий и заблуждений коллективного психического. Из своего опыта мы видим, что крайне критические умы полностью уступают этому требованию коллективного психического, либо напрямую, либо косвенно, делая фетиш из своей отдельно взятой научной теории.][18]

[18] В немецком издании собрания сочинений в томе 7 эти добавления (параграфы 494–495) следуют за параграфом 477. Однако в собственной рукописи Юнга нет никаких указаний на то, что их место там или где-то еще, поскольку они написаны на отдельном листке бумаги. Мы поместили их туда, где они представляются наиболее уместными по контексту.— *Примеч. ред. англ. изд.*

496 Само собой разумеется, что мне станут возражать и, следуя духу научного суеверия, заговорят о *внушении*. Давно было бы пора понять, что внушению поддаются только тогда, когда оно приемлемо и приходится по душе тому, кому что-либо внушают. Только такое внушение и существует. Иначе лечение неврозов было бы очень просто: достаточно было бы внушить больному, что он здоров. Такая лженаучная болтовня о внушении основана на бессознательном суеверии, будто внушение как таковое фактически обладает самопорождающей магической силой. В действительности же всякое внушение бессильно, если субъект в душе своей заранее не расположен поддаться ему.

497 Изучение фантазии при герменевтическом методе лечения приводит нас к синтезу индивидуального и коллективного психического; для практического же разрешения этого вопроса необходимо еще одно условие. Дело в том, что невротик и по регрессивному характеру своему, и по привычке, приобретенной во время болезни, не способен относиться серьезно ни к себе самому, ни к внешнему миру; он всегда надеется и ожидает, что излечит его тот или другой врач, тот или другой метод лечения, какие-нибудь внешние обстоятельства, одним словом, что-то независимое от его собственного участия. Но нельзя искупаться, не намочившись. Если пациент сам не способствует излечению, не положит на это всей своей доброй воли и не отнесется к лечению безусловно серьезно, то никакого исцеления не будет и быть не может. В тот самый момент, когда мы начинаем исследовать символические предначертания и соответствующие пути, пациент обязан им следовать. Если же он, обманывая себя и других, стоит на месте, то никакого излечения не наступит. Пациенту не остается ничего иного, как принять путь индивидуальной жизни, который ему открылся, и следовать ему до тех пор, пока в его бессознательном определенная реакция не укажет ему, что он идет по ложному пути.

498 Кто на такую нравственную установку не способен, кто не способен быть честным по отношению к самому себе, тот никогда не избавится от невроза. Тот же, кто на это способен, найдет, конечно, возможности и пути избавиться от болезни.

499 Однако пусть ни врач, ни пациент не предаются иллюзии, будто «анализ» сам по себе достаточен для устранения невроза. Это было бы ошибкой и самообманом. В конечном счете *моральный фактор* несомненно и безошибочно определяет выбор между болезнью и здоровьем.

500 Установлением и начертанием «линии жизни» мы доводим до сознания пациента то направление, по которому в каждом данном случае течет либидо. Но эта линия жизни вовсе не тождественна фиктивным направляющим линиям, о которых говорит Адлер и которые являются не чем иным, как произвольной попыткой выделить персону из коллективного психического и признать ее самостоятельное существование. Вернее было бы сказать, что «фиктивная направляющая линия» есть не что иное, как неудачная попытка создать направление жизни. Доказательством негодности такой фикции служит и то, что субъект слишком долго и как бы судорожно держится «линии», созданной им.

501 Жизненная линия, сконструированная герменевтическим методом, напротив, оказывается временной, ибо жизнь никогда не идет по прямой линии и не признает линий, начертанных далеко вперед. «Всякая истина извилиста»,— говорит Ницше. Поэтому линии жизни не могут быть ни принципами, ни идеалами, имеющими универсальное значение; линия жизни может быть лишь той или иной точкой зрения, лишь той или иной условной психологической установкой; она имеет лишь эфемерное, преходящее значение. Упадок интенсивности жизненной силы, чувствительная утрата либидо или же преувеличенное влечение к жизни являются показателями того момента, когда пресекается прежняя линия и начинается новая или, по крайней мере, должна была бы начаться. Иногда достаточно, если мы предоставим бессознательному найти эту новую линию. Нельзя советовать невротику всегда и при всех обстоятельствах принимать такую психическую установку; но иногда лучше всего, если субъект предоставит себя так называемому случаю. Надолго предоставлять себя внешним обстоятельствам, однако, нельзя; необходимо бдительно следить хотя бы за реакциями бессознательного, за снами, которые, подобно барометру, показывают несовершенную одностороннюю окраску нашей внутренней настроенности[19]. Поэтому я считаю необходимым — хотя в данном случае

[19] За таким значением сновидений отнюдь не следует искать моральной функции; я и сам не ищу таковой. Нельзя придавать этой функции и «телеологического» значения в смысле философской телеологии, т. е. в смысле целесообразности или постановки цели. Я уже неоднократно указывал на то, что функция сновидений прежде всего является компенсацией, поскольку сновидения выявляют констелляции сублиминальных элементов, обусловленные данным состоянием сознания. Все это

мое мнение и расходится с мнением других психологов,— чтобы пациент и после анализа не терял контакта с бессознательным во избежание рецидива. Ибо я убежден, что анализ можно считать действительно законченным лишь тогда, когда пациент в достаточной мере усвоил методы, дающие ему возможность не терять контакта с бессознательной областью своего психического и достаточное психологическое знание для того, чтобы в каждом данном случае, хотя бы приблизительно, усмотреть свою линию жизни; иначе его сознание не будет в состоянии проследить направление, по которому течет либидо и сохранить свою индивидуальность в ее конечном проявлении. Все сколько-нибудь тяжелые случаи невроза необходимо довести именно до такой точки, иначе излечение будет непрочным.

502 Из вышесказанного вытекает, что психоаналитический метод не является монополией врачей; психоанализ есть искусство, техника или наука в области психической жизни вообще; это искусство, эту технику или науку больной должен усвоить и применять после лечения на благо себе самому и своему окружению. Если пациент поймет это правильно, то он не будет выступать в качестве психоаналитического пророка или преобразователя мира; он просто использует познания, приобретенные во время лечения; прежде всего в свою пользу, но с настоящим пониманием общего блага; тогда он сумеет воздействовать на других не столько громкими речами и миссионерской пропагандой, сколько примером всей своей жизни.

не имеет ни морального, ни телеологического значения; явление это следует понимать прежде всего каузально. Было бы, однако, несправедливо по отношению к психическому элементу, если бы мы рассматривали его исключительно под каузальным углом зрения. Психические явления не только можно, но и должно рассматривать и с финальной точки зрения (каузальность — тоже точка зрения) для того, чтобы узнать, в каких именно целях сочетались данные элементы. Этим не сказано, что финальное значение какого-либо явления существует уже изначально как цель, предопределенная априори на первых ступенях данного явления. Согласно теории познания, невозможно прийти к выводу о предсуществовании конечной цели, исходя из несомненного финального значения биологических механизмов. Но было бы крайне недальновидно с нашей стороны, если бы одновременно с окончательным устранением телеологической точки зрения мы вздумали бы пожертвовать и финальной точкой зрения. Вот все, что можно сказать: дело обстоит так, как будто бы существовала предопределенная конечная цель. В психологии мы должны избегать как абсолютной веры в каузальность, так и абсолютной веры в телеологию.

[Дополнение]

503 [Я понимаю, что это обсуждение ведет на опасную почву. Это девственная территория, которую психологии только предстоит завоевать, и я обязан стать первопроходцем. Я болезненно осознаю неадекватность многих моих постулатов, хотя, к сожалению, это мало помогает, когда я пытаюсь их усовершенствовать. Поэтому я вынужден просить читателя не прекращать чтения ввиду недостатков изложения, а попытаться понять мой способ изложения. Мне бы хотелось сказать несколько слов об идее индивидуальности в связи с понятиями личного и коллективного, для того чтобы прояснить эту центральную проблему.

504 Как я уже отмечал, в основном индивидуальность обнаруживается в своеобразном выборе тех элементов коллективной психики, которые составляют персону. Эти компоненты, как мы видели, являются не индивидуальными, а коллективными. И только их сочетание или выбор группы, уже объединенной в структуру, является индивидуальным. Таким образом, мы имеем индивидуальное ядро, которое скрывается за личной персоной и состоит в своеобразном ее выделении, которое индивидуальность осуществляет в своем противостоянии коллективной психике. Анализируя персону, мы придаем большое значение индивидуальности и подчеркиваем ее конфликт с коллективностью. Этот конфликт состоит, конечно же, в психологической оппозиции внутри субъекта. Компромисс между двумя элементами оппозиции наиболее ярко выражает суть этой деятельности. В бессознательной естественной жизни этот конфликт не существует, несмотря на то что чисто психологическая жизнь должна в равной степени удовлетворять потребности индивидуального и коллективного. Естественное и бессознательное отношение гармонично. Тело, его функции, его потребности в соответствии с собственной природой создают правила и ограничения, которые предотвращают любой избыток и дисгармонию чего-либо. Но из-за однобокости, которая порождается сознательным и рациональным намерением, выделяемая нами психологическая функция всегда стремится к диспропорции. Тело также формирует основу того, что может быть названо ментальной индивидуальностью, которая, как и прежние, является проявлением телесной индивидуальности, тело не может «процветать» без принятия ментальной индивидуальности. Она находится в теле, сходном с другими телами всех индивидуальностей,

хотя каждое индивидуальное тело отличается от других тел. Верно и то, что ментальная или моральная индивидуальность отличается от всех других, но все же она устроена так, чтобы показывать, что каждый человек равен всем другим людям. Каждое живое существо, которое способно развиваться индивидуально, без ограничения, лучше всего реализует самим совершенством своей индивидуальности идеальный тип своего вида и тем же самым способом достигнет коллективной ценности.

505 Персона всегда тождественна *типической* установке какой-либо одной доминирующей психологической функции, например, чувству, мышлению, или интуиции. Исключительное преобладание чего-либо одного всегда обусловливает частичное вытеснение других психических функций. Вследствие этого персона всегда мешает индивидуальному развитию. Растворение персоны является поэтому необходимым условием индивидуации. Из этого следует, что преднамеренным, сознательным путем нельзя благополучно довести индивидуацию до конца, ибо сознательным путем мы приходим именно к сознательной же психической установке, отрицающей все, что не согласуется с нею. Ассимиляция же содержания бессознательного, напротив, влечет за собой такое состояние ума, из которого всякое сознательное намерение исключено и заменено процессом, представляющимся нам иррациональным. Только такой процесс и ведет к индивидуации; результатом этого будет индивидуальность, как мы определили ее выше, т. е. нечто одновременно и обособленное, и универсальное. Пока персона «правит бал», индивидуальность вытеснена и проявляется разве только в выборе личных бутафорских аксессуаров, так сказать, в выборе театральных костюмов. Индивидуальность выявляется ярче только путем ассимиляции бессознательного; вместе с индивидуальностью выявляется и новый психологический феномен, а именно некая психическая *установка*, обладающая способностью связывать Эго и не-Эго (Я и не-Я). Но это есть не типическая установка, а индивидуальная.

506 Парадоксальность этих формул заставляет нас по аналогии вспомнить спор об универсалиях. Изречение animal nullumque animal genus est[20] освещает и объясняет основной парадокс. Единичное реально, всеобщее же существует лишь психологически; оно основано на реальном сходстве между всеми единичными, отдельными предметами. Индивид является чем-то единым, однако обладающим всегда в большей или меньшей степени теми качествами, которые свойственны собирательному понятию

коллективности; чем ярче вырисовывается характеристика индивидуальности, тем более она развивает те свои качества, которые являются фундаментальными коллективному понятию человеческой природы.

507 В надежде на разъяснение этих сложных проблем я бы хотел выделить саму архитектонику рассматриваемых факторов. Мы имеем дело — хотим мы этого или нет — со следующими фундаментальными понятиями:

1. Мир сознания и реальности. Сюда входят те содержания сознания, которые состоят из воспринимаемых образов мира и наших сознательных мыслей и чувств по поводу этих образов.
2. Коллективное бессознательное. Под этим подразумевается та часть бессознательного, которая состоит, с одной стороны, из бессознательных восприятий внешней реальности и, с другой, из всех остатков филогенетических перцептивных и адаптивных функций. Та или иная реконструкция бессознательного взгляда на мир выдает картину, показывающую, каким образом внешняя реальность постигается с незапамятных времен. Коллективное бессознательное содержит или является историческим зеркалом-образом мира. Это тоже мир, но уже мир образов.
3. Так как мир сознания, как и мир бессознательного в огромной степени является коллективным миром, то обе эти сферы образуют совместно коллективное психическое индивида.
4. Это коллективное психическое должно пребывать в противоположении с четвертым понятием — с понятием индивидуальности. Индивид находится, так сказать, между сознательной частью коллективного психического и бессознательным. Он является той отражающей поверхностью, на которой мир сознания может чувствовать свое собственное бессознательное, свой исторический образ в том смысле, в котором Шопенгауэр говорит, что интеллект показывает зеркало всеобщей Воле. Соответственно индивид является точкой пересечения или разделительной линией, не относящейся только к сознанию или к бессознательному, но содержащей качества обоих.
5. Парадоксальная природа психики индивида должна контрастировать с индивидуальной персоной. Персона, так сказать, всецело сознательна или же, по крайней мере, способна становиться сознательной. Она представляет некое компромиссное образование между внешней реальностью

[20] Никакое животное не является видом (*лат.*).

и индивидом. В сущности, она является функцией приспособления индивида к реальному миру. Персона, таким образом, занимает промежуточное место между реальным миром и индивидуальностью.

6. За пределами индивидуальности, оказывающейся самой внутренней сердцевиной эго-сознания, равно как и бессознательного, мы находим коллективное бессознательное. Место между индивидуальным и коллективным бессознательным, соответствующее личной позиции между индивидуальной и внешней реальностью, оказывается незаполненным. Опыт научил меня, однако, что здесь также существует персона определенного рода, но персона компенсаторная по своей природе, которая (у мужчины) может быть названа *анимой*. Анима, таким образом, оказывается компромиссным образованием между индивидом и бессознательным миром, т. е. миром исторических образов или «изначальных образов». Мы часто встречаем аниму в сновидениях, где она появляется в качестве женского начала у мужчины и соответственно в качестве мужского начала (анимус) у женщины. Интересное описание фигуры анимы имеет место в «Имаго» Шпиттелера. В его работе «Прометей и Эпиметей» она возникает как душа Прометея, а в его «Олимпийской Весне» — как душа Зевса.

508 В той степени, в какой Эго отождествляет себя с персоной, анима, как и все бессознательное, спроецирована в реальные объекты нашего окружения. Поэтому она регулярно обнаруживается у женщины, в которую мы влюблены. И это достаточно легко проследить на тех выражениях, которые мы используем, когда переживаем влюбленное состояние. Поэты также поставляют много свидетельств в этом отношении. Чем более нормальной является та или иная личность, тем менее демонические качества демонстрирует анима в объектах своего непосредственного окружения. Демонические качества спроецированы на более удаленные объекты, от которых не исходит угроза непосредственного расстройства. Но чем более чувствительна та или иная личность, тем ближе подступают эти демонические проекции, пока в конце концов они не прорываются через семейные табу и не приводят к типичным невротическим осложнениям по образцу семейного романа.

509 Если Эго отождествляется с персоной, то центр тяжести субъекта находится в бессознательном. Практически он совпадает с коллективным бессознательным, потому что в этом случае вся личность оказывается коллективной по своему характеру. Здесь мы имеем дело с сильной тягой к бессознательному

и одновременно с мощным сопротивлением ему со стороны сознания, поскольку возникает угроза разрушения сознательных идеалов.

510 В определенных случаях, обнаруживаемых главным образом среди художников, артистов или весьма эмоциональных личностей, Эго оказывается локализовано не в персоне (функция отношения с реальным миром), а в аниме (функция отношения с коллективным бессознательным). Здесь и индивид, и персона бессознательны в равной степени. Коллективное бессознательное, в свою очередь, вторгается в сознательный мир, и значительная часть реального мира становится бессознательным содержанием. Такие личности испытывают тот же самый демонический страх перед реальностью, как обычные люди испытывают перед бессознательным.]

6. Выводы и итоги

[Первая версия]

511 А. В психологических явлениях следует различать *сознательные* и *бессознательные* содержания.

1. Сознательные содержания бывают отчасти *личные*, поскольку их универсальное значение не признано; отчасти — *безличные*, т. е. *коллективные*, поскольку признано их универсальное значение.
2. *Бессознательные* содержания: они отчасти *личные*, поскольку мы имеем дело с компонентами личного характера, которые когда-то частично осознавались, а потом были просто вытеснены; такие элементы не имеют универсального значения даже и тогда, когда они снова доходят до сознания; частично они безличные, поскольку речь идет об элементах, признанных безличными, имеющих только общее значение, таких, которые и в прошлом никогда не осознавались; по крайней мере, мы ничем не можем доказать, что они когда-либо осознавались.

512 Б. Сочетание элементов, составляющих персону.

1. Сознательные личные компоненты составляют сознательную личность, сознательное Эго.
2. Бессознательные личные компоненты составляют самость, т. е. бессознательное или подсознательное Эго.

3. Сознательные и бессознательные компоненты личного характера составляют персону.

513 В. Сочетание элементов, составляющих коллективное психическое.

1. Сознательные и бессознательные компоненты, имеющие *безличный* или коллективный характер, составляют психологическое не-Эго, образ объективного мира, объекта имаго. Эти элементы аналитически могут показаться проекциями чувств или суждений; на самом же деле это не так: они являются *a priori* коллективными и тождественными имаго объекта; иными словами, они кажутся качествами самого объекта и лишь *a posteriori* признаются субъективными психологическими качествами.
2. Персона является сочетанием тех сознательных и бессознательных элементов, которое составляет Эго (Я) и противопоставляется не-Эго (не-Я). Общее сравнение личных элементов разных индивидов доказывает огромное сходство, даже тождество этих элементов. Это в большой мере уничтожает индивидуальный характер личных элементов, а стало быть, и самой персоны. В таком смысле персона должна рассматриваться в качестве сегмента коллективного психического, составной ее части.
3. Из этого следует, что коллективное психическое состоит из имаго объекта и из персоны.

514 Г. Индивидуальность.

1. Индивидуальность проявляет себя отчасти как принцип, который обусловливает выбор и ограничивает область элементов, признанных личными.
2. Индивидуальность является принципом, дающим возможность прогрессивной дифференциации коллективного психического и, если нужно, требующим такой дифференциации.
3. Индивидуальность отчасти мешает коллективным проявлениям и противится коллективному мышлению и коллективным чувствам.
4. Индивидуальность есть то, что является специфическим и неповторимым сочетанием общих (коллективных) психологических элементов.

515 Д. Сознательные и бессознательные содержания подразделяются на *индивидуальные* и *коллективные*.

1. Тот компонент индивидуален, который в своем развитии стремится к дифференциации и к отделению от коллективного.

2. Тот компонент носит коллективный характер, который в своем развитии стремится достигнуть универсального значения.
3. У нас нет достаточного критерия, чтобы определять, является ли каждый данный компонент только индивидуальным или только коллективным, ибо индивидуальность очень трудно определить как таковую, хотя она и присутствует всегда и повсюду.
4. Линия жизни индивида оказывается суммарной результирующей всех индивидуальных и коллективных тенденций психологического процесса в тот или иной момент.

[Вторая версия]

516 А. Психологический материал представлен *сознательными* и *бессознательными* содержаниями.

1. *Сознательные* содержания оказываются отчасти *личными* тогда, когда не установлена их общая валидность, а отчасти *обезличенными*, т. е. *коллективными*, когда имеет место их общая валидность.
2. *Бессознательные* содержания являются отчасти *личными* в той степени, в какой они состоят из личного материала, который когда-то осознавался, но впоследствии был вытеснен и чья общая валидность поэтому не признается, когда этот материал становится осознанным вновь. Но они же оказываются обезличенными, если этот материал аттестуется как имеющий общую валидность и если с его помощью невозможно доказать наличие любого предшествующего или хоть как-то связанного с ним сознания.

517 *Б. Состав персоны*

1. Сознательные личные содержания составляют сознательную личность, *сознательное* Эго.
2. Бессознательные личные содержания объединены с зародышами доселе неразвитой индивидуальности и с коллективным бессознательным. Все эти элементы представлены в комбинации с вытесненными личными содержаниями (т. е. с личным бессознательным) и в случае ассимиляции с сознанием растворяют персону в коллективном материале.

518 *В. Состав коллективной психики*

1. Сознательные и бессознательные содержания *безличной* или *коллективной* природы составляют психологическое *не-Эго*, *объектное*

имаго. Любой психологический материал, если он не осознан, оказывается *априори* идентичным объектному имаго, т. е. он наделяется качествами объекта и только *апостериори* опознается как наделенный субъективными психологическими качествами.

2. Персона является субъектным имаго, которое, как и объектное имаго, состоит по большей части из коллективного материала, поскольку персона представляет известный компромисс с обществом, а Эго в большей степени индентифицирует себя с персоной, нежели с индивидуальностью. Чем больше Эго отождествляется с персоной, тем более субъект становится тем, кем ему хочется быть, и деиндивидуализируется.

3. Коллективная психика, таким образом, состоит из объектного имаго и персоны. Когда Эго полностью идентично персоне, индивидуальность оказывается полностью вытесненной, и сознательная психика делается всецело коллективной. Здесь мы видим пример максимальной адаптации к обществу и минимальной адаптации к собственной индивидуальности.

519 *Г. Индивидуальность*

1. Индивидуальность представляет то, что является уникальным в комбинации коллективных элементов персоны и ее проявлений.

2. Индивидуальность и есть сам принцип сопротивления коллективному функционированию. Она делает возможным, а в случае необходимости насильственным отделение от коллективной психики.

3. Индивидуальность выражается в развивающейся тенденции к постоянному нацеливанию на различение и отделение от коллективного.

4. Следует различать *индивидуальность* и *индивидуальное.* Индивидуальное определяется, с одной стороны, принципом уникальности и различительности, а с другой стороны, обществом, к которому оно принадлежит. Индивидуальное с необходимостью увязано с общественной структурой.

5. Развитие индивидуальности есть и одновременное развитие общества. Подавление индивидуальности через господство коллективных идеалов и организаций является моральным поражением для общества.

6. Развитие индивидуальности никогда не может осуществляться только путем личных взаимоотношений, но требует психического *отношения* с коллективным бессознательным.

520 *Д. Коллективное бессознательное*

1. Коллективное бессознательное является собственно бессознательной частью коллективной психики. Это и есть бессознательное объектное имаго.
2. Коллективное бессознательное состоит из:
   а) подпороговых восприятий, мыслей и чувств, которые не оказались вытесненными вследствие своей несовместимости с личными ценностями, но были таковыми с самого начала по причине малой значимости или же слабой либидности;
   б) подпороговых остатков архаических функций, существующих априори и могущих быть вновь задействованными в любое время путем аккумуляции либидо; эти остатки не являются простыми формами, но обладают динамической природой влечений; они представляют первобытное и животное начало цивилизованного человека;
   в) подпороговые комбинации в символической форме, еще не способные стать осознанными.
3. Действительное содержание коллективного бессознательного всегда состоит из смешения элементов, перечисленных в пунктах а—в. В соответствии с конкретными комбинациями варьируется и их выражение.
4. Коллективное бессознательное всегда спроецировано на осознаваемый [внешний] объект.
5. Коллективное бессознательное индивида А несет в себе гораздо большее сходство с коллективным бессознательным индивида Б, нежели сознаваемые мысли в умах А и Б.
6. Наиболее важные содержания коллективного бессознательного представлены в «изначальных образах», т. е. в бессознательных коллективных идеях (мифическое мышление) и жизненно важных влечениях (витальных инстинктах).
7. До тех пор пока Эго идентично персоне, индивидуальность образует существенное содержание коллективного бессознательного. В снах и фантазиях мужчин это представлено маскулинной фигурой, у женщин — фигурой фемининной. В дальнейшем индивидуальность демонстрирует и гермафродитические черты, характеризующие ее посредническую позицию. (Хорошие примеры находим у Майринка в «Големе» и в «Вальпургиевой ночи».)

521 *E. Анима*

1. Анима является бессознательным субъектным имаго, аналогичным персоне. Точно так же как персона есть образ себя, который субъект представляет миру и который воспринимается этим миром, так и анима есть образ субъекта в его отношении к коллективному бессознательному или же выражение бессознательных коллективных содержаний, бессознательно им констеллируемых. Можно также сказать, что с позиции коллективного бессознательного анима является личиной субъекта.
2. Если Эго принимает точку зрения анимы, то адаптация к реальности проходит с трудом и в результате нелегко достигаемого компромисса. Субъект полностью подстроен к коллективному бессознательному, но приспособление к реальности начисто отсутствует. В этом случае он деиндивидуализирован.

III
Адаптация, индивидуация, коллективность*

1. Адаптация

1084 А. *Психологическая адаптация* состоит из двух процессов:

1. Адаптация к внешним условиям.
2. Адаптация к внутренним условиям.

1085 Под внешними условиями имеются в виду не только условия окружающего мира, но также и мои сознательные суждения, которые я сформировал относительно объективных явлений.

1086 Под внутренними условиями имеются в виду те факты или данные, которые сами по себе воздействуют на мое внутреннее восприятие бессознательного вне зависимости от моего сознательного суждения, а порой даже и вопреки ему. Адаптация к внутренним условиям может, таким образом, быть адаптацией к бессознательному.

1087 В. При неврозе адаптационный процесс нарушается, скорее можно было бы сказать, что невроз сам по себе является нарушением или снижением темпа процесса адаптации, который принимает две основные формы:

1. Нарушение приспособления к внешним условиям.
2. Нарушение приспособления к внутренним условиям.

1088 В первом случае нам опять-таки следует различать две отличные друг от друга и основополагающие ситуации:

* Нумерация абзацев приводится по: *Jung C. G.* The Collected Works. V. 18.

1) приспособление к внешним условиям нарушено, потому что субъект пытается всецело и исключительно адаптироваться к внешней стороне, пренебрегая при этом внутренней, нарушая тем самым баланс процесса приспособления;
3) нарушение возникает вследствие предпочтительности адаптации к внутренней стороне.

1089 Равным образом приспособление к внутренним условиям может быть нарушено двумя путями:

1) исключительной адаптацией к внешней стороне;
2) игнорированием внешней стороны за счет приспособления к внутренней.

1090 C. *Энергетика адаптации.* Данные рассуждения ведут к энергетической стороне адаптационного процесса. Когда канализированное в какую-то отдельную функцию либидо не уравновешено действием самой этой функции, то оно аккумулируется до тех пор, пока не достигнет величины, превышающей величину соседней функциональной системы, после чего начинается процесс уравновешивания, поскольку имеет место соответствующий потенциал. Энергия перетекает, так сказать, в другую систему. Когда же адаптация к внутренним условиям по тем или иным причинам не достигается, либидо с этой целью начинает аккумулироваться до тех пор, пока не начнет перетекать из системы внутренней адаптации в систему адаптации внешней. При этом и результат, характеризующий принадлежность к внутренней адаптации, переходит во внешнюю сферу — переходит, так сказать, в фантазии вмешательства в отношения с реальным миром. Соответственно, когда система внешнего приспособления распространяется на систему внутренней адаптации, характеристики, принадлежащие первой, переносятся на последнюю, а именно на качества, принадлежащие функции реальности.

1091 D. *Адаптация в анализе.* Адаптация в анализе — отдельный вопрос. Опыт показывает, что во время анализа, исключая особые обстоятельства, главным остается сам процесс анализа. Никакого категорического императива при этом не существует, никакого словесного утверждения типа «Анализ *должен* быть главным» нет; просто так складывается, что анализ и *есть* самое важное. Следовательно, главным достижением здесь выступает приспособление к аналитическому процессу, для пациента этот процесс представлен личностью аналитика, а для аналитика — «аналитической

идеей». В любом случае целью является поддержание доверия: тот, кто начинает с бессознательного недоверия к окружающим, ищет прежде всего уверенности в личности аналитика; другой же — аналитик, чьим главным желанием является обладание верным и надежным способом мышления, — ищет прежде всего того что помогает ему понять основные идеи.

1092 В процессе аналитической работы аналитик должен ухватить понимание этой идеи, в то время как пациент должен научиться доверять личности аналитика.

1093 Когда приспособление в той или иной степени состоялось, то в практическом отношении анализ свою миссию выполнил, поскольку предполагается, что достижение личного равновесия является существенной целью и требованием этого анализа. И здесь вряд ли можно что-то возразить.

1094 Однако опыт показывает, что в определенных и нередких случаях то или иное требование выдвигается бессознательным, которое начинает выражать себя, демонстрируя необычно высокую степень переноса, а это, в свою очередь, оказывает влияние на все жизнеустройство пациента. Кажется, что такой стойкий перенос, на первый взгляд, сдерживает требование особо интенсивного приспособления к аналитику, и через какое-то время он может восприниматься как должное, хотя в основе он является сверхкомпенсацией за сопротивление аналитику, который воспринимается как иррациональное начало. Подобное сопротивление исходит из требования индивидуации, которое выступает *против* любого приспособления к другим. Но так как ломка предшествующей личной подчиненности пациента может означать разрушение эстетического и морального идеала, то первый шаг на этом пути оказывается трагической *виной*. Накопление вины требует *искупления*. Но это искупление не может быть предложено аналитику, поскольку оно могло бы только восстановить личную подчиненность пациента. Таким образом, вина и ее искупление взывают к *новой коллективной функции*: точно так же, как ранее объектом веры и любви был образ аналитика — *представителя* человечества, теперь само человечество занимает место аналитика, и ему, человечеству, предлагается искупление за вину индивидуации.

1095 Индивидуация уводит человека из сферы личной подчиненности и соответственно от коллективности. Это и есть та вина, которую идущий по пути индивидуации испытывает перед миром, это и есть та вина,

которую он должен постараться искупить. Он должен предложить вместо себя выкуп, т. е. он должен принести те ценности, которые будут его эквивалентной заменой в коллективной личностной сфере. Без производства таких ценностей окончательная индивидуация оказывается неморальной и, более того, самоубийственной. Человек, не способный самостоятельно производить ценности, должен сознательно пожертвовать собой духу коллективной подчиненности. Сделав такой шаг, он оказывается вправе сделать свободный выбор в пользу той коллективности, которой он хочет принести себя в жертву. Только в той степени, в какой человек создает объективные ценности, он способен и может индивидуироваться. Каждый последующий шаг на пути индивидуации приводит к новой вине и необходимости нового искупления. Следовательно, индивидуация возможна лишь до тех пор, пока производятся соответствующие ценности. Индивидуация является эксклюзивной адаптацией к внешней реальности и соответственно представляется в качестве «мистического» процесса. Искупление есть приспособление к внешнему миру. Оно выступает как предложение внешнему миру принять искупительную жертву.

1096 У индивидуирующего нет априорных заявок на оценку любого рода. Он должен быть сдержан в отношении оценок, поступающих к нему из внешнего мира, тех ценностей, которые он создает. Общество имеет не только право, но и долг осудить индивидуирующего, если он манкирует созданием эквивалентных ценностей, ибо в таком случае он дезертир.

1097 Затем, когда требование индивидуации возникает в анализе под маской исключительно сильного переноса, это означает прощание с личной подчиненностью коллективному и выход в уединение, в затворничество внутренней самости. Во внешнем мире остается только тень личности, следовательно, презрение и ненависть, исходящие из общества. Но внутренняя адаптация ведет к освоению внутренних реалий, из которых извлекаются ценности для возмещения коллективного.

1098 Если положительные ценности не создаются, то индивидуация остается не более чем позой. Тот, кто недостаточно креативен, должен вновь установить для себя соответствие с коллективным по своему собственному выбору, иначе он окажется несерьезным человеком или бездельником. Создающий *непризнанные* ценности принадлежит к тем, к кому относятся с пренебрежением, и он сам обвиняет себя за это, поскольку общество имеет

право ожидать ценностей, которые можно *реализовать*. Ибо существующее общество обладает абсолютным значением в качестве исходной смысловой точки, некой зоны, через которую проходит весь развивающийся мир, а это требует самого высокого напряжения от каждого индивида в плане сотрудничества с целью достижения наивысших результатов.

2. Индивидуация и коллективность

1099 Индивидуация и коллективность являются парой противоположностей, двумя различными судьбами[1]. Друг с другом они связаны виной. Коллективные требования понуждают индивида выстраивать свою индивидуацию за счет эквивалентной работы в пользу общества. Индивидуация возможна лишь в той мере, в какой возможно такое приобретение. Любой, кто не может этого сделать, должен найти соответствие непосредственно коллективным требованиям, требованиям общества, или, скорее, он сам автоматически попадет в общественные сети. То, чего требует общество, является имитацией или сознательной идентификацией, следованием общепринятыми, разрешенными и узаконенными путями. Только через осуществление эквивалентного обмена тот или иной человек получает освобождение. Существует очень много людей, которые поначалу совершенно неспособны произвести этот эквивалентный обмен. Поэтому они привязаны к хорошо проторенной тропе. Стоит им сбиться с нее, как они тотчас же становятся беспокойными и беспомощными, из чего их может вывести только другая предписанная тропа. Такие люди могут добиться уверенности в себе только после подражания в течение весьма долгого времени одной из выбранных моделей. Человек, который по причине особых способностей получает санкцию на индивидуацию, должен терпеть пренебрежение общества вплоть до того времени, пока он не осуществит свой эквивалентный обмен. Лишь немногие способны к индивидуации, поскольку индивидуация исключает любое отречение от соответствия коллективному до тех пор, пока не состоится такой эквивалент-

[1] [Bestimmungen может означать также «место назначения», «цель» или «предназначение», «предопределение».]

ный обмен, объективная ценность которого будет признана. Человеческое отношение устанавливается автоматически на основе того или иного признанного эквивалента, поскольку само общественное либидо направлено непосредственно в эту сторону. Без такого равноценного заменителя любые попытки соответствия обречены на провал.

1100 *Реактивация* собственных ценностей осуществляется через подражание. Если путь к подражанию отрезан, они уничтожаются в зародыше. В результате мы получаем беспомощность и беспокойство. Если само подражание выступает в качестве требования аналитика, т. е. если это требование делается ради адаптации, то это опять-таки ведет к разрушению ценностей пациента, поскольку подражание является процессом автоматическим, следующим своим собственным законам и длящимся столь долго и идущим так далеко, насколько это оказывается необходимо. Оно имеет вполне определенные границы, которых аналитик никогда не знает и знать не может. Через подражание пациент научается индивидуации, поскольку подражание реактивирует его собственные ценности.

1101 Коллективная функция может быть разделена на две, идентичные с «мистической» или метафизической точки зрения:

1) коллективная функция по отношению к обществу;
2) коллективная функция по отношению к бессознательному.

1102 Бессознательное, как и коллективная психика, является психологическим представителем общества. Персона может не иметь отношения к бессознательному, так как она в коллективном отношении идентична ему, она сама и есть это коллективное. Следовательно, персона должна быть подавлена или, другими словами, возвращена бессознательному. Из этого возникает индивидуальность в качестве одного полюса, поляризующего бессознательное, которое, в свою очередь, производит другой полюс (контрполюс) в форме божественной инстанции.

1103 Индивид должен теперь консолидироваться путем отделения себя от Бога, став полностью самим собой. Но тем самым и в то же самое время он отделяет себя и от общества. Так что внешне он погружается в одиночество, а внутренне, дистанцируясь от Бога,— в ад. Как следствие, он нагружает себя виной. Для того чтобы загладить эту вину, индивид стремится передать добро своей душе, душа, в свою очередь, выкладывает это добро перед Богом (поляризованное бессознательное), а Бог возвращает этот дар

(продуктивная реакция бессознательного), который душа предлагает человеку и который человек отдает человечеству. Но можно пойти и другим путем: для того чтобы искупить вину, человек отдает свое наивысшее добро, свою любовь не душе, а другому человеческому существу, являющемуся поручителем его души, и уже такой человек направляет его Богу, и через него же божественный дар возвращается обратно возлюбленному, но лишь до той поры, пока такой уполномоченный человек наделен упомянутыми душевными поручениями. Обогащенный таким образом возлюбленный начинает отдавать своей душе то добро, которое он получил и будет получать в дальнейшем от Бога до тех пор, пока ему суждено взбираться ввысь настолько, что, уединившись, он сможет предстать перед Богом и перед человечеством.

1104 Таким образом, я как индивид могу истратить свою коллективную функцию, либо возлюбив свою душу и обеспечив тем самым тот выкуп, который я должен обществу, либо возлюбив человека, через которого я получу этот дар от Бога.

1105 Но здесь существует также и разлад между коллективностью и индивидуацией: если либидо человека направлено к бессознательному, то меньшая его часть устремлена к человеческому бытию; если же либидо устремлено к человеческому бытию, то тем меньше оно направлено к бессознательному. Но если эта энергия адресуется человеческому существованию, которое признается подлинно любимым, то это то же самое, как если бы либидо направлялось непосредственно к бессознательному. Во многом это происходит точно так же, как и в случае с другим человеком, представляющим бессознательное, разумеется, если этот другой человек также подлинно любим.

1106 Только тогда любовь предоставит ему качество посредника, которым он во всех остальных случаях и в себе самом не обладает.

Предисловие к венгерскому изданию книги Юнга «О психологии бессознательного»[1]

1107 Венгерский перевод моей книги «О психологии бессознательного»[2], сделанный д-м Питером Наги, внимательно сличенный и проверенный д-м Йоландой Якоби, заслуживает самого горячего одобрения, так как это вообще первая венгерская публикация моих работ. За исключением некоторых переводов на русский, одна из моих ранних книг впервые появляется на языке стран Восточной Европы. Я признателен д-ру Якоби не только за то, что это стало возможным, но еще более за то, что она весьма тщательно проверила весь текст книги и постоянно приходила на помощь с полезными советами и предложениями. И именно благодаря ее добросовестной работе венгерское издание снабжено указателем, отсутствующим в швейцарском издании, а также кратким терминологическим словарем.

1108 То, что книга появилась теперь в Венгрии, доставляет мне особое удовольствие, ибо это та страна, в которой снова и снова проявляются признаки самого живого интереса к аналитической психологии. Я надеюсь, что хотя бы отчасти выразил в этом предисловии свое чувство благодарности. Среди многих моих учеников, прибывших из западной части света, д-р Якоби — первая венгерка; многие годы она проработала в Цюрихе под моим непосредственным руководством и в конечном счете приобрела

---

1 Bevezetes a Tudattalan Pszichologiajaba. Budapest: Bibliotheca, 1948.

2 Рус. пер. см.: *Якоби Йоланда.* Психологическое учение К. Г. Юнга // *Юнг К. Г.* Дух и жизнь. М., 1996. С. 385–532.

глубокое знание на этой весьма обширной и трудной для понимания территории — психологии бессознательного. В своей книге «Психология К. Г. Юнга» — превосходном введении к моему учению вообще — она блестяще это продемонстрировала. Ее знание также гарантирует точность и правильность самого перевода, столь необходимые при работе с таким каверзным и деликатным материалом, каким является психология бессознательного.

1109 Данная работа не ставит своей задачей дать исчерпывающее изложение; ее задача — познакомить читателя с главными проблемами психологии бессознательного в рамках, продиктованных клиническим опытом. Поскольку она представляет собой введение — и не более того,— то многочисленные связи с историей человеческой мысли, мифологией, религией, философией, психологией первобытных людей и т. д. в ней только обозначены.

Кюснахт-Цюрих, январь 1944 г.

Библиография

ADLER, ALFRED. *The Neurotic Constitution.* Translated by B. Glueck and J. E. Lind. London, 1921. (Original: *Über den nervösen Charakter.* Wiesbaden, 1912.)

AIGREMONT, DR., pseud. (Siegmar Baron von Schultze-Galléra). *Fussund Schuhsymbolik und Erotik.* Leipzig, 1909.

BENNET, E. A. *What Jung Really Said.* London, 1966.

BENOÎT, PIERRE. *Atlantida.* Translated by Mary C. Tongue and Mary Ross. New York, 1920. (Original: *L'Atlantide.* Paris, 1920.)

BERNHEIM, HIPPOLYTE. *De la suggestion et de ses applications à la thérapeutique.* Paris, 1886. (Translated by Sigmund Freud as *Die Suggestion und ihre Heilwirkung,* 1888.)

BLEULER, EUGEN. «Dementia praecox oder die Gruppe der Schizophrenien», in *Handbuch der Psychiatrie,* ed. G. Aschaffenburg (Leipzig, 1911). (Translated by J. Zinkin as *Dementia Praecox or the Group of Schizophrenias,* New York, 1950.)

BLEULER, EUGEN. «Die Psychoanalyse Freuds», *Jahrbüch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* (Leipzig and Vienna), II (1910), 623–730.

BREUER, JOSEF, and FREUD, SIGMUND. *Studies on Hysteria.* Translated by James and Alix Strachey. *Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud,* vol. 2. London, 1955.

DAUDET, LÉON. *L'Hérédo.* Paris, 1916.

FECHNER, G. T. *Elemente der Psychophysik.* Leipzig, 1860.

FERRERO, GUGLIELMO. *Les Lois psychologiques du symbolisme.* Paris, 1895. (Original: *I simboli in rapporto alla storia e filosofia del diritto alla psicologia e alla sociologia.* Turin, 1893.)

FLOURNOY, THÉODORE. «Automatisme téléologique antisuicide: un cas de suicide empêché par une hallucination», *Archives de psychologie* (Geneva), VII (1907), 113–37.

FLOURNOY, THÉODORE. *Des Indes à la planète Mars: Étude sur un cas de somnambulisme avec glossolalie.* Paris and Geneva, 1900. (Translation: *From India to the Planet Mars.* Trans. by D. B. Vermilye. New York, 1900.)

FOREL, AUGUST. *The Sexual Question.* Translated from the second German edition by C. F. Marshall. New York, 1925. (Original: *Die sexuelle Frage.* Munich, 1905; 2nd edn., 1906.)

FREUD, SIGMUND. «Beyond the Pleasure Principle». Translated by James Strachey. *Standard Edition,* vol. 18 (1955), pp. 3–64.

FREUD, SIGMUND. *The Interpretation of Dreams.* Translated by James Strachey. *Standard Edition,* vols. 4 and 5 (1953).

FREUD, SIGMUND. «Leonardo da Vinci and a Memory of His Childhood». Translated by Alan Tyson. *Standard Edition,* vol. 11 (1957), pp. 63–137.

FREUD, SIGMUND. «An Outline of Psycho-Analysis». Translated by James Strachey. *Standard Edition,* vol. 23 (1946), pp. 141–207.

FREUD, SIGMUND. *The Standard Edition of the Complete Psychological Works.* Translated from the German under the general editorship of James Strachey, in collaboration with Anna Freud, assisted by Alix Strachey and Alan Tyson. London, 1953– . 24 vols.

FREUD, SIGMUND. *Early Psycho-Analytic Publications.* Translated by James Strachey and others. *Standard Edition,* vol. 3 (1962).

FREUD, SIGMUND. «Three Essays on the Theory of Sexuality». Translated by James Strachey. *Standard Edition,* vol. 7 (1953), pp. 125–243.

FREUD, SIGMUND. *Totem and Taboo.* Translated by James Strachey. *Standard Edition, vol.* 13 (1955), pp. 1–161.

FREUD, SIGMUND. See also BREUER.

FROBENIUS, LEO. *Das Zeitalter des Sonnengottes.* Vol. I (no more published). Berlin, 1904.

GANZ, HANS. *Das Unbewusste bei Leibniz in Beziehung zu modernen Theorien.* Zurich, 1917.

[GOETHE, JOHANN WOLFGANG VON.] *Geothe's Faust, Parts I and II.* An abridged version translated by Louis MacNeice. London and New York, 1951.

[GOETHE, JOHANN WOLFGANG VON.] «Die Geheimnisse». In *Werke* (Gedenkausgabe), edited by Ernst Beutler. Zurich, 1948–54. 24 vols. (Vol. III, pp. 273–83.)

HAGGARD, SIR HENRY RIDER. *She.* London, 1887.

HELM, GEORG. *Die Energetik nach ihrer geschichtlichen Entwickelung.* Leipzig, 1898.

HOFFMANN, ERNST THEODORE WILHELM (Amadeus). *The Devil's Elixir.* (Trans. anon.) Edinburgh, 1824. 2 vols.

HUBERT, HENRI, and MAUSS, MARCEL. *Mélanges d'histoire des religions.* Paris, 1909.

I Ching, or the Book of Changes. The German translation by Richard Wilhelm rendered into English by Cary F. Baynes. New York (Bollingen Series XIX) and London, 1950. 2 vols. (1 vol. edn., 1961.)

JAMES, WILLIAM. *Pragmatism.* London and Cambridge, Mass., 1907.

JAMES, WILLIAM. *The Varieties of Religious Experience.* London and Cambridge, Mass., 1902.

JANET, PIERRE. *L'Automatisme psychologique.* Paris, 1889.

JANET, PIERRE. *Névroses et idées fixes.* Paris, 1898. 2 vols.

JANET, PIERRE. *Les Névroses.* (Bibliothèque de philosophie scientifique.) Paris, 1909.

JUNG, CARL GUSTAV. *The Archetypes and the Collective Unconscious.* In: *Collected Works,* vol. 9, i.

JUNG, CARL GUSTAV. The Archetypes of the Collective Unconscious. In: *Collected Works,* vol. 9, i.

JUNG, CARL GUSTAV. Brother Klaus. In: *Collected Works* vol. 11.

JUNG, CARL GUSTAV. *Collected Papers on Analytical Psychology.* Edited by Constance E. Long; translated by various persons. London and New York, 1916; 2nd edn., 1917.

JUNG, CARL GUSTAV. Commentary on *The Secret of the Golden Flower.* In: *Collected Works,* vol. 13. (Alternative source: Wilhelm and Jung, *The Secret of the Golden Flower,* q.v.)

JUNG, CARL GUSTAV. «The Concept of the Collective Unconscious». In: *Collected Works,* vol. 9, i.

JUNG, CARL GUSTAV. Concerning the Archetypes, with Special Reference to the Anima Concept. In: *Collected Works,* vol. 9, i.

JUNG, CARL GUSTAV. The Content of the Psychoses. In: *Collected Works*, vol. 3.
JUNG, CARL GUSTAV. *Freud and Psychoanalysis. Collected Works*, vol. 4.
JUNG, CARL GUSTAV. General Aspects of Dream Psychology. In: *Collected Works*, vol. 8.
JUNG, CARL GUSTAV. «Instinct and the Unconscious». In: *Collected Works*, vol. 8.
JUNG, CARL GUSTAV. *Mysterium Coniunctionis. Collected Works*, vol. 14.
JUNG, CARL GUSTAV. On Psychic Energy. In: *Collected Works*, vol. 8.
JUNG, CARL GUSTAV. On the Psychology and Pathology of So-Called Occult Phenomena. In: *Collected Works*, vol. 1.
JUNG, CARL GUSTAV. Paracelsus as a Spiritual Phenomenon. In: *Collected Works*, vol. 13.
JUNG, CARL GUSTAV. *The Practice of Psychotherapy. Collected Works*, vol. 16. (2nd edn., 1966.)
JUNG, CARL GUSTAV. Preface to the Second Edition of *Collected Papers on Analytical Psychology*. In: *Collected Works*, vol. 4.
JUNG, CARL GUSTAV. The Psychological Aspects of the Kore. In: *Collected Works*, vol. 9, i.
JUNG, CARL GUSTAV. The Psychological Foundations of Belief in Spirits. In: *Collected Works*, vol. 8.
JUNG, CARL GUSTAV. *Psychological Types. Collected Works*, vol. 6. (Alternative source: Translation by H. Godwin Baynes. London and New York, 1923.)
JUNG, CARL GUSTAV. *Psychology and Alchemy. Collected Works*, vol. 12.
JUNG, CARL GUSTAV. The Psychology of Dementia Praecox. In: *Collected Works*, vol. 3.
JUNG, CARL GUSTAV. On Psychological Understanding. In: *Collected Works*, vol. 3.
JUNG, CARL GUSTAV. Psychology and Religion. In: *Collected Works*, vol. 11.
JUNG, CARL GUSTAV. The Realities of Practical Psychotherapy. In: *Collected Works*, vol. 16, 2nd edn.
JUNG, CARL GUSTAV. A Review of the Complex Theory. In: *Collected Works*, vol. 8.
JUNG, CARL GUSTAV. The Role of the Unconscious. In: *Collected Works*, vol. 10.
JUNG, CARL GUSTAV. Sigmund Freud in His Historical Setting. In: *Collected Works*, vol. 15.
JUNG, CARL GUSTAV. The Stages of Life. In: *Collected Works*, vol. 8.
JUNG, CARL GUSTAV. The Structure of the Psyche. In: *Collected Works*, vol. 8.
JUNG, CARL GUSTAV. *Studies in Word Association. Collected Works*, vol. 2. (Alternative source: Translation by M. D. Eder, London, 1918; NewYork, 1919.)
JUNG, CARL GUSTAV. A Study in the Process of Individuation. In: *Collected Works*, vol. 9, i.
JUNG, CARL GUSTAV. *Symbols of Transformation. Collected Works*, vol. 5.
JUNG, CARL GUSTAV. The Theory of Psychoanalysis. In: *Collected Works*, vol. 4.
JUNG, CARL GUSTAV. The Transcendent Function. In: *Collected Works*, vol. 8.
JUNG, CARL GUSTAV. *Wandlungen und Symbole der Libido.* Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte des Denkens. Leipzig and Vienna, 1912. For translation, see: *Psychology of the Unconscious.* Translated by Beatrice M. Hinkle. New York, 1916; London, 1917. (Subsequently replaced by *Symbols of Transformation,* q.v.)
JUNG, EMMA. On the Nature of the Animus. Translated by Cary F. Baynes, in: *Animus and Anima*. New York (Analytical Psychology Club), 1957.
KANT, IMMANUEL. *Vorlesungen über Psychologie*. Leipzig, 1889.

KUBIN, ALFRED. *Die andere Seite.* Munich, 1908.

LEHMANN, FRIEDRICH RUDOLF. *Mana.* Leipzig, 1922.

LIEBEAULT, AMBROISE AUGUSTE. *Du sommeil et des états analogues considérés au point de vue de l'action du moral sur le physique.* Paris, 1866.

LONGFELLOW, HENRY WADSWORTH. *The Song of Hiawatha.* Boston, 1855.

LOVEJOY, ARTHUR O. The Fundamental Concept of the Primitive Philosophy. *The Monist* (Chicago), XVI (1906), 357–82.

MAEDER, ALFRED. La Langue d'un aliéné. *Archives de psychologie* (Geneva), IX (1910), 208–216.

MAEDER, ALFRED. Psychologische Untersuchungen an Dementia-Praecox-Kranken, *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopatholo-gische Forschungen* (Leipzig and Vienna), II (1910), 185–245.

MAYER, ROBERT. *Kleinere Schriften und Briefe.* Stuttgart, 1893.

MEYRINK, GUSTAV. *Der Golem.* Leipzig, 1915. For translation, see: *The Golem.* Translated by Madge Pemberton. London, 1928.

MEYRINK, GUSTAV. *Fledermäuse: 7 Geschichten.* Leipzig, 1916.

NELKEN, JAN. Analytische Beobachtungen über Phantasien eines Schizophrenen, *Jahrbuch für psychoanalytische und psycho-pathologische Forschungen* (Leipzig and Vienna), IV (1912), 504–62.

NERVAL, GÉRARD DE (LABRUNIE DE). Aurélia. In: *Le Rêve et la vie.* Paris, 1855. (Pp.1–129.) For translation, see: *Aurelia.* Translated by Richard Aldington. London, 1932.

OSTWALD, WILHELM. *Grosse Männer.* Leipzig, 1910.

OSTWALD, WILHELM. *Die Philosophie der Werte.* Leipzig, 1913.

PFAFF, JOHANN WILHELM ANDREAS. *Astrologie.* Nürnberg, 1816.

PFAFF, JOHANN WILHELM ANDREAS. *Der Stern der Drei Weisen,* 1821.

ROUSSEAU, JEAN-JACQUES. *Emile, ou L'Education.* Amsterdam and The Hague, 1762. 4 vols. For translation, see: *Emile.* Translated by Barbara Foxley. London and New York (Everyman's Library), 1911.

SEMON, RICHARD WOLFGANG. *Die Mneme als erhaltendes Prinzip im Wechsel des organischen Geschehens.* Leipzig, 1904. For translation, see: *The Mneme.* Translated by Louis Simon. London and New York, 1921.

SILBERER, HERBERT. *Problems of Mysticism and Its Symbolism.* Translated by Smith Ely Jelliffe. New York, 1917.

SÖDERBLOM, NATHAN. *Das Werden des Gottesglaubens.* Leipzig, 1916. (Original: *Gudstrons uppkomst.* Stockholm, 1914.)

SPIELREIN, SAVINA. Die Destruktion als Ursache des Werdens, *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* (Leipzig and Vienna), IV (1912), 465–503.

SPIELREIN, SAVINA. *Spiritual Disciplines.* Translated by Ralph Manheim and R. F. C. Hull. (Papers from the Eranos Yearbooks, 4.) New York (Bollingen Series XXX:4) and London, 1960.

SPITTELER, CARL. *Imago.* Jena, 1919.

SPITTELER, CARL. *Olympischer Frühling: Epos.* Leipzig, 1900–1905. 4 parts.

SPITTELER, CARL. *Prometheus und Epimetheus.* Jena, 1920. For translation, see: *Prometheus and Epimetheus.* Translated by James Fullarton Muirhead. London, 1931.

TACITUS, PUBLIUS CORNELIUS. *Dialogus: Agricola: Germania.* Translated by Sir William Peterson and Maurice Hutton. (Loeb Classical Library.) London and New York, 1920.

WARNECKE, JOHANNES. *Die Religion der Batak.* (Religions-Urkunden der Völker, ed. Julius Boehmer, Part IV, vol. 1.) Leipzig, 1909.

WEBSTER, HUTTON. *Primitive Secret Societies.* New York, 1908.

WELLS, HERBERT GEORGE. *Christina Alberta's Father.* London and New York, 1925.

WILHELM, RICHARD, and JUNG, CARL GUSTAV. *The Secret of the Golden Flower.* Translated by Cary F. Baynes. New edition, London and New York, 1962.

WOLFF, TONI. Einführung in die Grundlagen der komplexen Psychologie. In: *Die kulturelle Bedeutung der komplexen Psychologie.* Berlin, 1935.

WUNDT, WILHELM. *Grundzüge der physiologischen Psychologie.* Leipzig, 1893. 2 vols. For translation (from 5th German edn., 1902) see: *Principles of Physiological Psychology.* Translated by E. B. Titchener. London, 1904.

Научное издание

Карл Густав Юнг

ПСИХОЛОГИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Редактор — *О. В. Шапошникова*
Обложка — *П. П. Ефремов*
Компьютерная верстка — *А. Пожарский*

ИД № 05006 от 07.06.01

Сдано в набор 18.02.2009. Подписано в печать 24.02.2009.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Academy.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22. Уч.-изд. л. 18,6.
Тираж 2000 экз. Заказ №

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
тел./факс (495) 682–6102
E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
http://www.cogito-centre.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ОАО «Дом печати — Вятка»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122